

UDC 330-399

LBC 60

Editors

Natalya Krasnova | Managing director SPO “Professional science”

Yulia Kanaeva | Logistics Project Officer SPO “Professional science”

International Education Social Sciences and Humanities Research Conference:
Conference Proceedings, March 31th, 2017, St. Louis, USA: Scientific public organization
“Professional science”, 2017. 451 p.

Presenters outline their work under the following main themes: Social and
Community Studies, Arts, Humanities, Civic and Political Studies, Cultural & Global
Studies, Environmental Studies, Organizational Studies, Educational and Communication
Studies, Economics, Finance & Accounting, Business and Management Studies.

The conference is well attended by representatives from more than 10 universities
from 5 different countries all over the world and with participation of higher education
institutional policymakers, governmental bodies involved in innovating HE, deans and
directors, educational innovators, university staff and umbrella organizations in higher
education.

www.scipro.ru

UDC 330-399

LBC 60

ISBN 978-1-370-36636-1

© Article writers, 2017

© Sole proprietorship N.A. Krasnova,
2017

© Publisher: Smashwords, Inc., USA,
2017

All rights reserved

TABLE OF CONTENTS

SECTION 1. SOCIAL AND COMMUNITY STUDIES.....5

FILYUSHKINA D. DYNAMICS OF THE TRANSGENDER CONFLICTS IN RUSSIA IN TERM OF SPIRITUAL CRISIS.....	5
KOROBENNIKOVA V.V., ISKANDARYAN G.O. MODERN MECHANISMS OF SEARCH AND SELECTION OF PERSONNEL	11
KUSHCENKO S. A PARITY RATIONAL AND IRRATIONAL IN NON-VERBAL INFORMATION FIELD OF PUBLIC CONSCIOUSNESS	17
PHEDOTOV V.P. THE INFORMATION MODEL OF GENEALOGICAL RELATIONSHIPS.....	27
REUTOV S., RECHETOV D. ON THE QUESTION OF THE APPROPRIATENESS OF SURROGACY PROCEDURES. SOCIAL, LEGAL, MEDICAL AND ETHICAL ASPECTS.....	44
YAKOVLEVA A.D., ISAKOVA YU.B. FORMATION OF A FAVORABLE PSYCHOLOGICAL CLIMATE IN THE PEDAGOGICAL COLLECTIVE OF A PRE-SCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION.	71

SECTION 2. ARTS.....86

BABENKO S., CHUBAY S. A COMPARATIVE ANALYSIS OF METHODS OF REPRESENTATION OF INFORMATION IN THE INTERNET MUSIC INDUSTRY	86
STROY L. THE INFLUENCE OF THE LOCAL PRESS ON ARTISTIC LIFE OF SIBERIA IN THE END XIX - BEGINNING XX CENTURY	90

SECTION 3. HUMANITIES..... 101

KLYUCHNIKOVA L. CONCEPT MANIFESTATIONS OF LOVE	101
MUDUNOVA H.A. RITUAL POETRY. SONG-TIPS (INSTRUCTIONS)	116
NOVOSELTSEVA L. "THE GOLDFINCH" BY D. TARTT AND ITS APPRECIATION BY RUSSIAN READERS	121
ROMADINA I. TOURISM WEBSITE AS A TOOL OF TERRITORIAL BRANDING: PROBLEMS OF LINGUISTIC LOGISTICS (EXEMPLIFIED BY TOURISM WEBSITES OF VOLGOGRAD)	131
SARAKAEVA E., LEBEDEVA I. STYLISTIC DEVICES IN THE POETRY OF CAO CAO.....	141
SELYUKOVA E. MODERN APPROACHES TO FUNCTIONS OF PEDAGOGICAL COLLECTIVE IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS	155
TCHALAEVA P. SH. THE PRE-SOVIET PERIOD OF DEVELOPMENT OF LAK-RUSSIAN LANGUAGE CONTACTS (FROM 1812 TO 1917)	169
TVERDOKHLEB O.G. DOMINANT ANALYSIS OF THE NOMINATIONS OF BUILDINGS IN COMBINATION WITH THE ATTRIBUTIVE TIME CHARACTERISTIC IN THE POETRY OF J. BRODSKY	176
YARAKHMEDOVA M. TRANSLATION FEATURES OF DIALOGUES WITH A COUNTER QUESTION IN FICTION	189

SECTION 4. CIVIC AND POLITICAL STUDIES..... 196

BALTABAEV A. I. SULAIMANOVA B.K. ATTRACTION OF CRIMINAL LIABILITY OF FOREIGN CITIZENS IN THE KYRGYZ REPUBLIC AND PROBLEMS OF CRIMINAL PROSECUTION	196
BALTABAEV A. I. ZHUSUPOV B.A. CRIMINALLY-LEGAL VALUE OF CRIMES COMMITTED BY FOREIGN CITIZENS IN THE CRIMINAL LAW OF THE KYRGYZ REPUBLIC.	202
MURZAIBRAIMOV N.B. HISTORICAL AND LEGAL ISSUES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN CUSTOMARY LAW OF KYRGYZ PEOPLE	208
MURZAIBRAIMOV N.B. KARASHEV Z. FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE ADMINISTRATIVE LEGISLATION OF KYRGYZSTAN IN THE SOVIET PERIOD	217
OROZOV G.G., TOKTOROV E.S. ENSURING THE RIGHTS OF WITNESSES AND VICTIMS IN THE PROCESS OF INVESTIGATION OF CRIMES AND IN LEGAL PROCEEDINGS.....	227
REUTOV S.I. BABY-BOXES. SOCIO-LEGAL ISSUES NECESSARY FOR THEIR DEVELOPMENT..	234
TURSUNBAEVA CH.M. OROZBAEVA B.A. REPRODUCTIVE RIGHTS OF WOMEN IN THE SYSTEM OF HUMAN RIGHTS	251

SECTION 5. CULTURAL & GLOBAL STUDIES..... 258

MALASHCHUK N.V. "TRADITIONAL" AND "NON-TRADITIONAL" IN THE FORMATION OF THE CALENDAR OF FESTIVE EVENTS OF THE TERRITORY AS AN INDISPENSABLE CONDITION FOR THE EFFECTIVENESS OF FESTIVE CULTURE	258
--	-----

SECTION 6. ENVIRONMENTAL STUDIES..... 269

KOBYLYANSKA I. THE AUTONOMY APPROACH: NEW DEMANDS AND CHALLENGES FOR FL TEACHERS	269
SAVINA S. THE SYSTEM FOR ASSESSING THE MOTIVATION OF CUSTOMS PERSONNEL.....	278

SECTION 7. EDUCATIONAL AND COMMUNICATION STUDIES..... 287

AGALYYEVA G., PAYZYYEVA A. COMPARATIVE ANALYSIS OF EDUCATIONAL SYSTEMS OF RUSSIA AND TURKMENISTAN (IN PRIMARY SCHOOL)	287
ALEOKHINA A.R., TATARNIKOVA I.V. ON SOME ASPECTS OF BUILDING BUSINESS COMMUNICATION COMPETENCE IN ENGLISH	294
BEZUGLAYA T. I. SCIENTIFIC ASPECTS OF ENSURING PSYCHOLOGICAL HEALTH	299
DUBAKOV A.V., OLAR YU.V., KHILCHENKO T.V. SYLLABUS DESIGN AND ITS USE IN STUDENTS' INDEPENDENT WORK ORGANIZATION	309
HARISOVA E.Z. CARDIOVASCULAR SYSTEM IN ATHLETES WITH HIGH QUALIFICATIONS	319
IVASCHENCKO A. SHAPOVAL G. TO THE MATTER OF A PERSON'S SELF- ACTUALIZATION WITHIN THE FRAMEWORK OF EDUCATIONAL PROCESS.	325
KRISHTOFIK I. CRITERIA FOR ASSESSING THE TEACHER'S COMMUNICATIVE COMPETENCE	335
NIKITINA N.P., ISTRATOV A.Y. MODERN INFORMATION SPACE IN ARCHITECTURAL EDUCATION	

.....	341
SHINYAVSKAYA T.YU., BERSENEVA T.S. LANGUAGE OF SPECIALTY AS THE NEW APPROACH IN TEACHING ENGLISH FOR STUDENTS OF ENGINEERING.	349
SHLYAKHTINA M. PSYCHOLOGICAL BARRIERS WHILE TEACHING ADULTS FOREIGN LANGUAGE	354
SOSIPATROVA N.E. CERTAIN QUESTIONS OF THE LEGAL EDUCATION QUALITY IN THE MASTER'S PROGAMME	359
TAYURSKAYA M. DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES IN SCENE DRAWING OF CHILDREN SIXTH YEAR OF LIFE.	368
VAKHRUSHEVA N. SPECIFICITY OF THE CHOICE OF METHODS, FORMS AND MEANS OF TEACHING DISCIPLINE FOR STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS.....	390
SECTION 8. ECONOMICS, FINANCE & ACCOUNTING	401
ABSURASULOVA DJ. MAJOR TRENDS IN INNOVATIVE INDUSTRIAL CLUSTERS DEVELOPMENT: EVIDENCE FROM THE REPUBLIC OF KOREA	401
SERDYUKOVA J.A., SUKHORUKOVA I.V. METHODOLOGICAL APPROACHES AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF ECOLOGICAL INSURANCE IN THE HOUSING SECTOR	409
SECTION 9. BUSINESS AND MANAGEMENT STUDIES	416
CHARUYSKAYA M.A. AGGREGATE PLANNING AS THE CENTRAL LEVEL OF PRODUCTION PLANNING	416
KURAMETOVA M. MODERN APPROACHES TO THE QUALITY MANAGEMENT SYSTEMS	423
OVANESYAN S. MATHEMATICAL MODELS OF ACCUMULATING FUNDS ON PERSONAL BANK ACCOUNTS	430
ZARUTSKAYA E. BUSINESS ETHICS & RESEARCH BUSINESS: POINTS OF CONTACT	437

SECTION 1. SOCIAL AND COMMUNITY STUDIES

UDC 130.123

Filyushkina D. Dynamics of the transgender conflicts in Russia in term of spiritual crisis

Динамика межпоколенческих противоречий в России в контексте духовного кризиса.

Filyushkina Diana

Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department, Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University

Филюшкина Д.В.,

д.ф.н., профессор кафедры философии гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета

Abstract: In the era of spiritual crisis in Russian society the question of culture continuity becomes very important. In this term, the transgender relations are admitted as the most appropriate channels for transmission of the culture heritage.

Keywords: spiritual crisis, transgender conflicts, culture heritage.

Аннотация: В эпоху духовного кризиса российского общества, проблема культурной преемственности становится особенно значимой. В этой связи межпоколенческие отношения признаются наиболее приемлемым каналом трансляции культурного наследия.

Ключевые слова: духовный кризис, межпоколенческие противоречия, культурное наследие.

В условиях трансформации российского общества особую актуальность приобретает вопрос о возможной преемственности развития значимых для данного общества и его жизнеспособности ценностей и норм культуры, образцов и стереотипов поведения, мировоззренческих установок, социально-культурных типов. Одним из возможных, и, пожалуй, самым действенным способом передачи культурного наследия признаются поколенческие каналы трансляции, в то время, как межпоколенческие отношения выступают движущей силой трансформационного процесса.

Для более детального изучения проблемы необходимо операционализировать понятие, обратившись к дефиниции термина. В социально-философской отрасли современного научного знания сложилась

достаточно обширная система определения термина поколение. В данном исследовании мы воспользуемся определением, предложенным М.А. Дуаровой, а именно поколение рассматривается как определенная социально-демографическая и социокультурная общность, которая характеризуется наличием общего социального опыта, сформировавшегося в конкретных исторических, социально-экономических и социокультурных условиях на определенном этапе общественного развития. В свою очередь, межпоколенческие отношения представляют собой отношения, скрепленные социальными связями, формирующимися между поколенческими общностями в ходе взаимодействия в определенных исторических и социокультурных условиях [1].

На основе имеющихся в современной научной литературе точек зрения по проблеме взаимоотношений поколений, можно сделать вывод, что преобладают два основных подхода, суть которых заключается в следующем. Первый обосновывает идею глобального разрыва между поколениями, который постоянно увеличивается по мере увеличения скорости социокультурной динамики, в то время как второй подчеркивает маятниковый характер межпоколенческих взаимоотношений и в целом не видит каких-либо существенных изменений в характере межпоколенческих отношений, которые в своей основе совершенно естественно хранят потенциал конфликтности, в разной степени реализующийся в зависимости от исторических условий и социокультурной ситуации в обществе.

В период высокой социокультурной и аксиологической динамики общественного развития межпоколенческие отношения выполняют особую роль, обеспечивая сохранение образа культуры и ее наследия в исторической преемственности как необходимого условия жизнеспособности общества и бессмертия его культурной уникальности и самобытности. В «зеркале» культуры

находит свое отражение облик каждого поколения, привносящего свой социокультурный опыт и капитал для развития базовых образцов культуры.

Резкие и тотальные перемены, вызванные разрушением прежней социальной реальности, понятно, привычной и прогнозируемой для многих поколений россиян, ознаменовались расколом в их сознании и поведении, что прежде всего находит выражение в межпоколенческих отношениях в виде противоречий между молодым и старшим поколениями.

В результате трансформационных процессов, затронувших все общество и все сферы его жизнедеятельности, аксиологическое пространство российского социума, утратив прежнее ценностное единство, стало открытым для ценностей иной культуры, рационально-индивидуалистической, необходимой россиянам для успешной адаптации к изменившимся условиям социально-экономической жизни. Неминуемые изменения в сознании и поведении россиян, ориентирующихся в своей практической деятельности на ценности, способствующие достижению жизненного благосостояния, но при этом еще сохраняющих на культурно-подсознательном уровне приверженность ценностям духовного порядка, наиболее полно реализуются в плоскости молодого поколения.

В результате системного анализа отечественными философами, социологами и представителями других гуманитарных наук кризисных процессов, переживаемых российским обществом в период трансформации было установлено, что динамика духовно-нравственного кризиса отражается, в частности, в степени и характере проявлений в реальности межпоколенческих противоречий. Однако, некоторые исследования позволяют сделать вывод о том, что в ряде аспектов духовный кризис выступает, своего рода, консолидирующим механизмом. Так, независимо от поколенческой принадлежности кризис духовности находит выражение в следующих характеристиках:

- в гиперболизации преимуществ западного образа жизни, ценностей западной демократии, безоговорочно и некритически принятой новой демократической властью в России;

- в неспособности людей быстро избавиться от психологии социального иждивенчества; в правовом нигилизме;

- в девальвации большинства ценностей общества прежнего периода;

- в недоверии к действующей власти, ее способности успешно решать насущные для общества проблемы;

- в изменении шкалы материальных и духовных ценностей, в структуре которых интеллектуальная, духовная, нравственная составляющие уступили место прагматизму, духу потребительства, оправданию достижения поставленной цели любыми способами [2].

Тем не менее, современное российское общество и, в первую очередь, его духовная сфера, по нашему мнению, еще не прошло пика кризиса, достаточно четкими индикаторами которого, по мнению исследователей, являются:

- остающаяся сложной криминогенная обстановка в стране;

- противоречия, вызванные продолжающимся противостоянием инновационного и традиционного, коллективного и индивидуального, конкуренцией духовного и материального за первенство в системе ценностей, ностальгией по прошлому и необходимостью движения к будущему на иных принципах организации социально-политических отношений и т.д.;

- резкое сужение «поставщиков моральных ценностей и ориентаций, когда люди не доверяют ни священнику, ни учителю, ни старшим членам семьи, носит повсеместный характер, в результате чего моральный дефицит и нравственная несостоятельность современного российского общества формирует потребность в создании различных «культовых фигур» и своего рода суррогатных образцов «морали»;

- многократно расширившиеся границы информационного пространства после включения России в глобальные процессы современности, вследствие чего в российское общество хлынули западные модели потребления и культурные образцы, постепенно вытесняющие собственные культурно

- исторические традиции и образцы поведения;

- социальное расслоение в обществе, в результате разрыв между очень богатыми и очень бедными гражданами России продолжает оставаться несоразмерно большим, что не только является источником социального напряжения в обществе, но и нравственной деформации и других девиаций личности и социальных групп, что естественным образом способствует если не усугублению, то консервации духовного кризиса; невысокая гражданская активность населения, что в какой-то мере объясняется неразвитостью в нашей стране институтов гражданского общества.

Динамика межпоколенческих отношений является естественным историческим процессом, определяющим вектор общественного развития. В эпоху социальных трансформаций она приобретает высокую скорость и глубину изменений, постепенно снижая свои темпы и консервируя те различия, которые характеризуют поколения, формировавшиеся в принципиально иных по идеологическим, социально-экономическим, социокультурным показателям условиях [3].

В ситуациях кризиса проблема интеграции общества и обеспечения его социальной сплоченности является очень актуальной. Одним из способов повышения интеграционного потенциала общества, снижающегося в период социальных трансформаций и кризисов, является развитие гармоничных отношений между поколениями, которые на основе конструктивного диалога способны вырабатывать общие стратегии разрешения социальных противоречий и решения жизненно важных для индивидов, поколений и общества в целом задач.

Восстановление разрушенной межпоколенческой преемственности как механизма обеспечения жизнеспособности социальной системы необходимо для вхождения трансформационного процесса в России в стадию стабилизации. В этом заключается высокая социальная актуальность проблемы межпоколенческих отношений, разрешение которой невозможно без глубокой научной рефлексии источников межпоколенческих противоречий, коммуникативных барьеров между поколениями и тенденций в развитии межгенерационных взаимодействий в современном российском обществе.

References

1. Дуарова М.А. Межпоколенческие отношения в трансформирующемся российском обществе: динамика и интегративный потенциал. Автореф. дисс. ... канд. социолог. наук. – Ростов-на-Дону, 2011
2. Попов М.Ю. Кризис духовности в современной России: динамика и перспективы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2015, №6-1, с. 94-100
3. Филюшкина Д.В. Концептуальные основания исследования современного российского общества в характеристиках социокультурного кризиса. Ростов-на-Дону, 2011

UDC 005.953

Korobeynikova V.V., Iskandaryan G.O. Modern mechanisms of search and selection of personnel

Современные механизмы поиска и отбора персонала

Korobeynikova Viktoria Vladimirovna,

4th year student, faculty of Economics,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin», Krasnodar

Iskandaryan Goar Ovsepnova

associate professor of chair,
Senior Lecturer, Department of Management and Marketing
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin», Krasnodar

Коробейникова Виктория Владимировна,

Студентка 4 курса экономического факультета,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина», г. Краснодар
v_korobeinikova@mail.ru

Искандарян Гоар Овсеповна

Кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры управления и маркетинга
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина», г. Краснодар
iskandaryan.g@yandex.ru

Abstract: The goal of every organization is in search of personnel, which would increase the efficiency of the enterprise. It is the search and proper selection of personnel is a key element in this matter.

Keywords: organization, personnel, personnel selection

Аннотация: Задача каждой организации заключается в поиске персонала, который повышал бы эффективность работы данного предприятия. Именно поиск и правильный отбор персонала является ключевым элементом в этом вопросе.

Ключевые слова: организация, кадры, отбор персонала

На современном этапе любая компания сталкивается с проблемой поиска и отбора персонала. У каждой компании существуют свои критерии оценивания потенциальных работников. Они должны иметь определенный набор качеств, который подходил бы особому виду деятельности в той или иной сфере.

Существует определенные механизмы, позволяющие выявить те или иные черты характера работника.

Механизм отбора кадров включает в себя приемы, методы и инструменты, применяющиеся для определения соответствия кандидата определенной должности.

Не всегда лишь один метод или подбора персонала используется. Зачастую это совокупность приемов (методов), осуществляемых посредством пошагового отбора кандидатов.

Следует ознакомиться с методами поиска персонала.

На сегодняшний день существует всего несколько методов отбора персонала. Но ни одна компания не может обойтись без четырех следующих методов: рекрутинг, Exclusive search, Head hunting и Preliminaring. Ознакомимся подробнее с каждым из методов.

1. Рекрутинг – включает в себя не только поиск, но и подбор работников среднего и низшего звена. Чаще всего этот поиск проводится среди тех людей, которые сами ищут работу.

2. Exclusive search – это метод, направленный на целенаправленный поиск и подбор персонала какого-либо высшего управленческого звена и ряда редких специалистов. Сюда можно отнести ту категорию людей, которая могла бы оказать ключевое воздействие на бизнес предприятия. Таких кандидатов ищут для реализации целей и стратегий компании. Поиск осуществляется независимо от того, работает ли человек. Чаще всего это управленческие кадры.

3. Head hunting – одна из разновидностей прямого поиска. Отличительная особенность в том, что идет «переманивание» интересующего кадра из одной компании в другую. Это достаточно сложная и трудоемкая работа, поскольку «охотник» сам должен проанализировать компании, собрать нужную информацию о сотрудниках, выявить определенного кадра и заинтересовать

компаний «заказчика». Метод используется в случае поиска редких кадров. Весь этот процесс длится месяцами, что делает его дорогостоящим.

4. Preliminaring (прелиминаринг) – довольно распространенный метод в больших компаниях. Его суть заключается в том, что молодых специалистов приглашают на стажировку и прохождение практики в своей компании. Если компании нравится этот специалист, то в дальнейшем его приглашают на работу. В некоторых случаях кадрам предоставляются особые условия для того, чтобы заинтересовать.

Нельзя выделить какой-то определенный метод, назвать его самым современным, либо самым эффективным, поскольку выбор метода зависит от политики организации, стратегии и многих других факторов.

Помимо методов поиска персонала следует уделить внимание и методам отбора персонала. Какого-то универсального метода не существует, но знать все эти методы оценки кандидатов нужно, чтобы сделать именно тот выбор, который идеально бы соответствовал искомой кандидатуре. О большинстве этих методов на современном этапе знают (интервью, собеседование, тестирование), поэтому рассмотрим наименее известные.

Групповое собеседование - это метод, при котором с соискателем общаются несколько интервьюеров. При этом происходит сильное давление на каждого участника, что позволяет выявить максимально выдержанных кандидатов.

Ассесмент-центр - наблюдение специально обученных ассессоров за поведением сотрудников в реальных рабочих ситуациях или при выполнении ими различных заданий. Само задание отражает в полной мере вид деятельности, которым в дальнейшем предстоит заниматься на данной должности. Часто в ходе этого метода используются кейсы и тесты.

Психологические тесты направлены на то, чтобы выявить у сотрудника набор определенных личностных качеств, которые необходимы на ту или иную должность. Тестирует в данном случае только профессиональный психолог.

Профессиональные опросники – метод, при котором знания кандидатов оцениваются посредством ответа на вопросы, которые составляются службой персонала совместно с руководителем подразделения. Оценивает ответы потенциальный руководитель.

Проверка навыков и умений – данный метод чаще всего относят к профессиональному тестированию. Чаще всего приглашается эксперт, который объективно оценивает навыки и возможности претендента, а именно: уровень знания языка, если это переводчик, умение работать со специальными компьютерными программами для экономиста, умение широко мыслить и писать интересные статьи - для журналиста и т. д.

У данных методов существуют как преимущества, так и недостатки. Рассмотрим сперва преимущества, присущие отдельным методам:

1. Высокая скорость подбора
2. Минимальны денежные затраты
3. Легкость обработки информации
4. При найме по рекомендации в ряде случаев упрощается проверка о заинтересовавшем работнике.

Ознакомимся с недостатками:

1. Нельзя полностью раскрыть способности человека одним методом;
2. Обстановка может быть накалена, кандидат чувствует себя некомфортно;
3. Психолог, либо специалист, который оценивает кандидата, будет неопытным;
4. Если работодатель набирает штат преимущественно на основе личных связей, это может снижать устойчивость бизнеса.

Необходимо совершенствовать систему отбора персонала. Для этого следует внедрить модель комплексного подхода к отбору, которая изображена на рисунке 1.

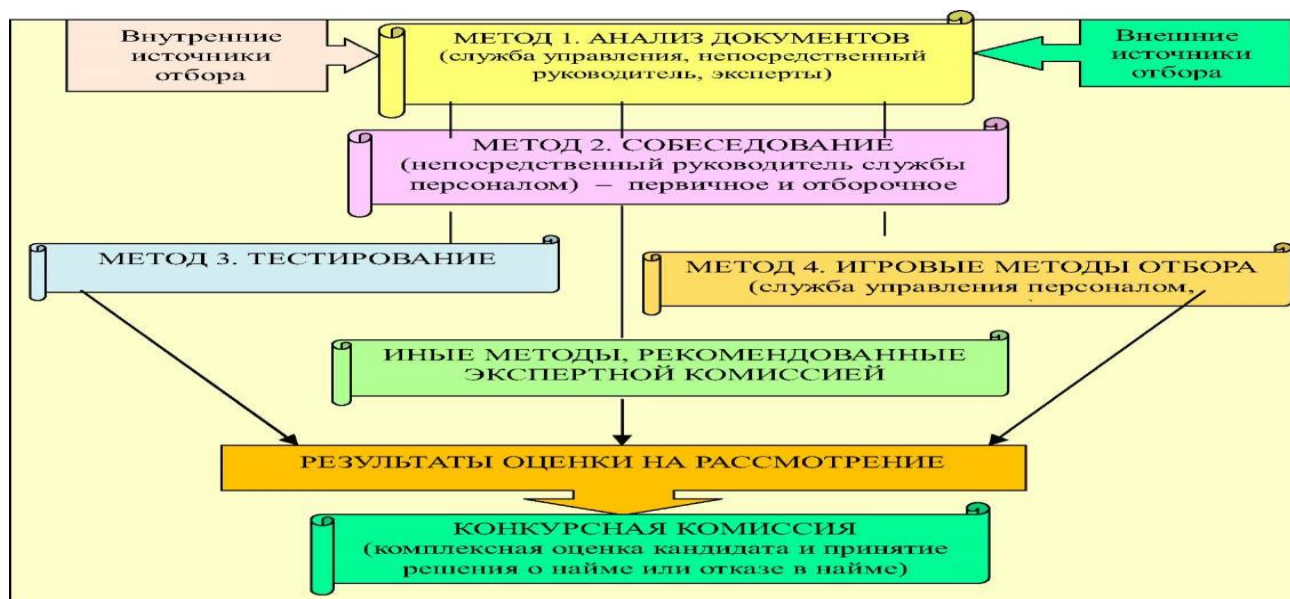

Рисунок 1. Модель комплексного подхода к отбору персонала

Из рисунка видно, что методы следует комбинировать, причем методы должны существенно отличаться друг от друга, чтобы выбрать всесторонне развитых кандидатов на должность.

В заключение хотелось бы сказать, что все методы часто используются в совокупности, не только отдельно. Исходя из этого стоит отметить, что каждый из методов необходимо основательно изучить, прежде чем приступить к поиску работника, либо к отбору какого-то конкретного претендента на должность. Каждый метод индивидуален и подходит под свои специфические обязанности претендента на должности.

References

1. Бунатян А.Н. Методологические аспекты подбора персонала в современных условиях // Вестник Университета Российской академии образования. – 2013. – № 3. – С. 123 – 129.
2. Бунатян А.Н. Этапы и место отбора персонала в общей системе управления персоналом // Интеграл. – 2014. – № 4 (54). – С. 87 – 91.
3. Бунатян А.Н. Мировой опыт подбора персонала при найме в организацию // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2013. – № 8. – С. 89 – 96.
4. Валиева О.В. Управление персоналом. – М.: Приор-Издат, 2013. – 175 с.
5. Веснин В.Р. Практический менеджмент персонала. – М.: Юристъ, 2013. – 495 с.
6. Дейнека А.В. Управление персоналом: Учебник. – М.: Дашков и К, 2014. – 291 с.
7. Искандарян Г.О. Проблемы дисбаланса кадров в здравоохранении Краснодарского края // Г.О. Искандарян / В сборнике: Социально-экономическое развитие современного общества в условиях реформ Материалы международной научно-практической конференции. 2010. С. 184-187.

Kuschcenko S. A parity rational and irrational in non-verbal information field of public consciousness

Паритет рационального и иррационального в невербальном информационном пространстве общественного сознания

Kuschcenko Sergey

Doctor of Philosophy, Candidate of Science (History),
Head of History and Political Science Department,
Novosibirsk State Technical University

Кущенко Сергей

Доктор философских наук, кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой истории и политологии,
Новосибирский государственный технический университет

Abstract: Nonverbal information field of public consciousness is considered through social activity of the subject which carries out understanding new to him information for introduction in the theoretical design already existing in its consciousness or for creation of a new theoretical design (concept). Understanding process is considered through a parity socially-information fields (rational and irrational).

Keywords: rational, irrational, social information, nonverbal information field, public consciousness.

Аннотация: Невербальное информационное поле общественного сознания рассматривается через социальную активность субъекта, который осуществляет понимание новой для него информации для введения в теоретические конструкции, уже существующие в его сознании или для создания новой теоретической конструкции (понятия). Процесс понимания рассматривается через соотношение социально-информационных полей (рациональных и иррациональных).

Ключевые слова: рациональное, иррациональное, социальная информация, невербальное информационное пространство, общественное сознание.

With sufficient degree of definiteness it is possible to tell that the idea of nonverbal space of public consciousness exists in philosophy since the most ancient times. Aristotle uses concepts «afazia» (nonspeech) and «isihia» (silence), distinguishing them from each other. In the Indian philosophy concept "Maya" displays something close to nonverbal space. In various directions of philosophy we meet such concepts, as: «a spirituality field» (A.Bergson); «aepistema» (M.Fuko); «collective unconscious» (K-G. Ung); «space pure singulares» (G.Delez); «impersonal transcendental a field which does not have the forms of subjective self-identity» (G-P.

Sartre); «pnevmatosfera» (P.Florensky); «socialculture a life and reason matrix» (V.N.Volodin, K.N.Ljubutin). Similar transfer can be continued. In our understanding of nonverbal information field of public consciousness we basing on the social activity of the subject considered in socially-information aspect.

Proceeding from the offered methodological approach, we carry to nonverbal information field until concept level of public consciousness, i.e. such information field in which the information is not expressed yet in concepts, is not articulated, not intended for verbal communications. In this information field we allocate two kinds of the nonverbal information: external and internal for the subject (rational and irrational accordingly). Rational and irrational we consider an investigated parity in this nonverbal information field.

Close to our understanding of nonverbal space we find a reasoning at F.T.Mihajlova. F.T.Mihajlov writes about «internal self-identity of a way of existence», meaning by it «specific and individual experience», [1, pp.157-182] providing continuity in consciousness development. If specific and individual experience to consider with reference to our theme it is possible to tell that specific experience is mainly retributive the information, and individual experience – mainly atributive-predicative information. In the course of the social activity the subject "defines" an external world, using thus the information reminding to it about specific experience. Nonverbal information field can be characterised, except other, as «the special form of conjoint unity direct and nondirect» [2, p.45] as «a field of selective interactions» [2, p.43] as «a field of organising activity». [2, p.43] To nonverbal information field, in our opinion, definition of "a field of organising activity», given to V.I.Kremjansky, as such condition which is characterised «not by elements or a substratum, and dominating relations between elements or subsystems of that and another» is quite applicable. [2, p.43] Nonverbal information field, in that case, appears, except other, as such space in which relations between elements of various

systems without their stationary fixing, including in the form of concept dominate; as until concept, nonverbal space.

In that case nonverbal information field can be considered as one of the concept parties «inf». As it is known, the concept «inf» is considered as «information system in systems»: «Infy as knots, - writes V.I.Kremjansky, -« clots »(in our understanding –« gel »- S.K.) relations of the displayed variety expressed in nondirect structures – hyperstructures of carriers, it is not simple«sistemas», and it is system-metasistemny by the nature, concentrate in itself relations not one, and several levels of organisation». [2, p.116] V.I.Kremjansky's "Inf" considers as triune formation on the essence, allocates «infs» three steps: 1) the biological; 2) the zoopsychological; 3) the social; considers «infs» first two steps, leaving behind frameworks of the research social «infs».

Defining nonverbal information field of public consciousness as one of the parties social «inf», we recognise that nonverbal information field is one of embodiments ideal, an internal body ideal. In nonverbal information field activity of the subject on creation of concept from the primary information material yet to the full comprehended by it is carried out. In nonverbal information field the subject carries out assimilation («submission to itself») a primary information material for introduction in the information design already existing in its consciousness or for creation of a new information design (concept). The primary information on a subject, existing in nonverbal information field of public consciousness, is not comprehended yet by the subject with reference to concrete, including to a subject new to it, but creates to the subject potential possibility for judgement of this subject. The subject can use this potential possibility moderately the abilities and the possibilities in many respects defined social invariants, social experience and concrete historical conditions in which it operates. Proceeding from it, the primary information on a subject, i.e. the information yet to the full comprehended by the subject, it is possible to name the potential information. According to V.I.Kremjansky, «the potential information is a

passive information, itself not possessing activity and not passing to other objects». [2, p.57] In that case nonverbal information field of public consciousness appears as the space comprising, mainly, the potential information.

It is possible to present nonverbal information field in the form of (G.Adamar's) "dark stain" as stream of the shapeless information; as «the maintenance without the form», «information gel» from which the subject creates concept. Something similar can be seen at K.Jaspers who wrote about «intercommunicating not subject» and at E.Gusserl in «a field background meditations».

At the approach to nonverbal information field of public consciousness as to «a field of organising activity» in it it is possible to allocate mentioned «a body of a word" and "a literality (nonverbal) body» in interpretation, applicable to our research. In our interpretation «the word body» is a stream of the information displaying mainly attributive properties of a subject, yet not comprehended by the subject; the stream of the information created by the subject in the course of the interaction with the given subject, having an orientation to the verbal expression, also created by the subject (i.e. rational). «Literality (nonverbal) bodies» in our interpretation is a stream of the complete socially-semantic information, set of the senses already available in consciousness of the subject and united by it in any form (including transformed, fetished), saved up by it in the course of the socialisation and, except other, somehow connected with a subject concerning which the subject creates a word body. Literality bodies (i.e. irrational) are not intended by the subject for a verbal designation. In the set of a body of words and literality bodies form one of the parties of nonverbal space of public consciousness.

In such interpretation «a word body» and «literality bodies» appear as comparable streams of the social information close under the maintenance to our understanding rational («a word body») and irrational («literality (nonverbal) bodies»). And «literality bodies», included in the potential information, it is possible to designate «a word Body» as one of the parties social «inf».

These information streams as it has been noted, it is possible to designate as socially-information field, i.e. such information field in which elements entering into it have infinite quantity of degrees of freedom.

Socially-information field we consider in the tideway of the methodology offered by N.M.Churinov. [3] After N.M.Churinov, in the kind adapted for our research, we allocate additive socially-information field as rational (RIT, reduction from «rational information translation») and not additive socially-information field as irrational (VIT, reduction from life (vital) information translation, from vitalis – "vital", life). We traditionally understand such condition when properties whole are completely defined by properties of its parts when whole it is equal to the sum of parts as additivity; under nonadditivity – such condition when whole there is more than sum of its parts.« RIT field »– this field of Rational Information Translation where under rational the social predicate is understood, under the information – the primary information expressed in this predicate, under translation – transferring of the rational information with its possible strengthening.« VIT field »– this field Vital Information Translation where life experience is understood as social experience of the subject, under the information – irrational as socially-semantic unity (« a social hieroglyph »), under translation – transferring of the "vital" information with its possible strengthening. Information strengthening (its addition) can arise after interest occurrence in the process of comparison designated by us on properties.

VIT and RIT fields in our variant are as much as possible wide socially-information streams in which elements making them have infinitely a considerable quantity of degrees of freedom. The subject of social activity creates from them the minimum unit of the social information (in our variant is a concept). It means that we proceed not from «an elementary section» investigated process, not from minimum, and on the contrary – from as much as possible wide maintenance of investigated process, i.e. we consider movement of the social information in investigated process not «from simple to difficult» or on the contrary, and «from difficult to difficult» in

that its part which can be designated as «from not properly executed in sign systems to approximately issued in concept». Such approach corresponds to character of a parity rational and irrational in which "participate" an image of the world of the subject, «the measure of an openness to the world» the subject and allows to consider noted paradoxicality of an investigated parity.

At "the atomic" approach which is starting with «an elementary section» to show specificity of an investigated parity it is represented inconvenient owing to that, in particular, that irrational «the social hieroglyph» in which it is impossible to allocate certain «an elementary section» is considered by us as paradoxical.

Socially-information field in wider understanding the social information ("gel") which creates potential possibility of removal of uncertainty in the course of social interaction can be presented as not properly executed in sign systems. Such approach assumes understanding of social interaction in socially-information aspect, i.e., except other, with inclusion in social interaction of all known and while unknown, but essentially possible, ways of transfer of the social information (for example, a human sight). Function socially-information field – transfer nonverbal the subject of the social information. Socially-information field do not assume domination of external "signal" because social activity as the activity realised by the subject is wider «than reaction to a signal». The subject in the course of the social activity itself creates socially-information field with which help searches for possibility to find the sense. Forced by necessity of search of sense, the subject not «reacts to a signal», and simultaneously creates and carries out search of the social information necessary to it.

Inclusion socially-information fields in nonverbal information field of public consciousness allows to consider nonverbal through the nonverbal. One of the starting points, allowing to speak about it with reference to our research, we consider the indisputable fact informativity the human sight, almost not expressed verbally in more or less full volume. As means of nonverbal communications comparable to a human

sight music, dance, an act (on M.M.Bakhtin), gestures, a mimicry, an interior etc. traditionally are considered

Attempt to concretise one of means of nonverbal communications within the limits of our research can be undertaken with use of concepts of "expert" and "act", proceeding from understanding of practice as the process connecting potential and actual aspects of joint and individual life of people. Such understanding of practice allows to use concept "act" (as one of the practice parties) as whole, in unity of its subjective motives and its results which become the objective facts. The concept "act" in such interpretation allows to underline a role of the subjective factor in the course of practice. As it is known, the act, on M.M.Bakhtin, «pulls together, correlates and resolves in a uniform context sense and the fact, the general and individual, real and ideal. Unique possibility for the person to be is to arrive, confirm the uniqueness in an act, to participate in it not only the thoughts, but also the destiny. Life and thinking are thought as uniform, but in the sense far from Hegel». [4] As it is visible, an act, on M.M.Bakhtin, correlates sense and the fact in which we allocate, accordingly, irrational and rational, and «allows the person to be», including to carry out communications of all kinds (verbal and nonverbal).

It is necessary to notice that "pure" nonverbal information field, as well as "pure" socially-information field does not exist, verbal and nonverbal exist only in the ratio with each other, as live and thinging activity.

The offered approach to understanding of nonverbal information field and socially-information fields is based that rational, irrational, and also emotions and feelings (social and mental) are considered in their real unity of triad which cannot be fixed in concept to "stop". It triad can be designated only as "transition state" without its exact concrete definition because the exact description of this transition state is interfered by the noted closeness of nonverbal information field.

As a conclusion under the given paper it is possible to tell the following.

Nonverbal information field of public consciousness we have tried outline to designate as a parity of the subject of specific and individual social experience displayed in consciousness, as «an information field of organising activity» in which the subject correspond with each other socially-information field, including rational (RIT) and irrational (VIT). Unit of the social information – the concept created by the subject can become result of a parity of this field. In nonverbal information field of public consciousness we have allocated «a word body» and «literality (nonverbal) bodies» in interpretation, applicable to our research. In our interpretation «the word body» is close under the maintenance to rational, and «literality (nonverbal) bodies» - to irrational. The parity the subject of a body of a word and literality bodies creates potential possibility for creation by the subject of concept, sense reception. The social information in nonverbal information field of public consciousness appears in that case as the potential information which the subject can transform into the actual information for itself (in concept).

And socially-information fields we consider the offered variant of understanding of nonverbal information field of public consciousness as one of possible variants in whom the available results reached within the limits of methodology selected us are used. The given variant demands the further working out and considerable collective efforts. [5]

This conclusion was confirmed in the last few years. For example, continuing the study of such problems associated with the correlation of rational and irrational, as the relationship of chance and opportunity, chance and probability.

Nina Emery suggested her point, according to which chance and probabilities play a certain explanatory role. [6, p.95] John T. Roberts researching relation between chance and credence. J. T.Roberts suggested to do rational choice between chance and credence. [7, p. 33] Adrian Currie researching Convergence as Evidence and argue, that convergence play a central role in the confirmation of adaptive hypotheses. Adrian Currie focus on “analogous inferences” (inferences that take a trait-environment dyad

from one lineage and project it to another), show how such inference ought to be analysed and suggest three methods for strengthening their evidential weight. [8,p.763]
J. Christopher Jenson researching the Belief Illusion and argue that sufficiently fragile theoretical entities do not exist. Radical variance between what self-report and non-verbal behaviour indicate about participants' beliefs. This is evidence that 'belief' is fragile, and is thus a strong candidate for elimination. [9, p.965]

According to the author of this article, the conclusion Christopher J. Jenson requires a deeper study. The Belief includes both rational and irrational, to separate them or to eliminate the impossible.

References

- 1 - F.T.Mihajlov. Public consciousness and consciousness of the individual. M, "Science", 1990.-222 pp.
- 2 - V.I.Kremjansky. Methodological problems of the system approach to the information. M, "Science", 1977. – 288 pp.
- 3 - N.M.Churinov. Information rationality. Krasnoyarsk: the Siberian space academy, 1993. – 171 pp.
- 4 - Slavoy Zhizhek. The rupture device. Parallax vision. – M: Publishing house "Europe", 2008.-516 pp.
- 5 - S.V.Kuschchenko. Socially-information aspect of a problem of a parity rational and extrarational in public consciousness (the philosophical-methodological analysis). Novosibirsk, publishing house of Novosibirsk state technical university, 2007.-248 pp.
- 6 – Nina Emery. Chance, Possibility, and Explanation //The British journal for the philosophy of science. Volume 66, number 1, march 2015.
- 7 - J. T.Roberts. Chance without Credence //The British journal for the philosophy of science. Volume 64, number 1, march 2013.

8 – Adrian Currie. Convergence as Evidence //The British journal for the philosophy of science. Volume 64, number 4, December 2013.

9 - J. Chrisopher Jenson. The Belief Illusion //The British journal for the philosophy of science. Volume 67, number 4, December 2016.

Phedotov V.P. The information model of genealogical relationships

Информационная модель генеалогических связей

Phedotov Valery Pavlovich

Associate Professor, NRU IFMO, Saint-Petersburg

Федотов Валерий Павлович

Доцент НИУ ИТМО, г. Санкт-Петербург

vpshedotov@narod.ru

Abstract. Analyzes the problems of creating a public database that provides secure exchange of genealogical information.

Keywords: information technology, genealogy, modeling.

Аннотация. Анализируются проблемы создания общедоступной базы данных, обеспечивающей защищённый обмен генеалогической информацией.

Ключевые слова: информационные технологии, родословная, генеалогия, моделирование.

Первоначально родословные составлялись только для высших сословий. Скорее всего, они показали примеры пагубного влияния браков между близкими родственниками на здоровье потомства. Поэтому ещё в давние времена церкви стали вести учёт рождений, браков и смертей всех своих прихожан.

Репрессии первых советских десятилетий вынудили многих скрывать своё происхождение. Со смертью старших членов семьи важная информация утрачивалась окончательно. Гибель архивов в ходе войн, разорения церквей, пожаров и стихийных бедствий резко сократила возможности для её восстановления.

Всплеск интереса к реставрации родословных случился почти сразу же после крушения СССР. Из-за потери огромного количества документов резко возросла роль устных семейных преданий. Возникла потребность в их фиксации и сопоставлении. Именно ради этого были созданы многочисленные генеалогические сайты и форумы в интернете. Но их использование порождает

ряд специфических проблем.

С одной стороны, цель найти родственников или предков вынуждает выставлять информацию максимально открытой для широкого доступа. С другой, это чревато рисками недобросовестного использования персональных данных злоумышленниками. Поэтому Россия, как и целый ряд других стран, ввела в этой сфере законодательные ограничения.

Встала задача интеллектуального администрирования генеалогических сайтов и форумов в интернете. Прежде всего, оно должно обеспечить полную защиту приватной информации. Но специальные программы на основе анализа этой информации должны были выявлять массивы данных, предположительно относящихся к одному и тому же человеку. Если публикаторы двух или более аналогичных записей сохранили свою активность на форуме, то программе достаточно «познакомить» их друг с другом и предложить обменяться имеющейся у них информацией. В ходе обмена сообщениями каждый из них примет решение, в какой степени он готов поделиться своей информацией. Если же какой-то из публикаторов давно покинул форум и не откликается на сообщения, то программа должна провести тестирование и коррекцию разночтений, задавая оставшемуся публикатору соответствующие наводящие вопросы.

Разработка системы правил для подобной интеллектуальной информационной системы составила содержание выполненной под руководством автора магистерской диссертации выпускницы ИТМО М.С.Горловой [1]. Эта публикация включает материалы автора, часть из которых обсуждалась вместе с М.С.Горловой, но не была использована в её работе.

Основная математическая модель

По большому счёту, все генеалогические связи базируются на элементарных треугольниках, главной вершиной которых является ребёнок, а две другие — его отец и мать. Абстрактный подход не оставляет в этом правиле места

для исключений.

Родители, в свою очередь, тоже были чьими-то детьми. Добавление к каждой вершине двух её предков приводит к модели восходящей родословной в виде хорошо изученного математиками, логиками и программистами двоичного дерева. Обозначать его вершины можно разными способами.

Стандартное двоичное кодирование ставит в соответствие пути в одну из вышестоящих вершин цифру 0, а другому — 1. Тогда вершина дерева получает пустой набор цифр, первое поколение (родители) получит однозначные двоичные номера — 0 и 1, второе (деды) — двузначные двоичные номера (от 0 до 3), третье (прадеды) — трёхзначные двоичные номера (от 0 до 7) и т. д. Легко видеть, что в каждом поколении нумерация заново начинается с нуля, что весьма неудобно с практической точки зрения.

Естественный способ преодоления этого недостатка состоит в том, чтобы ко всем номерам одного и того же поколения добавлять базовое слагаемое, на 1 превышающее максимальный из номеров в предыдущем поколении. Этот же способ нумерации получится, если стартовать с 1, а цифры 0 и 1 приписывать не спереди, а сзади. Тогда вершина дерева получает номер 1, родители — 2 и 3, деды — от 4 до 7 и т. д. Если считать, что цифра 0 в двоичном кодировании соответствует отцовскому направлению, а 1 — материнскому, то получается тот же самый способ нумерации, которым воспользовался В.А.Могильников [2] при перечислении предков в восходящей родословной В.В.Путина.

Гораздо более гибким является троичное шифрование вершин дерева с использованием цифр N, O, P, как это принято в информационных системах счисления [4]. Важным достоинством такого подхода является возможность добавления ещё двух цифр — M и Q, позволяющих при необходимости отличать биологических родителей от юридических (усыновителей).

Цифра O в этом случае используется только для вершины дерева, N указывает на материнскую ветвь, а P — на отцовскую. При переходе к

вышестоящим поколениям цифры N и P приписываются спереди к шифру ребёнка. Значит, мать получает шифр NO, а отец — PO. Соответственно, NNO обозначает мать матери, PNO — отца матери, NPO — мать отца, PPO — отца отца и т. д. При необходимости MO обозначает мачеху, а QO — отчима.

Удобство таких обозначений состоит в возможности делать подстановку. Прежде всего, можно заменять O другими уникальными символами, указывающими на конкретных персонажей, для которых независимо друг от друга составляются восходящие родословные. Как только обнаружится, что один из них является предком другого, то замена уникального символа предка на его шифр в восходящей родословной потомка позволяет включить восходящую родословную предка в восходящую родословную потомка.

Так как число предков в каждом поколении вдвое больше предыдущего, то в десятом поколении их уже более тысячи, в двадцатом — более миллиона, в тридцатом — более миллиарда, а в сороковом превышает численность всех когда-либо живших людей. Ясно, что все предки не могли быть различными. Это означает, что какие-то разные ветви восходящей родословной выводят на одного и того же человека. Подобные примеры можно найти, например, в родословных Рюриковичей.

С формальной точки зрения это означает, что одному предку будут соответствовать два разных шифра. Их приравнивание аналогично тождеству на языке алгебры свободных групп. Например, в случае испанского короля Карла II Околдованного [3] можно записать целый ряд тождеств: $NNNO=NPO$, $PNNO=PPO$, $NPPNO=NNNNO=NNPO$, $PPPNO=PNNNO=PNPO$ и др.

Ясно, что все подобные тождества сохраняют силу после приписывания к их обеим частям слева любой одной и той же последовательности символов N и P. Чтобы избежать подобного дублирования, следует ввести специальное обозначение для каждого такого предка, выделив его восходящую родословную в отдельное двоичное дерево.

В исторических исследованиях гораздо в большей степени востребованы нисходящие родословные, включающие потомков какого-либо «великого» предка, например, Рюрика. Их обычно изображают графически в виде деревьев, так как единого универсального и удобного способа шифрования для них пока не удалось разработать.

Проблема начинается уже с перечисления детей. У таких персонажей как Чингизхан или Владимир Святой счёт им идёт на сотни, хотя задокументированы лишь единицы, что делает неудобной даже простейшую последовательную нумерацию. Алфавитную последовательность нельзя использовать из-за того, что дети могли иметь совпадающие имена. Хронологическую последовательность нельзя использовать из-за того, что утрачены даты (и очерёдность) их рождения. Дополнительные сложности создаёт то, что дети могли быть рождены в разных браках (в том числе, не зарегистрированных ни с юридической точки зрения, ни историческими документами). Наконец, нужно ли и как учитывать здесь различия между мальчиками и девочками?

Под прямым родством принято понимать наличие общего предка. Чтобы установить факт прямого родства каких-то двух людей, нужно построить их восходящие родословные. Как только они пересекутся, удобно для найденного общего предка построить нисходящую родословную или хотя бы те две её ветви, которые приводят к нужным людям. Отсутствие пересечений не позволит полностью отрицать родство (возможно, нужная информация была потеряна), но может указывать на то, что родство заведомо не является близким.

Если А состоит в прямом родстве с В и с С, но прямое родство между В и С не установлено, то можно говорить о косвенном родстве. Рассмотрение более длинных цепочек из общих родственников практически лишено смысла, хотя отдельные такие примеры встречаются в публикациях.

В нисходящих родословных также возможны коллизии, возникающие при рождении детей в браках между разными потомками родоначальника. Избежать

их можно аналогично коллизиям в восходящих родословных, при помощи фиксации соответствующих тождеств и выделения таких семей в отдельные нисходящие родословные.

Документы

Под документом понимается любой источник информации вместе с её содержанием и носителем. Следует отличать первоисточник от копий той же самой информации. Если первоисточник утрачен (в частности, речь может идти о смерти автора устного сообщения), то многочисленные цитирования могут существенно отличаться как от исходного сообщения, так и между собой.

Важную роль для генеалогии играют такие виды документов как надгробные плиты, мемориальные доски и т. п. Много информации могут содержать кино-, теле-, видео-, аудио- или иные виды записей, созданные с использованием различных технологий и носителей.

Подавляющее же большинство документов представляют собой написанные или напечатанные на бумаге тексты или иллюстрации. В последние десятилетия бумажные технологии вытесняются электронными. Здесь важно различать электронные копии бумажных или иных оригиналов и документы, изначально созданные и существующие исключительно в электронном виде. Например, записи в социальных сетях.

События

Документ может содержать информацию о каком-то одном событии или сразу о нескольких. В последнем случае часто удаётся разбить документ на фрагменты, каждый из которых относится только к одному событию. Удобно выделить стандартные события, которые в норме хотя бы однажды происходят если не с каждым человеком, то со значительной их частью. Их полной противоположностью служат уникальные события, по которым удаётся

идентифицировать конкретного человека. В качестве примера уникального события можно назвать гибель «Вещего Олега» (Ордвара Одда) от змеи, притаившейся в останках его собственного коня. Для изложения уникальных событий приемлемо повествование в свободной форме. Напротив, стандартные события удобнее приводить к единому формату. Рассмотрим наиболее важные их примеры.

Форматы стандартных событий

Для каждого типа стандартных событий последовательно перечислены поля в базе данных. Ключ — порядковый номер в соответствующем списке базы. Заглавный ключ создаётся в обязательном порядке, даже если все остальные поля окажутся пустыми из-за отсутствия (неизвестности, утраты) нужной информации. Кроме названных полей, в каждом случае предусмотрено добавление текстового поля для неформального комментария, а также ссылок на другие сопутствующие документы иных форматов (включая фото-, видеоматериалы и пр.).

1. Рождение

Заглавный ключ события

Тип события – 1

Ключ ребёнка

Имя ребёнка

Ключ матери

Имя матери

Ключ отца

Имя отца

Ключ события 2 (свидетельства о регистрации брака родителей)

Дата рождения

Ключ места рождения

Ключ источника (свидетельства о рождении)

Дата занесения в базу

Ключ публикатора записи в базе

2. Брак

Заглавный ключ события

Тип события – 2

Ключ невесты

Имя невесты накануне заключения брака

Имя невесты после заключения брака

Ключ жениха

Имя жениха накануне заключения брака

Имя жениха после заключения брака

Дата регистрации брака

Ключ места регистрации брака

Ключ источника (свидетельства о регистрации брака)

Дата занесения в базу

Ключ публикатора записи в базе

3. Развод

Заглавный ключ события

Тип события – 3

Ключ события 2 (регистрации брака)

Ключ жены

Имя жены накануне расторжения брака

Имя жены после расторжения брака

Ключ мужа

Имя мужа накануне расторжения брака

Имя мужа после расторжения брака

Дата регистрации развода

Ключ места регистрации развода

Ключ источника (свидетельства о расторжении брака)

Дата занесения в базу

Ключ публикатора записи в базе

4. Смерть

Заглавный ключ события

Тип события – 4

Ключ события 1 (рождения)

Ключ умершего

Имя накануне смерти

Дата смерти

Ключ места смерти

Ключ источника (свидетельства о смерти)

Дата занесения в базу

Ключ публикатора записи в базе

5. Похороны

Заглавный ключ события

Тип события – 5

Ключ события 4 (смерти)

Имя на могильной плите (памятнике)

Дата захоронения

Ключ места захоронения

Ключ источника (свидетельства о захоронении)

Ключ источника (снимка места захоронения)

Дата занесения в базу

Ключ публикатора записи в базе

6. Прекращение брака по причине смерти супруга(и)

Заглавный ключ события

Тип события – 6

Ключ события 4 (смерти супруга)

Дата регистрации смерти супруга

Ключ места регистрации смерти супруга

Ключ источника (свидетельства о смерти супруга)

Дата занесения в базу

Ключ публикатора записи в базе

7. Перемена имени

Заглавный ключ события

Тип события – 7

Ключ события 1 (рождения)

Имя до изменения

Имя после изменения

Мотивы изменения имени

Дата регистрации перемены имени

Ключ места регистрации перемены имени

Ключ источника (свидетельства о перемене имени)

Дата занесения в базу

Ключ публикатора записи в базе

8. Усыновление

Заглавный ключ события

Тип события – 8

Ключ события 1 (рождения)

Имя до усыновления

Имя после усыновления

Ключ биологической матери

Имя биологической матери

Ключ биологического отца

Имя биологического отца

Ключ юридической матери

Имя юридической матери

Ключ юридического отца

Имя юридического отца

Дата регистрации усыновления

Ключ места регистрации усыновления

Ключ источника (свидетельства об усыновлении)

Дата занесения в базу

Ключ публикатора записи в базе

9. Публикаторы базы

Заглавный ключ (ключ публикатора в базе; создаётся им самим)

Тип события – 9

Ключ события 1 (рождения)

Текущее имя публикатора

Дата занесения в базу

Сводки (подборки сведений)

Средства работы с базами данных позволяют эффективно проводить в них поиск нужных сведений, в том числе, по весьма сложным запросам. Чаще всего, нужны «отчёты», т. е. подборки данных по конкретному человеку, его семье или родословной. Востребованы шаблоны и программы для составления таких отчётов. По уже умершим известным персонам лучше сразу опубликовать отчёт и выложить его в общий доступ, чем многократно запрашивать.

1. Биография

Ключ персоны (заглавный ключ события 1; указывается один раз в заголовке биографии, а всё перечисленное ниже – в каждой строке)

Ключ события

Тип события

Имя в момент события (в случае изменения имени — сразу после события)

Дата события

Ключ места события

Ключ источника

Ссылки и комментарии

2. Восходящая родословная

Ключ персоны (указывается один раз в заголовке родословной, а всё перечисленное ниже – в каждой строке)

Порядковый номер предка (по Могильникову)

Троичный шифр предка (по Федотову)

Порядковый номер поколения (в обратном порядке, начиная с нуля)

Ключ предка

Имя предка (предпочтительнее на дату рождения соответствующего потомка)

Ссылки и комментарии

3. Нисходящая родословная

Ключ персоны (указывается один раз в заголовке родословной, а всё перечисленное ниже – в каждой строке)

Порядковый номер поколения (в прямом порядке, начиная с единицы)

Шифр ветви (*формат ещё нужно детально разработать!*)

Ключ потомка

Имя потомка

Шифр ветви родителя потомка, включенного в родословную

Ключ супруга этого родителя

Ссылки и комментарии

4. Протоколы анализа разночтений

Выборка противоречащих друг другу сведений со ссылками на источники

Мотивированное резюме (признание каких-либо сведений ошибочными, недостоверными, относящимися к разным людям и т.п.)

Коррекция записей

Дата коррекции

Ключ публикатора коррекции

Примеры «двойников» (по которым нужны такие протоколы)

Из летописи достижений учеников 239 школы:

Год	И. Фамилия	Событие
1967	А. Лившиц	Чемпион Ленинграда по спортивному ориентированию
1967	А. Лившиц	Победитель Международной математической олимпиады
1968	В. Федотов	Чемпион Ленинграда по спортивному ориентированию
1968	В. Федотов	Победитель Международной математической олимпиады

Ситуация абсолютно зеркальная. Но в записях 1968 года упоминается один и тот же Федотов, тогда как в записях 1967 года два разных Лившица – Андрей и Александр.

А вот пример, воспринимающийся как явная описка:

Событие: рождение сына Дата: 5 июня 1988г. Мать: Федотова Ольга Отец: Федотов Валерий Адрес: г. Иваново, ул. Колесанова д. 2 кв. 11 Примечание: сына назвали по имени деда
Событие: рождение сына Дата: 5 июня 1988г. Мать: Федотова Ольга Отец: Федотов Валерий Адрес: г. Иваново, ул. Колесанова д. 2 кв. 111 Примечание: сына назвали по имени деда

Но речь здесь идёт о двух разных семьях (не родственниках).

Случается, что ошибки попадают в официальные документы, а затем без изменения переносятся из одного документа в другой. Например, во всех паспортах моей матери в качестве места её рождения был указан хутор Рассудово Кесовогорского района, где она жила в 16-летнем возрасте. Но только после смерти её отца нашлось её подлинное свидетельство о рождении, согласно которому она родилась на другом краю Тверской губернии - в селе Чижове Бежецкого уезда.

Много ошибок связано с переводом дат со старого стиля на новый. Например, на могиле моей бабушки Прасковьи Платоновны значится дата рождения 28 октября 1888г. Ни у кого из родственников (включая её саму) не было сомнений, что эта дата — по старому стилю (а по новому — 9 ноября, как и было записано в её последнем паспорте). Однако, в одном из опубликованных В.А.Могильниковым [2] и связанных с родословной В.В.Путина документов церкви села Тургинова нашлась запись о её крещении 16 октября 1888г. Значит, 28 октября — уже по новому стилю. Причина ошибки напрашивается: при выдаче какого-то из документов к дате повторно прибавили разницу в 12 дней.

Пример выборки из восходящей родословной

Смысл столбцов в следующем примере:

- 1) Троичный шифр.
- 2) Порядковый номер предка (по Могильникову).
- 3) Порядковый номер поколения (в обратном порядке, начиная с нуля).
- 4) Порядковый номер указанного в таблице потомка этого предка.
- 5) Порядковый номер отца этого предка.
- 6) Порядковый номер матери этого предка.
- 7) Фамилия.
- 8) Имя.
- 9) Дата рождения.
- 10) Место рождения.
- 11) Дата смерти.

В случае ссылки на предка пустая клетка означает отсутствие нужной строки в таблице. В остальных случаях пустая клетка означает отсутствие достоверно подтверждённой информации. Фамилии приведены по состоянию на момент рождения (в частности, у матерей — девичьи фамилии). Все даты ранее 1918г. указаны по старому стилю.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
PNPPPPPPPNPO	10242	13	5121				Иван	до 1600		
PPPPPPPPPNPO	10240	13	5120				Ефим	до 1600		
NPPPPPPPNPO	5121	12	2560	10242			Авдотья		Тургиново	после 1646
PPPPPPPPPNPO	5120	12	2560	10240			Иван		Тургиново	до 1646
PNPPPPPPPNPO	2562	11	1281				Анисим		Тургиново	
PPPPPPPPPNPO	2560	11	1280	5120	5121		Григорий	1614	Тургиново	после 1710
PPPPPPPPPPPO	2048	11	1024				Иван	до 1600		до 1678
PNPPPPPPPNPO	1282	10	641				Герасим		Тургиново	
NPPPPPPPNPO	1281	10	640	2562			Афимья	1680	Тургиново	7 марта 1731г.
PPPPPPPPPNPO	1280	10	640	2560			Степан	1688	Тургиново	после 1719
PPPPPPPPPPPO	1024	10	2048				Васка		Непеино	после 1678
PNPPPPPNPO	642	9	321				Емельян		Дудино	
NPPPPPPPNPO	641	9	320	1282			Домна	1708	Тургиново	после 1739
PPPPPPPNPO	640	9	320	1280	1281		Савастьян	1707	Тургиново	14 февраля 1771г.
PNPPPPPPPO	514	9	257				Ковьма		Погорелово	
PPPPPPPPPO	512	9	1024				Борис	1654	Непеино	
PNPPPPPNPO	322	8	161				Григорий		Погорелово	
NPPPPPNPO	321	8	160	642			Марья	1732	Дудино	после 1793
PPPPPPPNPO	320	8	160	640	641		Антон	1731	Тургиново	после 1782
PNPPPPPPPO	258	8	129				Михаил		Фефелово	
NPPPPPPPO	257	8	128	514			Марфа	1717	Погорелово	
PPPPPPPPPO	256	8	128	512			Кирилла	1711	Непеино	
NPPPPPNPO	161	7	80	322			Пелагея	1758	Погорелово	после 1790
PPPPPNPO	160	7	80	320	321		Иван	1750	Заречье	6 октября 1826г.
NPPPPPPPO	129	7	64	258			Марфа	1727	Фефелово	
PPPPPPPO	128	7	64	256	257		Евдоким	1731	Непеино	
NPPPNPO	81	6	40				Анисья		Заречье	
PPPPPNPO	80	6	40	160	161		Иван		Заречье	
PPPPPPPO	64	6	32	128	129		Вавила	1749	Непеино	1811
NPPPNPO	41	5	20				Авдотья		Заречье	
PPPNPO	40	5	20	80	81		Иван		Заречье	
NPPPPPO	33	5	16				Варвара	1761	Непеино	
PPPPPO	32	5	16	64			Михаил	1794	Непеино	1846
PNNNO	30	4	15	60	61	Спасский	Георгий			
PNPNO	26	4	13	52	53	Титов	Осип			
PPPNPO	24	4	12	48	49	Князев	Дмитрий			
PNNPO	22	4	11	44	45		Василий			
NPNO	21	4	10	42	43		Федосья	1826	Заречье	
PPNPO	20	4	10	40	41	Крючков	Захар	1833	Заречье	
PNPPO	18	4	9	36	37		Николай			
NPPPO	17	4	8	34	35		Матрона	1820		
PPPPPO	16	4	8	32	33	Веселов	Феодот	1826	Непеино	
NNNO	15	3	7	30	31	Спасская	Анна		Тургиново	
PNNO	14	3	7	28	29	Нефедьев	Пётр		Тургиново	9 января 1905г.
NPNO	13	3	6	26	27	Титова	Мария			
PPNO	12	3	6	24	25	Князев	Степан			
NNPO	11	3	5	22	23		Акилина			
PNPO	10	3	5	20	21	Крючков	Платон	1853	Заречье	
NPPO	9	3	4	18	19		Анисья	1857		
PPPO	8	3	4	16	17	Веселов	Фёдор	1857	Непеино	
NNO	7	2	3	14	15	Нефедьева	Анна	22 октября 1888г.	Санкт-Петербург	7 мая 1961г.
PNO	6	2	3	12	13	Князев	Иван		Кошелёво	1970
NPO	5	2	2	10	11	Крючкова	Прасковья	16 октября 1888г.	Заречье	1977
PPO	4	2	2	8	9	Федотов	Василий		Непеино	1941
NO	3	1	1	6	7	Князева	Елена	24 июля 1920г.	Чижово	
PO	2	1	1	4	5	Федотов	Павел	16 июня 1919г.	Непеино	
O	1	0		2	3	Федотов	Валерий	26 июля 1951г.	Ленинград	

References

1. Горлова М.С., Федотов В.П. Применение информационных технологий в генеалогии. // IV Всероссийский конгресс молодых ученых. - ИТМО, СПб, 2015.

2. Могильников В. А. Восходящее родословие В. В. Путина // Генеалогический вестник. № 42. 2011. С. 70–86.
3. Рыжов К. Все монархи мира. Западная Европа. — М., 1999.
4. Федотов В.П. Новые системы счисления как альтернатива интервальным вычислениям. // Межд. конф. по мягким вычислениям и измерениям SCM–2003. СПб, 2003.

Reutov S., Rechetov D. On the question of the appropriateness of surrogacy procedures. Social, legal, medical and ethical aspects

К вопросу о целесообразности применения процедуры суррогатного материнства.
Социальные, правовые, медицинские и нравственные аспекты

Reutov Stanislav

Professor, Department of social work and conflict resolution
of the law faculty
Perm state national research University

Rechetov Dmitry

4th year student
Perm state national research University

Реутов Станислав

профессор кафедры социальной работы и конфликтологии юридического факультета
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Решетов Дмитрий

студент 4 курса
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Abstract: We consider social and legal, medical and ethical issues of practical application of surrogacy procedures in Russia and some foreign countries. Attention is paid to the legal status of the surrogate mother's genetic parents, other members of surrogacy. Proposals are made to improve the existing legislation and its practical application.

Keywords: Surrogacy, the genetic parents, surrogate mother implantation embryo.

Аннотация: Рассматриваются социально-правовые, медицинские и нравственные вопросы применения на практике процедуры суррогатного материнства в России и некоторых зарубежных странах. Уделяется внимание правовому статусу суррогатной матери, генетических родителей, других участников суррогатного материнства. Вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: Суррогатное материнство, генетические родители, суррогатная мать, имплантация эмбриона.

В последние годы в России и в большинстве развитых стран весьма серьезной становится такая проблема, как продолжение рода, рождение детей. В пресс-службе министерства здравоохранения РФ отмечается, что рождаемость с 2013 года незначительно превышала смертность. Отмечается и то, что такая

тенденция может в скором времени прекратиться. Председатель наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Юрий Крупнов рассказал «Газете.Ru», что в среднесрочной перспективе Россию ждет серьезный спад рождаемости, и нынешние статистические данные на эту картину, к сожалению, не повлияют. По прогнозам, к 2025 году 20-30-летних женщин будет в 1,6 раза меньше, чем в 2010 году. В Москве же молодых женщин станет почти вдвое меньше, чем в 2010 году [1].

Среди главных причин падения рождаемости можно назвать отложенное родительство, социально-психологические установки на малодетность, социально-экономические трудности, а наиболее весомый вклад вносит бесплодие, как неспособность иметь детей по медицинским причинам. Данные исследований свидетельствуют о распространении бесплодия как в России, так и во всем мире.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в мире бесплодна каждая седьмая пара, в России бесплодны 12-15% браков (в отдельных регионах – до 20%), причем отмечен рост доли мужского фактора в бесплодном браке до 30-50% [2, с.6]. Что касается диагноза «бесплодие» женщин, то в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 - 2022 годы, отмечено, что за последние 10 лет количество женщин с таким диагнозом сохраняется на уровне 250 - 280 случаев на 100 тыс. женщин в возрасте 18 - 49 лет. В 2015 году этот диагноз был поставлен впервые 94,2 тыс. женщин [3]. Согласно данным ВОЗ в России насчитывается 6 млн. пар, неспособных к зачатию [4, с.3].

Проблеме бесплодия посвящены научные исследования таких ученых, как: Дикова И.А., Балахонов А.В., Машина М.А., Митрякова Е.С., Пестрикова А.А., Пшеничникова Т.Я., Пурге А.Р., Силуянова И.В., Стеблева Е.В., Шахова М.А., Р.Дж. Пепперелл, Б. Хадсон, К. Вуд, И.Ф. Юнда и др.

Решение проблемы бесплодия может оказать решающее влияние на рост рождаемости и, как следствие – численности населения. Кроме этого бесплодие отрицательно влияет на социальную активность супругов и психологический климат в семье, часто приводит к её распаду. Таким образом, бесплодие представляет серьёзную проблему в жизни отдельного человека и семейной пары, а, по мнению учёных, превышение доли бесплодных пар в обществе 15% превращает бесплодие в государственную проблему.

В 2014 г. была утверждена Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Концепция взаимосвязана с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, Национальной стратегией действий в интересах детей на 2012-2017 годы, Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. В соответствии с указанным документом одной из основных задач семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года является совершенствование системы профилактики абортов, оказание помощи беременным женщинам в целях сохранения беременности, регулирование применения репродуктивных технологий и суррогатного материнства.

Одним из способов решения проблемы медицинского бесплодия является применение вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), которые, хотя и не излечивают бесплодие, но помогают семье в появлении детей. Суть ВРТ в том, что при их применении отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбриона происходят вне материнского организма, в том числе, с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства.

Одной из широко применяемых ВРТ является суррогатное материнство, используемое при полной неспособности пациентки к самостоятельному

зачатию, вынашиванию и рождению ребенка. При этой процедуре полученный в результате экстракорпорального оплодотворения генетического материала потенциальных родителей-заказчиков эмбрион имплантируется в матку не пациентки, а другой женщины – суррогатной матери, которая после вынашивания и рождения ребёнка передаёт его семейной паре (одиноким женщине).

В настоящее время в России действует определение суррогатного материнства, закрепленное в п. 9 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5]. Суррогатное материнство – вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одиноким женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям».

Помимо вышеуказанного закона в Российской Федерации процедура суррогатного материнства регламентируется следующими нормативно-правовыми актами:

- Приказ Министерства здравоохранения РФ от 30.08.2012 г. N 107н "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению".
- Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 г. (ред. от 30.12.2015 г.).
- Приказ Министерства здравоохранения РФ от 30.10.2012 N 556н "Об утверждении стандарта медицинской помощи при бесплодии с использованием вспомогательных репродуктивных технологий".

Исходя из определения суррогатного материнства можно выделить 3 существенных признака суррогатного материнства:

- Наличие генетической связи (в том числе и в усеченном виде) между ребенком и генетическими родителями;
- Факт вынашивания «другой женщиной» ребенка с целью передачи его после родов лицам, его ожидающим;
- Договорные отношения между участниками программы суррогатного материнства [6]. Суррогатная мать – женщина, согласная на имплантацию эмбриона, вынашивание и рождение ребенка, с целью его последующей передачи генетическим родителям на основании договора суррогатного материнства. Российским законодательством предусмотрено, что суррогатная мать может быть как родственницей генетических родителей, так и чужим человеком, которая добровольно согласилась выносить их ребенка.

Применение различных ВРТ, в том числе и суррогатного материнства поднимает много проблем, связанных с медицинскими, правовыми, нравственными, религиозными и иными аспектами. В научной литературе и исследованиях гораздо чаще рассматриваются медицинские или юридические аспекты, нежели социальные, этические или религиозные. Рассмотрим некоторые из юридических проблем.

В соответствии с п. 3 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" право на применение вспомогательных репродуктивных технологий имеют мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, а также одинокая женщина при наличии ее информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство.

Серьёзной юридической проблемой в сфере суррогатного материнства является доступ к нему одиноких мужчин и однополых пар. Одинокое отцы – реальность наших дней. Представляется, что участие одиноких мужчин в программе суррогатного материнства должно осуществляться по аналогии закона, что подтверждается положительной и устойчивой правоприменительной практикой. Впервые такое решение было принято 07.08.2010 г. Бабушкинским

районным судом г. Москвы по гражданскому делу № 2-2745/10. При этом суд подчеркнул, что в российском законодательстве отсутствуют какие-либо запреты или ограничения относительно возможности для женщины или для мужчины, не состоящих в браке, реализовать себя как мать или отец с применением методов искусственной репродукции. Аналогичным образом 4 марта 2011 года Смольнинский районный суд С.-Петербурга обязал работников органов ЗАГС зарегистрировать не состоящего в браке молодого человека, ставшего отцом при помощи программы суррогатного материнства, единственным родителем его «суррогатных двойняшек» [7]. Имя суррогатной матери в свидетельстве о рождении не фигурирует, графа «мать» осталась пустой. Отказ органа ЗАГС в регистрации ребенка на имя истца был признан незаконным.

Ситуация с однополыми парами неоднозначна. Однополый брак - это брак между лицами одного пола, на который, по мнению сторонников такой концепции, должны распространяться те же права и обязанности, что и на традиционные браки между мужчинами и женщинами. По состоянию на 2016 год такие браки легализованы более чем в 20 странах мира, преимущественно в США и странах Западной и Восточной Европы. Это страны (в хронологическом порядке легализации браков): Нидерланды, Бельгия, Испания, Канада, ЮАР, Норвегия, Швеция, Португалия, Исландия, Аргентина, Дания, Бразилия, Франция, Уругвай, Новая Зеландия, Люксембург, США, Ирландия, Колумбия и Финляндия [8]. «Однополые партнёрства» (они же гражданские партнёрства или гражданские союзы), несколько ограниченные в правовом плане, узаконены в Великобритании, Ирландии, Дании, Гренландии, Франции, Андорре, Германии, Финляндии, Люксембурге, Чехии, Словении, Венгрии, Швейцарии, Хорватии, Австрии, Израиле, Новой Зеландии и Австралии.

В настоящее время существуют свыше 70 государств, где однополые браки запрещены, а однополые сексуальные контакты являются преступлением. В

Саудовской Аравии, Иране, Нигерии, Йемене, Судане, Сомали за однополые сексуальные контакты предусмотрена смертная казнь [8].

Точно неизвестно, сколько детей в США воспитываются родителями-гомосексуалистами. По разным подсчетам, их от 1 до 9 миллионов. 45% однополых родителей либо чернокожие, либо латиноамериканцы. Каждая четвертая однополая пара воспитывает ребенка моложе 18 лет. 6% однополых родителей воспитывают усыновленного ребенка, другие имеют детей, рожденных в прежнем гетеросексуальном браке или отношениях [9].

О растущих перспективах однополых браков говорят увеличение случаев заключения нетрадиционных союзов публичными людьми (ньюсмейкерами) и то, что такие решения не порицаются общественностью. Например, «БФМ.ру» пишет, что свадьба главы МИДа Германии Гидо Вестервелле со спортивным менеджером Михаэлем Мронцем в Германии не только не стала скандалом, но даже помогла карьере политика [10]. Дочь бывшего вице-президента США Дика Чейни (Dick Cheney) Мэри Чейни (Mary Cheney) состоит в однополем браке с Хезер По (Heather Poe). Кстати, будучи в таком браке она недавно родила дочь с помощью процедуры экстракорпорального оплодотворения.

Легализация гомосексуальных отношений распространяется по всей планете и не может не повлиять на сокращение рождаемости. Более того, если легализация однополых браков будет и далее происходить, то не исключено, что придется усиленно развивать практику усыновления и суррогатного материнства.

В США в 1988 г. разработан Единообразный закон «О статусе детей, зачатых нетрадиционным путем» [11]. При нетрадиционном зачатии родителями ребенка считаются муж и жена, заключившие соглашение о нетрадиционном зачатии, при использовании спермы или яйцеклетки одного из них, либо при использовании генетического материала обоих партнеров. Что касается детей, то в законе закреплено, что дети, независимо от способа их зачатия и рождения,

являются высшей ценностью и главным приоритетом правовой охраны. Несмотря на то, что единообразное законодательство идет по пути легализации суррогатного материнства, в большинстве штатов оно воспринимается неоднозначно, а в некоторых прямо запрещено.

Франция относится к странам, где легализованы однополые браки, а суррогатное материнство запрещено. Еще 31 мая 1901 года Верховный суд вынес решение, признав суррогатное материнство противоречащим закону и морали [12]. В настоящее время ст. 16-1 Французского Гражданского кодекса закрепляет правило, согласно которому «Человеческое тело неприкосновенно. Человеческое тело, его органы и ткани не могут быть объектами имущественного права». Статья 16-7 признает ничтожность «любого соглашения, касающегося зачатия или вынашивания за счет другого» [13, с. 27-29]. В соответствии с уголовным законодательством суррогатное материнство рассматривается как преступление, за которое предусмотрено 3 года тюремного заключения и штраф в размере 45000 евро (ст. 227-13 УК Франции). Статья 227-12 определяет, что все формы посредничества между будущими родителями и суррогатными матерями запрещены под угрозой наказания в виде одного года тюремного заключения и штрафа в размере 15000 евро [14].

Германия в своем законодательстве предусматривает уголовную ответственность для врача, осуществляющего перенос эмбрионов при процедуре суррогатного материнства, а не для остальных субъектов суррогатного материнства – вынашивающей матери, заказчиков и т.д. Такой подход весьма практичен: врачей, способных осуществить перенос эмбриона гораздо меньше, чем их потенциальных пациентов, поэтому их проще контролировать.

В Китае программы с участием суррогатных матерей – вне закона. Бывали даже случаи, когда суррогатных матерей принуждали к аборту [15].

В Израиле еще в 1996 году был принят закон, регулирующий отношения в сфере суррогатного материнства. В соответствии с этим законом обращаться за

услугами суррогатных матерей имеют право только разнополые родители, для которых нет других возможностей продлить свой род. При этом возможность реализации программы суррогатного материнства рассматривается специальной комиссией, в состав которой входят не только медики, но и психологи, а также социальные работники. Они оценивают физическое и психическое состояние участников программы и внимательно изучают договор. Пары, которые не вступили в официальный брак или в которых бесплоден только муж, участвовать в программах с суррогатной матерью не могут. В законодательстве четко прописан размер вознаграждения. В 2016 году его сумма достигала 36 700 евро. В эту сумму не входят расходы на ЭКО, другие медицинские процедуры, транспортные услуги и т.д. [16].

Что касается России, то ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ст. 55) не исключает возможности такой ситуации, когда однополая пара, состоящая в законном браке (заключенном на территории государства, законодательство которого легализует такие браки) и чьи половые клетки, согласно п. 9 ст. 55 Федерального закона № 323-ФЗ, «использовались для оплодотворения» вполне может стать родителями для ребенка, рождённого при помощи суррогатного материнства [17]. Одновременно, исходя из того факта, что российское законодательство не разрешает однополые браки (опосредованно об этом свидетельствуют п. 3 ст. 1 и п. 1 ст. 12 СК РФ), однополый союз не является семьёй, таким образом при попытке членов такого союза обзавестись ребенком может быть нарушено право последнего проживать и воспитываться в семье, закрепленное в п. 3 ст. 1 и п. 2 ст. 54 СК РФ.

В связи с этим, на наш взгляд было бы целесообразным для разрешения этой ситуации ввести в нашей стране законодательный запрет на доступ лиц, состоящих в однополых браках, независимо от места их регистрации, к суррогатному материнству и вспомогательным репродуктивным технологиям в целом.

Ранее было отмечено, что такие запреты существуют во многих странах, в том числе и в тех, где закон разрешает однополые браки. Например, во Франции даже искусственная инсеминация доступна только гетеросексуальным парам [18, с. 165]. Российские правоведы видят выход из ситуации в предъявлении к лицам, претендующим на участие в программах суррогатного материнства в качестве потенциальных родителей, требований, аналогичных предъявляемым к кандидатам на усыновление в ст. 127 СК РФ [19, с. 61].

Важными юридическими проблемами являются, во-первых, возможность реализации ребенком своего права знать генетических родителей [20, с.26], а во-вторых, – вопрос, кого считать родителями при суррогатном материнстве: генетических родителей (семейную пару, одинокую женщину) или саму суррогатную мать и (если она замужем и учитывая презумпцию отцовства) её супруга, и кто из них должен осуществлять родительские и семейные права в отношении ребенка. Кто же из этих лиц приобретает статус родителей?

В соответствии с действующим законодательством родители ребенка становятся таковыми после их регистрации в книге записи рождений. Для регистрации их в качестве родителей в соответствии с п.1 ст.14 и п.1 ст. 16 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» в органы ЗАГС следует представить заявление о рождении ребенка, а также документ о рождении, выданный медицинской организацией, в которой происходили роды. Следовательно, суррогатная мать, родившая ребенка генетических родителей-заказчиков и предъявив в органы ЗАГС указанные документы, может быть записанной в качестве матери родившегося ребенка, а предъявив свидетельство о браке – и зарегистрировать отцом ребенка своего мужа. Кроме этого право суррогатной матери на установление материнства основывается на п. 1 ст. 48 СК РФ: «...материнство устанавливается на основании документов, подтверждающих рождение ребенка матерью...», т.е. матерью априори считается родившая женщина. Данное положение восходит к

принципу римского права «Mater est quam gestation demonstrat» – «мать определяется беременностью».

Относительно родительских прав супругов–заказчиков или одинокой женщины) законодатель устанавливает следующие правила. Согласно п. 5 ст. 16 ФЗ «Об актах гражданского состояния» генетические родители, для государственной регистрации в качестве родителей ребенка, рождённого по программе суррогатного материнства обязаны, помимо документа о рождении из медицинской организации и своих заявлений, представить документ, выданный медицинской организацией и подтверждающий факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов родителями ребенка.

Вместе с тем юристы-практики, осуществляющие правовое сопровождение договоров суррогатного материнства, свидетельствуют о распространённости другого подхода: суррогатная мать даёт согласие не медицинской организации, а непосредственно заказчикам. При этом, в связи с особой важностью документа, ее согласие на запись заказчиков в качестве родителей обязательно удостоверяется нотариусом. Таким образом, очевидно, что данный способ действий (*modus operandi*) лучше защищает интересы заказчиков, как инициаторов заключения договора суррогатного материнства, по сравнению со способом, предписанным законом, что свидетельствует о необходимости реформирования российского законодательства в данной сфере.

Действующее российское законодательство не предусматривает обязанности для суррогатной матери по передаче рожденного ею ребенка генетическим родителям. Если даже такая обязанность для суррогатной матери будет включена в договор о суррогатном материнстве, такое условие не будет иметь юридической силы. Генетические родители могут осуществить свои родительские права только с согласия суррогатной матери, такое правило закреплено и в п. 4 ст. 51 СК РФ. Такое согласие даётся суррогатной матерью

после рождения ребенка. Ничто не мешает ей до регистрации рождения ребенка отозвать уже данное согласие, либо вообще не давать его. Как видим, закон ставит заказчиков (супругов или одинокую женщину) в зависимость от воли суррогатной матери [21, с. 239]. Позицию законодателя можно объяснить тем, что, что суррогатная мать, не являясь генетической матерью, тем не менее, имеет с ребенком биологическую связь. В процессе беременности и родов проявляются материнские чувства, которые могут полностью изменить ее отношение к ребенку. Если бы в законе была установлена для нее обязанность по передаче ребенка лицам, заключившим с ней договор, это могло бы оказаться для нее столь же тяжелой утратой, как потеря собственного ребенка [22, с. 92].

Данная позиция нашла подтверждение в судебной практике. Так, Конституционный суд РФ своим определением от 15.05.2012 за № 880 отказал супругам Ч.П. и Ч.Ю. в принятии к рассмотрению их жалобы. Супруги Ч. заключили договор с суррогатной матерью Р., которая, после процедуры ЭКО и наступления беременности, забрала из клиники своё заявление об участии в программе суррогатного материнства, а после рождения ребенка зарегистрировала его рождение в органах ЗАГС. При этом матерью была записана она сама, а отцом, с его согласия, – её бывший супруг. Суд общей юрисдикции отказал супругам в удовлетворении иска об установлении факта происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, аннулировании записи акта о рождении ребенка, обязанности не чинить препятствий в регистрации истцов в качестве родителей ребенка. Суд кассационной инстанции оставил это решение в силе, а судьи областного и Верховного Суда Российской Федерации отказали в передаче надзорных жалоб в соответствующие надзорные инстанции.

Конституционный Суд РФ жалобу супругов на нарушение их конституционных прав не принял к рассмотрению, так как не обнаружил такого нарушения. В самом определении суда указано, что установленная законом модель правового регулирования порядка регистрации рождения детей,

родившихся в программах суррогатного материнства, не является единственно возможной.

На наш взгляд, подобная позиция существующего законодательства по вопросу о родительских правах и решение Конституционного Суда порождает ряд неясностей как материально-правового, так и процедурного характера. Прежде всего, возникает ряд вопросов, например, о времени дачи согласия суррогатной матери о передаче ребенка лицам, ожидающим передачи ребенка, может ли суррогатная мать изменить свое решение. Очевидно подобного рода сомнения относительно правомерности разрешения судебных споров по указанной категории дел были и у некоторых судей Конституционного Суда. В частности, двое из них проголосовали против принятия определения и высказали своё особое мнение.

Так, судья Г.А. Гаджиев считает, что «Семейное законодательство, закрепляя приоритет в решении вопроса об установлении юридических отношений между родителями и ребенком за суррогатной матерью, порождает проблему обеспечения баланса прав и интересов генетических родителей и суррогатной матери» [23]. Также он указывает на коллизию между правовым подходом к определению материнства (происхождение ребенка от матери устанавливается на основании документов, подтверждающих рождение ребенка матерью в медицинском учреждении) и медицинским, при котором происхождение человека определяется путем установления тождества генов. Кроме того, судья считает, что «биологическое родство родителей и детей определяется генетической связью и закрепление в законе приоритета суррогатной матери при установлении происхождения ребенка противоречит провозглашенному в ст. 38 Конституции РФ принципу охраны семьи, материнства и детства» [23].

Подобные суждения высказывают и ученые. Мы солидарны с мнением А.В. Майфата о том, что решение, предложенное в законе, является неверным, не

отвечающим как смыслу самой процедуры суррогатного материнства, так и интересам всех заинтересованных сторон данного процесса [24, с.25].

На практике могут возникнуть серьезные проблемы с защитой прав мужчин, участвующих в процедурах суррогатного материнства в тех случаях (они не так и редко встречаются на практике), если суррогатная мать, не состоящая в браке, отказывается передать ребенка супругам-заявителям. Мужчина, предоставивший свой генетический материал (муж женщины-заявительницы), является биологическим отцом ребенка, а потому возможна ситуация, когда по заявлению суррогатной матери этот мужчина может быть записан отцом «суррогатного» малыша, что не противоречит ст. 49 СК РФ. Доказать отцовство, используя результаты генной дактилоскопии в данном случае будет не сложно. Вместе с тем, исходя из действующего закона (в соответствии с п. 3 ст. 52 СК РФ суррогатная мать не вправе при оспаривании материнства и отцовства после совершения записи родителей в книге записей рождений ссылаться на эти обстоятельства), иск суррогатной матери не должен быть удовлетворен. Вместе с тем, полагаем, что мерой, гарантирующей соблюдение прав генетического отца (мужчины, давшего свой биологический материал) в рассматриваемой связи, будет внесение в действующее законодательство нормы о том, что если супруги не приобрели родительских прав в силу отказа суррогатной матери, то последняя лишается права требовать признания отцовства в отношении мужчины, предоставившего свой генетический материал.

В юридической литературе обращается внимание на неоднозначность ответа на вопрос о правах ребенка знать генетических родителей [20, с. 26]. Закон совершенно четко закрепляет право ребенка знать своих родителей (п. 2 ст. 54 СК РФ и ст. 7 Конвенции о правах ребенка 1989 г.). Вместе с тем не ясно, кого считать родителями при суррогатном материнстве – заказчиков (генетических родителей) или саму суррогатную мать и её возможного супруга (если она замужем). Ситуация запутывается ещё больше, если заказчики при ЭКО

используют не свой генетический материал, а донорский. В такой ситуации у ребенка может быть до трёх пар родителей: генетические – доноры ооцитов, спермы либо эмбриона в целом (причем эта пара может не состоять в браке и вообще не знать друг о друге), социально-юридические – заказчики суррогатного материнства и биологические – суррогатная мать, выносившая и родившая ребенка и её возможный супруг, деливший с ней тяготы беременности.

Следует согласиться с предложением А.Р. Пурге о необходимости законодательного закрепления понятия «родители» в сфере суррогатного материнства, исключив из него суррогатную мать, её супруга и возможных доноров генетического материала. [20, с. 11-40]. Следует согласиться также с предложениями ученых относительно необходимости законодательного определения родителями «суррогатного» ребенка именно заказчиков, заключивших соответствующий договор. Вышеизложенные обстоятельства – ещё один аргумент в пользу реформирования законодательства в области суррогатного материнства и создания отдельного федерального закона, регулирующего отношения в этой сфере социальной жизни.

Социальные аспекты применения ВРТ рассматриваются в научной литературе и исследованиях гораздо реже, чем медицинские или юридические, что связано, на наш взгляд, с большими периодами времени, необходимыми для осознания феномена суррогатного материнства, накопления материала для лонгитюдных социологических исследований и формирования общественного мнения.

Непростое положение возникает и при воспитании детей, родившихся при помощи суррогатного материнства у однополых пар. Как известно, одной из важнейших функций семьи, наряду с репродукционной, является воспитательная, т.е. передача ребенку знаний и формирование у него навыков эффективного социального функционирования, обучение его исполнению определённых социальных ролей в семье и в обществе. Часто такая передача и

обучение происходят неосознанно, на уровне импринтинга. Однако если в гетеросексуальной семье девочка с младенчества имеет перед глазами (в идеальном случае) образ любящей жены, заботливой матери и хозяйки дома, у ней формируется адекватная, социально приемлемая модель поведения женщины в браке, то где и у кого может научиться этому дочь двух мужчин-гомосексуалистов, хотя бы и любящих её и друг друга? То же относится и к сыну лесбийской пары. Ребёнок в такой семье, при разнополости с родителями, не имея с детства образца поведения взрослого мужчины в семье, впоследствии будет испытывать значительные трудности при создании собственной семьи.

Согласно исследованиям, нетрадиционные браки менее крепки, чем классические. Интересные исследования в 31 государстве были проведены в Мексиканском институте сексуальной ориентации. Ученые пришли к выводу о том, что в однополых союзах чаще, чем в обычных, встречается «проблема потребления наркотиков, склонность к насилию между партнёрами, к депрессии и самоубийствам», поэтому благополучие детей в таких парах подвергается существенной опасности [25]. Подобные опасения разделяет директор Фонда исследования проблем демократии Максим Григорьев [26].

Имеется и такой взгляд на применение суррогатного материнства с социальной точки зрения: желание конкретной супружеской пары (одиноким женщины) завести ребенка, ограниченное социальными, а чаще – медицинскими причинами (невозможность вынашивания и родов и т.п.) может быть успешно реализовано через процедуру суррогатного материнства. Одновременно с этим, наличие такого желания означает более высокую степень готовности к выполнению родительских обязанностей, а значит рождённый при помощи суррогатного материнства ребёнок будет существовать в более комфортных условиях и с большей вероятностью станет полноценным членом общества. Кроме этого суррогатное материнство, решая проблему бесплодия, способствует

росту численности населения и решению демографических проблем достаточно остро стоящих в современной России [17].

Медицинские аспекты применения суррогатного материнства состоят в опасности беременности как для вынашивающей матери, так и для ребенка. Вот мнение современных российских ученых из Регистра центров ВРТ России: «...вынашивание женщиной генетически чужеродного организма – это проблема ... медицинская: между суррогатной матерью и ... плодом формируются тесные биологические связи. Вынужденное со стороны суррогатной матери («коммерческое») материнство – это психофизиологическая травма для женщины, не говоря уже о риске для самой женщины (выкидыши, внематочная беременность, другие осложнения), в совокупности достигающем 10%» [27, с. 307-314].

Ещё один аспект, хотя и является в своей основе медицинским, фактически находится на стыке собственно медицины, социальной медицины и демографии. К суррогатному материнству, как к технологии «последнего шанса» прибегают женщины, неспособные выносить и родить самостоятельно, в том числе и в связи с различными патологиями репродуктивной системы своего организма. Если при процедуре ЭКО и дальнейшем переносе эмбриона в матку суррогатной матери используется яйцеклетка заказчицы, то существует достаточно высокая вероятность передачи по наследству данной патологии. Такое положение может привести к тому, что в следующих поколениях доля женщин, способных забеременеть и родить естественным путём снизится до критической отметки. Противники таких прогнозов говорят, что у большинства женщин, использующих суррогатного материнства, репродуктивная патология является не врождённой, а приобретённой, что не передаёт генетическую нагрузку по наследству.

Нравственные аспекты применения суррогатного материнства редко упоминаются в научной литературе, обычно они исследуются с точки зрения

религии. Тем не менее, можно выделить две позиции: сторонников суррогатного материнства и его противников по морально-нравственным основаниям. Приверженцы суррогатного материнства аргументируют свою позицию убеждением в праве всякого человека продлять свой род и обзаводиться потомством, причем использоваться для этого могут самые разные технологии. К сторонникам относятся, в первую очередь правоведы, политики, светские общественные деятели, врачи и т.п.

Противники суррогатного материнства, основу которых составляют религиозные деятели и политики в странах, где традиционно сильно влияние церкви на светскую власть (папезаризм), в первую очередь говорят о плацентарной связи, возникающей между ребенком и суррогатной матерью во время беременности. Её разрыв, происходящий при передаче ребенка генетическим родителям, плохо сказывается как на нём, так и на женщине, выносившей и родившей его. Кроме этого коммерческое суррогатное материнство, по их мнению, ведет к эксплуатации женщины.

Существуют и нравственные проблемы, находящиеся на стыке с правовыми аспектами применения суррогатного материнства. Так российские авторы, говоря о возможности решения судьбы ребенка после рождения в судебном порядке (при наличии отказа суррогатной матери на его передачу генетическим родителям), констатируют, что суды чаще становятся на сторону последних. Однако существует дилемма: при утрате во время родов суррогатной матерью способности к материнству впоследствии (родовая травма, другие осложнения) не должен ли суд оставить рождённого ребенка ей? [31]. Эти же авторы считают возможным ведение в российскую правоприменительную практику нормы о необходимости генетического анализа ребенка после рождения ребенка, для защиты прав его генетических родителей [28, с. 254-259].

Весьма сложным нравственным вопросом является вопрос коммерческого суррогатного материнства. С одной стороны женщина, вынашивающая чужого

ребенка, и несущая тяготы беременности, имеет право на определённую компенсацию. С другой – во многих странах коммерческое суррогатное материнство запрещено, что заставляет бесплодные пары выезжать за границу либо искать женщин с альтруистическими мотивами, довольствующимися моральным удовлетворением (при безусловной компенсации заказчиками реальных расходов, связанных с беременностью). Такие женщины часто имеют собственных детей и достаточно обеспечены, чтобы не делать из суррогатного материнства источник дохода.

Рекламные объявления, приглашающие женщин к участию в суррогатных программах, сегодня можно увидеть во многих газетах. По мнению противников суррогатного материнства, реализация подобных программ противоречит международному законодательству о правах человека (Конвенция о защите прав человека, Конвенция о ликвидации дискриминации женщин). Суррогатной матери отводится роль инкубатора, который эксплуатируется на коммерческой основе. Нуждающиеся в деньгах женщины хотят заработать на своем теле и здоровье, не задумываясь о возникающих в дальнейшем проблемах с психическим и физическим здоровьем.

Не секрет, что в некоторых странах женщины стараются массово зарабатывать на суррогатном материнстве. Как пишут «Вести» (Украина), в небольших городах на дверях подъездов висят объявления, где предлагают стать суррогатной матерью за 300 тысяч гривен и донором яйцеклетки за 20 тысяч. Отклик на объявления довольно большой, поскольку для тысяч украинок суррогатное материнство или донорство яйцеклеток становится единственным способом заработка [29].

В Индии, одном из мировых центров суррогатного материнства, данная процедура является источником дохода – как для самих суррогатных матерей, так и для страны в целом (отели, транспортное и медицинское обслуживание «репродукционных» туристов и т.п.). По некоторым данным этот рынок

оценивается в 690 млн. фунтов стерлингов в год. Тысячи клиник по всей стране предлагают подобные услуги, и каждый год сотни бездетных британцев прибегают к ним. Бездетные пары платят по 20 тысяч фунтов за такую процедуру. Но женщина, которая соглашается выносить и родить чужого ребенка, получает, как правило, только четверть от этой суммы. Очевидно, что индийские законы «подогнаны» под эту ситуацию и максимально учитывают права и интересы туристов-заказчиков, а не суррогатных матерей [30].

Вообще полемика по нравственным аспектам суррогатного материнства может составить предмет отдельного исследования, т.к. ученые занимают самые разные, часто полярные позиции, приводя небесспорные аргументы. Так, например Э.А. Иваева, считая сам факт вынашивания ребенка суррогатной матерью является крайне безнравственным, говорит, что ребенок, выношенный суррогатной матерью, девять месяцев существует в состоянии товара, который меняют на деньги. В следующей фразе речь идёт уже о том, что женщина, отдающая рождённого ей ребёнка, продаёт за деньги своё тело. Налицо трудности с определением объекта продажи – ребенок или тело матери [31]. Подобная неопределенность присуща многим противникам суррогатного материнства по нравственным причинам. Аргументы о «продаже» ребенка суррогатной матерью при коммерческом суррогатном материнстве не выдерживают критики: нельзя продать ребенка, который не принадлежит тебе, как не может владелец сдаваемого в аренду склада продать товар, который хранит там арендатор ему самому [32, с. 65-73].

Религия, в лице ведущих мировых конфессий, отвергает суррогатное материнство, как и большинство современных ВРТ, так как зачатие, происходящее (при использовании ЭКО) вне тела человека и вне супружеского акта не соответствует церковным канонам. Тем не менее, покаяние родителей в совершенном грехе использования замещающей матери делает возможным крещение ребёнка и таким образом – принятие его в лоно церкви. Католическая

церковь кроме того упоминает и о проблеме сверхкомплектных эмбрионов при ЭКО, утилизация которых приравнивается к аборту, т.е. греху детоубийства. Проблема сверхкомплектных эмбрионов стала предметом необычного для России спора, который рассматривается в городском суде Черкесска (Карачаево-Черкесская Республика). В феврале прошлого года супружеская пара обратилась в клинику Санкт-Петербурга для проведения процедуры ЭКО. Как обычно, было создано больше эмбрионов, чем могло потребоваться для одной попытки оплодотворения, а между пациенткой и медицинским центром был заключен договор о предоставлении медицинской услуги криоконсервации. Брак супругов был расторгнут и бывший супруг потребовал у медицинского центра утилизировать хранившиеся эмбрионы, но жена была против и хотела продлить договор. Она настаивала на том, что супруг, в принципе, не уполномочен что-либо требовать от медицинского центра, поскольку все оплаты производились от ее имени. По просьбе пациентки суд принял меры обеспечительного характера – запретил клинике осуществлять какие-либо действия с криоконсервированными эмбрионами до рассмотрения искового заявления и вступления в силу решения суда. Суду предстоит решить, кто вправе распоряжаться замороженными для процедуры ЭКО эмбрионами – муж или жена [33].

Таким образом, следует констатировать, что, предоставляя право решать вопрос о судьбе ребенка только суррогатной матери, закон потенциально создает возможность для возникновения множества проблем как правового, так и морального плана. Однако стоит заметить, что юридическая практика в последнее время в нашей стране, хотя и в редких случаях, но все же начинает складываться не в пользу суррогатной матери. Так, в ноябре 2015 года Мосгорсуд подтвердил решение об изъятии полугодичной девочки у родившей ее суррогатной матери, жительницы Крыма С. Безпнятой, и передаче 51-летней москвичке О. Миримской. Безпнятая, скрывавшаяся за границей вместе с ребенком, была задержана полицией Кипра, а девочку передали Миримской.

Приведенный случай – нонсенс юридической практики, если учесть то обстоятельство, что суд вынес подобное решение, несмотря на то, О. Миримская не является даже донором биологического материала [34].

Аналогичное гражданское дело было предметом судебного спора в Санкт-Петербурге. 21 февраля 2017 года после подтверждения Санкт-Петербургским городским судом вступило в силу решение, признающее супругов Фроловых родителями близнецов, выношенных из предоставленных ими эмбрионов 35-летней гр. Суздалевой. Ранее гр. Суздалева потребовала от заказчиков двойного повышения оплаты за вынашивание двоих детей вместо одного, а затем зарегистрировала близнецов в качестве своих детей, записав их отцом своего супруга [35].

Иногда судам приходится принимать более серьезные меры по отношению к суррогатным матерям вплоть до уголовной ответственности. Например, Орджоникидзевский районный суд г. Перми 14.12.2015 г. рассмотрел уголовное дело о мошенничестве со стороны суррогатной матери Мотовиловой Л. (участие в программе без агентства суррогатного материнства). Приговором суда гр. Мотовилова была приговорена к обязательным работам на срок 460 (четыреста шестьдесят) часов. Кроме того, суд обязал ее возместить значительный материальный ущерб, причиненный супругам-заказчикам [36].

Несмотря на небольшой объём судебной практики по таким спорам в России, на наш взгляд целесообразно, чтобы Верховный суд РФ провел обобщение этой практики и подготовил разъяснения по спорным вопросам в том числе — в отношении детей, зачатых с использованием донорских материалов и суррогатного материнства. Об этом совсем недавно на семинаре-совещании председателей региональных судов высказался председатель ВС РФ Вячеслав Лебедев.

В одном из своих выступлений, комментируя конфликт суррогатной матери с заказчиками, уполномоченный по правам детей в Санкт-Петербурге

Светлана Агапитова отметила «Я вижу лишь два пути, как этого избежать: конкретизировать законодательство или полностью отменить суррогатное материнство на коммерческой основе» [37]. Ни у кого не возникает какого либо сомнения относительно необходимости принятия юридически выверенного Федерального закона, который бы урегулировал все важные вопросы применения ВРТ и этот закон, на наш взгляд, должен если не отменить, то существенным образом ограничить возможные случаи применения коммерческого суррогатного материнства.

References

1. В России скоро будет некому рожать. URL: <http://news.rambler.ru/community/35877415-v-rossii-skoro-budet-nekomu-rozhat/> (дата обращения: 22.12.2016).
2. Шахова М.А. Вспомогательные репродуктивные технологии в браке при мужском бесплодии: дисс. доктора мед. наук. Москва, 2007. 275 с. URL: <https://dvs.rsl.ru/PGKUB/Vrr/SelectedDocs?docid=%2Frsl01004000000%2Frsl01004308000%2Frsl01004308062%2Frsl01004308062.pdf> (дата обращения: 11.12.2016).
3. URL: <http://eawfpress.ru/about/organizatsiyam/strategia2017.php> (дата обращения: 12.03.2017).
4. Митрякова Е.С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России: дисс. кандидата юр. наук. Тюмень, 2006. 175 с. URL: <https://dvs.rsl.ru/PGKUB/Vrr/SelectedDocs?docid=%2Frsl01003000000%2Frsl01003304000%2Frsl01003304948%2Frsl01003304948.pdf> (дата обращения 24.12.2016).
5. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 29.12.2015) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации". Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Пестрикова А.А. Обязательства суррогатного материнства: дисс. кандидата юр. наук. Самара, 2007. 202 с. URL: <https://dvs.rsl.ru/PGKUB/Vrr/SelectedDocs?docid=%2Frsl01003000000%2Frsl01003372000%2Frsl01003372295%2Frsl01003372295.pdf> (дата обращения: 25.12.2016).

7. Одинокий петербуржец признан единственным родителем «суррогатной двойни» URL: <http://www.jurconsult.ru/news37.php> (дата обращения: 20.02.2017).

8. Хронология легализации однополых союзов. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/#cite_note-2 (дата обращения: 07.11.2016).

9. Однополые браки: новая реальность? URL: <http://islam.com.ua/semya/19605-odnopolyye-braki-novaya-realnost> (дата обращения: 27.12.2016).

10. Куц, К. Превратности дипломатии, или гей-свадьба немецкого министра. — «БФМ.ру», 2010 год, 20 сентября.

11. Uniform status of children of assisted conception (1989) //URL: <http://www.Law.Cornell.Edu> (дата обращения 07.01.2017).

12. Comité de soutien pour la Legalisation de la GPA(Gestation Pour Autrui)et l'Aide à la Reproduction Assistée// URL: <http://claradoc.gpa.free.fr> (дата обращения: 17.02.2017).

13. Французский Гражданский кодекс: учебно-практический комментарий. М. : Проспект, 2008. 272 с.

14. Французский Уголовный Кодекс. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20110417&cidTexte=LEGI TEXT000006070719&fasiRegld=1978552143&fasiPos1&oldAction=rechCodeArticle> (дата обращения 04.02.2017).

15. URL: <http://birth-info.ru/230/surrogacy-Surrogatnoe-materinstvo-v-SSHA--Evrope--Izraile-i-drugikh-stranakh/> (дата обращения 23.12.2016).

16. Суррогатное материнство в США, Европе, Израиле и других странах
URL: <http://birth-info.ru/230/surrogacy-Surrogatnoe-materinstvo-v-SSHA--Evrope--Izraile-i-drugikh-stranakh/> (дата обращения 28.01.2017).

17. Кроссман Т. Суррогатное материнство в праве Российской Федерации / 20 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: итоги, тенденции и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции (Ульяновск, 12 декабря 2014 г.) / ФГБОУ «Ульяновский государственный университет» / под ред. Н. А. Барина, С. Ю. Морозова. – М. : Проспект, 2015. 312 с.

18. Биомедицинская этика / под ред. В. И. Покровского. – М. : Медицина, 1997. 224 с.

19. Пестрикова А.А. Обязательства суррогатного материнства: дисс. кандидата юр. наук. Самара, 2007. 202 с. URL: <https://dvs.rsl.ru/PGKUB/Vrr/SelectedDocs?docid=%2Frsl01003000000%2Frsl01003372000%2Frsl01003372295%2Frsl01003372295.pdf> (дата обращения 19.12.2016).

20. Пурге А. Р. Правовое регулирование суррогатного материнства, как метода вспомогательных репродуктивных технологий: дисс. канд. юр. наук. Душанбе, 2015. 237 с. URL: <https://dvs.rsl.ru/PGKUB/Vrr/SelectedDocs?docid=%2Frsl01008000000%2Frsl01008066000%2Frsl01008066718%2Frsl01008066718.pdf> (дата обращения 26.01.2017).

21. Максимова О.О. Суррогатное материнство: юридические аспекты // Политика и право: Ученые записки. Благовещенск: Благовещенский городской центр информационных технологий, 2005. С. 239.

22. Антокольская М.В. Семейное право. Учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. С.92.

23. Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 г. N 880-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51

Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона "Об актах гражданского состояния" URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70093054/> (Дата доступа: 14.01.2017).

24. Майфат А.В. Суррогатное материнство иные формы репродуктивной деятельности в новом Семейном Кодексе РФ // Юридический мир. 2000. № 2. С. 25.

25. Усыновление однополыми парами чревато негативными последствиями для детей. — «Радио Ватикана», 2010 год, 29 июля

26. Максим Григорьев: «Дефицит демократии» по-евроамерикански. — «Взгляд», 2006 год, 31 июля.)

27. Баранов А.А. и др. Медико-социальные проблемы вспомогательных репродуктивных технологий с позиции педиатрии // Вестник РАМН. 2015. Вып. 3(70). С. 307-314.

28. Пашина И.В., Симонян Р.З. Медико-социальные проблемы суррогатного материнства в России // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. С. 254-259.

29. Вести: Иностранцы превратили Украину в фабрику суррогатных детей. URL: <http://inosmi.info/vesti-inostrantsy-prevratili-ukrainu-v-fabriku-surrogatnykh-detey.html> (дата обращения 07.09.2016).

30. Фабрика детей: на что индийские суррогатные матери тратят заработок URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1147928> (дата обращения: 17.01.2017).

31. Иваева Э.А. Институт суррогатного материнства как способ реализации репродуктивной функции человека // Медицинское право. 2009. № 1. С. 47-49.

32. Решетов Д.Г. Право ребенка на семейное воспитание: суррогатная мать или генетические родители? Моральный и юридические аспекты // Защита материнства, отцовства, детства: правовые, социальные, медицинские,

нравственные аспекты: материалы круглого стола студ. юрид. ф-та, спец. «Социальная работа» (г. Пермь, 6 дек. 2016 г.)/ под общ. ред. С.И. Реутова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т – Пермь, 2016, - 196.

33. URL: <http://www.medvestnik.ru/content/news/Possorivshiesya-suprugicherez-sud-reshaut-sudbu-zamorojennyh-embriionov.html> (дата обращения: 23.12.2016).

34. URL : <http://surmoms.com/judge-practice/> (дата обращения: 19.01.2017).

35. Яна Хватова. Чужая мама. Суррогатная мать передумала отдавать детей настоящим родителям. URL: http://www.aif.ru/society/people/chuzhaya_mama_surrogatnaya_mat_peredumala_ot_davat_detey_nastoyashchim_roditelyam (дата обращения: 16.02.2017).

36. Судебные практики России за 2015 год по тематике «Суррогатное материнство». URL: <https://surmoms.com/judge-practice/> (дата обращения: 09.12.2016).

37. Официальный сайт Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге. Суррогатная мечта... <http://www.spbdeti.org/id6258> (дата обращения: 12.03.2017).

Yakovleva A.D., Isakova Yu.B. Formation of a favorable psychological climate in the pedagogical collective of a pre-school educational organization.

Формирование благоприятного психологического климата в педагогическом коллективе дошкольной образовательной организации.

Yakovleva Anastasia D.

South Ural state humanitarian-pedagogical University, Chelyabinsk
alenamiass@mail.ru

Isakova Yulia B.

South Ural state humanitarian-pedagogical University, Chelyabinsk
yisakova73@mail.ru

Анастасия Дмитриевна Яковлева

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск

Юлия Борисовна Исакова

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск

Abstract: in the article actual problems of formation of a favorable psychological climate in the teaching staff of preschool educational institution on the ascertaining stage of psychological climate studied experiment in the teaching staff, theoretically grounded, developed and introduced into the practice of the teacher-psychologist's recommendations aimed at creating a favorable psychological climate in the teaching staff, held control section, and performed quantitative as any analysis of the evidence, conclusions are made.

Keywords: psychological climate, collective, ascertaining, forming, control, formation, mathematical statistics.

Аннотация: в статье рассматриваются проблема формирования благоприятного психологического климата в педагогическом коллективе дошкольной образовательной организации, на констатирующем этапе эксперимента изучен психологический климат в педагогическом коллективе, теоретически обоснованы, разработаны и внедрены в практику деятельности педагога-психолога рекомендации, направленные на формирование благоприятного психологического климата в педагогическом коллективе, проведен контрольный срез, проведен количественный и качественный анализ фактических данных, сделаны выводы.

Ключевые слова: психологический климат, коллектив, констатирующий, формирующий, контрольный, формирование, математическая статистика.

Актуальность проблемы и темы исследования: обусловлена радикальными экономическими изменениями, которые происходят сегодня в обществе и существенно влияют на характер социальных отношений. В условиях

реформирования всех сторон жизни общества, когда коренным образом меняется социально-экономическое устройство страны, назрела крайняя необходимость в совершенствовании дошкольной, школьной жизни, всей системы педагогической деятельности, в пересмотре приоритетов и ценностей.

Психологический климат в дошкольном образовательном учреждении оказывает влияние на субъективное благополучие личности педагога, его успехи, на взгляды и деятельность воспитанника. В этой связи актуальность его изучения, равно как и факторов, способствующих формированию благоприятного психологического климата в педагогическом коллективе, видится очевидной. Педагогический коллектив с положительным психологическим климатом отличается благоприятной морально-психологической атмосферой, дружелюбием, взаимной симпатией и чувством защищённости его членов; работает слаженно, достигая высоких результатов [6, с.197]. При этом эффективность работы может быть достигнута при условии согласованности действий всего педагогического коллектива, поддержки руководства [2, с.256].

Исследуя коллектив, необходимо выявить его особенности, а для этого мы должны изучить особенности личности и взаимоотношения педагогов в коллективе. С этой целью и было проведено данное исследование.

В самом общем виде психологический климат коллектива определяют как преобладающий в коллективе относительно устойчивый психологический настрой его работников, проявляющийся в многообразных формах их деятельности.

Исследованием психологического климата занимались отечественные психологи: Б.Д. Парыгин, К.К. Платонов, А.А. Русалинова, В.М. Шепель, А.Н. Щербань и др. [2, 3, 4, 5, 7].

Проблема создания благоприятного психологического климата изучалась многими отечественными психологами и педагогами. Эта проблема разрабатывалась в трудах Н.П. Аникеева, Р.Х. Жакурова, А.С. Макаренко, работах А.Н. Лутошкина, Т.А. Репиной, В.П. Сергеевой и др. [1,с.25].

Цель исследования: теоретически обосновать, разработать и внедрить в практику деятельности педагога-психолога рекомендации, направленные на формирование благоприятного психологического климата в педагогическом коллективе дошкольной образовательной организации.

Объект исследования: особенности психологического климата в педагогическом коллективе.

Предмет исследования: пути и способы формирования благоприятного психологического климата в педагогическом коллективе.

Опытно-экспериментальная работа была организована в естественных условиях Муниципального казенного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад комбинированного вида № 85» города *.

На основе анализа психолого-педагогической литературы, а также учитывая особенности педагогического коллектива ДООУ, нами был сформирован пакет диагностических методик, который представлен в таблице 1.

Таблица 1

Методики изучения психологического климата педагогического коллектива

Характеристика	Методы исследования	Цель
1. Культура управления в ДОУ	Опросник «Диагностика личностной и групповой удовлетворенности работой». Авторы методики: Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.	Изучить уровень удовлетворенности педагога психологической комфортностью условиями труда внутри коллектива, содержанием деятельности, взаимоотношениями с руководством и коллегами, возможностью профессионального роста
2. Система социальных отношений, культура межличностных отношений и общения	«Шкала оценки психологического климата в педагогическом коллективе». Методика разработана О.С. Михалюк и А.Ю. Шалыто на кафедре социальной психологии факультета психологии СПб. университета.	Способность коллектива ставить реалистичные общие цели, формировать структуру индивидуальных целей, соответствующих общим, строить и гибко изменять структуру взаимодействий и взаимоотношений, обеспечивающих достижение поставленных целей с максимально возможной эффективностью Комплексная оценка развитости системы специфических отношений в коллективе.
3. Профессиональное выгорание	Опросник Н.Е. Водопьяновой, Е.А. Старченковой «Психическое выгорание».	Изучение эмоционального напряжения, профессиональной деформации и отношений в системе «человек – человек».
4. Диагностика уровня конфликтности	Оценка уровня конфликтности в коллективе, автор методики А. Шипилов.	Изучение общего уровня конфликтности коллектива

Предлагаемые нами методики, позволяют исследовать основные характеристики психологического климата в педагогическом коллективе. Они

достаточно просты в проведении и обработке результатов, экономны по времени. Отвечают требованиям надёжности и валидности, позволяют эффективно и качественно изучить и оценить характерологические особенности психологического климата по критериям, спланировать соответствующие мероприятия по его оптимизации и коррекции. Использовать все методики одновременно не обязательно, важно изначально обратить внимание на цель которую преследует педагог-психолог, что конкретно будет изучаться.

На констатирующем этапе эксперимента мы изучили психологический климат в педагогическом коллективе ДОУ. Результаты исследования представлены в рисунке 1

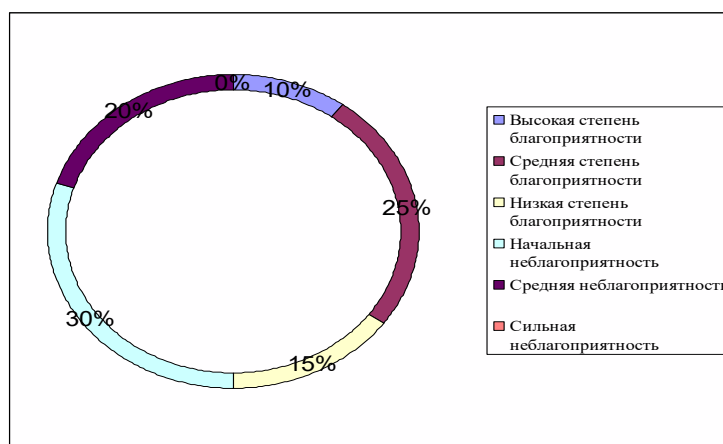

Рисунок 1 Психологический климат в педагогическом коллективе ДОУ на констатирующем этапе эксперимента

Анализируя результаты, можно сделать вывод, что самый высокий процент опрошенных (30%) указывает на начальную степень неблагоприятности психологического климата в коллективе ДОУ, следовательно, руководителю дошкольного учреждения, а также психологу необходимо предусмотреть меры, направленные на оздоровление психологического климата в коллективе.

Далее, нами была осуществлена диагностика личностной и групповой удовлетворенности работой. Наглядно результаты проведенной диагностики представлены на рисунке 2.

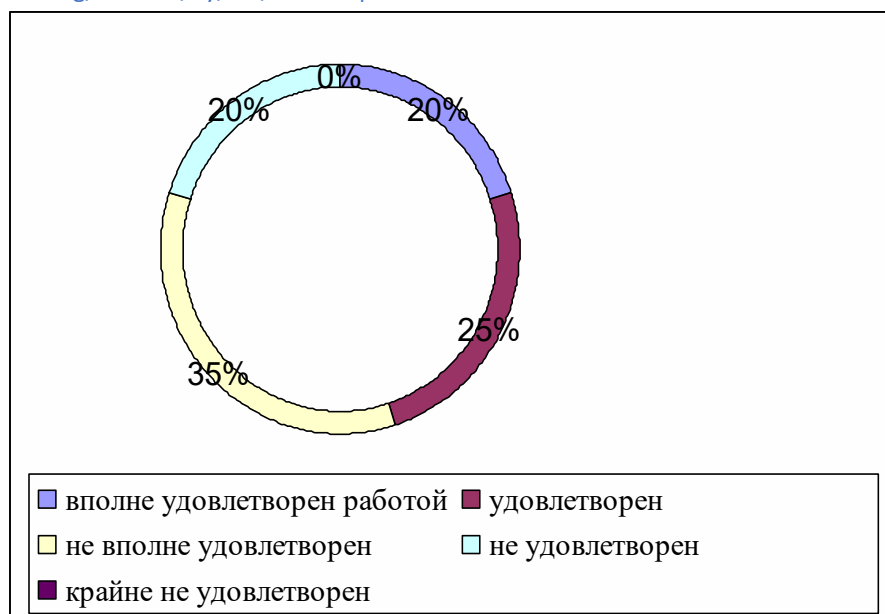

Рисунок 2 Личностная удовлетворенность работой педагогов ДОУ на констатирующем этапе эксперимента

Анализируя результаты проведенной диагностики, мы пришли к выводу, что процент не вполне удовлетворенных своей работой достаточно высок (35%). Следовательно, руководителю ДОУ совместно с психологом необходимо продумать меры управленческого характера, чтобы повысить заинтересованность людей в своей работе, и как следствие степень удовлетворенности сотрудников своей работой. Уровень удовлетворенности также свидетельствует о необходимости оздоровления психологического климата коллектива, чтобы повысить уровень моральной удовлетворенности работой.

Далее на констатирующем этапе опытно-экспериментальной работы была проведена диагностика «Психическое выгорание». Наглядно результаты проведенной диагностики представлены на рисунке 3.

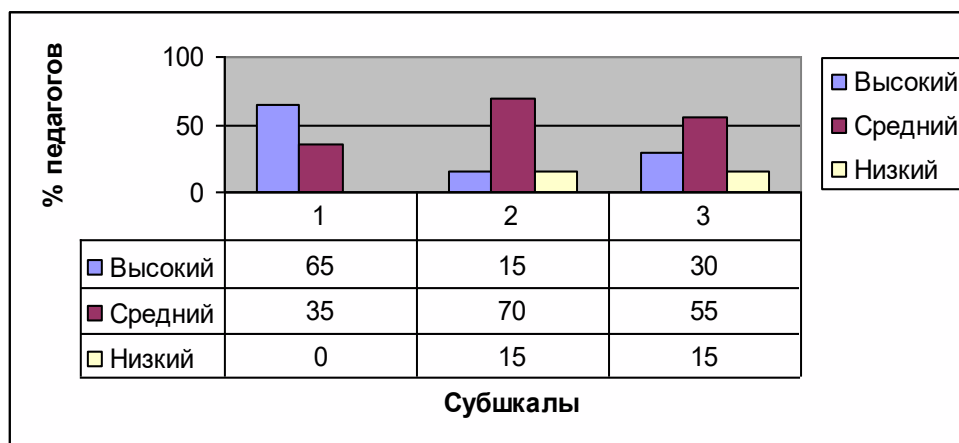

Рисунок 3. Результаты диагностики «Психическое выгорание» на констатирующем этапе опытно-экспериментальной работы

Таким образом, анализ результатов диагностики позволяет сделать вывод, что в педагогическом коллективе ДООУ очень высок процент педагогов с эмоциональным истощением (65%). Остальные два показателя: деперсонализация и редукция личных достижений находятся в пределах нормы – в основном средний уровень показателей (70% и 55%).

Далее мы проанализировали уровень конфликтности. Результаты диагностики представлены на рисунке 4.

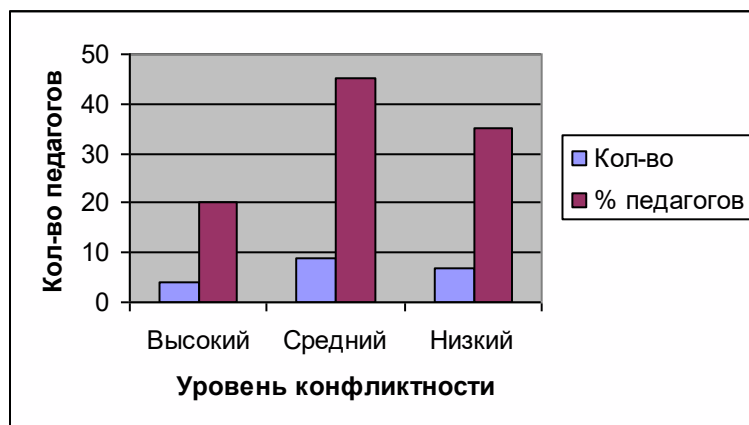

Рисунок 4. Уровень конфликтности педагогов ДОУ на констатирующем этапе эксперимента

Анализируя полученные результаты, мы пришли к выводу, люди, работающие в исследуемом коллективе в основном спокойны, уверены в себе, их желания и стремления сбалансированы, наблюдается последовательность в поведении. В уровень конфликтности в коллективе находится на среднем уровне. Так как большинство (45%) педагогов соответствовали показателю среднего уровня конфликтности. Это характеризует их как людей конфликтных, но прибегающих к конфликту в том случае, если все другие средства исчерпаны.

Анализируя результаты констатирующего этапа экспериментального исследования, нами был сделан вывод: проблема формирования благоприятного психологического климата, актуальна для коллектива. Формирование благоприятного психологического климата – это одна из главных задач в работе администрации и психолога ДОУ.

Таким образом, учитывая вышесказанное, необходимо создание специальных условий в педагогическом коллективе ДОУ с целью психологического сопровождения педагогов, профилактики эмоционального выгорания, обеспечения психологически благоприятного климата в образовательном учреждении.

Следующим этапом опытно-экспериментальной работы был формирующий этап. Деятельность педагога-психолога по формированию благоприятного психологического климата педагогического коллектива включала в себя:

1. Диагностическую работу, которая проводится по запросу администрации или самих педагогов для выполнения целей и задач, поставленных перед образовательным учреждением.

2. Развивающую работу. «Школа молодого специалиста».

3. Тренинговую работу. Тренинговая работа рекомендуется к проведению не реже трех раз за учебный год. Тренинги приурочены к началу, середине и концу года.

4. Психологическое просвещение.

5. Консультативную работу.

Заключительным этапом опытно-экспериментальной работы было проведение контрольного эксперимента.

На контрольном этапе опытно-экспериментальной работы, мы провели повторную диагностику с использованием тех же самых методик, что и на констатирующем этапе. Сначала мы изучили психологический климат в педагогическом коллективе ДОУ.

Наглядно динамика уровня благоприятности психологического климата в коллективе ДОУ на контрольном этапе эксперимента представлена на рисунке 5.

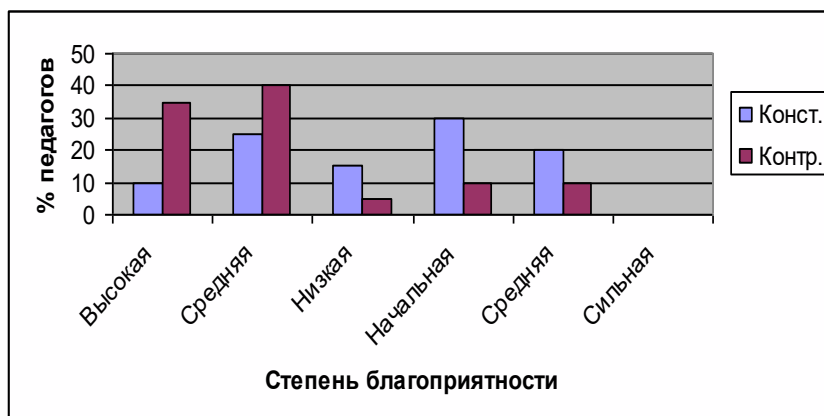

Рисунок 5. Динамика уровня благоприятности психологического климата в коллективе ДОУ на контрольном этапе эксперимента

Анализируя результаты динамики уровня психологического климата в педагогическом коллективе ДОУ можно сделать вывод, что в уровне благоприятности психологического климата в коллективе ДОУ наблюдается положительная динамика, после проведенной работы. По сравнению с констатирующим этапом опытно-экспериментальной работы увеличился % респондентов с высокой степенью благоприятности психологического климата с 10% – на констатирующем этапе, до 35 % на контрольном этапе. Также увеличился процент (с 25% – на констатирующем этапе эксперимента, до 40 % – на контрольном этапе) респондентов со средней степенью благоприятности уровня психологического климата в коллективе ДОУ. И напротив, сократился процент респондентов с низкой степенью благоприятности уровня психологического климата с 15% – на констатирующем этапе эксперимента, до 5 % – на контрольном этапе эксперимента. Также сократился процент респондентов с начальной и средней степенью неблагоприятности уровня психологического климата в коллективе ДОУ с 30% до 10% и с 20% до 10 % соответственно.

Далее, нами была осуществлена диагностика личностной и групповой удовлетворенности работой. Затем мы сопоставили результаты диагностики личностной удовлетворенности работой педагогов ДОУ на констатирующем и контрольном этапе эксперимента. Динамика личностной удовлетворенности работой педагогов ДОУ представлена на рисунке 6

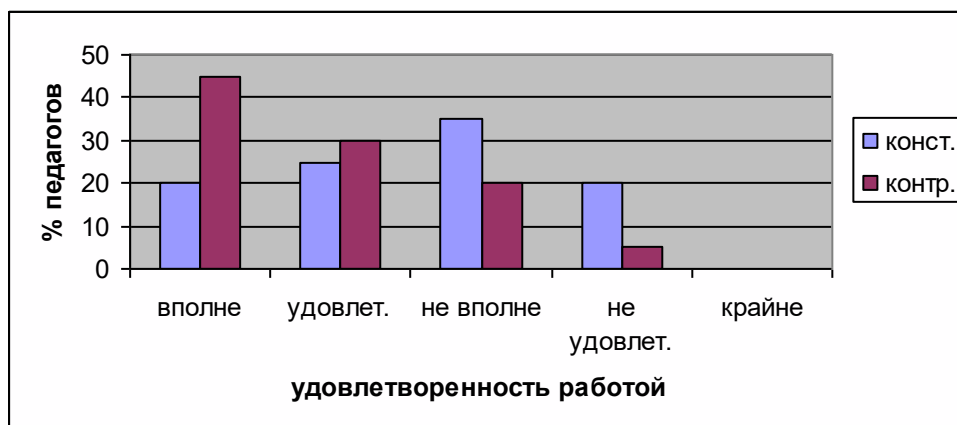

Рисунок 6. Динамика личной удовлетворенности работой педагогов ДОУ

Анализируя динамику личной удовлетворенности работой педагогов ДОУ можно сделать следующие выводы: уровень удовлетворенности работой повысился, так как явно видна положительная динамика. Возрос % педагогов вполне удовлетворенных работой с 20% – на констатирующем этапе эксперимента до 45 % – на контрольном этапе эксперимента. На 5 % увеличилось число респондентов удовлетворенных своей работой, сократился процент не вполне удовлетворенных своей работой с 35 % – на констатирующем этапе эксперимента до 20 % – на контрольном этапе эксперимента. Существенно снизился процент респондентов не удовлетворенных своей работой с 20 % – на констатирующем этапе эксперимента, до 5 % – на контрольном этапе эксперимента.

Далее на контрольном этапе опытно-экспериментальной работы была проведена диагностика «Психическое выгорание». Так как две шкалы данной методики у большинства респондентов находились в пределах нормы, то особое внимание было уделено показателю «эмоциональное истощение», который у большинства педагогов находился на высоком уровне на констатирующем этапе эксперимента.

После проведения повторной диагностики «Психическое выгорание», мы сопоставили результаты констатирующего и контрольного этапов эксперимента. Результаты анализа представлены на рисунке 7

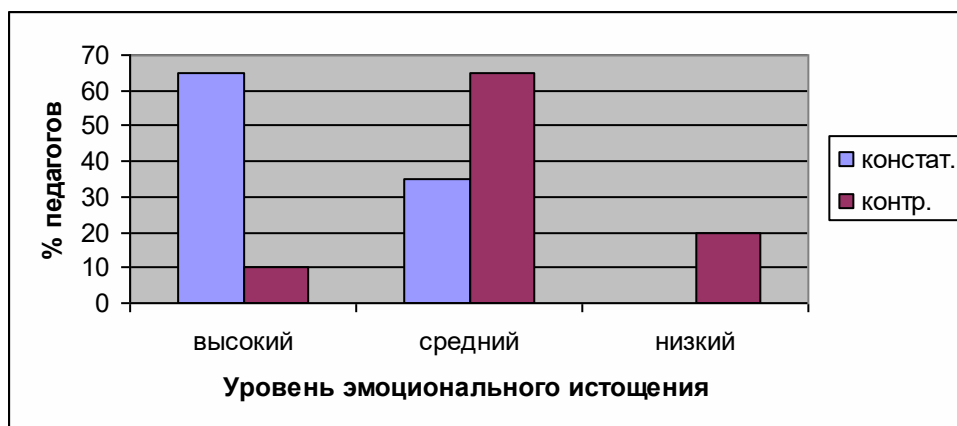

Рисунок 7. Динамика уровня эмоционального истощения педагогов ДОУ

Анализируя полученные результаты можно сделать вывод, что наблюдается положительная динамика в уровне эмоционального истощения педагогов ДОУ, так как существенно снизился процент педагогов с высоким уровнем эмоционального истощения с 65 % на констатирующем этапе до 10 % – на контрольном этапе. Таким образом, динамика составила 55 %. Повысился процент педагогов со средним уровнем эмоционального истощения с 35 % – на констатирующем этапе эксперимента до 65 % – на контрольном этапе эксперимента. Если на констатирующем этапе совершенно отсутствовали педагоги с низким уровнем эмоционального истощения, то на контрольном этапе процент таких педагогов вырос до 20 %, что явно подтверждает положительную динамику.

Далее мы проанализировали динамику уровня конфликтности педагогов ДОУ. Мы сопоставили результаты констатирующего и контрольного этапов эксперимента, результаты анализа представлены на рисунке 8

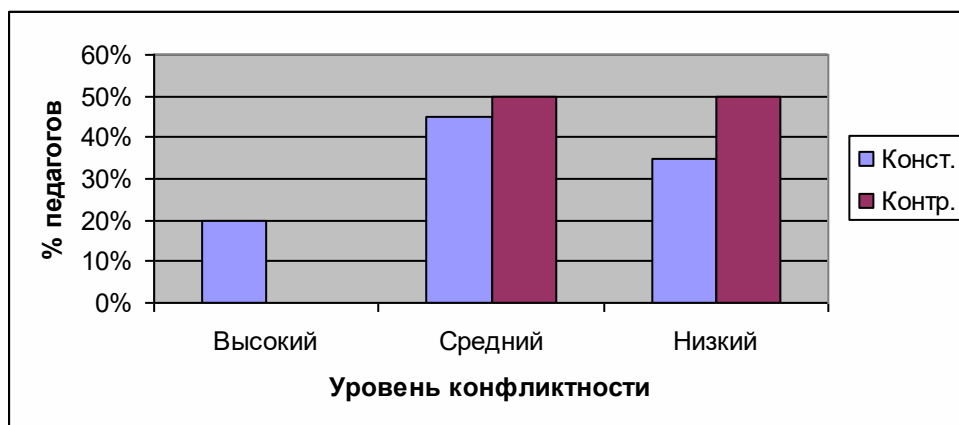

Рисунок 8. Динамика уровня конфликтности педагогов ДОУ

Анализируя динамику уровня конфликтности педагогов ДОУ можно заключить, что по сравнению с констатирующим этапом эксперимента уровень конфликтности педагогов снизился, так как на 20 % уменьшилось количество педагогов с высоким уровнем конфликтности и на контрольном этапе эксперимента педагоги с высоким уровнем конфликтности отсутствуют, на 5 % по сравнению с констатирующим этапом увеличился процент педагогов со средним уровнем конфликтности. Также увеличился процент педагогов с низким уровнем конфликтности с 35 % – на констатирующем этапе эксперимента, до 50 % – на контрольном этапе эксперимента, таким образом, динамика составила 15 %.

Проведенное исследование явно показывает положительную динамику уровня развития психологического климата в педагогическом коллективе ДОУ.

Для подтверждения эффективности опытно-экспериментальной работы, мы воспользовались методом математической статистики. Для обоснованности выводов, мы использовали t – критерий Стьюдента, предназначенный для установления различий, а именно формулу для сравнения в рамках одной группы, по принципу «до-после».

С помощью методов математической статистики с достоверностью в 95% было установлено, что есть существенные различия в уровне благоприятности психологического климата в педагогическом коллективе, в уровне

удовлетворенности педагогов своей работой и в уровне конфликтности педагогов, так как после произведенных расчетов эмпирическое значение t -критерия Стьюдента попало в зону существенных различий.

Таким образом, можно утверждать, что разработанные нами рекомендации для педагогов-психологов, направленные на формирования благоприятного психологического климата в педагогическом коллективе оказывают эффективное влияние на уровень благоприятности психологического климата педагогического коллектива.

References

1. Аникеева Н.П. Психологический климат в коллективе [Текст] / Н.П. Аникеева. – М.: Просвещение, 1989. – 223 с.
2. Парыгин Б.Д. Социальная психология: проблемы методологии, истории и теории [Текст] / Б.В. Парыгин. – СПб.: ИГУП, 1999. – 592 с.
3. Педагогика: учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений [Текст] / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов. – 4-е изд. – М.: Школьная Пресса, 2002. – 512 с.
4. Платонов К.К. Занимательная психология [Текст] / К.К. Платонов. – Изд-во «РИМИС», 1962. – 300 с.
5. Русалинова А.А. Изучение социально-психологического климата в первичных производственных коллективах [Текст] / А.А. Русалинова // Организационная психология: хрестоматия: [психологический климат и организационная культура. Информационные процессы в организационно-управленческой деятельности. Парадигмы исследования и описания организаций. Организационное поведение, взаимодействие и развитие] / сост. Л.В. Винокуров, Л.В. Скрипюк. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – с. 409-420.

6. Сластенин В.А. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений [Текст] / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 576 с.

7. Шепель В.М. Управленческая психология [Текст] / В.М. Шепель. – М., 1986.

SECTION 2. ARTS

UDC 7

Babenko S., Chubay S. A comparative analysis of methods of representation of information in the Internet music industry

Опыт сравнительного анализа способов репрезентации информации в интернет-изданиях музыкальной тематики

Babenko Sergey

Master's degree student,
Volgograd State University

Scientific adviser

Chubay S., Ph.D, Associate Professor,
Department of journalism and mediacommunications
Volgograd State University

Бабенко Сергей

Магистрант

Волгоградский государственный университет

Научный руководитель

Чубай С.А. кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики и медиакommunikаций
Волгоградский государственный университет

Abstract: Comparing the Russian and American version of the site of the popular music magazine "Rolling Stone", we have tried to identify similarities and differences in the techniques and methods of covering the musical information in the space of modern online media.

Keywords: Internet-media, music journalism, techniques and methods of representation, «Rolling Stone» journal

Аннотация. Путём сравнительного анализа русской и американской версий сайта популярного музыкального журнала «Rolling Stone» производится попытка выявить сходства и различия в приёмах и методах освещения событий мира музыки в пространстве современных интернет-СМИ.

Ключевые слова: интернет-СМИ, музыкальная журналистика, приёмы и методы репрезентации, журнал «Rolling Stone».

На сегодняшний день тот факт, что читательская аудитория из-за специфики веб-сайтов по-разному воспринимает материалы, размещённые на них и в печатных СМИ, не вызывает сомнений. Учёт этой специфики естественным образом вызывает изменения в работе, приёмах и методах журналистов, создающих содержательное наполнение для веб-ресурсов. Это

характерно для всех сфер интернет-журналистики, в том числе и для рассматриваемой нами музыкальной. Выявление подобных изменений, приёмов и методов выступает целью нашего исследования.

Музыкальные интернет-издания или музыкальные веб-сайты представляют собой разновидность ресурсов сети Интернет, основной задачей которых является распространение разнообразной информации музыкальной тематики в виде статей, рецензий, интервью, отчётов (текстовых, фото- и/или видео), аудио-файлов, объявлений и т. п.

В качестве материала для сравнительного анализа выступают русская и американская версии сайта популярного музыкального журнала «Rolling Stone». Изначально «Rolling Stone» – американский журнал, посвящённый музыке и поп-культуре. Был основан в 1967 г. Янном Уэннером и музыкальным критиком Ральфом Глисоном. Сегодня выпускается в 16 странах мира, с 2004 г. – в России. Практически с первых лет своего существования имеет репутацию самого читаемого и респектабельного журнала о современной музыкальной индустрии. Русскоязычная электронная версия стремится соответствовать уровню оригинала, как печатного, так и электронного. Ей свойственны профессиональная журналистика, широкий охват стилей и направлений музыки, освещаемых в журнале, подробные и актуальные статьи [2].

Несмотря на то, что и русская, и американская версии сайтов по сути являются интернет-представительством одного и того же журнала, при сравнении их структуры, содержания и оформления можно найти множество различий. Остановимся на них подробнее.

В плане технической реализации и дизайна американская версия по некоторым параметрам выполнена лучше (анимированное главное меню, ускоренный поиск материалов и т. д.), однако отставание русской версии нельзя назвать существенным. Более того, на русской версии доступна важная возможность бесплатного прослушивания отдельных песен и целых альбомов,

что является значительным преимуществом для любого сайта музыкальной тематики. Помимо этого, в ней лучше реализовано взаимодействие с популярными в России соцсетями.

Структурные отличия также выражены достаточно ярко. Обе версии сайта используют блочную структуру расположения материалов на главной странице, однако в американской блоки размещаются более хаотично. Русская версия уделяет значительное внимание печатному изданию журнала (рубрики «Свежий номер» и архив номеров с кратким обзором), в то время как на американской о «бумажной» версии «Rolling Stone» упоминается лишь в разделе «Subscribe» – «Подписка».

Главные структурные различия проявляются в рубрикации версий сайта. За исключением нескольких общих разделов (например, «Музыка», «Кино», «Рейтинги») основная масса рубрик в русской и американской версии сайта не совпадают, что естественным образом сказывается на их содержательном наполнении. Более того, в русской версии «Rolling Stone» присутствует раздел «Почти знаменит», в котором публикуются статьи читателей ресурса, что позволяет аудитории сайта внести свой вклад в его наполнение [1].

Сравнивая содержательное наполнение обеих версий сайта, стоит отметить, что музыкальная повестка дня на них также значительно различается. Найти материалы по темам, встречающимся и в русской, и в американской версии, возможно, однако их доля сравнительно невелика, что вызвано национальными отличиями в читательских запросах аудитории.

В качестве примера такого материала рассмотрим статью, посвящённую выходу альбома «A Head Full of Dreams» группы Coldplay. Примечательно, что в русской версии «Rolling Stone» материал об этом событии появился 1 декабря 2015 г., а в американской – лишь тремя днями позже. В обеих версиях применяется система оценки, однако в русской данный альбом получил лишь три звезды из пяти против четырёх по версии американского «Rolling Stone». По объёму обе версии

статьи примерно совпадают, не доходя до отметки в 200 слов. Ни одна из версий статьи не является переводом другой, хотя разница в содержании незначительна. Оба текста обладают яркой образностью, присутствуют отдельные элементы музыкального «жаргона». Стил ь изложения в русской версии более лёгкий, близок к разговорному, английская версия напротив, носит чуть более книжный характер.

Итак, проведенный сравнительный анализ русской и американской версий сайта популярного музыкального журнала «Rolling Stone» позволил выявить сходства и различия в приёмах и методах освещения событий мира музыки в пространстве современных русско- и англоязычных интернет-СМИ.

References

1. Бабенко С. А. Специфика подготовки электронного издания о музыке // От текста к печатному изданию: проблемы филологического анализа и редакторской подготовки [Электронный ресурс] : материалы II Регион. науч.-практ. семинара, г. Волгоград, 2013 г.
2. Чубай С.А. Ориентация на адресата как отражение традиций риторической культуры // XV Международная научно-практическая конференция «Современные концепции научных исследований». – М., 2015. – С. 155–157.

UDC 7.001

Stroy L. The influence of the local press on artistic life of Siberia in the end XIX - beginning XX century

Влияние местной прессы на художественную жизнь Сибири конца XIX – начала XX века

Stroy Liliya

Ph.D. in Arts,

Krasnoyarsk State Institute of Arts

Строй Лилия

Кандидат искусствоведения,

Красноярский государственный институт искусств

Abstract: In the article is being considered the role of the Siberian periodicals in the end XIX - beginning XX century in the artistic life of the region. In the articles were researched topics that affect local newspapers in connection with the development of Siberian art. Specific features of Tomsk, Irkutsk and Krasnoyarsk newspapers art-oriented publications of pre-revolutionary period are being expressed.

Keywords: press, art life, exhibition, artist, Siberia, history of art, creativity.

Аннотация: Изучается роль сибирской периодики конца XIX – начала XX века в художественной жизни региона. Исследуются темы, которые затрагивали местные газеты в связи с развитием сибирского искусства. Выделяются характерные черты газетных публикаций дореволюционного периода Томска, Иркутска и Красноярска, затрагивающих творческие процессы.

Ключевые слова: пресса, художественная жизнь, выставка, художник, Сибирь, история искусства, творчество.

Художественная жизнь Сибири конца XIX – начала XX века недостаточно изучена и этот факт требует от исследователей регионального искусства введения в научный оборот неизвестных ранее сведений о художественных процессах региона. Бесценным источником для исторических реконструкций регионального искусства является местная периодическая литература, до сих пор малоизученная. Обращение к дореволюционным изданиям, введение в научный оборот сведений из ретроспективной периодики значительно расширяют и углубляют представление о культурной жизни как крупных сибирских городов, так и региона в целом.

На страницах дореволюционных сибирских газет предстают различные стороны художественной жизни Сибири: выставочная деятельность в крупных городах региона, рост зрительского интереса к изобразительному искусству, становление художественной критики, развитие художественного образования в провинции, деятельность местных благотворителей, становление музеев. Большая исследовательская удача, что многие периодические издания сохранились до нашего времени и являются неиссякаемым и обильным источником далеких, почти забытых знаний, которые актуальны для современных исследователей.

Художественная жизнь Сибири дореволюционного периода связана с развитием провинциальных периодических изданий. Местные газеты стали выходить в тираж в 1857 году в Тобольске, Иркутске, Томске и Красноярске. В этих бесцензурных еженедельных изданиях, помимо указов, отчетов, справок, и другой официальной информации, в начале 1870-х годов появлялись объявления на подписку периодических столичных художественных журналов. Именно в это время в Петербурге и Москве рос интерес к вопросам изобразительного искусства, и происходило «...выделение последнего в специальную область изучения. Возникают новые периодические издания: часть из них полностью посвящена изобразительному искусству, другая отводит ему большие специальные и регулярные отделы» [2]. Этот поток конкурирующей информации устремился в русские провинции, и сибиряки получали возможность познакомиться с изданиями, в которых так или иначе освещались вопросы изобразительного искусства.

Красноярский живописец Дмитрий Иннокентьевич Каратанов (1874-1952), проведший детство в селе Аскиз Хакасской области, вспоминал, что его отец выписывал дорогие столичные иллюстрированные журналы. Для мальчика опубликованные в них репродукции и рисунки были «захватывающе интересны. Пальмы, голые люди, крокодилы, в бурю, заливаемые огромными силами, тонущие корабли, замерзающие во льдах люди, огромные дома и т. д. и т. д. Все

это можно было рассматривать без усталости долгими часами и оттуда черпались знания и понятия о странах, жизни, людях и т.п. Хотя и беспорядочно, конечно, но виденное прочно укладывалось в мозг» [1].

По свидетельству А.П. Чехова, сибиряки любили «художества» и активно украшали свои жилища лубочными картинками, конфетными бумажками, водочными ярлыками и этикетками из-под папирос, потому что «спрос на художество здесь большой, но Бог не дает художников» [11]. Поэтому художественные издания, во многих из которых печатали репродукции-вкладыши как поощрения подписчикам, были интересны сибирякам.

Объявления на подписку столичной периодики располагались в провинциальной прессе по принципу рекламы и обычно печатались на последних страницах газеты. Местные издания конкурировали между собой в стиле изложения информации и ее визуальной подачи. Газетчики находили различные варианты текстовой композиции на печатном листе, импровизируя со шрифтами, межстрочными расстояниями, масштабами набора текста, и главное – с его содержательной притягательностью. Все было направлено на привлечение потенциальных подписчиков, определяя в итоге первое приобщение местного населения к изобразительному искусству. Это подтверждали наблюдения томской художницы, педагога и критика Августы Степановны Капустиной, которая в 1903 году писала, что для сибиряков периодическая литература явилась практически единственной возможностью знакомства с художественным миром России: «до сих пор мы в этом отношении имели только художественные журналы, да и то с очень недавнего времени, и могли следить за деятельностью современных художников в столицах только по ним. Это конечно не то, что видеть самые работы в оригинале» [6].

В 1880-1890-х годах сибиряки могли уже прочесть и о заграничных художественных ценностях. Таких статей было мало, но сам факт их присутствия в местной прессе демонстрировал процессы культурного развития Сибири.

Иркутская пресса на данном этапе была в авангарде. В публикации «Восточного обозрения» 1891 года Николай Ядринцев поместил материал о своем путешествии в Париж, которое он совершил с целью осмотреть некоторые музеи, библиотеки. Описывая историю и коллекции Лувра, автор полагал, что эти знания будут полезны землякам, ибо, как он отмечал, для них «из дальней Сибири, из нашей глуши явиться сюда без руководящей нити, без определенной цели, это все равно, что из мышиной норы очутиться в нескончаемом лабиринте дворцов и улиц» [12].

В начале XX века население Сибири было уже подготовлено к восприятию информации такого рода, поскольку с 1890-х годов пресса (первоначально иркутская) свою деятельность напрямую связывала с развитием культурного потенциала провинции. Газетчики писали, что в различных городах региона уже очевидны признаки пробуждения общественной жизни: по сибирским рекам ходят пароходы местной постройки, закладывается фундамент для сибирского университета, строится железная дорога. Сибирь перестает быть страной изгнания и ссылки. Темп развития региона не совпадал с процессами формирования местного изобразительного искусства. Стало очевидным, что художественные выставки в Сибири редки, имена художников малочисленны и практически неизвестны, а талант их не служит родине, а вывозится из нее. Вывод газетчиков был категоричен: «...Сибирь не представлена <...> в произведениях живописцев» [10].

Настойчивость, с какой обозреватели подходили к этой проблеме, потребовала обращения к истории местного изобразительного искусства. Авторы публикаций с разной степенью подробности писали о сибирских художниках: Вронском, Знаменском, Черепанове, Калганове, Обрядине, Лаврове, Пескове, Кошарове, а также о братьях-художниках Ивачевых, скульпторе Жукове и других.

Среди мастеров, упоминаемых местными газетами, имя Василия Ивановича Сурикова называлось чаще всего. Редкая заметка, где прослеживалась история регионального искусства и его современное состояние, обходилась без обращения

к творчеству этого живописца. С одной стороны, он был художником российского масштаба, и провинциальная пресса всегда писала о нем с гордостью и пиететом. С другой стороны, Суриков был сибиряком, и этот факт вызывал чувство искренней любви земляков, заставляя их периодически рассуждать об его успехах и славе. Томская пресса часто упоминала Сурикова вместе с Репиным. Этих мастеров томищи связывали с деятельностью Томского общества любителей художеств (ТОЛХ, 1909-1919). В прессе члены общества подчеркивали заинтересованность Василия Ивановича в развитии сибирского искусства, а отклик Ильи Ефимовича на просьбу ТОЛХ посодействовать с преподавателем художественной школы, и приезд в Томск Семена Марковича Прохорова, ученика Репина в 1910 году, подробно и долго обсуждалась местной прессой. На страницах газет рассматривалась идея принятия академиков – Сурикова и Репина, в ТОЛХ в качестве почетных членов. К слову, эти мастера никогда не были в городе, но через издания влияли на развитие художественной жизни Томска.

Красноярские газеты, активно упоминания имя Сурикова, уделяли внимание событиям его жизни: приезд домой, встречу с друзьями и знакомыми, суриковские высказывания по поводу изменений облика города. После открытия первой сибирской художественной школы местная пресса стала освещать и этот аспект влияния Василия Ивановича на культурную жизнь Красноярска. В 1916 году, когда Суриков умер, одна из самых пронзительных статей в его память была написана красноярским врачом Владимиром Михайловичем Крутовским, который был лично знаком и дружен с художником и в дни скорби о живописце напомнил, что именно Красноярск дал России талантливого и великого художника.

По мере развития сибирского изобразительного искусства, выставочной деятельности и художественного образования имена местных мастеров стали появляться в прессе все чаще. В основном критики писали о них как об участниках экспозиций, которые проходили в городе или регионе. В большинстве это были

короткие газетные заметки, которые просто фиксировали основные культурные события и их участников. Главной целью таких сообщений, помещенных в хроникальном блоке периодики, было информирование населения и популяризация изобразительного искусства среди сибиряков. Большое количество материала такого рода демонстрируют томские издания 1908-1917 годов.

Важно и то, что особого внимания томицей удостаивались алтайские художники Г.И. Гуркин, А.О. Никулин и другие мастера, с которыми члены ТОЛХ наладили крепкие творческие и дружеские связи, воспринимая культурную жизнь в Сибири как целостность, поэтому тема творчества алтайских живописцев методично фиксировалась томской периодикой.

Из столичной печати заимствовалась информация об основных процессах развития отечественного искусства, а также о фактах, связанных с деятельностью Императорской Академии художеств. Короткие заметки об этом участвовали в 1910-х годах, когда в Красноярске, Иркутске и Томске были основаны художественные школы и появились читатели, которым такие сведения были особенно интересны и полезны.

Томские газеты периодически размещали информацию о проходящих в городе публичных лекциях, подобных той, что читал в 1911 году Н.И. Молотилев о русском стиле в архитектуре [7]. Лекции как форма просветительской деятельности были характерны именно для Томска – университетского города. В эту работу активно включились члены ТОЛХ, посвящавшие свои выступления творчеству местных и отечественных художников, экспозициям, художественным вечерам, проходившим в городе. Эту деятельность фиксировала провинциальная пресса, благодаря чему память о такой форме популяризации искусства в регионе дошла до нашего времени.

Встречается в сибирской прессе ряд статей, посвященных памяти великих русских художников, написанных в год их смерти: И.К. Айвазовского (1900),

М.А. Врубеля, А.И. Куинджи, В.А. Серова (1911), К.Е. Маковского (1915). Большая статья Г.А. Вяткина, вышедшая в 1913 году, посвящена жизни и творчеству И.И. Левитана, и книге, написанной о нем Игорем Грабарем и Сергеем Глаголем [4]. Последний, известный петербургский критик, в 1913 году поместил в томской прессе несколько статей, в одной из которых поднял проблему безопасности произведений искусства в музеях. Потрясенный нанесением ножевых ранений картине И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», Глаголь писал: «Ведь, если это могло случиться с картиной Репина, то завтра может случиться и с десятком других. Как же не спешить с покрытием всех картин публичных галерей стеклами? Как не строить высоких барьеров перед картинами и т.д.» [5]. Это событие было подхвачено местными обозревателями и стало темой обсуждения в провинциальных газетах.

К началу XX века сибирскую прессу стала интересовать не только местная и столичная художественная жизнь. Внимание журналистов было направлено и на материалы, повествующие о мировых художественных ценностях и их творцах, перепечатанные, как правило, из центральных газет и журналов. Главной целью этих публикаций было просвещение читателя через занимательный рассказ: нахождение копии портрета Александра Македонского работы Апеллеса для эфесского храма Артемиды, жизнь и творчество Леонардо да Винчи, скандальная история вокруг знаменитой «Джиоконды» [8], обнаружение новой картины Гойя и т.д.

Интонационная палитра сибирской прессы в вопросах искусства, как и сферы ее интересов, широка. Ее «голос» порой наивен и смешлив, как например, в заметке о странствующих художниках, которые, арендовав подвальное помещение женского учебного заведения для выставки в одном из губернских городов, смонтировали экспозицию «клубничного содержания». У служителя порядка знакомство с экспонатами вызвало райское наслаждение вместо праведного гнева [3]. В других случаях рассуждения журналистов были излишне

сентиментальным. Так, обостряя вопрос актуальности сибирского художественного образования, газетчики рассказывали горожанам историю молодого красоярца Иннокентия Александровича Минаева, который хотел быть художником, но, не найдя средств уехать учиться, застрелился. Представления о жизни художников и их неустроенном быте описывались в небольших рассказах, публикуемых в газетах: о необыкновенной возвышенной любви живописцев, о голодных годах учебы в Императорской Академии художеств, бедной жизни и о смерти в нищете с тоской о далекой Сибири.

Региональная периодика могла быть ироничной и раскритиковать картину И.Е. Репина «Не ждали», потому что художник написал фигуру «... в крестьянском азыме, с рваной шапкой, лицо странного, почти ужасного вида...» [9], пытаясь показать все бедствия Сибири. Но в этом, по мнению анонимного рецензента, русский живописец не достиг правдоподобия. В этой критической заметке 1884 года звучат патриотические интонации, которыми всегда обладала сибирская периодика. Благодаря этому качеству практически каждое событие, произошедшее в провинции, рассматривалось газетчиками как факт, имеющий общерегиональное значение, независимо от того, в каком городе Сибири он произошел. Особенно это характерно для прессы конца XIX века, когда детально освещалось ежегодное празднование 26 октября – Дня Сибири. Большой объем материалов прессы был посвящен строительству Сибирской железной дороги, где подчеркивалось, что данное событие способствует не только соединению территории с центром, но и обретению региональной культурной целостности.

Одной из главных тем изданий на протяжении нескольких лет было открытие первого сибирского университета, кардинально повлиявшее на духовные и интеллектуальные запросы общества. Сибиряки потянулись к знаниям, образованию и искусству, безусловно, во многом благодаря постоянному обсуждению этих вопросов в местных газетах. В последних активно выступили представители сибирского областничества, чья деятельность была

направлена на социальный и культурный подъем региона. Они писали отзывы на выставки художников, публиковали свои работы на страницах периодических и научных изданий, поднимали проблему культурной идентичности региона.

К этой работе с 1910-х годов подключились профессиональные художники, которые освещали в прессе не только выставочную деятельность сибирских городов, взяв на себя функции художественных критиков, но и факты становления художественного образования в Сибири.

И все-таки, в большинстве своем, развитие художественных процессов провинции фиксировалось усилиями газетчиков-любителей. Материалы сотрудников сибирских изданий часто изобиловали стилистическими, орфографическими и пунктуационными ошибками. Делались опiski в именах и инициалах художников. Но даже непрофессионализм и некомпетентность журналистов, поднимавших вопросы развития провинциального творчества, не умаляют значения сибирской периодики в заинтересованном, оперативном освещении злободневных проблем художественной жизни региона и популяризации искусства среди населения сибирских городов.

Итак, началом развития этих процессов явились газетные объявления на подписку столичных художественных изданий. Однако уже в конце XIX века иркутская пресса отличалась не только большим количеством материалов об изобразительном искусстве (зарубежном, отечественном, региональном), но и содержательной нестандартностью статей. В начале XX века авангардом периодики, популяризирующей местное искусство, стали томские издания, а к 1910-м годам красноярские газеты подхватили и значительно расширили тему развития сибирского искусства, освещая разные стороны этого процесса, публикуя сведения о творчестве местных художников. В Сибири провинциальная периодика зачастую подменяла художественную критику, которая во многом не являлась таковой в ее современном понимании. Вместе с тем, авторы местных газет, которые, как правило, оставались анонимными или подписывались

инициалами и псевдонимами, осуществляли основные функции художественной критики: отражение общественных запросов и эстетических уровней зрителя, художника, критика; определение направлений развития искусства и выявление границ между традиционным и новаторским в художественных процессах; установление связи между всеми участниками творческой жизни провинции: зрителем, художником, критиком, организатором художественных выставок.

В заключении подчеркнем, что в обилии газетных публикаций конца XIX – начала XX веков, в их сложной, но всегда равнодушной интонации подробно и выпукло прослеживаются дореволюционные культурные процессы Сибири, и периодика этого времени является бесценным источником сведений для создания региональной истории искусства.

References

1. Архив Красноярского краевого краеведческого музея.
2. Беспалова Н.И. Русская прогрессивная художественная критика второй половины XIX века: очерки. – М., 1979. С. 140.
3. В один из губернских городов Сибири ... // Сибирь. – 1877. – N51. – С. 2
4. Вяткин Г. Новые книги и журналы // Сибирская жизнь. – 1913. – N126. – С. 3.
5. Глаголь С. Как мы оберегаем сокровища нашего искусства (По поводу катастрофы в Третьяковской галерее) // Сибирская жизнь. – 1913. – N20. – С. 2.
6. Капустина А. По поводу первой сибирской передвижной выставки // Сибирская жизнь. – 1903. – N213. – С. 2.
7. Лекция об искусстве // Сибирская жизнь. – 1911. – N254. – С. 3.
8. Леонардо да-Винчи. Вокруг Джиоконды // Сибирское слово. – 1911. – N 196. – С. 4.
9. На художественной передвижной выставке // Восточное обозрение. – 1884. – N11. – С. 4.
10. Сибирская жизнь как почва для искусства // Сибирь. – 1880. – N6. – С. 1.

11. Чехов А.П. Остров Сахалин: из путевых записок. – М., 1984. С. 24.
12. Ядринцев Н. Из странствий по чужим землям. (Путевые письма сибиряка). Париж // Восточное обозрение. – 1891. – N2. – С. 9-11.

SECTION 3. HUMANITIES

UDC 811.111-26

Klyuchnikova L. Concept Manifestations of Love

Концепт «Проявления любви»

Klyuchnikova Larisa

Ph.D., Associate Professor, Department of linguistics and intercultural communication,
Krasnoyarsk state aerospace university named after M.F. Reshetnev

Ключникова Лариса

Кандидат филологических наук, доцент кафедры
лингвистики и межкультурной коммуникации, Красноярский государственный
аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева

Abstract: a system of concepts is of hierarchical structure: there are simple narrow concepts inside the broad ones as their components. Concept Love as well as concept Faith and concept Science belongs to such broad concepts. We can use the term macro concept or conceptual field to underline their size and scope and to leave the limits of the basic structure of this concept.

Keywords: concept, model of the world, macro concept, extensive concept, conceptual field, hierarchical structure.

Аннотация: система концептов представляет собой иерархическую структуру: в рамках объемных концептов выступают частные как их компоненты. Концепт Любовь, наряду с концептами Вера или Наука, принадлежит к таким объемным концептам. Можно использовать термин макро концепт или концептуальное поле, чтобы подчеркнуть их размах и масштаб и выйти за границы основной структуры данного концепта.

Ключевые слова: концепт, модель мира, макро концепт объемный концепт, концептуальное поле, иерархическая структура

В современном гуманитарном знании понятие «концепт» постепенно приобретает статус междисциплинарного. В философии и лингвистике, культурологии и политологии, искусствознании, психологии давно бытовали смежные по значению понятия, и понятие концепта во многом сформировалось как их лингвофилософское обобщение.

В частности, философия, психология и культурология вслед за К.Г.Юнгом восприняли из традиций Платона и трудов отцов церкви понятие «архетип», понимая его как «общечеловеческое основание... душевной жизни индивида, наследуемое, а не формирующееся на базе индивидуального опыта» [1.Фурс

2001: 66], как «систему установок и типичных реакций, которые незаметно определяют жизнь индивида» [2. Руткевич 1998: 37].

В социологии, этнопсихологии, культурной антропологии важнейшее место занимает понятие менталитета как совокупности мировоззренческих (идеологических, религиозных, эстетических и др.) представлений, характерных для отдельной личности и народа в целом, и соотносительные с ним понятия этнической картины мира и коллективных социальных установок, которые, по словам классика этнопсихологии Г. Олпорта, могут выступать как «предрассудки», связанные со стремлением людей к концептуализации жизненного опыта [3.Allport 1958]. Рут Бенедикт, стоявшая у истоков психологической антропологии и прославившаяся книгой «Модели культуры», подчеркивала: «Каждое человеческое общество когда-то совершило такой отбор своих культурных установлений. Каждая культура с точки зрения других игнорирует фундаментальное и разрабатывает несущественное. Одна культура с трудом постигает ценность денег, для другой – они основа каждодневного поведения. В одном обществе технология невероятно слаба даже в жизненно важных сферах, в другом, столь же «примитивном», технологические достижения сложны и тонко рассчитаны на конкретные ситуации. Одно строит огромную культурную суперструктуру юности, другое – смерти, третье – загробной жизни» [4.Benedict 1934: 36-37].

И архетипы, и «культурные установления», рассматриваемые с точки зрения их репрезентаций в естественном языке, предстают в виде **лингвокультурных концептов**. Языковые репрезентации, наряду с другими знаковыми комплексами (например, гастрономическим, цветовым, музыкальным), лежат в фундаменте любой национальной модели мира как проявления архетипического сознания (вернее, архетипического бессознательного). Отсюда основной методологический принцип их исследования, суть которого, в формулировке Т.В. Цивьян, – «параллельный анализ структуры модели мира и структуры

языка», который «обнаруживает соответствие набора универсальных семиотических оппозиций модели мира набору языковых (лексико-семантических, грамматических) категорий, предполагающее взаимодействиеструктур в обоих направлениях: от модели мира к языку и от языка к модели мира» [5.Цивьян 1990: 9].

С одной стороны, язык кодирует наличную в этнической ментальности модель мира, с другой стороны – предлежит ей, «программируя» восприятие и понимание мира носителями языка. По Г.-Г. Гадамеру, «язык есть способ мироистолкования, предпосланный любому акту рефлексии», есть «всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира», и «прежде всякой философски нацеленной критической мысли мир есть для нас всегда уже мир, истолкованный в языке» [6. Гадамер 1991: 24, 29].

Таким образом, система языка, будучи обусловлена объективными свойствами окружающего и закономерностями, «правилами» взаимодействия людей с окружающим, в значительной мере автономна, самодостаточна, что служит необходимым основанием для человеческого творчества, для преобразования мира на основе когнитивной «языковой игры».

Эти ключевые положения лежат в основе определения концепта, представленного в «Новейшем философском словаре»: «...содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения. Карнап поместил концепт между языковыми высказываниями и соответствующими им денотатами. В научном знании определенным образом упорядоченный и иерархизированный минимум концептов образует концептуальную схему, а нахождение требуемых концептов и установление их связи между собой образует суть концептуализации. Концепт функционирует внутри сформированной концептуальной схемы в режиме понимания-объяснения. <...> Концепты редко непосредственно соотносятся с соответствующей данной схеме предметной областью. Скорее наоборот, они

есть средства, организующие в своей некоторой целостности способы видения (“задания”, конструирования, конституирования) реальности» [7. Абушенко, Кацук 2001: 503].

По удачному выражению С.Г. Воркачева, концепт выступает как «зонтиковый» термин [8.Воркачев 2003: 5], который, покрывая обширное понятийное пространство, позволяет снять функциональную ограниченность терминов «значение» и «смысл», в котором органически соединяются логико-психологические и языковедческие категории.

На протяжении последних полутора десятилетий исследователи искали термин, который мог бы лаконично зафиксировать давно бытующее в гуманитарном знании представление о неуловимом «духе народа», об архетипически обусловленной национально-специфической модели мира.

С.Г. Воркачев, справедливо отмечая, что в ряду таких именований, как лингвокультурема [9.Воробьев 1997; Воробьев 1999], мифологема, логоэпистема [10.Верещагин, Костомаров 1999], термин концепт оказывается для лингвокультурологии наиболее приемлемым, ограничивает обоснование этого утверждения общей отсылкой к «естественности его вторичной терминологизации, возможность которой уже была заложена в лексической системе русского языка, где он выступал синонимом термина “понятие”, этимологически воспроизводившего его “внутреннюю форму”» [11.Воркачев 2003: 7]. В другой работе исследователь ограничивается указанием, что *conceptus* в классической латыни фиксируется «лишь в значениях “водоем”, “воспламенение”, “зачатие” и “плод (зародыш)”, этимологически представляет собой семантический аналог русского слова “понятие”» [12.Воркачев 2007: 10]. На наш взгляд, этимология термина концепт заслуживает большего внимания, поскольку напрямую связана с современным лингвокультурологическим прочтением этого основополагающего понятия.

Термин концепт – из латинского сущ. *conceptus* ‘накопление (речных вод) > водоём; воспламенение; зачатие, оплодотворение; произрастание; плод (зародыш)’ (в обобщенном смысле букв. «собранное, накопленное»), образованного от гл. *concipere* ‘собирать, принимать, вбирать в себя, впитывать, поглощать > представлять себе, воображать > соображать, прикидывать > задумывать, замышлять, затевать’, складывающегося из приставки *con-* в значении совместности и непроизводного высокочастотного глагола *capere* ‘брать, взять; получать, принимать’ [13.Дворецкий 1976: 222, 224], к которому восходит значительный ряд производных слов, представленных в том числе в современном русском языке (касса, капсула перцепция, принцип и др.). Тем самым, этимологическая внутренняя форма существительного концепт (его этимон) несет представление о постепенном накоплении, впитывании, росте; его этимологическим семантическим аналогом является интеллект: лат. *intellectus* ‘ощущение, восприятие > разумение, понимание > понятие, рассудок; смысл, значение’ – от глагола *intellegere* ‘ощущать, воспринимать, подмечать, замечать > познавать, узнавать, мыслить’, складывающегося из приставки *intel-/inter-* в значении ‘между, посреди’ и глагола *legere* ‘собирать; выщипывать, вынимать, извлекать; сматывать, наматывать, скручивать; подбирать, выбирать, набирать; принимать > видеть, различать взором’, к которому восходят такие слова, как интеллигент, интеллигенция, легенда, легион, лекция, селекция.

Таким образом, значение «собирая воедино», «суммирования» того, что накоплено в самом разнообразном опыте, выступает как этимологическая доминанта, и современное прочтение термина концепт является своеобразным возвращением – на очередном витке восходящей спирали познания – к исходным латинским смыслам.

Русская калька лат. *conceptus* – сущ. понятие, складывающееся из приставки *po-* и связанного корневого элемента *-я-* (в виде алломорфа *-ня-*, как в однокоренных обнять, поднять и др. [14.Фасмер. Т. 4: 569]), образованное от

древнерусского глагола пояти ‘схватить, взять в собственность > взять женщину в жены’ [15.Степанов, 2001: 43], однокоренного широкоупотребительному иметь (ср.: взять / взимать – от иметь; совр. прост. поиметь).

На протяжении многих лет в научном обиходе термин концепт трактовали через его русскую кальку понятие, рассматривая их как синонимы.

В последние десятилетия произошло переосмысление (расширение терминологического значения) термина концепт; ныне его этимологическая внутренняя форма соотносится с концепция – из латинского сущ. *conceptio* ‘соединение, сумма, совокупность, система > формулировка (редакция) юридических актов; зачатие, принятие семени; словесное выражение’, как и концепт, образованного от глагола *concipere* [16.Дворецкий, 1976: 222, 224].

Однако концепт и концепция в современной лингвистической терминологии выступают скорее как родственные лишь этимологически, чем как находящиеся в отношениях синхронной производности (или взаимопроизводности). Если сущ. концепция носителями русского языка воспринимается в его общеупотребительном значении «система связанных между собой и вытекающих один из другого взглядов на одно и то же явление» [17.МАС. Т. 2: 97], в ряду таких лексико-семантических аналогов, как идея и теория, то существительное концепт приобрело новое самостоятельное значение, соотносительное с идеей и теорией лишь в отдельных семантических компонентах. Это новое значение с трудом поддается строгому определению, в силу чего исследователи строят, как правило, описательные характеристики. Д.С. Лихачев считал, что концепты – это индивидуально-личностные смысловые образования, которые замещают в сознании отдельного человека значения общезыковые, объективно закрепленные в коллективном языковом сознании и зафиксированные в авторитетных источниках, например, в толковых и энциклопедических словарях. Совокупность концептов образует концептосферу [18. Лихачев 1993].

В фундаменте этого воззрения – представление о нетождественности «смысловых образований» как феномена языкового сознания – языковым значениям. Е.С. Кубрякова в «Кратком словаре когнитивных терминов» характеризует концепт в когнитивном аспекте – как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике»; отмечает, что концепты «позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы» [18.Кубрякова и др. 1996: 90]. В этой характеристике – обратный акцент: основополагающей признается роль концептов как своеобразных аккумуляторов коллективного знания, строевых элементов «всей картины мира» носителей языка. А.А. Залевская, рассматривая концепт с психолингвистических позиций, как «достояние индивида», предостерегает: «...стремление выводить описание концептов из анализа языковой картины мира... может приводить к фактической подмене исследуемых сущностей конструктами как продуктами научного описания возможных форм репрезентации действительности у человека (понятий, фреймов, схем, сценариев и др.). Образ мира как достояние индивида симультанен, голографичен и многолик, он является продуктом переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, функционирует на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании “знания” и “переживания” и лишь в неполной мере поддается вербальному описанию» [19.Залевская 2005: 243]. Сжатая, «формульная» репрезентация этой позиции сводится к тому, что концепт – это перцептивно-когнитивно-аффективный феномен, в своей основе определяющийся языковым сознанием

индивида. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин в обобщающей статье детально суммируют положения, на которые опираются исследователи, трактующие концепт в лингвокультурологическом аспекте, строят развернутую логико-лингвистическую характеристику этого понятия, но жесткого итогового определения тоже не дают [20.Карасик, Слышкин 2001]. В другой работе В.И.Карасик предлагает существенную для нашей работы ясную характеристику трех «измерений» концепта (по сути, тех же, которые называет А.А. Залевская): «...концепт имеет три важнейших измерения – образное, понятийное и ценностное. Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество – голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта. Ценностная сторона концепта – важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива» [21.Карасик 2001: 9].

Ценность этой характеристики – в «операциональности»; она может рассматриваться как «подсказка» лингвисту, какие именно языковые факты могут трактоваться как репрезентанты ключевых элементов культуры.

Чаще всего на данный момент исследователи цитируют метафорическую характеристику Ю.С. Степанова: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [22.Степанов 2001: 43].

Теоретическая убедительность этой характеристики основывается на том, что она афористически кратко и точно выражает традицию понимания языка как средства освоения мира, рождение и развитие которой обычно связывают с именами В. фон Гумбольдта и «гипотезой Сепира – Уорфа».

По мысли Гумбольдта, высказанной еще в 1822 году, «...различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями. <...> Человек думает, чувствует и живет только в языке, он должен сначала сформироваться посредством языка, для того чтобы начать понимать действующее помимо языка искусство. Но человек чувствует и знает, что язык для него – только средство, что вне языка есть невидимый мир, в котором человек стремится освоиться только с его помощью» [23.Гумбольдт 1985: 370, 378].

Начало воплощения этой идеи в последовательную конкретику языкового анализа связано с именами Э. Сепира и Б.Л. Уорфа: «Вероятно, большинство людей согласится с утверждением, что принятые нормы употребления слов определяют некоторые формы мышления и поведения; однако это предположение обычно не идет дальше признания гипнотической силы философского и научного языка, с одной стороны, и модных словечек и лозунгов – с другой. <...> Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений» [24.Уорф 1960: 135].

В работах Уорфа понятие, ныне фиксируемое термином концепт, отражается в ряде других общенаучных терминов, которые по отношению к концепту могут рассматриваться как протерминологические номинации: «We dissect nature along lines laid down by our native languages. The categories and types that we isolate from the world of phenomena we do not find there because they stare every observer in the face; on the contrary, the world is presented in a kaleidoscopic flux of impressions

which has to be organized by our minds – and this means largely by the linguistic systems in our minds. We cut nature up, organize it into concepts, and ascribe significances as we do, largely because we are parties to an agreement to organize it in this way – an agreement that holds throughout our speech community and is codified in the patterns of our language. The agreement is, of course, an implicit and unstated one, but its terms are absolutely obligatory; we cannot talk at all except by subscribing to the organization and classification of data which the agreement decrees» [25. Whorf 1956: 213].

[«Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка. Это соглашение, разумеется, никак и нигде не сформулировано и лишь подразумевается, и тем не менее мы участники этого соглашения; мы вообще не сможем говорить, если не подпишемся под систематизацией и классификацией материала, обусловленной указанным соглашением».]

Как видим, потребность именовать те феномены языкового сознания, которые упорядочивают «калейдоскопический поток впечатлений», не может быть удовлетворена каким-либо отдельно взятым уже бытующим в науке термином (категории, типы, понятия, значения, система моделей), что вынуждает их использовать одновременно, в одном ряду – как условные синонимы. Принадлежность этих феноменов уровню бессознательного

фиксируется условным термином соглашение; факт их упорядоченности отражается в терминах систематизация и классификация.

Положение об обусловленности сознания и поведения человека языком ныне является, пожалуй, общепризнанным и в отечественном языкознании – как теоретическом, так и прикладном (прежде всего в лингвострановедческих аспектах преподавания иностранных языков; ср., например, яркую в этом отношении работу: [26.Тер-Минасова 2000]). Однако если в работах даже рубежа 90-х годов прошлого века термин концепт еще не использовался, исследователи опирались на описательные именованья типа компоненты культуры, система чистых значимостей (ср.: «Первое место среди национально-специфических компонентов культуры занимает язык. <...> Речь идет, во-первых, о том, что язык как идеальная объективно существующая структура подчиняет себе, организует восприятие мира его носителями. А во-вторых, о том, что язык – система чистых значимостей – образует собственный мир, как бы наклеенный на мир действительный» [27.Антипов, Донских, Марковина, Сорокин 1989:. 75]), то с начала нынешнего столетия этот термин можно, на наш взгляд, рассматривать как общепризнанный. Мы считаем важным подчеркнуть, что система концептов представляет собой иерархическую структуру: в рамках объемных концептов выступают частные – как их компоненты. К такого рода объемным концептам, наряду с Вера или Наука, принадлежит и Любовь. Для терминологического маркирования их масштабности целесообразно пользоваться терминами макроконцепт или концептуальное поле. Использование нами термина концепт (макроконцепт) «Проявления любви», вместо более привычного в научной литературе концепт «Любовь», продиктовано необходимостью выйти за пределы структурно-семасиологической основы исследований этого концепта, которая обычно строится на семантике сущ. love, гл. to love, производных от них и синонимичных слов – выйти к самому феномену любви, к его реальному бытованию в современной культуре – к феномену, который находит в

современном английском языке гораздо более широкое основание языковой репрезентации (прежде всего, связанное с корневыми словами *sex*, *Eros* и их производными). Существительное проявление в составе терминологического словосочетания проявления любви мы используем не в частном значении, связанном с внешними обстоятельствами (характерный взгляд, улыбка и т.п.), а в общем значении – «то, в чем что-л. проявилось, воплотилось; разновидность, форма» [28.МАС. Т. 3: 548]. Словосочетание проявления любви в контексте данной работы нацеливает на рассмотрение феномена любви в разных его формах, которым соответствуют разные способы языковой репрезентации, и в качестве его условного синонима, акцентирующего именно научный подход, может восприниматься словосочетание аспекты любви – с опорным сущ. аспект «точка зрения, с которой рассматриваются предметы, понятия, явления» [29.МАС. Т. 1: 48]. Тем самым, словосочетание проявления любви используется для обозначения «сторон любви», которые значимы для художественной речи и находят свою вербализацию в лексических и текстовых средствах.

References

1. Фурс В.Н. Архетип // Новейший философский словарь: 2-е изд. / Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1279 с.
2. Руткевич А.М. Архетип // Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2 т. Т. 1 – СПб.: Университетская книга; 000 «Алетейя», 1998. – С. 497–539.
3. Allport G.W. The Nature of prejudice. – New York: Doubleday Anchor Books Doubleday and Company, 1958. – 465 p.
4. Benedict R. Patterns of culture. – New York; Boston: Houghton Mifflin Company, 1934. – 255 p.
5. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. – Москва: Наука, 1990. – 207 с.
6. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – Москва: Искусство, 1991. – 364 с.
7. Абушенко В.Л., Кацук Н.Л. Концепт // Новейший философский словарь: 2-е изд. / Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – Яндекс словари, электронная версия словаря.
- Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 24. – Москва: МАКС Пресс, 2003. – С. 5-12
9. Воробьев В.В. О статусе лингвокультурологии // IX Международный Конгресс МАПРЯЛ: Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Т. 2. Братислава, 1999. – С. 125–126.
10. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: Концепция речеповеденческих тактик. – Москва, 1999. – 84 с.
11. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 24. – Москва: МАКС Пресс, 2003. – С. 5-12.

12. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт: Монография. – Москва: Гнозис, 2007. – 285 с.
13. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь – Москва: Русский язык, 1976. – 1100 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986-1987.
15. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. – Москва: Академический Проект, 2001. – 990 с.
16. . Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь – Москва: Русский язык, 1976. – 1100 с.
17. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Гл. ред. А.П. Евгеньева. – 4-е изд, стер. – М.: Рус. яз., 1981-1984.
18. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. – № 1. – С. 2–9.
19. Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – Москва: Гнозис, 2005. – С. 234–244.
20. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А.Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.
21. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. С. 3–16
22. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. – Москва: Академический Проект, 2001. – 990 с.
23. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – Москва: Прогресс, 1985. – 452 с.

24. В. Whorf, The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language (1939). ... Перевод Л. Н. Натан и Е. С. Турковой. Перепечатано из сборника «Новое в лингвистике», вып. 1, 1960, изд.

25. Whorf B.L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf / Ed. by John.B. Carroll. – New York: Wiley, 1956.

26. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo 2000 – 264 с.

27. Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры.– Новосибирск, 1989. – 197 с.

28. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Гл. ред. А.П. Евгеньева. – 4-е изд, стер. – М.: Рус. яз., 1981-1984.

29. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Гл. ред. А.П. Евгеньева. – 4-е изд, стер. – М.: Рус. яз., 1981-1984.

Mudunova H.A. Ritual poetry. Song-tips (instructions)

Свадебная обрядовая поэзия. Песни-советы (наставления)

Mudunova Hidayat Abakarova,

Candidate of philological Sciences,
associate Professor of Russian literature,
Dagestan state university

Мудунова Гидаят Абакаровна,

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы,
Дагестанский государственный университет

Abstract: the article is devoted to the wedding ceremonial poetry lacks examines songs-tips (nasihat) – instruction.

Keywords: folklore, rites, poetry, song-advice – guidance.

Аннотация: статья посвящена свадебной обрядовой поэзии лакцев, исследуются песни-советы (насихат) – наставления.

Ключевые слова: фольклор, обряды, поэзия, песни-советы – наставления.

Среди свадебных песен, исполняемых во время свадебного шествия в дом жениха, встречаются и песни-советы (насихат) – наставления. Первые советы дает дочери мать. От имени матери (а в древности, видимо, и сама мать) подруги невесты дают ей советы: «Оставь дом родителей, повернись лицом к дому мужа!»

Мудрая мать сама в прозаической форме наставляла свою дочь: «Дочка, тебе, возможно, будет тяжело. Недаром говорят: «Дом мужа – раскаленная жаровня». Смотри, не урони чести нашего дома, тухума. Если придется испытать реку горя, ты пей, но чтоб никто не видел слез в твоих глазах, если придется съесть дерево-колючку, ты съешь, но чтобы никто не слышал стога из груди твоей. Все вытерпеть надо, дочка!»

Мать пеклась не только о ней, но и о себе, о младших дочерях. По старшей дочке давали оценку ее родителям и сестрам. Если она показывала трудолюбие, терпеливость, покорность, преданность семье, то и судьба младших незамужних сестер устраивалась лучше. Поэтому мать всячески внушала дочери, что она

должна быть во всем покорной и послушной мужу, свекру, свекрови, сестрам, братьям мужа.

Когда невеста подходит к дому жениха, навстречу процессии выходят родители и близкие жениха, но чаще всего выходит мать.

Свадебная процессия останавливается, и подруги, сопровождающие невесту девушки начинают петь. Раньше большей частью это были песни-наставления. В этих песнях заключался своего рода кодекс правил поведения невесты в доме жениха в первые минуты и часы ее прихода. Одновременно в этих песнях звучат и рекомендации родне жениха – что им надо делать, чтобы невеста вошла в их дом.

<i>Къабачинна тІий бацІу</i>	<i>Стой! Говори: не пойду</i>
<i>Ттеркьюкъл кІичІурттавух</i>	<i>По жемчужным улицам,</i>
<i>Маркъилул хъунма къавтІи</i>	<i>Пока не зажгут костры везде</i>
<i>Гъари кІанттай къабивчун.</i>	<i>Из корня можжевельника.</i>
<i>Къабухханна тІий бацІу</i>	<i>Стой! Говори: Не войду</i>
<i>Гъалмагъайл дарвазалув,</i>	<i>В ворота дома жениха,</i>
<i>Гъалмагъайл хъунна нину</i>	<i>Пока старая мать жениха</i>
<i>ХъхъичІун дуккан къадурну.</i>	<i>Не выйдет навстречу тебе.</i>
<i>Къалахъанна тІий бацІу</i>	<i>Стой! Говори: Не взойду</i>
<i>Мармар чарил чурттурдаих,</i>	<i>По мраморным ступенькам,</i>
<i>Ххяппа мусил халича</i>	<i>Пока под ноги не подстелют</i>
<i>ЧІан ччанналун къабувтун.</i>	<i>Ковер с золотой бахромой.</i>
<i>Къабухханна тІий бацІу</i>	<i>Стой! Говори: Не войду</i>
<i>Гъалмагъайл тавханттувун</i>	<i>В гостиную жениха,</i>
<i>Жип дуриІу кІяла ариІу</i>	<i>Пока тебе за пазуху</i>
<i>Хъувун дацІра къадурну.</i>	<i>Не опорожнят карман,</i>
	<i>полный белого серебра (монет).</i>

Наставления в песенной форме давались и перед выходом невесты из

родительского дома. В одной из песен-наставлений говорилось:

<i>Буттал къатта къабити,</i>	<i>Оставь дом отца,</i>
<i>Лас къатта яла ласи,</i>	<i>Привяжись к дому мужа,</i>
<i>Чахху дуиру къабити,</i>	<i>Оставь девушек-соседок,</i>
<i>Гьалмагъайл хIурмат бува.</i>	<i>Окажи уважение жениху</i>

Встречаются варианты песен-наставлений, где обыденное, житейское передавалось в возвышенных тонах. В песне опозитизированы дом, двор, которые должна подметать невеста у жениха. Здесь комнаты «из ярко-оранжевых цветов», «двор из фиалок»:

<i>Ласнан лавхъхьуну къавтIунгу бизу,</i>	<i>Танцуй также, как и муж,</i>
<i>Къатлун лавхъхьуну гьавагу бува.</i>	<i>Действуй так, как позволяют ресурсы</i>
<i>ЦIу хъахъи тIутIул къатта дома.</i>	
<i>балуши,</i>	<i>Комнаты из ярко-оранжевых цветов,</i>
<i>Банавша тIутIул вилах лалукъи.</i>	<i>подметай,</i>
	<i>Двор из фиалок убирай!</i>

В этой песне родня невесты хочет, чтобы она любила дом, двор жениха, учитывала желания родни мужа.

Интересны наставления, даваемые стороной невесты родственникам жениха. Прежде всего это обращение к матери жениха, потом ко всей его родне:

<i>Дизу, гьалмагъайл бавай,</i>	<i>Вставай, мать жениха,</i>
<i>Муркъилул къавтIи бича:</i>	<i>Зажигай костер из пня колючего дерева,</i>
<i>Вила къатлул хьулухун</i>	<i>К порогу вашего дома</i>
<i>Ца хIуруэн бивну бур.</i>	<i>Подошла одна гурия.</i>
<i>Буккира мусил тталлу,</i>	<i>Вытаскивайте золотые бревна –</i>
<i>ТитIара арцул нузру,</i>	<i>запоры,</i>
<i>Зула азваруннихун</i>	<i>Открывайте серебряные ворота -</i>
<i>Бургъил оърчI бивну бури.</i>	<i>К вашим воротам</i>
<i>Ттинин жугу ябарду,</i>	<i>Подошла дитя солнца.</i>

Панмалуву кІукІ кунма.

Тти зугу ябувара,

Гунттуву муси кунма...

До сих пор мы сохранили

Как вата держит влагу.

Теперь и вы сохраните

Как золото в шкатулке (коробке).

Невесте напутствия в песенной форме давала и мать жениха. Она требовала от невесты, чтобы та была хозяйкой щедрой, заботливой. Она должна следить за чистотой дома, ухаживать за скотом, чтобы он был упитанным, не стесняясь никого, должна быть полновластной хозяйкой дома. Мать жениха наставляла:

Къатлуйн ттирикІ марунав,

Гъаттаран лазуни да

Садакъагу булува,

Мискиngu рязий ува.

Ва къаттагу тти вилли,

Ва ттул арсгу вилли

Къатлул заллугу ина

Жул бикагу инара.

Ужагърай дукра дува,

Цпу лещан маритара,

Чирахърал чани кунма

Инавагу заназу.

Не становись спиной к дому,

Корми хорошо скотину,

И пожертвования делай,

И бедняка угости.

Этот дом теперь твой,

И мой сын теперь твой,

Ты и хозяйка дома,

И госпожа наша.

В очаге готовь еду,

Пусть не потухнет очаг!

Как свет от светильника,

Свети для дома (ходи по дому).

References

1. Лакская обрядовая поэзия. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990.
2. Мазанаев Ш.А. К вопросу о национальном своеобразии многоязычной литературы Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра Российской академии образования. – 2013. – № 2. – С. 61-64.
3. Мазанаев Ш.А. Двужычное художественное творчество в системе национальных литератур // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова. – М.: Издательство МГУ, 1997.
4. Мудунова Г.А. Фольклорные мотивы в творчестве Абакара Мудунова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 4 (46). – С. 253–256.
5. Мудунова Г.А. Фольклорные мотивы в творчестве Щазы Курклинской // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2014. – № 3. – С. 72–79.
6. Мудунова Г.А. Песни-благопожелания лакцев // Язык и культура (Новосибирск). – 2016. – № 26. – С. 27–29.
7. Мудунова Г.А. Обрядовая поэзия лакцев // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Махачкала, 1999.
8. Мудунова Г.А., Чалаева П.Ш. Языковая картина мира в лакских пословицах и поговорках // Фундаментальные и прикладные исследования: опыт, проблемы и перспективы сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука». – 2017. – С. 517-530.

Novoseltseva L. “The Goldfinch” by D. Tartt and its appreciation by Russian readers

Novoseltseva Larisa

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Romano-Germanic Languages and Translation Department,
Institute of Philology, Yelets State University named after I.A. Bunin, Russia

Abstract: the article concentrates our attention on the books written by D. Tartt, the plot and the main characters of the novel in question, giving commentaries on the responses of the readers to the Russian publication of the book and the work of the translator.

Keywords: novel, translation, plot, painting, goldfinch, readers, reviews, commentaries.

Donna Tartt is a 2014 Pulitzer Prize winner and of a few other literary awards though she is not a very prolific author: each of her three novels took about 10 years to be written but all of them became bestsellers. The writer was born in Greenwood (State Mississippi, USA). She studied classical philology in Bennington College (State Vermont, USA) specializing in arts. Donna made friends with a group of gifted students there; some of them have become recognized modern writers now. She started working on her first novel still being a student.

In 1992 Donna Tartt published “The Secret Story”, her first book developing a kind of detective and psychological plot that tells us about a group of philology students and the events that brought them to a crime. The novel was translated into 24 languages. Some critics are apt to call it a *university thriller*, it is really full of allusions and its plot turnings give you a sense of thrilling suspense. And as we find out later such artistic solution is characteristic for all of her books.

A second publication by this writer saw the light in 2002, it was titled “The Little Friend”. Though the book did not get the sensational success of her previous novel it received the enthusiastic acclaim of Tartt’s readers and also became a bestseller receiving a literary award of 2003 (WNSmith). The events of this story take place in a small South-American town in the 1970-s. It is a kind of a reverse-detective which

dwells on the speculations about the fate of the main character whose life was under the influence of Past and Future interrelated in a crazy quilt.

In 2013 a third novel by D. Tarrt “The Goldfinch” was published and it gave her readers and critics a reason to say that each of her stories takes about a decade to write. But the last of them is the most voluminous and polyphonic book which got the 2014 Pulitzer Prize for Fiction and it is a well-deserved award. For a long time the book was the most discussed piece of 2012 fiction in English.

By implication the title of the book as well as its plot refers to a famous painting of an old Holland master C.P. Fabritius (1622-1654), who tragically died rather young and was one of the most gifted Rembrandt’s disciples. Very few pictures were left after him having been burnt in the fire together with their author. The painting in question is not a canvas but a wooden board picturing a small bird, the goldfinch, sitting on a perch to which it is chained. This masterpiece is exhibited in the Royal collection of painting in the Hague Royal Gallery of Mauritshuis (Holland). There is a true reason to consider this picture a symbol of the main character of the novel Theo Decker, who occasionally becomes the owner of the picture for a long time.

The plot of the story starts to develop in the Metropolitan Museum of Art in New-York, after a terrorist attack. As a result a 13-year old boy remains an orphan and his life cardinally changes. He makes new friends and patrons, receives a lot of life lessons while searching his way in life which is overfilled with unexpected turnings: deep love, drug and alcohol addiction, getting in touch with the criminal world and so on. And at the bottom of his actions there lies a secret which nobody knows, and that concealed secret gives the boy some extra-powers to continue his struggle with unfavorable circumstances. Theo is telling us his eventful life-story himself, which gives it a very sincere and truthful character. It is especially so because his life is pictured through the eyes of an inexperienced and very young man who can’t appreciate many of its events properly. A pseudo-detective element of the plot keeps readers attention up to the end.

Theo Decker is trying to understand why he is so attached to the picture of a tamed bird, as if it were him who was chained to that perch painted in the artist's masterpiece. He never thinks about the picture as a kind of indemnity for his tragically killed mother or a kind of compensation for his own psychological trauma. The thought of selling the painting never comes to his mind either. The young man sometimes asks himself, why he is so much obsessed by its ownership and cannot find any true explanation. Once Theo compares his action to that of a certain Austrian criminal who kept the kidnapped woman locked in the basement for twenty years. Somehow it is connected with the feeling that the picture makes him a better, wiser, "more elevated and valuable ...worthy-of-living,.. less mortal, less ordinary" person [1: 739].

Theo hides the picture and occasionally enjoys looking at it, then he stops taking it out for a lot of years as the boy is afraid to be caught with it. He does not open the bundle with the painting for some years but this great "savage joy" of possessing gives him this peerless feeling of rapture and satisfaction, his life is balanced by this "great, hidden, savage joy" [1:797]. For him the picture was the point where everything is crisscrossed: dreams and omens, past and future, doom and fortune. But at the same time he realizes that keeping it is a crime: "it would still be shut away in the dark and waiting for me forever as long as I left it there, like the body of a person I'd murdered and stuck in a cellar somewhere" [1:679].

The young man understands the necessity of giving this picture back to the museum. But Theo is afraid that he could be blamed as a thief. And suddenly he finds out that the picture has been stolen. Would his life have changed if he had known it before? We'll never know it either, but it is a proof of the fact that things do not have their own meanings but only our imaginations and thoughts of them do. The main character of the novel is shown by the author in the process of shaping character. And his fate finds its best reflection in the epigraph of the novel, a penetrating citation from F. Nietzsche "We have art in order not to die from the truth".

The language of the novel demonstrates the abilities of the writer to quickly change the register of her narration. We can find various stylistic patterns of the language in the text covering a lot of functional styles from refined and a bit old-fashioned speech of Hobby to modern American teenagers' slang and even cunt. So the readers will enjoy a lot of stylistic beauties in the novel which is written with a sense of irony and in good taste. The years of Theo's life pictured in the novel "The Goldfinch" are closely connected with such a megapolis as New-York. The writer is very skillful in her description of the life of a metropolitan city – it is a real object that takes part in the development of the plot.

If we speak of the originality of D. Tarrt's message we should recognize that it is quite peculiar but occasionally the author's ideas demonstrate some stereotype concepts especially while shaping some of her characters. On the one hand, when the writer speaks about our country she turns out to be rather a well-informed person: she is well up in some notable tokens of cultural life in Russia. Besides the collapse of the USSR Tarrt mentions the title of such a popular film of ours in the 90-s as "The winter cherry-tree".

But sometimes the writer seems to fall prey to some stereotype views of Russia. She is almost sure that a typical Russian man (a taxi-driver in the book) should look "beefy, big-shouldered Soviet: coarse features, sweaty red-apple cheeks, like a weightlifter gone to fat" [1: 307]. The author seriously believes that a half-Ukrainian teenager is able to demonstrate a "universal Russian habit" of discussing "heavy topics and unanswerable questions" after having emptied a bottle of whisky incidentally criticizing the American way of life. It is hardly possible for a young boy who got used to drinking alcohol and taking drugs, to keep sound mind and demonstrate the ability of maintaining an intellectual conversation about F. Dostoevsky or discussing some kind of art. But in spite of these strange traits of Theo's friend Boris Pavlikovsky, it is undoubtedly one of the most expressively shaped characters in the book.

If we compare three of the published novels of the writer it is true to say that they differ very much but at the same time are very much alike, which proves the fact that D. Tarrt has her own style – mostly recognizable and distinguished manner of writing. The action of these novels is unfolding in sundry places, they cover different strata of the society and their characters do not remind each other. But the concepts lying at the bottom of their plots have something in common – a pseudo-detective intrigue that is investigated with no aim to discover and punish those who are guilty as they have been known from the start. The author is trying to understand what has made them act in that way and what consequences of those crimes make influence not only on their life but on all the people who are around them, the so called “supporting cast” of the plot. That is why “The Goldfinch” is also a kind of novel with a preliminary announced murder.

Several critics characterize D. Tarrt’s style as neo-romantic, which was popular at the borderline between the XIX and XX centuries. But the dominating idea of her plots is concerned with the changing of personality of her characters, their shaping and maturity, their reaction to the influence of the aesthetic beauty, the effort to get rid of the feeling of guilt and dependence on the circumstances and on the people who surround him. To point out her concepts a lot of writers representing old and new world literature are referred to by the author of “The Goldfinch”.

The critics and the readers of Donna Tarrt also try to find something similar to her novels in the history of belles-lettres works. Among those names we find both English speaking and Russian writers: Ch. Dickens, F. Dostoevsky and J. Franzen are called most frequently. Some readers are apt to compare D. Tarrt to S. Bellow, J.S. Foer, I. Welsh and L. Christensen. In European countries “The Goldfinch” was received quite enthusiastically, the more so if we speak about Sweden, Belgium, France, Italy, Britain let alone Holland.

The first of D. Tarrt’s books was published in Russian even twice in different translations (*Тайная история*, 1999, J. Rybakova, M. Popovetz and 2008, D.

Borodkin, N. Lentzman). Two other novels appeared respectively in 2010 (*Маленький друг*, A. Gall') and in 2014 (*Щегол*, A. Zavozova) [2], of which the last one (in our opinion) is the most professional work that demonstrates remarkable skills and a good taste of the translator in the Russian language, creativity and proper balance in maneuvering between non-literary styles of her native language.

The Russian translator of "The Goldfinch" Anastasia Zavozova gave an interview to G. Arosev who was taking it for the electronic site of the bookshop "Britannia". By her words it is impossible not to fall in love with the manner in which the American author writes – without any haste, as if she possessed all the time of the universe. Anastasia spent a year of very hard and intense work at the original. She has got the opinion that all the novels by D. Tarrt are about 'a passionate thirst for the unattainable'. [3]

But A. Zavozova spoke not only about her passion for the American writer. She showed her readiness to discuss some urgent professional problems. In her opinion a belles-lettres translator is often in two minds while working at the text as it necessary to answer rather an intricate question, if an authentic and qualitative translation should sound as a natural and quite Russian text. A second concern of hers is how big the experience of a translator should be to undertake his work on a serious and respected master? She also shared her disappointment at the lack of critical essays on the quality of translations.

In her opinion the abilities of belles-lettres translation are different from those of interpreting skills in a very essential respect: the former ones could be developed only in breadth, or horizontally (if we may call them in such a way) contrary to the latter ones, which are improved and polished while increasing vertically. This could be explained by the fact that each writer has his own voice and style which every time demands a new approach on the part of the translator who is trying to tune in and adjust to this new voice and its sounding. We share this opinion especially when there are no serious and profound analytical responses to new translations, which could really help

improve something in this respect. Perhaps it is more appropriate to say that a good translator is able to perfect his skills while continuously interpreting a separate author. In the terminal part of her interview A. Zavozova is sorry to say that the work of belles-lettres translator in Russia is underpaid though the acclaim of a foreign book depends immensely on the quality of his work, and he is bearing and sharing all the failures or success attending new publications of foreign authors.

A careful approach of Anastasia to her work on the text of “The Goldfinch” made her get into contact with its author because a lot of Russian words which are used in the novel have got wrong spelling, sounding or meaning. So they discussed incidentally both linguistic and non-linguistic problems concerning such questions as the difference between thieves’ argot and foul language, the non-identical characteristics of such Soviet Russian phenomena as a ‘prison camp’ and ‘GULag’, etc. And D. Tartt has acknowledged all the corrections of her Russian interpreter.

It gives us an excuse to say some words about the problem of learning languages that is occasionally touched upon in the novel. Theo and his friend Boris study Spanish at school. The discourse they are given for translation seems “bizarre” to Theo, and to his mind it could “have done Salvador Dali proud: about lobsters and beach umbrellas, and Marisol with the long eyelashes taking the lime-green taxi to school” [1:129]. So the language material they are practicing looks very much alike to what we have in our school textbooks in English: it does not represent the type of living contemporary spoken language. As a result our school-children can’t often say any proper word on a certain occasion in the process of communication.

Both of the boys show very good skills in mastering foreign languages, however. Boris, who is travelling across the world with his good-for-nothing father, has to come into contact with people of various nationalities and always picks up a lot of phrases necessary for communication. He is trying to teach Theo several Russian and Ukrainian words – not always literary ones. And soon his American friend is able to differentiate a Slavonic type of speech by its melody and intonation. Boris is still mastering his

English too and sometimes Theo laughs at the mis-hearings which lead to funny situations caused by these aural malapropisms.

And now it is appropriate to comment on the responses of Russian readers to this so widely discussed book of the American writer on the Internet, which is named “the main English language fiction of 2014 autumn” in Russia [4]. First, it is necessary to point out the fact that only a few of them have read “The Goldfinch” in the original. Second, almost all of the readers are not professionals and do not have any proper skills in writing critical essays. At the same time very much in their commentaries depends on their individual tastes in reading, life experience, age, sex affiliation and their scope in literature. By their responses for example, we have got the opinion that the overwhelming majority of these readers are young women between 20 and 40. So we assert that it was not possible to take into account the above-mentioned data. Having looked through the reviews of 2014-2016 we only could collect the most common points from them, such as positive or negative opinions on the book. We also wondered which features of the novel had been pointed out as weak or strong ones and what the readers thought about the Russian translation if they did at all.

The main negative points of the book marked by most of the reviewers do not concern its contents but the enormous volume of the novel and its price: the former remark is true to certain extent, but a lot of really committed readers cannot object to the length of the book. The latter rebuke about its high price does not depend on the writer so we are not going to take it into account.

We have looked through 135 responses (or reviews) to “The Goldfinch” on different sites [5]. About 5 % of the readers (all figures are rounded in decimal data) left reading the book hardly coming further than page 100, very few did it in the middle of the text. Another 10% are in two minds appreciating the story. Almost the same number of readers is of negative opinion about the book. So a bit more than a quarter of the readers (26%) can’t give a positive mark to the book.

The rest of them (74%), though having made a few negative remarks on it are more or less apt to call it “big literature”. They fluctuate between “good” and “very good” in their appreciation. Most of these readers are displeased with the Russian characters of the novel and a dashed off final of the book: they disapprove of rather shallow (as they call them) speculations of the author on the fate of Theodor Decker closing the novel.

Summing up our commentaries, we’d like to join the opinion of a bigger part of the readers uttered in their reviews and say that “The Goldfinch” by Donna Tartt has become one of the best American novels of the XXI century so far. It is both original and fresh-sounding, written by the author with the inimitable voice and style who is not engaged in the rat race and is not obsessed by the idea of expressing herself in haste negligence to undemanding readers. The only regret for us is that her next novel we are to see only in ten years if she keeps subjecting her to a former schedule of work.

References

1. Tartt D. The Goldfinch.- L&B: Little, Brown and Co, New-York, Boston, London, October 2013. – 1017 p.[electronic variant of the text]
2. Тартт Д. Щегол. /Пер. с англ. А. Завозовой.—М.: АСТ: Corpus, 2014. — 832 с.
3. Interview with the Russian translator of “The Goldfinch” Anastasia Zavozova. — URL <http://syg.ma/@grigorij-arosev/nie-vliubitsia-v-to-kak-pishiet-donna-tartt-nievozmozno-intierviu-s-pierievodchikom-shchieghla-anastasiiei-zavozovoi> (date of appealing 04.02.2017)
4. Iris Ross. The review on the Russian edition of Tartt D. The Goldfinch. Wednesday, November 26, 2014. 17:44 - URL(date of appealing 04.02.2017) - <http://www.liveinternet.ru/users/marginalisimus/post344675468/>

5. [Reviews and responses] Electronic resources (date of appealing 04.02.2017)

URL

http://otzovik.com/review_2398336.html; <https://mybook.ru/author/donna-tartt/shegol/reviews/>; <http://imholike.ru/donna-tartt-shhegol-retsenziya/>;
<https://www.livelib.ru/review/695657-shegol-donna-tartt>;
<http://www.liveinternet.ru/users/marginalisimus/post344675468/>;
<http://vozduh.afisha.ru/books/the-goldfinch-donny-tart/>;
<http://www.colta.ru/articles/literature/1628>;
<http://www.labirint.ru/reviews/goods/462781/>

Romadina I. Tourism website as a tool of territorial branding: problems of linguistic logistics (exemplified by tourism websites of Volgograd)

Туристический сайт как инструмент территориального брендинга: проблемы лингвистической логистики (на примере туристических сайтов волгограда)

Romadina Irina

Postgraduate Student, Assistant, Department of Translation Theory and Practice,
Volgograd State University
scientific adviser

Mityagina V.A., Ph.D., Professor of the Department of
Translation Theory and Practice,
Volgograd State University

Ромадина Ирина

Аспирант, Ассистент кафедры теории и практики перевода,
Волгоградский государственный университет

Научный руководитель

Митягина В.А., д.ф.н., профессор кафедры теории и практики перевода,
Волгоградский государственный университет

Abstract. The article emphasizes the importance of linguistic logistics for the brand in the context of tourism websites functioning. On the example of foreign tourists' reviews at the international e-forums, the importance of creating a single nominative base within tourism websites is proven.

Keywords: tourism website, linguistic logistics, brand, web resources.

Аннотация: В статье подчеркивается важность лингвистического обеспечения бренда в рамках функционирования туристических сайтов. На примере отзывов иностранных туристов на международных форумах показана важность создания единой номинативной базы туристических объектов.

Ключевые слова: туристический сайт, лингвистическое обеспечение, бренд, интернет-ресурсы.

Туристический продукт, реализуемый крупнейшей сетью туроператоров во всем мире, связан с базовыми потребностями человека в отдыхе и новизне, вследствие чего является одним из наиболее прибыльных экономических ресурсов как развитых, так и развивающихся стран. Рекламная информация о туристических услугах, размещаемая в печатных изданиях и в интернет-пространстве, выступает единственным критерием их оценки потенциальным

туристом на фоне отсутствия гарантии качества приобретаемого опыта до момента совершения путешествия или посещения туристического объекта / участия в культурном событии. Данное свойство туристического текста, в свою очередь, детерминирует потребность как составителя текста, так и переводчика в совершенных техниках и стратегиях оформления доминантных и периферийных информационных компонентов.

Бренд территории (страны, региона, города) относится к одному из основных типов брендов [30], и, по мнению Дж. Кинга, развитие сильного целостного бренда, ассоциируемого с четко обозначенными ценностями, является важным направлением деятельности маркетинговых организаций в сфере туризма, известных под аббревиатурой DMOs (Destination Marketing Organizations) [18]. «Город-герой» как бренд Волгограда не теряет своей символической и аксиологической значимости, несмотря на проекты разработки брендов, не связанных с военной тематикой – «Город креатива и позитива», «Город мастеров», «Город здорового образа жизни», «Духовная столица Юга России», «Город самого длинного лета» и др. Об устойчивости бренда, который сформировался благодаря богатой военной истории города и многочисленным монументам в память героев Сталинградской битвы, свидетельствуют отзывы жителей города и иностранных туристов:

• *Где бы я не находился, в командировке на крайнем севере, в заполярье, с гордостью говорил о Родине-матери и все знали о каком городе идёт речь и я гордился этим памятником культуры и подвига людей [24];*

• *Масштабность монумента поражает, а подвиг Сталинграда понимает и потрясает [20];*

• *Volgograd is the best for history (WWII) [27];*

• *I have been there once and know I MUST RETURN one day to see the sites of the Battle [27];*

• *My main point of coming back to Russia is to head to Volgograd, mainly to see the Motherland Calls statue... [27].*

Для эффективного функционирования бренда важным оказывается его лингвистическое сопровождение, и на сегодняшний день туристический сайт наряду с другими СМИ представляет собой одну из основных платформ продвижения территориальных брендов. Одним из критериев укрепления позиции Волгоградской области в сфере развития туристического потенциала и туристической привлекательности среди иностранных туристов в 2016 году назван повышенный интерес к информационным интернет-ресурсам о регионе как территории путешествий [29]. Анализ состояния индустрии туризма Волгоградской области, проведенный С.К. Волковым в 2011 году, показал наличие комплексных проблем, среди которых важное место занимает информационная поддержка развития туризма [1, с. 44]. На сегодняшний день подтверждением существования данной проблемы служит несоответствие главного Туристско-информационного портала Волгоградской области [29], который стал лауреатом международного конкурса проектов в области создания, развития и продвижения туристских Интернет-ресурсов «Лучший туристский портал - 2016», в первую очередь, такому критерию, как полиязычность [4]. Данный портал, созданный при поддержке Государственного агентства по развитию туризма имеет только русскоязычную версию, несмотря на то, что перевод контента представляет собой скорее важный стратегический элемент маркетинга, нежели технический аспект разработки сайта [26, с. 623].

В 2006 г. американские исследователи Дж. Хан и Дж. Миллс представили обзор около 55 зарубежных исследований периода 1996-2005, посвященных проблемам разработки туристических сайтов (сайты туроператоров, ресторанов, отелей, авиа компаний, музеев, правительственных туристических организаций и др.), включая вопросы, связанные с логистикой сайтов, навигацией, дизайном и различными маркетинговыми стратегиями [14]. Обобщив ключевые сведения

о тематике и материале данных исследований в сводной таблице [14, с. 407-411], авторы признали информативность туристического сайта, включающую, в том числе, и наличие иноязычных версий, одним из ключевых показателей его качества наряду с визуальными элементами и интерактивными сервисами.

В ходе контент-анализа 80 туристических сайтов Волгограда, включая 4 портала и 76 интернет-представительств туристических агентств, нами был выявлен крайне низкий процент наличия англоязычных версий (3,2%). В данных условиях возникает проблема не только продвижения бренда за пределы России, но и децентрализованности информации на английском языке о пребывании в городе, побуждающей туристов к активному взаимодействию на туристских форумах с целью поиска необходимых сведений. Множество примеров демонстрирует раздел «Visiting Volgograd» на форумах сайта TripAdvisor [27]:

- *How to get to & from the airport; is there a bus? Bars & Nightlife??*
- *Would be great if someone can advice me about transport, cheap accommodation.*
- *I've had no luck finding any available dates/rooms on multiple websites for multiple hotels.*
- *I'd appreciate any info about getting around in Volgograd*

Вышеуказанный туристско-информационный портал Волгоградской области содержит ответы на данные вопросы о передвижении по городу, проживании, отдыхе на русском языке, вследствие чего информация недоступна для иностранцев.

Наряду с проблемой одноязычности, продвижению национального туристического продукта на глобальный рынок препятствует некачественный перевод контента туристических сайтов, что влечет за собой значительный экономический ущерб, а также дискредитирует уровень развития переводоведения в различных странах. С каждым годом увеличивается число

исследований, освещающих теоретические и практические аспекты обучения специалистов в области перевода и межкультурной коммуникации, неотъемлемой частью которой является сфера туризма [6; 12; 22; 25]. Особую значимость приобретают проблемы перевода реалий и терминологии, функционирующих в туристическом дискурсе [8; 11; 21], сохранение дискурсивных и жанровых стратегий коммуникантов [2; 16], а также прагматические аспекты, важность которых обусловлена скопосом туристического текста – решение конкретной коммерческой задачи на туристическом рынке [5; 7; 19].

Ономастический элемент вербального воплощения бренда «город-герой», представленный названиями памятников, улиц, площадей, мемориальных комплексов Волгограда, не находит единообразного отражения на англоязычных версиях сайтов города и даже в пределах одного онлайн-ресурса. Д. И. Ильин справедливо отмечает, что имена собственные выступают универсальным средством наименования объекта и выполняют пространственно-организующую роль в географической характеристике региона как социально и административно значимые объекты [3, с. 65]. На фоне данных характеристик отсутствие унифицированного подхода к вербальной презентации объектов географического пространства может привести к номинативным несоответствиям. В заглавии англоязычного гипертекста экскурсии по мемориальному комплексу Мамаев Курган, размещенного на одном из туристических сайтов Волгограда [28], фигурирует транслитерация *Мамаев Kurgan*, в дальнейшем повествовании сменяемая калькой *Mamai Hill*. Адекватность переводческого решения в пользу разрозненного употребления в заданном контексте двух буквализмов и семантическая эквивалентность лексемы «Hill», в которой отсутствует сема «могильный», оригинальной единице «Курган», вызывает сомнения: данная номинация выглядит спорной с точки зрения когнитивных ожиданий англоязычного адресата и акцентирует проблему

отсутствия единых подходов к переводу городского топонимикона. Следствием данной проблемы является наличие различных вариантов перевода в англоязычных источниках – *Mamaev Barrow* [23], *Mamai's Barrow* [15], *Mamayev Hill* [15]. Примерами также могут служить следующие эквиваленты: Площадь павших борцов – *Square of the Fallen Fighters* [28] и *Square of fallen heroes* [10]; улица Мира – *Peace street* [28] и *Mira street* [10]; Мельница Гёргардта – *Flour mill ruins* [17] и *ruins of the mill house* [10].

Таким образом, важность перевода контента туристических сайтов обусловлена их практической значимостью в процессе территориального брендинга и повышения качества информирования иностранных туристов о потенциале города. Недостаточный уровень координации между разработчиками различных онлайн-ресурсов об одной и той же дестинации, а также отсутствие официально утвержденных иноязычных соответствий для ключевых слов, обеспечивающих вербальную репрезентацию бренда, может иметь негативное воздействие на его восприятие потенциальными туристами и процесс принятия решения о посещении туристических объектов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Администрации Волгоградской области, проект № 17-14-34001 «Региональный туризм как фактор формирования дискурса и технологии перевода: номинативные и коммуникативно-прагматические конвенции текстов брендинга» (Региональный конкурс "Волжские земли в истории и культуре России" 2017 - Волгоградская область)

The article is prepared with the financial support of the Russian Fund of Fundamental Research and the Administration of the Volgograd region, project no. 17-14-34001 "Regional tourism as a factor of discourse and translation technology formation: nominative and communicative-pragmatic conventions of text as a branding tool" (Regional contest "Volga lands in the history and culture of Russia" 2017 - Volgograd region).

References

1. Волков, С. К. Особенности маркетингового продвижения Волгоградской области как туристского направления / С.К. Волков // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 46. – С. 43–48.
2. Зими́на, Е. А. Проблемы перевода текстов туристического интернет-дискурса / Е. А. Зими́на // Перевод в меняющемся мире: материалы Международной научно-практической конференции. – Саранск : "Издательский центр "Азбуковник", 2015. – С. 200–204.
3. Ильин, Д. Ю. Топонимикон региона в аспекте изучения функционально-семантических процессов / Д. Ю. Ильин // Ономастика и общество: язык и культура: материалы Первой Всероссийской научной конференции (Тамбов, 14-15 октября 2010 г.). отв. ред. А.С. Щербак. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р., 2010, С. 64-67.
4. Международный конкурс «Лучший туристский портал». – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: <http://tour-portal-rf.ru/>.
5. Митягина, В. А. Тональность туристического интернет-дискурса / В.А. Митягина // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник научных трудов по материалам второй международной научной конференции «Язык и культура в эпоху глобализации», 26 марта 2015 г. – СПб : Изд-во СПбГЭУ, 2015. С. 69-76.
6. Новикова Э. Ю. Перевод путеводителя: лингвокультурные и дидактические аспекты / Э.Ю. Новикова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2014. – № 3. – С. 235 – 241.
7. Новикова Э. Ю. Туристический имидж глокального города: лингвопрагматическое измерение // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. № 1, С. – 53-57.

8. Сафина Э. Г. Туристическая реклама в функциональном и переводческих аспектах: англо-русские параллели / Э. Г. Сафина // Перевод в меняющемся мире: материалы Международной научно-практической конференции. – Саранск, "Издательский центр "Азбуковник", 2015, С. 252-256.
9. Филатова Н. В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук / Специальность 10.02.01 – русский язык. Москва, 2014. 179 с.
10. Экскурсии в Волгограде. – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: http://www.excursions-volgograd.ru/en/excursion/volgograd_city_tour.
11. Agornii M. Tourism communication: the translator's responsibility in the translation of cultural difference // Pasos: Revista de turismo y patrimonio cultural, 2012, vol. 10, no. 4, pp. 5-11.
12. Bopst H.J. Tourismus im DaF-Unterricht – auf kulturwissenschaftlichem Fundament. In: German as a foreign language (GfL) Is. 3/2011. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.gfl-journal.de/3-2011/Bopst.pdf>
13. Estockphoto. Mode of access: <http://www.estockphoto.com/results.asp?image=2001-285098-01>.
14. Han J.-H., Mills J.E. Zero acquaintance benchmarking at travel destination websites: what is the first impression that national tourism organizations try to make? International Journal of Tourism Research, 2006, vol. 8, iss. 6, pp. 405-430.
15. Historvius: Discover more. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.historvius.com/mamayev-hill-650/>.
16. Hogg G., Liao M.H., O’Gorman K. Reading between the lines: Multidimensional translation in tourism consumption // Tourism Management, 2014, № 42, С. 157-164.
17. Inspiration to see the planet. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.inspirock.com/russia/volgograd/flour-mill-ruins-a388685237>.

18. King J. Destination marketing organizations – Connecting the experience rather than promoting the place / J. King // Journal of Vacation Marketing, 2001, vol. 8, no. 2, pp. 105-108. – Electronic text data. – Mode of access: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/135676670200800201>.
19. Montes Fernandez A. La traducción de folletos turísticos (español-alemán): Condicionantes socioeconómicos y sociopragmáticos. Blanco García, P. & Martino Alba, P. (eds.): Traducción y Multiculturalidad. Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 2006, pp. 157-167.
20. Ourtravels.ru. Наши Путешествия: Территория любителей путешествий. – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: <http://ourtravels.ru/viewtopic.php?f=3&t=2569&sid=09f07e18e38b3bf97f02855fb c33d175>.
21. Petillo M. Translating cultural references in tourism discourse: the case of the Apulian region// Altre Modernita, 2012, pp. 248-263.
22. Reuter E. DaF im Tourismus – Tourismus im DaF-Unterricht. Bestandsaufnahme und Zukunftsvisionen. GFL-Journal 3/2011. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.gfl-journal.de/3-2011/Reuter.pdf>.
23. Russia travel group. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.r-tg.com/volgograd/283.html>.
24. Smart News. – Electronic text data. – Mode of access: <http://smartnews.ru/regions/volgograd/2475.html>.
25. Stewart D. Translating Tourist Texts from Italian to English as a Foreign Language. Liguori Editori, 2012.
26. Tang-Taye J.-P., Standing C. Website translation and destination image marketing: a Case study of Reunion Island / J.-P. Tang-Taye, C. Standing // Journal of Hospitality & Tourism Research, August 2016, vol. 40, no. 5, pp. 611–633. DOI: 10.1177/1096348013515917.

27. Trip Advisor. – Electronic text data. – Mode of access:
<https://www.tripadvisor.com>.

28. Visitvolgograd.info. Туристический портал Волгограда. – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа:
<http://www.visitvolgograd.info/eMamaevKurgan.htm>.

29. Welcome to Volgograd Region: туристско-информационный портал Волгоградской области. – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа:
<http://www.welcomevolgograd.com>.

30. World Tourism Organization. 2010. Handbook on Tourism Destination Branding with an introduction by Anholt Simon.

Sarakaeva E., Lebedeva I. Stylistic devices in the poetry of Cao Cao

Стилистические приёмы и тропы в поэзии Цао Цао

Sarakaeva Elina,

PhD (Philology), Associate Professor
Hainan State University, China

Lebedeva Irena ,

PhD (Sociology), docent
Caspian Institute of Sea & River Transport, Astrakhan, Russia

Саракаева Элина Алиевна,

кандидат филологических наук

Хайнаньский государственный университет, г. Хайкоу, Китай

Лебедева Ирэна Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент

Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань, Россия

Abstract. The article presents a stylistic analysis of texts written by an outstanding ancient Chinese poet Cao Cao. The authors single out a number of stylistic devices characteristic to the poetic works of Cao Cao, then they list expressive and graphic means of expression which the poet employs to reach desirable effect. Verses and prose that deal with social and political topics hold a specific place in Cao Cao's creative works. The Leigh motive of such texts is the image of an ideal governor –the poet uses numerous means of art expressiveness to model this image.

Keywords: Cao Cao, poems of “shi” genre, stylistic devices, the image of ideal ruler

Аннотация. В статье представлен стилистический анализ текстов выдающегося древнекитайского поэта Цао Цао. Авторы выделяют ряд присущих его творчеству особенностей, перечисляют выразительные и изобразительно-выразительные средства (тропы) с помощью которых поэт достигает желаемого эффекта. Особое место в творчестве Цао Цао занимают стихи и проза на социально-политические темы. Лейтмотивом произведений этой тематики является образ идеального правителя, созданию которого служат многочисленные средства художественной выразительности

Ключевые слова: Цао Цао, стихи жанра «ши», тропы, образ идеального правителя

Поэтическое творчество Цао Цао включает 21 стихотворение в жанре *юэфу* и три фрагмента од. Впервые лирические произведения Цао Цао как образцы авторских подражаний народным песням были собраны в разделе «Музыкальные анналы» историографического сочинения «Книга об эпохе Сун». Впоследствии они вошли в сборное издание «Песен Юэфу» Го Мао-цаня (1050-1126) и распределены согласно общему принципу композиции этого памятника

по классификационным разделам. Первое полное собрание сочинений Цао Цао относится к первой трети 6 века в период южной династии Лян (502-557).

Имеющееся в настоящее время одноименное собрание сочинений составлено в 16 веке и включено в два сводных издания: Чжан Пу (1602-1641) и Дин Фубао (1874-1952), публикация 1916 года. С середины двадцатого века собрание сочинений Цао Цао переиздавалось несколько раз. Наконец в наши дни, в начале 21 века, вслед за все увеличивающимся интересом к Цао Цао как среди академических кругов, так и в современной массовой культуре, его сочинения выходят одно за другим и печатаются разными издательствами, в разных редакциях, с комментариями и без. При работе над настоящей статьей авторы используют книгу «Собрание сочинений Цао Цао» 2010 года выпуска [6], представляющую собой переиздание классического пекинского сборника 1974 года (в обеих редакциях отсутствуют комментарии, нет глоссария и примечаний, все тексты набраны старинными иероглифами, стихотворные строки записаны сверху вниз), а также снабженный литературоведческими комментариями и историческими статьями сборник «Три Цао» 2010 года [7] (текст набран современными иероглифами, расположение на странице стандартное).

Поэтическое творчество Цао Цао относят к виду «ши» (в отличие от более поздних видов китайского стихосложения «ци» и «фу»). Первоначально слово «ши» означало поэзию в целом, затем - только письменную. Признаки поэтического жанра понятие обрело в средние века. Классические ши бывают пятисловные и семисловные, со строго регламентированным чередованием музыкальных тонов разной высоты и сложным мелодическим рисунком. Строки рифмуются, как правило, через одну, рифма сквозная. Рифмуются строки главным образом под «ровным» (более певучим) тоном. Разновидность классических *ши* - «оборванные строки» - четверостишия с одной нерифмованной (предпоследней) строкой. Появление силового ударения и

многосложных слов в китайском языке сделало классические ши архаичными. В зависимости от количества иероглифов в строке ши делятся на несколько видов:

1) Четырехсловные стихи, самый ранний из возникших размеров, употреблялся в «Книге песен». Каждая строка состоит из четырех иероглифов. Этот размер был употребим еще в эпоху Шести династий (III – VI вв.), затем встречался достаточно редко. Цао Цао широко использовал именно этот вид стиха, и, по справедливому замечанию переводчика и глубокого знатока китайской поэзии Бёртона Уотсона «Цао Цао -единственный писатель того периода, которому удалось наполнить старый четырехсложный размер жизненной силой, преимущественно потому что он отбросил архаическую дикцию, связанную с этим стихотворным размером, и использовал поэтический язык своего времени» [5, с. 91].

2) Пятисловные стихи (пять иероглифов в строке). Этот размер получил распространение именно благодаря творчеству поэтов дома Цао: самого Цао Цао, первым в Китае использовавшего такой размер, и его сыновей, активно развивавших это начинание - лучшего поэта своей эпохи Цао Чжи, а также поэта и литературоведа Цао Пи. Дальнейшее развитие размер получил у таких классиков как Жуань Цзи и Тао Юань-мин (III – V вв.), он был популярен и в последующие эпохи, и используется вплоть до настоящего времени.

3) Семисловные стихи (семь иероглифов в строке) – размер, получивший особое распространение в эпоху Тан (618 – 907 гг.), которая стала временем наибольшего расцвета поэзии *ши*. Именно тогда жили такие поэты как Ван Вэй, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и. Также как и пятисловные стихи, семисловные употребляются в классической китайской поэзии вплоть до настоящего времени. В творчестве Цао Цао этот размер не используется, до его появления предстояло ждать четыре века.

Все произведения Цао Цао формально по их названиям написаны в подражание образцам древнего песенного фольклора *юэфу миньге*. Они

подразделяются на несколько одноименных циклов: «Песни на короткие мелодии», «Песни о цю ху», «О, как прекрасно». Однако на самом деле каждое из стихотворений этих циклов - это полностью самостоятельное произведение с собственным сюжетом, нередко – с выраженным автобиографическим элементом. В поэтическом творчестве Цао Цао можно выделить стихотворные произведения на:

- социально-политические темы: к ним относится большинство его стихотворений;

- даосско-религиозные темы: это в первую очередь оды;

- собственно лирика, особенно стихотворение «Любуюсь морем», в котором усматривают первый для китайской стихотворной традиции опыт воспроизведения поэтической картины окружающей природы, которая по образности предвосхищает пейзажную лирику.

В центре нашего внимания будут стихотворения первого вида, отражающие злободневную политическую ситуацию и размышления автора на социально-политические темы.

С точки зрения выразительных возможностей, языковые явления в анализируемых нами поэтических и прозаических текстах Цао Цао можно подразделить на выразительные средства и изобразительно-выразительные средства. Первые употребляются в прямом значении, не связаны с метафорическим использованием единиц языка и не создают образов, однако их употребление позволяет выражать разнообразные коннотативные значения. Они содержат субъективную оценку, являются эмоционально окрашенными и обладают высокой степенью экспрессивности. Анализируемые нами тексты содержат такие выразительные средства как слова и *фразеологизмы* с эмоционально-оценочным значением, а также различные фигуры синтаксической выразительности – *антитезу, повторы, параллелизм* и *риторический вопрос*.

Изобразительно-выразительные средства, обычно именуемые **тропами**, употребляются в переносном значении. Они связаны с фигуральным, метафорическим использованием языковых единиц, относятся к сфере их образного употребления. Китайский язык имеет широко разветвленную систему тропов, которая располагает большими возможностями для построения словесных образов, для создания красочной, живописной речи. К числу основных изобразительно-выразительных средств китайского языка относятся иносказание, основанное на сравнении, замена, основанная на заимствовании, перемещение признака, уподобление человеку, преувеличение [2].

Рассмотрим последовательно наиболее часто встречающиеся в текстах Цао Цао тропы и стилистические приемы.

На лексическом уровне в первую очередь выделяются иносказания, основанные на сравнении - 比喻. Они подразделяются на несколько видов, из которых в творчестве Цао Цао нами выделено четыре – *явное сравнение, скрытое сравнение, сравнение-фразеологизм и гиперболическое сравнение*.

Явное сравнение – это простой и наиболее употребимый троп китайского языка, в стилистике русского языка ближайшим соответствием будет *образное сравнение*. Обычно он оформляется с помощью местоимений со значением «как», «будто», «словно», «как будто». У Цао Цао этот троп встречается в таких стихотворениях как «Короткая песня (Песня вину)», «На смерть отца», «Роса на луке», оформлен он как правило с помощью слова 如 (как, словно), реже с помощью слова 为 (в качестве, подобно):

1) 譬如朝露 *Он исчезает как роса*

2) 明明如月，何时可掇

Как сверкающая луна что безостановочно бежит по небу

3) 其穷如抽裂 *Будто треснула в груди рваная рана*

4) 瞻彼洛城郭，微子为哀伤

Смотрю на городские стены Лояна, как сын-приёмши, скорбя.

Скрытое сравнение по своей синтаксической структуре –это простое предложение с составным именным сказуемым. В русском языке этот троп представляет собой структурный вариант образного сравнения. В нем отсутствуют сравнительные союзы, поэтому такую разновидность сравнения называют в китайской стилистике «скрытое сравнение» [2]. У Цао Цао мы выделили под-вариант скрытого сравнения – перифраз, который употребляется вместо слова, относящегося к нейтральной лексике, и таким образом выполняет функцию образного синонима:

沐猴而冠带， 知小而谋疆

*Мартышка в шляпе и поясе придворного,
знаний у него мало а амбиций много.*

В этой строчке из стихотворения «Роса на луке» Цао Цао подвергает горькой критике регента Хэ Цзиня, благодаря некомпетентности которого произошла непоправимая катастрофа, коллапс всего правительства и государственного аппарата империи, повлекшие за собой гражданскую войну, голод и гибель людей. В стихотворении используется пейоративный перифраз.

Сравнение-фразеологизм, которое Гальперин называет «стёртой метафорой» [1] - это сравнение, которое, постоянно употребляясь в художественной речи, выродилось в штамп; образная основа его стерлась, превратилась в традиционную условность. Неудивительно, что у такого самобытного поэта как Цао Цао, этот троп используется крайне редко. Мы нашли один пример в стихотворении «На смерть отца»:

惋叹泪如雨 *вздыхаю от горя, слезы льются дождем*

Поскольку сам жанр этого стихотворения –надгробный плач над умершим человеком более высокого чем поэт статуса – предполагает использование условных, строго формализованных языковых единиц, сравнение-фразеологизм

«слезы льются дождем» в данном случае вполне уместно и не снижает художественных достоинств стихотворения.

Гиперболическое сравнение содержит художественное преувеличение, представляющее собой гипертрофированный образ. Оно обладает высокой степенью экспрессивности. В стихотворении Цао Цао «На смерть отца» гиперболическое сравнение используется в строчке:

释衔不如雨 *Дожди прольются, а горе не иссякнет никогда*

Метафора является средством экспрессивной характеристики, в китайском языке она нередко имеет ту же образную основу, что метафоры русского языка. В метафоре одно слово употребляется в прямом, другое в переносном значении. Так, Цао Цао одним из первых в китайской литературе конструирует ставшую потом очень распространенной метафору 暮年 «годы заката», то есть старость. Сравним у Аристотеля: «Что старость для жизни, то вечер для дня, поэтому можно назвать вечер старостью дня, а старость вечером жизни, или, как у Эпидокла, закатом жизни» [4, с.198]. Эта метафора встречается в одном из лучших произведений Цао Цао «Хоть и долго живет черепаха»:

烈士暮年，壮心不已

Герой достиг годов заката, но сердце осталось храбрым как встарь.

Чаще в творчестве Цао Цао встречается метафорическая аллегория, которая построена на уподоблении абстрактных, обобщённых понятий конкретным вещам и явлениям [3, с.23]. Так, в стихотворении «Десятый зимний месяц» читаем:

鸷鸟潜藏，熊罴窟栖 *Хищные птицы исчезли, медведи укрылись в берлогах*

Здесь образно описывается прекращение губительной гражданской войны (достигнутое, кстати говоря, благодаря титаническим усилиям самого Цао Цао). Под хищными птицами и медведями, которые попрятались по своим укрытиям,

поэт подразумевает феодальных властителей, прекративших сопротивление правительству.

В описывающем ужасы междоусобной войны стихотворении «Раздор» автор использует метафорическую аллегорию, сам же раскрывая ее значение в предшествующей строке:

乡土不同，河朔隆冬

Родные края охватил раздор, в северных землях великая стужа

Здесь, как и в последующем тексте стихотворения, братоубийственная война уподобляется лютой зимней стуже, противоестественной и парализовавшей нормальное течение жизни в стране.

Очень удачным представляется нам использование метафорической аллегории в стихотворении «Роса на луке»:

白虹为贯日，己亦先受殃 *Белая змея заслонила солнце*

Смысл аллегории связан с легендой об основателе Ханьской династии Лю Бане, который якобы встретил однажды хтоническое чудовище Белую змею, и вступив с ней в сражение, одержал вверх, тем самым мистически предопределив установление Ханьской династии. Строка «Белая змея заслонила солнце» не только рисует визуальный образ природной катастрофы, но и аллегорически намекает на крах и неизбежное падение Ханьского императорского дома – когда-то побежденная Ханьским императором Белая змея, символ хаоса, теперь снова вырвалась в мир и приобрела сокрушительную силу.

Очень интересным кажется нам пример разворачивания метафорической аллегории в стихотворении «Утреннее солнце», когда поэт в сжатом пространстве двух рядоположенных строк конструирует сразу несколько

метафорических аллегорий и связывает их между собой, создавая развернутый художественный образ:

比翼翔云汉， 罗者安所羈？

Плавно скользят облака по Млечному пути,

Ловец облаков накинёт ли на них цепи?

Здесь выражение «облака на Млечном пути» аллегорически обозначает талантливых людей, «ловец облаков» - это правитель, который стремится привлечь способных людей себе на службу, а «накинуть цепи» указывает на принуждение к государственной службе используя силу, шантаж или подкуп. Вся развернутая метафорическая аллегория означает, что лирический герой стихотворения желает привлечь к государственной службе талантливых людей, но при этом он уважает их свободную волю и предоставляет им право самим выбрать служить стране или отказаться от этого.

Метонимия основана на смежных понятиях, основном и сопутствующем, или на ассоциации по смежности. Примеры из творчества Цао Цао: «топор палача» - казнь, как в стихотворении «Властитель западных земель» из цикла «Короткие песни»:

后见赦原， 赐之斧钺

Потом получил помилование, миновал его топор палача

Для понимания внутренней формы следующих образцов метонимии следует знать китайские исторические легенды о родителях, заботящихся о должном воспитании детей. Так, в стихотворении «На смерть отца» Цао Цао говорит о своем детстве:

既无三徙教， 不闻过庭语

Хоть и не было тройного переезда, не было поучений в домашнем саду

Здесь выражения «тройной переезд» и «поучения в домашнем саду» метонимическим переносом означают родительскую любовь и заботу. Поэт говорит что отец не обращал на него внимания и не беспокоился о его образовании и нравственном воспитании, в отличие от матери философа Мэн-цзы, которая трижды меняла местожительство чтобы найти для сына благоприятную атмосферу («тройной переезд»), в отличие также от Конфуция, который в домашней обстановке руководил чтением своего сына («поучения в домашнем саду»).

В текстах Цао Цао встречается также метонимическая антономазия – замена нарицательного имени собственным:

何以解忧？唯有杜康 *Что за способ остается? Лишь один – Ду Кан (вино)*

В этом стихотворении, «Короткая песня (Песня вину)» вместо слова «вино» использовано имя знаменитого китайского винодела. По сути строчка говорит что единственный выход – прибегнуть к вину.

Отдельный вид изобразительно-выразительных средств представляют фразеологизмы, на которые китайский язык особенно богат. Китайская стилистика подразделяет их на готовые выражения (чэньюи), предложения с усекаемой концовкой, народные предложения и отточенные фразы. Обычно эти выразительные средства свойственны устной и прозаической речи. Но в поэзии Цао Цао, с ее живыми разговорными интонациями и близостью к стилю народных песен, можно найти несколько образцов фразеологизмов. Например:

狐死归首丘，故乡安可忘！

Лиса умирает головой к кургану, как мы можем забыть свою родину!

В этих строчках из стихотворения «Прохожу у восточных ворот» использовано народное предложение или «яньюй» – бытующее в народе устойчивое изречение. В стихотворении описываются чувства солдат, на многие дни расставшихся с родным домом ради бесконечного изматывающего похода.

«Лиса умирает головой к кургану» - это устойчивое выражение, означающее что человек в минуту крайней тягости, например перед смертью, стремится мыслями к родному очагу. Второй строчкой поэт раскрывает значение использованного образа.

В поэзии Цао Цао можно найти и такой вид фразеологизмов как отточенная фраза – «лаконичное, отточенное речение, обладающее глубоким смысловым содержанием и большой силой художественного воздействия» [2, с.50]. Так, в стихотворении «Прохожу у горы Гуаншань» в сильной позиции – в завершающей строке- стоит фраза, как бы подводящая итог размышлениям автора о требованиях к идеальному правителю:

兼爱尚同，疏者为戚

Любить людей как самого себя, дальних считать своими близкими.

Эта фраза кроме того является скрытой цитатой, заимствованной из рассуждений и писаний выдающегося философа Мо-цзы.

На синтаксическом уровне художественные тексты Цао Цао тоже очень богаты стилистическими приемами, при этом самый часто встречающийся и излюбленный автором прием –это риторический вопрос. Риторический вопрос-это категорическое утверждение, облеченное в форму вопроса, этот прием употребляется чтобы подчеркнуть суждение, сделать его более выразительным. С этой целью суждению придают вопросительную форму вопреки его внутреннему содержанию; по сути дела риторический вопрос – это антивопрс. Обладая высокой степенью экспрессивности, риторический вопрос создает ощущение живой речи, непосредственного диалога автора с читателем. Как поэтические, так и прозаические произведения Цао Цао пестрят риторическими вопросами:

1) 皋陶甫侯，何有失职？（Прохожу у горы Гуаншань）

При Гао и Яо и высокочтимом Фу

Кто осмеливался пренебрегать своими обязанностями?

2) 许由推让，岂有讼曲？ (Прохожу у горы Гуаншань)

Сюй Ю отказался от трона, разве можно было его принудить?

3) 何用杜伯，累我圣贤 (О, как прекрасно! Ода первая)

Зачем же они использовали Ду Бо?

От того пострадали сами наши достойные мужи

4) 今我将何照于光曜？ (На смерть отца)

Как мне смотреть теперь на белый свет?

В текстах Цао Цао используется также вопросно-ответное единство – стилистический прием, который выражается в использовании речевой структуры объединяющей риторический вопрос и ответ – реакцию на него, для передачи единого содержания:

Неужели они встретили этих талантливых людей случайно? Отнюдь нет!

(«Приказ о привлечении на службу достойных»)

Нередко встречается восклицание, выражающее эмоциональное отношение к действительности:

1) 幸甚至哉！ (Любуюсь морем, Десятый зимний месяц, Хоть и долго живет черепаха) *Как непревзойденно счастлив я!*

2) 於铄贤圣 (Прохожу у горы Гуаншань)

О, как великолепен добродетельный государь!

3) 世叹伯夷，欲以厉俗 (Прохожу у горы Гуаншань)

О, достойный Бо И, чьи деяния восхваляет народ!

4) 虽怀一介志，是时其能与！ (На смерть отца)

Одно лишь желание в душе – о, если бы продлились его дни хоть немного!

Еще одним приемом, который поэт любит и мастерски использует, является параллельная конструкция. Бесконечный параллелизм, многократная дубликация однородных членов задает ритмику стихотворений Цао Цао и является одним из основных выразительных средств его поэтики, способом создания многогранного художественного образа, способом сравнения, противопоставления, антитезы:

山不厌高，海不厌深 (Короткая песня)

*Гора не жалуется на то что она слишком высока,
море не жалуется на то что оно слишком глубоко*

Особенно яркий эффект достигается, когда параллельная конструкция заключена не в одной-двух строках, а охватывает целую станзу, как в стихотворении «Любуюсь морем»:

日月之行，若出其中

星汉灿烂，若出其里

Солнце и луна сменяются, будто возникают из середины моря,

Млечный Путь сверкает, будто восстает из глубины моря.

Итак, анализ литературных и стилистических особенностей художественных произведений Цао Цао показал, что Цао Цао – поэт-новатор, активно освоивший старые и новые виды стихосложения и проложивший для китайской поэзии путь от народных песенных жанров к изысканному авторскому стиху;

2) Произведения Цао Цао – самобытные, яркие, стилистически богатые образцы поэтического творчества;

3) Тематически произведения Цао Цао подразделяются на несколько видов, из которых особое место занимают стихи и проза на социально-политические темы. Лейтмотивом произведений этой тематики является образ идеального правителя, созданию которого служат многочисленные средства художественной выразительности.

References

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка.- М.:Высшая школа, 1981
2. Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка.-М.: Просвещение, 1979
3. Кузнец М.Д., Скребнёв Ю.М. Стилистика английского языка. –Л.: Мир, 1960
4. Мэйлах Б. Вопросы литературы и эстетики. –М.: Наука, 1958
5. Watson Burton. The Columbia Book of Chinese Poetry. –Columbia University Press, 1984
6. 曹操集 –北京:中华书局, 2010 (Цао Цао. Собрание сочинений. – Пекин: Изд-во Китайский книжный дом, 2010)
7. 曹操.诗 //三曹. –北京:中华书局, 2010 (Цао Цао. Поэзия. // Три Цао. – Пекин: Изд-во Китайский книжный дом, 2010)

Selyukova E. Modern approaches to functions of pedagogical collective in educational institutions

Современные подходы к функциям педагогического коллектива
в образовательных учреждениях

Selyukova Ekaterina,

candidate of pedagogical sciences, associate professor of preschool and primary education,
Stavropol state teacher training college

Селюкова Екатерина Алексеевна,

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры дошкольного и начального образования,
Ставропольского государственного педагогического института

Abstract: in the article the pedagogical collective is considered not only as a social phenomenon, but also as a pedagogical process specially organized, having its purpose, its structure, its criteria and components.

Keywords: personality, education, society, development, school, educational institution, student, quality of education.

Аннотация: в статье рассматривается педагогический коллектив не только как социальное явление, но и как педагогический процесс специально организованный, имеющий свое назначение, свою структуру свои критерии и составляющие.

Ключевые слова: личность, образование, общество, развитие, школа, учебное заведение, ученик, качество образования.

Образование как социальное явление — неотъемлемая часть любого общества, любого народа, любого сообщества и даже любого человека как индивида. Именно образование как таковое обеспечивает физическое и духовное становление личности, ее вхождение в тот мир, в то общество, в котором эта личность растет, развивается. Общество предоставляет растущей личности те идеалы, ценности, правила жизни, которые наработаны конкретным обществом в определенных природных, исторических и социальных условиях.

Именно в процессе освоения этих ценностей происходит становление и развитие каждой личности, которая, став активным членом общества, в свою очередь, несет, внедряет и приумножает реальные достижения данного общества.

Образование необходимо рассматривать не только как социальное явление, но и как педагогический процесс специально организованный, имеющий свое назначение, свою структуру свои критерии и составляющие. В системе учебного заведения: школе, вузе, техникуме – это не только подготовка человека к жизни взрослого человека, который приобрел определенные знания, овладел специальностью, и будет обеспечивать свое существование. Образование в системе учебного заведения – это одна из важнейших сфер жизнедеятельности человека, поскольку именно здесь происходит взращивание и становление человеческой личности. Ребенок, ученик, студент не только осваивает знания, но и пробует себя в разных видах деятельности, живет интенсивной жизнью, определяя свои возможности [2].

Образование в современных условиях принципиально становится иным. Во-первых, главным в образовательном учреждении должен стать ученик, воспитанник, студент, с его интересами, потребностями, возможностями, а не педагог, квалифицированно обеспечивающий образовательно – воспитательный процесс. Ученик познает, проживает предлагаемые знания, развивая себя в процессе этого познания.

Во- вторых, принципиально меняется функция педагога: он должен не передать, разъяснить, предложить знания, а создать условия для освоения этих знаний учеником, студентом.

В-третьих, меняется позиция ученика и учителя, меняются их взаимоотношения: ученик становится субъектом собственного развития, а педагог «страхует», сопровождает, стимулирует процесс познания и развития ученика.

В-четвертых, меняется содержание знаний. Появляются новые предметы, новые подходы, новые концептуальные идеи к рассмотрению общепринятых знаний и фактов. Переосмысливаются такие предметы, как история, физика, биология, литература и т.д.

Каково же назначение педагогического коллектива в образовательном учреждении, какие функции он призван выполнять в современных условиях?

Функции педагогического коллектива рассматриваются разными исследователями с разных позиций. Поскольку педагогический коллектив – это многоструктурное объединение, обладающее многочисленными связями и направлениями деятельности, то, естественно, он обладает многочисленными функциями.

Системообразующими функциями педагогического коллектива являются:

- управленческая, качественно – результативная, которая обеспечивает высокое качественное образование;
- организационно - деятельностьная, которая предполагает организацию учебно-воспитательного процесса;
- преобразующая, которая обеспечивает самосовершенствование и саморазвитие самого коллектива [4].

Одной из главных, решающих функций педагогического коллектива является управленческая функция. Причем, с одной стороны, педагогический коллектив испытывает управленческую функцию со стороны руководителя, администрации образовательного учреждения, с другой стороны, каждый педагог сам является управленцем и должен выполнять управленческую функцию. Чем лучше отлажена у руководителей управленческая функция и ее составляющие (планирование, регулирование, координация, контроль, анализ), тем лучше она функционирует у педагогов школы.

Каждый элемент управления становится функцией, когда участники процесса овладевают данным направлением деятельности. В некоторых учреждениях очень хорошо отработана функция планирования, четко продуманы виды и формы планов, сроки их выполнения. В других школах хорошо отлажен контроль. Расписано, кто, когда, по какому вопросу будет контролировать того или иного педагога. При этом в управленческой

деятельности очень важны такие функции, как стимулирование, поддержка, поощрение, оценка. Необходимо также и четкое функционирование социально-психологических служб, установление связей с родителями, общественностью, с социальными службами, так или иначе взаимодействующих с образовательным учреждением [2].

Хорошо отлаженная управленческая деятельность руководства, помогает педагогическому коллективу отработать соответствующие элементы управленческой деятельности и создать условия для организации самоуправления в ученическом коллективе. В коллективе, где функционирует самоуправление учащихся, четко расписываются функции всех участников процесса: директора, завучей, организаторов, классных руководителей, актива учащихся, прописываются права и обязанности самих учащихся. При этом педагоги отрабатывают правовые связи с учащимися, а учащиеся выделяют своих представителей, уполномоченных для решения вместе с педагогами управленческих вопросов.

Новое качество – это образование, отвечающее требованиям не только Российского государства, но и требованиям международных стандартов качества, удовлетворяющих запросы всех потребителей образовательных услуг – личности, общества, государства, производства. Проблема качества тесно связана с проблемой качества самого человека – качества ученика, качества преподавателя, качества специалиста. Рассматривается также и качество учебно-воспитательного процесса и качество работы школы [1].

Когда речь идет о качестве чего-либо, необходимо выделить критерии и показатели, по которым можно судить о качестве того или иного явления. Поэтому в управленческой деятельности школы очень важна функция контрольно-мониторинговая. Педагогический коллектив определяет, по каким параметрам будет отслеживать результативность работы учреждения. В зависимости от избранных целей работы, от отрабатываемых ценностей

отбираются критерии и показатели, по которым можно будет оценивать результативность работы.

Так для школы, работающей в логике личностно-ориентированного подхода показателями успешности работы будет (по Шиянову Е.Н., Туренской Е.С.) стремление к самопознанию и самосовершенствованию и готовность ученика к самоопределению, самореализации, самоутверждению.

В управленческой логике ведущими критериями становятся такие (по Лазареву В.С., Поташнику М.М.) критерии, как планирование, организация, контроль, анализ, которые одновременно выполняют и роль функций, и являются составляющими управления, и выступают критериями эффективности [6].

Для школы, работающей в логике традиционных парадигм важны такие показатели, как успеваемость учащихся, их обученность, число поступивших в вузы. Хотя последний показатель в настоящее время не существенен.

В акмеологическом направлении Максимова В.Н. выделяет духовную зрелость, учебную зрелость, социальную зрелость как критерии качества образования учащихся и рассматривает их показатели на основе возраста учащихся.

Качество и ценность самого педагогического коллектива, степень его сформированности, социально-психологический климат коллектива могут оцениваться по таким параметрам: личностные характеристики педагогов, их творческий потенциал, направленность (на себя, на дело, на других), эмоциональность и коммуникативность; взаимоотношения в коллективе, (по социометрии) – уровень благополучия взаимоотношений, коэффициент взаимности, индекс изолированности; готовность личности педагога к саморазвитию – владение приемами самопознания и самосовершенствования, стремление, готовность познавать личность учащегося, умение включать учащихся в саморазвитие, самосовершенствование [5].

Организационно – деятельностная функция имеет свои подфункции. Поскольку организационно – деятельностная функция предполагает прежде всего организацию учебно – воспитательного процесса, то ее можно рассматривать с разных позиций: с позиции организации педагогического процесса можно рассматривать функции целеполагания, ценностно-смысловые, содержательные, технологические, результативные; с позиции направленности деятельности, и тогда можно говорить о функциях обучения, воспитания, развития и социализации учащихся; с позиций результативности выполнения на уровне стандартов, на уровне высокого качества образования, на уровне творческого, инновационного преобразования.

Деятельностный аспект организационно – деятельностной функции проявляется в использовании различных технологий и приемов, а также в организации взаимодействия с учащимися на основе партнерства, взаимоуважения. При этом необходима поддержка ученика, принятие его со всеми его проблемами, недостатками, притязаниями [3].

Проанализировав различные подходы обеспечивающие реализацию педагогического процесса, обязательно присутствуют в деятельности педагогического коллектива и на которых строится эффективность его деятельности:

- функция целеполагания, обеспечивает целевую направленность деятельности педагогического коллектива;
- функция содержательно- организационную, позволяющая отобрать наиболее эффективное содержание и организовать педагогический процесс наиболее результативно;
- функция технологическая, обеспечивающая использование инновационных приемов, форм и методов работы;

- функция результативная, позволяющая соотнести достигнутые результаты с выполненной работой и, в случае необходимости, перестроить всю организационно- управленческую деятельность.

Все вышеназванные аспекты являются составной частью учебно-воспитательного процесса. А системообразующим фактором педагогического процесса выступает цель, с одной стороны, как заказ государства, с другой стороны, как осмысление жизненных отношений и ценностей.

Целостный педагогический процесс включает в себя такие компоненты как содержательно-целевой, организационно-деятельностный, и результативно-рефлексивный. Общепринято: цель – средства – результат.

Главное назначение школы, образовательного учреждения: обучать, воспитывать, развивать. Как государственное учреждение школа выполняет конкретную общегосударственную цель: подготовку гражданина своего отечества. При этом цель общества, цель школы, цель личности педагога и цель ученика трансформируются в разном понимании и в разных способах реализации. При этом цели обучения, воспитания, а также развития имеют свои ценности, свое содержание, свои концептуальные подходы [4].

Функция целеполагания обеспечивает определение и выполнение целей обучения, воспитания, развития. В соответствии с переосмыслением назначения образования конкретизируются и цели обучения, воспитания и развития. Цель воспитания в сегодняшних условиях – самоопределяющаяся, самосовершенствующаяся личность. Цель обучения – самообучающаяся, самообразовывающаяся личность, которая, овладев основами знаний, готова постоянно познавать новое, постоянно учиться (учить себя), постоянно совершенствовать и преобразовывать свои знания, достигая совершенства в познавательной деятельности.

Именно поэтому идея непрерывного образования становится главной в образовательной системе государства. Цель развития – саморазвивающаяся

личность, умеющая использовать свои потенциалы и возможности, умеющая взять на себя ответственность за реализацию себя, за свое существование, за свое процветание. Функция обучения – познакомить учащихся с миром, с законами его развития и существования. Овладев основами наук человеку необходимо научиться познавать и раскрывать многообразие мира.

Традиционно педагогический коллектив отрабатывал «что и как» надо передать учащимся, чтобы ученик освоил определенные знания, стал образованным человеком и смог соответствовать требованиям жизни в определенном обществе.

Обучение одна из важнейших сфер, в которой реализуется интеллектуальное развитие личности. При этом у одного легко происходит освоение уже принятых знаний, другого интересует поиск и овладение научными достижениями и открытиями, третий создает новые технологии и внедряет их в практику, четвертый воплощает знания и достижения науки в практической деятельности.

И если на сегодняшний день учителями достаточно отработана передача знаний учащимся, пути и способы организации познания учащимися предлагаемых знаний, то практически полностью отсутствует в системе обучения – обучение познанию самого себя, что, на наш взгляд, является чрезвычайно актуальным. И тот педагогический коллектив, который готов заниматься этим процессом, безусловно, является наиболее прогрессивным [6].

Сегодня перед педагогическим коллективом стоит принципиально другая задача: как научить человека учиться, как обеспечить его приемами познания, чтобы он мог реализовать чрезвычайно важную задачу – «образование через всю жизнь».

Современному обществу требуются высококвалифицированные люди, которые не только являются хорошими специалистами в своей области, но и успешно ориентируются в других сферах науки, техники, культуры, обеспечивая

себе благоприятную жизнедеятельность.

Для построения принципиально новой системы обучения необходимо изменить образовательный процесс как со стороны общества: официальных и общественных организаций, создающих социально-экономические условия и определяющих реальную востребованность и приоритетность образования; так и со стороны педагогов, взявших на себя ответственность за обеспечение образованных, компетентных, профессионально подготовленных граждан для своего общества, а также со стороны учащихся и их родителей, готовых самостоятельно действовать, становиться интеллектуально грамотными, ответственными за то, что происходит вокруг, способствующих процветанию общественных процессов. Обучение должно способствовать мобилизации личностного потенциала человека, обеспечив в нем знания, пробудив в нем творчество и мастерство. Знание, творчество, мастерство, по мнению А.М.Новикова, являются важнейшим людским ресурсом, которое обеспечит не только эффективное развитие самой личности, но и обеспечит процветание всего общества.

В слове обучение приставка «об» – обозначает обустройство учения. Учение – это прерогатива учащихся, а обучение, то есть обустройство, создание благоприятных условий для учения – задача педагога. И тот педагогический коллектив, который наиболее успешно решает эту задачу, добивается наилучших результатов. Поскольку, образование, обучение предполагает наличие двух участников – преподавателя, учителя и обучающегося – учащегося, студента, то необходимо рассматривать их деятельность и функционал самостоятельно, отдельно. Наша задача конкретизировать функционал педагогического коллектива, поэтому мы останавливаемся именно на этом аспекте, не умаляя аспект ученичества [2].

Традиционно принятая цель воспитания – воспитание всесторонне развитой личности как общечеловеческий идеал, характерный для всех периодов

жизни человечества сегодня видоизменяется. На базе общего всестороннего развития, человек должен «открыть» свои способности и реализовать их в своей деятельности. Именно поэтому в современных условиях цель воспитания – это саморазвивающаяся, самосовершенствующаяся личность. При этом, безусловно, идея всестороннего развития не снимается с повестки дня, а акцент переносится на жизнедеятельность самой личности, ее ответственность за свое становление и реализацию. И если при решении всестороннего развития личности от педагога требовалось организация по разным направлениям деятельности: нравственной, умственной, трудовой, эстетической, патриотической, то теперь коренным образом меняется позиция педагога. Вместо позиции «ведущего», «воздействующего», отвечающего за воспитание и развитие ученика, он начинает по отношению к ученику занимать позицию «страхующего», наблюдающего, помогающего. Педагог создает условия, в которых ученик может проявить себя, сделать свой выбор. Педагогически целесообразное обеспечение воспитательно – образовательного процесса предполагает прежде всего создание такой образовательной среды, в которой учащимся будет интересно и комфортно, и в которой они смогут наиболее полно раскрыть и проявить себя. Это возможно, если в педагогическом коллективе функционируют психологически доброжелательные и компетентно- правовые отношения.

Цели педагогической деятельности определяют выбор средств педагогического процесса, который включают в себя содержание образования, формы, методы, технологии. При этом, если содержание обучения представлено в программах, учебниках, методических пособиях, то содержание воспитания содержится только в концептуальных идеях, в отработанных обществом и культурой ценностях, а содержание развития строится на физиологических, психологических и акмеологических позициях.

В современных условиях одним из важнейших направлений

образовательной системы становится введение государственных образовательных стандартов и повышение качества образования.

В огромном информационном потоке знаний, необходимо отобрать те, основополагающие знания, которые помогут ученику не только стать культурным, образованным человеком, но и легко устанавливать контакты с людьми другой ментальности, другого миропонимания [3].

Именно поэтому педагогическая мысль обратилась к идее стандартов, тех минимально значимых основ, которые позволят человеку войти в любое сообщество и, владея определенным уровнем знаний и умений, стать специалистом международного уровня.

Государственный образовательный стандарт призван повысить качество образования через высокий уровень обучения, через введение единого содержания и одновременно обеспечить контроль качества этого образования на всем образовательном пространстве России.

Организационно-содержательная функция педагогического коллектива предполагает отработку ценностно-смысловых позиций конкретного учреждения, организацию деятельности в соответствии с этими ценностями, а также создание контрольно-мониторинговой системы.

Поскольку каждое образовательное учреждение, выполняя общегосударственные цели и задачи, в то же время является своеобразной структурной единицей, то оно по-своему решает поставленные задачи, конкретизируя их в своей логике.

Педагогический коллектив не в состоянии перестроить государственные программы и учебники, но, тем не менее, образовательное учреждение может расставить акценты, ориентируя своих учащихся или на практическую деятельность, или на теоретическое познание или на реализацию своих личностных ресурсов и потенциалов. И тогда отработка определенных подходов и жизненно важных ценностей обеспечивает образовательному учреждению

стабильность качества и эффективность.

В зависимости от квалификации и профессионализма педагогов, от задач, поставленных в учреждении, от степени традиционной или инновационной деятельности культивируются конкретные ценности.

Содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами, независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права учащихся на свободный выбор мнений и убеждений.

Результатом обучения является интеллектуально развитая, образованная, культурная, грамотная личность, готовая стать профессионалом в избранной области [5].

В вопросе стабилизации педагогического коллектива ведущая роль принадлежит директору, руководству школы, выполняющих важнейшую социально-психологическую функцию. Сплочение педагогического коллектива реализуется на основе выработки единого ценностного поля, единого образовательно – воспитательного пространства, консолидирующего осмысление целей и смыслов педагогической деятельности.

Основные функции сплочения коллектива: научно-методическое просвещение педагогов, стимулирование творческой деятельности, поддержка качественной работы.

Качество работы в творческом коллективе поддерживается за счет организации инновационной деятельности. Важнейшими признаками постоянного поиска и движения является опытно-экспериментальная, исследовательская, инновационная деятельность. Высоких результатов достигают те педагогические коллективы, в которых четко сформулированы цели и задачи, и в которых эти задачи решаются поисковым, исследовательским путем.

Саморазвитие педагогического коллектива невозможно, если педагоги не являются субъектами образовательной деятельности, не владеют приемами и способами саморазвития и самосовершенствования. При этом очень важно, чтобы потребность и готовность к самореализации и саморазвитию не только проявлялась у педагогов в жизни и в профессиональной деятельности, но очень важно, чтобы она пронизывала всю педагогическую деятельность и переводилась на уровень деятельности учащихся.

Постоянная работа педагога над собой, потребности человеческой личности в самосовершенствовании представлена в работах А.А.Деркача, Н.В.Кузьминой, В.Н.Максимовой, которые рассматривают человека как субъекта жизнедеятельности, способного к саморазвитию, творчеству, самоорганизации своей деятельности [1].

Педагогический коллектив – это многоплановое и многофункциональное явление, представляющее собой целостную систему. Многообразие функций, которыми оперирует педагогический коллектив в образовательном учреждении, позволяет строить педагогический процесс более квалифицированно и результативно.

References

1. Вахромов, Е. Е. Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации: Учеб. пособие / Е. Е. Вахромов. — М., 2001.
2. Вербицкий А.А., Платонова Т.А. Формирование познавательной и профессиональной мотивации. - М., 2003.
3. Дубровина И.В., Круглов Б.С. Проблемы повышения качества обучения и воспитания учащихся. - М., 2006.
4. Исаев, И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя: Учеб. пособие для студ. высш. учебных заведений / И. Ф. Исаев. — М., 2002.

5. Новиков А.М. Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия, векторы развития.- М., 2012.

6. Якиманская, И. С. Технология личностно-ориентированного образования / И. С. Якиманская; Отв. ред. М. А. Ушакова. — М., 2010.

Tchalaeva P. Sh. The pre-Soviet period of development of Lak-Russian language contacts (from 1812 to 1917)

Досоветский период развития лакско-русских языковых контактов (с 1812 г. до 1917 г.)

Tchalaeva Patima Shamilevna,

Candidate of philological Sciences,
associate Professor of the Dagestan languages,
Dagestan state university

Чалаева Патима Шамильевна,

Кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанских языков,
Дагестанский государственный университет

Abstract: the article is devoted to the development of lak-russian language contacts.

Keywords: lak, language contact.

Аннотация: Статья посвящена вопросам развития лакско-русских языковых контактов.

Ключевые слова: лакский язык, языковые контакты.

Народы Северного Кавказа, как отмечают историки, были связаны с Россией и русским народом многовековыми узами, уходящими в древность, в средние века. На протяжении столетий они поддерживали с Россией торговые, культурные и политические отношения. В условиях постоянных нападений извне, политической раздробленности, феодальных и политических междоусобий народы и владельцы Северного Кавказа вынуждены были искать защиты и покровительства, что содействовало развитию их внешних связей с Россией [2, с. 9].

Начальный этап непосредственных лакско-русских языковых контактов (1812 – 1859 гг.). Процесс добровольного принятия российского подданства феодальными владельцами Дагестана начался в конце XVII века, что вызывалось боязнью новых опустошительных вторжений со стороны шахского Ирана. Первым «подданство и покровительство России» получило шамхальство Тарковское (1899 г.). В том же году были приняты в российское подданство

уцмий Каракайтагский и кадий Табасаранский. В 1802 году прошение о принятии российского подданства поступило и от нуцала Аварского. Сурхай-хан Казикумухский настойчиво призывал к войне с русскими, но не получил серьезной поддержки и был вынужден присягнуть на верность России (1806 г.). Однако договора о русском подданстве он не подписал, желая сохранить самостоятельный контроль за движением купцов и товаров через его ханство в Иран [2, с. 24]. В 1809 – 1811 гг. Дербентский хан Шихали-хан и Сурхай-хан делали попытки поднять феодалов и население Дагестана на борьбу с Россией, которая была в состоянии войны с Ираном. Однако после завершения войны России с Ираном, потерпевший поражение шах подписал Гюлистанский мирный договор, где Дагестан навечно признавался за Россией (1813 г.). Фактическое вхождение Дагестана в состав России завершилось в 1812 году с присоединением к империи Казикумуха и Акуша-Дарго [2, с. 28-29].

Однако до окончательного подчинения Северного Кавказа российскому военно-административному управлению было далеко. Если до 1818 года в этом направлении делались только первые шаги, то в дальнейшем эта политика стала проводиться более настойчиво, что вызывало растущее сопротивление, особенно части феодалов, общинно-родовой верхушки и мусульманского духовенства [2, с. 31]. Уже с 1818 года началась так называемая Кавказская война против политики царизма, усилилось сопротивление горцев [2, с. 34].

В Дагестане первым выступил против царских войск хан Аварский, за ним – ханы Мехтулинский, Казикумухский, уцмий Каракайтагский и другие владетели и старшины сельских обществ. В 1818 г. Ахмед-хан Аварский с большим скоплением войска напал на русский отряд и занял селение Басилы. В ответ Ермолов со значительными силами двинулся в Дагестан, разбил его войско и сжег главное селение хана Мехтулинского Дженгутай. Весной 1819 г. русские войска нанесли поражение Сурхай-хану Казикумухскому, который, однако, не успокоился и совершил в декабре того же года нападение на Чирахский пост.

Акушинцы, поддержавшие Сурхай-хана, были разбиты. В начале января 1820 года царские войска заняли Акушу. Сурхай-хан бежал и навсегда был лишен ханства, а вместо него ханом в Казикумухе был провозглашен Аслан-хан Кюринский [2, с. 36-37].

В начале декабря 1820 года Аслан-хан подписал высочайший указ, по которому утверждался ханом Казикумухским и Кюринским. Эта дата и становится датой фактического присоединения Казикумухского ханства к России. Отныне казикумухский хан должен был выполнять только определенные, строго ограниченные русскими функции. Аслан-хан поклялся за себя и наследников, что в управлении дарованного ему ханства не признает над собой иной власти, кроме русского императора, обязался повиноваться распоряжениям русского командования на Кавказе, обещал не вступать в связи с соседними сторонами без его согласия. После принятия присяги Аслан-хан был возведен в чин генерал-майора [6, с. 131].

Таким образом, начало непосредственных контактов дагестанцев, в том числе и лакцев, с русскими носило весьма драматический характер. Имя Ермолова вошло в дагестанский фольклор. В лакском языке, например, существует поговорка «Ахъушиял ялув Ярмалав куна, ялув ливккунур», т.е. «Насел на кого-нибудь, как Ермолов на акушинцев».

С начала 30-х годов антиколониальную и антифеодальную борьбу горских народов возглавило мусульманское духовенство во главе с имамами – Гази-Магомедом, Гамзатбеком и Шамилем. Во весь период Кавказской войны, которая завершилась пленением имама Шамиля 27 августа 1859 года, Казикумухские ханы – Аслан-хан (умер в 1836 г.), его наследники и последний хан – Аглар-бек, управлявший ханством с 1847 по 1859 г., официально оставались верными присяге и открыто не выступали против царских войск, хотя тайно оказывали услуги и Шамилю.

После смерти Аглар-хана и завершения кавказской войны, в 1860 г.

Казикумухское ханство было упразднено. На его месте был образован Казикумухский округ. Начальник округа стал решать все вопросы гражданских и уголовных дел Лакии [6, с. 139].

В заметках о путешествии по Дагестану Н.И. Воронов в 1867 году пишет: «С русским элементом казикумухцы значительно уже освоились. Бывшее ханское управление привело их под русскую власть еще в начале настоящего столетия. С 1820 г. русские войска не раз занимали Кумух, а в 1843 г., напротив этого селения, за глубоким оврагом, по которому течет Койсу, заложено укрепление, служащее и в настоящее время штаб-квартирой линейного батальона. Укрепление это уже успело порядочно устроиться, – обзавелось слободкой, садами и огородами. Зеленеющий вид его приятно отличается на буром цвете окрестностей» [1, с. 37].

После завершения Кавказской войны контакты эти усиливаются. Непосредственно в Кумухе сближению между населением и гарнизоном Кумухского укрепления способствовали кумухские базары, о которых Н.И. Воронов пишет так: «Кумухские базары, бывающие еженедельно, по четвергам, - служат местом сбора произведений не только Казикумуха, но и соседних с ним мест. Фрукты привозят сюда из Ходжал-махов, Гергебиля и даже из Голотля; овощи – из упомянутых выше селений, занимающихся огородничеством (Кумалю и Хараши, т.е. по-совр. Кума и Караша – П.Ч.), а также и Даргинского округа; хлеб, соль и нефть – с прикаспийской плоскости. Сами кумухцы выносят на базар свои изделия – войлоки, сукна, бурки, сыр, оружие, разного рода мелкие вещицы, как например деревянные трубочки и чубучки, и разные безделушки из серебра и каменного угля. Некоторые русские товары, из красных и бакалейных, доставляются сюда из Шуры; из нее же снабжаются напитками и четыре кумухских духана. ... Наконец, кумухские базары служат весьма деятельным посредником в сближении между кумухцами и гарнизоном Кумухского укрепления» [1, с. 38-39].

К сожалению, отсутствие письменных памятников тех лет (10-е – 60-е годы XIX в.) на лакском языке или их недоступность для рядового исследователя не позволяет определить, какие слова вошли в лакский язык в этот период.

Однако известно, что контакты лакцев с русскими не ограничивались только взаимоотношениями с чиновниками окружного управления и Казикумухским гарнизоном. Как отмечает, Н.И. Воронов, жители Казикумухского округа «особое племя, само себя называющее **лак**, – принадлежит к наиболее промышленным и предприимчивым обществам всего Дагестана», «... лаки ежегодно, в значительных массах оставляют родину и отправляются добывать себе хлеб на стороне, то заработками на плоскости, то торгуя и занимаясь разного рода ремеслами, преимущественно же лудильным и медным мастерствами, в других обществах Дагестана и даже далеко за пределами его» [1, с. 28-29]. Здесь же, в примечании, представлены и следующие статистические данные. В Казикумухском округе на тот период числится свыше 34 тысяч жителей, из них мужского пола – более 16 тысяч. Из них уходили на заработки по билетам: в 1860 г. – 5735 чел., в 1861 – 4890, в 1862 – 4005, 1863 – 3510, 1864 – 6505, в 1865 – 6108, в 1866 – 5452, т.е. в среднем ежегодно от 5 до 6 тысяч мужчин, или 1/3 всего мужского населения округа. В этой же работе русский исследователь-этнограф отмечает, что среди лакцев есть «торговцы, ведущие свои обороты на десятки тысяч рублей; изделия казикумухцев проникают даже в Тифлис; между ними есть замечательные оружейные мастера и искусные резчики на металле и кости; лудильщика-казикумухца можно встретить в разных местах Кавказа, – иные из них заходят даже в Россию, в Оренбург, в Нижний. Впрочем, такими предприимчивыми людьми бывают преимущественно жители Кумуха, из прочих селений округа большей частью ходят только на прикаспийскую плоскость в Дербент и Кубу, где нанимаются в маренокопатели, зарабатывая на маренниках в течение восьми месяцев рублей по пятидесяти и больше» [1, с. 36].

Приведенные выше свидетельства позволяют предположить, что именно в этот период проникли в лакский язык русизмы *начанник* (начальник), *xIaписар* (офицер), *саллатI* (солдат), *матIушка* (матушка – вероятно, обращение к женщине в гарнизоне, ставшее неодобрительным названием русской женщины вообще), *усттул* (стол), *исттикан* (стакан), *лампа* (лампа), *пач* (печь), *пачат* (печать), *ккислатIа* (кислота), *нашадур* (нашатырь) и под.

References

1. Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3: Этнографические очерки. – Тифлис, 1870.
2. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М., 1988.
3. Магомедов М.И. Русский язык в многоязычном Дагестане. Функциональная характеристика. – М.: Наука, 2010.
4. Мазанаев Ш.А. Агульско-русский словарь. – Махачкала: ДГУ, 2014.
5. Мазанаев Ш.А. Русско-агульский словарь. – Махачкала: ДГУ, 2012.
6. Маршаев Р., Бутаев Б. История лакцев. – Махачкала, 1991.
7. Мудунова Г.А. Обрядовая поэзия лакцев // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Махачкала, 1999.
8. Мудунова Г.А. Фольклорные мотивы в творчестве Абакара Мудунова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 4 (46). – С. 253–256.
9. Мудунова Г.А. Фольклорные мотивы в творчестве Щазы Курклинской // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2014. – № 3. – С. 72–79.
10. Мудунова Г.А., Чалаева П.Ш. Языковая картина мира в лакских пословицах и поговорках // Фундаментальные и прикладные исследования: опыт, проблемы и перспективы сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука». – 2017. – С. 517-530.

11. Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка. – М.: Наука, 1961.
12. Чалаева П.Ш. Абдулла Омаров и его роль в развитии лакско-русских языковых контактов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 4 (46). – С. 257–260.
13. Чалаева П.Ш. Лакско-русские языковые контакты и их результаты // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Махачкала, 1998.
14. Чалаева П.Ш. Роль П.К. Услара и его учеников в развитии лакско-русских языковых контактов // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 2 (33). – С. 307-309.
15. Чалаева П.Ш. Краткие сведения из истории изучения лакско-русских языковых контактов // Литературоведение и языкознание: современные трансформации и традиции сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука». – 2017. – С. 62-69.

Tverdokhlebo O.G. Dominant analysis of the nominations of buildings in combination with the attributive time characteristic in the poetry of J. Brodsky

Доминантный анализ номинаций зданий в сочетании с атрибутивной временной характеристикой в поэзии И. Бродского

Tverdokhlebo Olga Gennadjevna

Ph.D., Associate Professor, Department of linguistics and methodology of teaching Russian language,

Orenburg State Teacher Training University

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка,

Оренбургский государственный педагогический университет

Abstract: The idea that the names of various buildings, buildings and their parts in the poetry of Joseph Brodsky can be propagated by a sign in the form of an agreed definition, expressed by a participle that combines the meaning of action and attribute. It is claimed that the use of syntactic constructions in Brodsky's poetic works has a number of peculiarities. Dominant analysis revealed in the individual artistic language picture of the poet's world: a) a circle of lexemes, nominating buildings and their parts and used by the poet in verse constructions in combination with a single participle (65%) and with participial turnover (35%); B) the most widely represented thematic group "Dwelling, house" (35%) the most frequent significant words - the lexemes, the window, the house, the door, d) the active use not only of the nominations of buildings necessary in everyday speech.

Keywords: the participle, the frequency, the dominant, the building.

Аннотация: Обосновывается идея о том, что названия различных построек, зданий и их частей в поэзии Иосифа Бродского может распространяться признаком в форме согласованного определения, выраженного причастием, совмещающим в себе значение действия и признака. Утверждается, что употребление синтаксических конструкций в поэтическом творчестве И. Бродского имеет ряд особенностей. Доминантный анализ выявил в индивидуальной художественной языковой картины мира поэта: а) круг лексем, номинирующих здания и их части и употребленных поэтом в стихотворных конструкциях в сочетаниях с одиночным причастием (65%) и с причастным оборотом (35%); б) наиболее широко представленную тематическую группу «Жилище, дом»; в) наиболее частотные знаменательные слова – лексемы *окно*, *дом*, *дверь*, г) активное использование не только необходимой в повседневной речи номинаций зданий.

Ключевые слова: причастие, частотность, доминанта, здание.

Для лингвистов особенный интерес вызывают слова, являющиеся наиболее частотными, то есть ядерной лексикой, выполняющей в тексте

основную смысловую нагрузку. Так как соотношение ядра / периферии является одним из основных принципов построения лексической системы языка, то многие языковеды (О.И. Богословская, А.Т. Хроленко, И.С. Климас, С.Е. Никитина, А. Вежбицкая и др.) определяют частотность слова как важную его характеристику [6; 8; 10; 11; 14; 20], так как «место слова в словаре оказывается связанным с его ролью в тексте» [1, с. 3].

Обнаружение и исследование наиболее частотных знаменательных слов в аспекте языковой картины мира называют «доминантным анализом» [4; 5]. Такой метод нередко используется при изучении языка художественной прозы и поэзии [3; 12; 16; 17; 18; 21].

Анализ наиболее употребительных лексем с точки зрения их грамматических особенностей, частеречной принадлежности, тематической группировки даёт представление о построении индивидуальной художественной языковой картины мира поэта, так как «особый способ мировидения, присущий данному языку», «проявляющий себя в национально специфичном наборе ключевых идей – своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы – морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими..», может быть применен не только к целому языку, но и к конкретному человеку – носителю языка, потому что картина мира – это «тот образ действительности, который человек имеет в виду, когда говорит и понимает» [15, с. 35].

В данной статье нас будет интересовать частотность названий сооружений, зданий, их частей в синтаксических конструкциях в сочетании с атрибутивным процессуальным признаком в поэзии И. Бродского.

Дом как один из элементов классической этнографической триады (пища, жилище, одежда) всегда был в центре внимания этнографов, культурологов и историков: Н.И. Костомарова (1992), Г.Е. Афанасьева (1987), А.К. Байбурина

(2005), Е.Э Бломквист и О.А. Ганцкой (1967), В.А. Бурнакова (2011), Н.А. Криничной (2009), И.А. Маковецкого (1962), В.В. Мироновой, В.И. Наулко, Т.В. Косминой (1987), С.А. Плетневой (1967; 1989), В.Г. Щукина (1996); а также фольклористов и литературоведов: В.Я. Проппа (1986), Е.Г. Алферовой (2011), М.С. Анисимовой (2007), А.В. Ачкасовой (2000); О.С. Березиной (2016); Л.Н. Кен (2003); С.Е. Никитиной и Е.Ю. Кукушкиной (2000); А.И. Куляпин (2013), Ю.М. Лотман (1996); Т.Ю. Колягиной (2007), И.И. Матвеевой (2014), Л.Г. Невской (1982), И.В. Новожеевой (2007), Т.И. Радомской (2006), А.И. Разуvalовой (2004), А.И. Смирновой (2015), Н.Е. Сулименко (2002), Т.В. Цивьян (1978), и также лингвистов: В.К. Андреева (1993), Е.А. Батурчевой (1999), И.Е. Давыденко (2011); В.Е. Гольдина (1965); А.Н. Евдокимова (2008); Т.П. Желонкиной (2007); С.Т. Кожобаевой, Д.Д. Омуралиева (2016); О.В. Копыльских (2016), О.Н. Мораховской (1996), В.Ю. Прокофьевой (2014), Ю.С. Растворовой (2015; 2016), В.Г. Руделева (1995); Л.Б. Савенковой (2003), Н.В. Селезневой (2014), Со Кен Ран (2010), Р.Р. Тазетдиновой (2006; 2007), Е.П. Таргонской (2015), И.П. Фаломкиной (2012), Н.Г. Шубиной (2004) и др. Однако работ по синтагматическому окружению номинаций зданий и построек, в частности, в поэзии И. Бродского, до сих пор нет.

Материалом для исследования стало электронное собрание стихотворений и поэм крупнейшего русскоязычного поэта XX века Иосифа Бродского [7], в котором методом сплошной выборки было выявлено более двух тысяч конструкций с различными названиями реалий и понятий действительности, охарактеризованных с помощью согласованных определений, выраженных разными причастными формами (как одиночными, так и включенными вместе с зависимыми от них словами в состав причастных оборотов).

В ходе проведенной нами работы была определена плотность насыщения текста номинациями построек (сооружений, зданий, их частей) в сочетаниях с

атрибутивным процессуальным признаком в форме причастия, употребление которого связано, как мы уже указывали, с судьбой в истории русского языка [19].

В результате был зафиксирован круг лексем – 84 единицы (во всей совокупности их словоформ, без разделения на разные формы падежа и числа), употребленных поэтом в 145 стихотворных конструкциях, при чем почти равномерно в сочетаниях:

а) с одиночным причастием – 70 словоупотреблений (48 % от общего числа сочетаний с номинациями построек в нашей картотеке):

- *...остывшие дома / на кухнях заворачивают кран* («Шествие (поэма)»);
- *Не вы ль решились **спящий** мой собор / покинуть вдруг?* («Большая элегия Джону Донну»);

б) с причастным оборотом – 75 словоупотреблений (52 %):

- *...и квартира казалась по вечерам / **перепачканной торфом и искусанной комарами*** («Мы жили в городе цвета окаменевшей водки»);
- *...с колокольни, / **пустившей в венецианском небе корни*** («С натуры»).

При исследовании частотности, на наш взгляд, важно учитывать мнение В.В. Морковкина, который, признавая статистический принцип ведущим, отмечал необходимость использования дополнительных критериев отбора лексики и призывал использовать также тематический принцип, поскольку многие необходимые в повседневном общении слова не являются частотными [13].

Поэтому в своей статье мы обратились к тематическому словарю «Лексические минимумы современного русского языка» [13], который может служить ориентиром при определении необходимого объема лексики, отражающей национально-культурную специфику народа, говорящего на этом языке.

В результате анализа различных тематических групп, приводимых в данном словаре, нами был составлен словник, включающий 140 лексем-номинаций зданий, сооружений, частей зданий, представленных в словаре «Лексические минимумы современного русского языка (под редакцией В.В. Морковкина [13, с. 290-291]) в рамках 15-ти лексических групп. В нашей же картотеке обнаружены только 26 лексем, и лишь в составе 9-ти из выделяемых «Лексическими минимумами» тематических группах.

Списки номинирующих здания (их части) лексем, выявленных нами в разных тематических группах в «Лексических минимумах», приведем далее курсивом. Для удобства сопоставления лексемы, обнаруженные в текстах И. Бродского, дополнительно выделим жирным курсивом; цифрами в скобках рядом с буквой П обозначим количество словоупотреблений с одиночными причастиями, с буквосочетанием ПО обозначим количество словоупотреблений в составе причастного оборота.

1) В тематической группе «Жилище, дом» представлены 43 следующие лексемы — конкретные существительные: *жилище, дом* (12П), *подъезд* (3П), *крыльцо, крыша, чердак, подвал, сени, лестница* (1П; 1ПО), *лифт, этаж, дверь* (7П; 4ПО), *порог, квартира* (2П; 2ПО), *комната* (1П; 4ПО), *столовая, гостиная, кабинет, спальня* (3ПО), *детская* (1П), *прихожая, передняя, холл, коридор, кухня, водопровод, ванная, туалет, уборная, кладовая, чулан, балкон* (1ПО), *лоджия, веранда, стена* (4П; 1ПО), *обои, потолок* (1ПО), *пол* (1П), *окно* (9П; 5ПО), *подоконник, форточка, фрамуга, ставни* (2П) [13, с. 290-291].

Выделенные лексемы и приведенные в круглых скобках количественные данные показывают, что И. Бродский дает атрибутивную процессуальную характеристику 14 лексемам, причем чаще всего трем лексемам: *окно* (14), *дом* (12), *дверь* (11), номинирующим категории, регулярно привлекаемые, часто сквозные в образной системе творчества разных поэтов [2; 9 и др.], ср.:

- ...из **распахнутых окон** в переулках («Пьеса с двумя паузами для сакс-баритона»);

- ...и в этом **брошенном доме** («Петербургский роман (поэма в трех частях)»);

- **Дверь распахнутая, пыльное оконце** («Письма римскому другу (из Марциала)»).

Несколько реже И. Бродский дает атрибутивную процессуальную характеристику лексемам *стена* (6), *комната* (5), *квартира* (4), ср.:

- *Поэтому / несокрушимые / лучше обойти / стены* («Стихи о слепых музыкантах»);

- ...как *брешь в стене, / увенчанной еловыми зубцами* («Сумев отгородиться от людей»);

- ...сжавшаяся до размеров клетки / мозга *комната* с абажуром («Элегия»);

- *В дурно обставленной, но большой квартире* («Вертумн»).

По три конструкции мы обнаружили, в которых поэт атрибутивно характеризует при помощи процессуального признака лексемы: *подъезд*, *ставни*, *спальня*, напр.:

- *Так выбирай светящийся подъезд* («Шествие (поэма)»);

- ...и грохает *распахнутою ставней* («Настеньке Томашевской в Крым»);

- ...освободившейся от приличий, / вывернутой наизнанку *спальни*, / выглядящей то как *слепок с пальмы*, / то... («С натуры»).

Единично вместе с атрибутивной процессуальной характеристикой представлены лексемы: *лестница*, *потолок*, *балкон*, *пол*, *детская*, напр.:

- *И по восставшей в свой кошмарный рост / той лестнице* («Перед памятником А. С. Пушкину в Одессе»);

- У человека есть свой потолок, / **держась вообще не слишком твердо** («Два часа в резервуаре»);

- ...**наглухо запертые балконы** («Сан-Пьетро»);

- ...**как сгнившие полы** («Откуда к нам пришла зима»);

- ...**в опрокинувшейся детской** («Феликс»).

2) Тематическая группа «Человек в населенном пункте» представлена следующими 9 лексемами — конкретными существительными: *сооружение, комплекс, здание, дом* (12), *изба, памятник, монумент, мемориал, обелиск* (1ПО) [13, с. 314], ср.:

- **Воздвигнутый впопыхах, обелиск** кончается нехотя в облаках («Квинтет»).

Сюда же входит еще одна активно употребляемая Бродским лексема *дом*, однако она описана нами в предыдущей группе.

3) В тематической группе «Каналы связи между людьми» представлено 18 следующих лексем — конкретных существительных: *вокзал* (1П; 2ПО), *радиостанция, телецентр, телебашня* [13, с. 309], *почтамт, телеграф* [13, с. 310], *станция, остановка, гараж, парк* [13, с. 310], *порт, пристань, причал, аэропорт, аэровокзал, аэродром, метро, станция, платформа* [13, с. 311]. У Бродского находим только одну лексему *вокзал* (в трех словоупотреблениях), напр.:

- Там стоял бы большой Вокзал, **пострадавший в войне** («Развивая Платона»).

4) В тематической группа «Здоровье, болезнь, лечение» представлены 4 лексемы — конкретные существительные: *больница* (2П), *поликлиника, роддом, медпункт* [13, с. 285-286]. Бродский употребляет только одну лексему *больница*, ср.:

- ...**вдоль улочек и выцветших больниц** («Шествие (поэма)»).

5) В тематическую группу «Питание, курение» включены следующие 11 лексем — конкретных существительных: *столовая, закусочная, буфет, кафе* (1П), *ресторан, магазин* (1П), *продмаг, гастроном, бакалея, булочная, кондитерская*, [13, с. 287]. У Бродского находим только две лексемы, ср.:

- ...*пройти у освещённого кафе* («Шествие (поэма)»);
- ...*в январских освещённых магазинах* («Я как Улисс»).

6) В тематической группе «Личная гигиена, косметика» представлено 5 лексем — конкретных существительных: *ванная, душ, баня* (1П), *парильня / разг. парилка, парикмахерская* [13, с. 284]. Бродский атрибутивно характеризует только лексему *баня*, ср.:

- ...*пахнет тряпьем, позабытой баней* («Стихи о зимней кампании 1980-го года»).

7) Тематическая группа «Человек и религия» представлена двумя лексемами — конкретными существительными: *храм, собор* (1П) [13, с. 302]; в поэзии Бродского актуализирована одна лексема, ср.:

- *Не вы ль решились спящий мой собор / покинуть вдруг?* («Большая элегия Джону Донну»).

8) В тематической группе «Человек на отдыхе» представлены следующие 16 лексем — конкретных существительных: *турбаза, дом отдыха, пансионат, санаторий, курорт, дача* (1П), *гостиница, номер, ринг, помост, корт, трамплин, тир, бассейн, каток, клуб* [13, с. 319-321], у Бродского обнаружена одна лексема, ср.:

- ...*наличник осиротевшей дачи* («В разгар холодной войны»).

9) Тематическая группа «Животные» включает в свой состав следующие 4 лексемы — конкретные существительные: *муравейник, гнездо* (1П), *нора, берлога* [13, с. 335], у Бродского представлена только одна, ср.:

- ...*в <...> разоренном гнезде* («Bagatelle»).

10-15) В текстах Бродского совершенно не характеризуются атрибутивным процессуальным признаком лексемы (29 единиц) шести тематических групп, в составе которых в «Лексических минимумах...» также представлены лексемы, номинирующие здания: «Воспитание и обучение человека» (*детский сад, лагерь, школа, училище, техникум, вуз, институт, академия, университет, класс, аудитория, кабинет, лаборатория, учительская, кафедра*) [13, с. 314-316]; «Человек на работе» (*предприятие, завод, фабрика, комбинат, шахта, цех, ферма*) [13, с. 318-319]; «Человек и культура, искусство» (*театр, кинотеатр, цирк*) [13, с. 323], «Вооруженные силы и вооружение» (*военкомат*) [13, с. 329], «Человек и окружающий мир» (подгруппа «Космос, небесные тела, атмосфера»: *обсерватория, планетарий*) [13, с. 331], «Растения» (*оранжерея*) [13, с. 334]).

Как видно из описанного выше материала, поэт лишь частично (18,6%: 26 лексем из 140, представленных в словаре) использует частотную и необходимую в повседневной речи лексику. Однако список номинаций зданий и их частей, употребленных И. Бродским в исследованных нами поэтических текстах, шире за счет отсутствующих в этом перечне слов (58 лексем в алфавитном порядке; 84 словоупотребления): *балюстрада, башне* (1П; 2ПО), *бюст, вигвам, витрины, десятилетка, заведение, иконостас, именье, казарма, камина, кариатиду, карниз, колокольня, колонна* (1П; 4ПО), *колоннада* (3ПО), *кремль, кровля, куполов* (2П), *мост* (3П; 2ПО), *ограда* (2ПО), *очаг, пагода, паркет, пенаты, перилами, пирамида* (2П), *погост, подклеть, проем* (дверной), *простенок, развалин, сенат, скат, статуя* (1П; 2ПО); *створка, ступенька* (3ПО), *сцена, туннель, тюрьма, угол, фасад* (3П; 2ПО); *фирма* (2ПО), *флигель* (3ПО), *форум, фронтон, хижина, церковь, чертог, шпиль, штакетник, яйца* (=башня), *яма* (оркестровая).

Приведем некоторые строки, иллюстрирующие употребление наиболее частотных (только) в текстах Бродского номинаций зданий и их частей в сочетании:

а) с одиночным причастием:

- ...*в тучи заданных башен* («Колыбельная Трескового Мыса»);
- *Останься на нагревшемся мосту* («Романс»);
- ...*блестящей пирамидой Брегета* («Мужчина, засыпающий один...»);
- ...*рухнувшей статуи* («Посвящается Джироламо Марчелло»);
- *С пяти блестящих куполов* («Прошел сквозь монастырский сад»);
- ...*и на запертых фасадах* («Пьеса с двумя паузами для сакс-

баритона»);

б) с причастным оборотом:

● ...*на охваченной ветров, как платьем, башне, / несокрушимой, как злак вне пашни* («Лагуна»);

● ...*в литье ограды, / сооруженной, бесспорно, из / спинок старых кроватей* («Колыбельная Трескового Мыса»);

● ...*триста лет как раздевшимся догола / местным статуям* («1983»);

● *Как жаль, что архитекторы в былом, / немножко помешавшись на фасадах / (идущих, к сожалению, на слом)* («Феликс»).

Таким образом, названия различных построек, зданий и их частей в поэзии Иосифа Бродского представлены в синтаксических конструкциях с разными причастными формами, в форме согласованного определения.

Доминантный анализ выявил в индивидуальной художественной языковой картины мира поэта:

а) круг лексем, номинирующих здания и их части и употребленных поэтом в стихотворных конструкциях в сочетаниях с одиночным причастием (65%) и с причастным оборотом (35%);

- б) наиболее широко представленную тематическую группу «Жилище, дом»;
- в) наиболее частотные знаменательные слова – лексемы *окно, дом, дверь*;
- г) активное использование не только необходимой в повседневной речи номинаций зданий.

References

1. Арапов М.В. Квантитативная лингвистика. – М.: Наука, 1988. – 184 с.
2. Ачкасов А.В. Эволюция образа окна: от Фета к Блоку // Александр Блок и мировая культура. Материалы конференции. – Новгород: НовГУ, 2000. – С. 181–197.
3. Баевский В.С., Романова И.В., Самойлова Т.А. Тематические парадигмы русской лирики XIX–XX веков // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2000. Т. 59. – № 6. – С. 19–30.
4. Бобунова М.А. Онежские былины: Частотный словарь. – Курск: Изд-во КГУ, 2003. – 90 с.
5. Бобунова М.А. Словник и частотный словарь былинных текстов из собрания народных песен П.В. Киреевского // Фольклорная лексикография. Вып. 5. – Курск: Изд - во Курск. гос. пед. ун - та, 1996. – С. 29–39.
6. Богословская О.И. Язык фольклора и диалект: учебное пособие по спецкурсу. – Пермь: ПГУ, 1985. – 71 с.
7. Бродский И. Стихотворения и поэмы (основное собрание) // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt (дата обращения: 14.01.2017).
8. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелёва. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

9. Кен Л.Н. Мотив двери в творчестве Леонида Андреева // Литературные чтения. Сборник статей. – СПб. : СПбГУКИ, 2003. – С. 115–123.
10. Климас И.С. Ядро фольклорного лексикона. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2000. – 96 с.
11. Кузьмина А.В. Художественное слово П.И. Карпова: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – Курск: [Б. и.], 2014. – 182 с.
12. Литус Е.В. Эволюция идиолекта писателя (на материале ранних и поздних рассказов А.П. Чехова): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Славянск-на-Кубани: [Б. и.], 2003. – 262 с.
13. Лексические минимумы современного русского языка / В.В. Морковкин, Ю.А. Сафьян, Е.М. Степанова, И.В. Дорофеева; под редакцией В.В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1985. – 608с.
14. Никитина С.Е. О частотных словарях и культурно-языковых картинах мира (на материале русских народных текстов) // Русский язык сегодня. М.: [Б. и.], 2000. – Вып. 1. – С. 221–230.
15. Русская языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева [и др.] / отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
16. Твердохлеб О.Г. Предикативное употребление компаратива в поэзии А. А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 77–86.
17. Твердохлеб О.Г. Эстетические идеи акмеизма и их выражение в поэзии О.Э. Мандельштама // Язык и культура. – 2016. – № 3 (35). – С. 74–89.
18. Твердохлеб О.Г. Объекты сравнения в поэзии Н.С. Гумилева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – № 3 (35). – С. 59–66.
19. Твердохлеб О.Г. Причастия в афоризмах // Язык и культура. – 2016. – № 2 (34). – С. 85–97.

20. Хроленко А.Т. Опорные слова в системе поэтических средств фольклора // Слово, синтаксическая конструкция и текст в фольклорном произведении. – Курск: КГПУ, 1990. – С. 3–13.

21. Черникова О.А. Художественное слово Е.И. Носова в лексикографическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Курск: [Б. и.], 2006. – 304 с.

Yarakhmedova M. Translation features of dialogues with a counter question in fiction

Особенности перевода диалогов со встречным вопросом в художественном прозе

Yarakhmedova Maryam

Dagestan State University

Scientific adviser

Shakhemirova S., Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the English Language Department

Dagestan State University

Ярахмедова Марьям

Дагестанский государственный университет

Научный руководитель

Шахэмирова С.В., к.ф.н., доцент кафедры английского языка

Дагестанский государственный университет

Abstract: The article analyzes the structural-semantic, communicative and pragmatic aspects of the study of dialogues with a counter question in English fiction in comparison with their translations into Russian.

Keywords: dialogue, counter question, utterance, semantic kernel

Аннотация: Статья посвящена структурно-семантическим, коммуникативным и прагматическим аспектам исследования диалогов со встречным вопросом в английских художественных текстах в сопоставлении с их переводами на русский язык.

Ключевые слова: диалог, встречный вопрос, реплика, семантическое ядро.

Прагматический подход к изучению языка выдвигает на первый план лингвистику общения, смещающую акцент на изучение языка в деятельностном аспекте, с привлечением контекста речевого общения, одной из форм которого является диалог. Диалогический текст в терминах теории речевых актов – это цепь речевых и неречевых действий, направленных на решение некоторой коммуникативной задачи. Минимальным носителей коммуникативной задачи является речевой акт (РА). Суть такого подхода заключается в том, что, употребляя предложение в речи, говорящий произносит его с некоторой целью, осуществляя тем самым определенное коммуникативное действие и наделяя

высказывание коммуникативно-прагматической функций. Основной характеристикой РА выступает цель.

Рассматривая структурно-семантические аспекты вопросительного предложения, лингвисты пришли к выводу, что оно отличается разнообразием форм и видов, противопоставленных друг другу по грамматической структуре, семантике, функциям и интонационному оформлению (Беркаш, 1968; Кобозева, 1990; Голубева-Монаткина, 2000). Подобное обилие форм и видов, множество других факторов обуславливают значительные трудности для исследователя при попытке всестороннего изучения природы вопросительного предложения и его места в диалоге. Все это в полной мере относится и к сопоставительному изучению диалогов со встречным вопросом в английских и русских художественных текстах.

Среди структурно-семантических и прагматических особенностей встречных вопросов в английских художественных текстах можно выделить вопросы, преследующие следующие не прямые цели.

1) выиграть время для обдумывания ответа на предшествующий вопрос собеседника (такие вопросительные высказывания можно назвать «тормозящими»).

“Oh. Where is he?”

“What will you do for me if I tell you?”

(I. Murdoch, Bruno’s Dream: 151)

- *Ну! И где же она?*

- *А что мне будет, если я скажу?*

(A. Мердок, Сон Бруно: 128)

Самым распространенным способом «затормозить» разговор является повтор реплики собеседника или ее части. «Тормозящий» эффект создается из-

за того, что повтор не несет в себе никакой информации и не является ответом на вопрос. Он также не является переспросом по причине непонимания. Единственная его функция – потянуть время. Например:

- *So are you going to quit?*
- *Quit my job? I don't know. I haven't thought about it.*

(J. Michael, *Pot of Gold*: 11)

- *Так вы собираетесь уходить?*
- *Уходить с работы? Я не знаю. Еще об этом не думала.*

(Дж. Майкл, *Золотой мираж*: 14)

2) Изменить тему разговора –

“Can I do any good?”

“Why didn't you come before?”

(E. Brontë, *Wuthering Heights*: 253)

- *Могу я что-нибудь сделать для тебя?*
- *Почему вы не приходили раньше?*

(Э. Бронте, *Грозовой перевал*: 197)

3) Уклониться от прямого ответа через вопрос –

“Now, what do you think would be a fair price?”

“Why not get Dumetrius' opinion?”

(J. Galsworthy, *Swang Song*: 163)

- *Сколько же, вы думаете, стоит эта картина?*
- *Можно узнать мнение Думетриуса?*

(Дж. Голсуорси, *Лебединая песня*: 602)

Тактику подобного рода ответов можно назвать «отбоем» нежелательного вопроса.

В следующем примере вместо ответа звучит вопросительное высказывание, которое явно выражает недружелюбное отношение говорящего к собеседнику и нежелание отвечать на заданный вопрос:

“You have no secrets from him, I suppose?”

“Why should I answer that?”

(J. Galsworthy, The Silver Spoon: 235)

- *У вас, конечно, нет от него секретов?*

- *Зачем мне отвечать на этот вопрос?*

(Дж. Голсуорси, Серебряная ложка: 429)

4) Переключить внимание собеседника на противоположное семантическому ядру предшествующего вопроса (тактика «бумеранг» – когда заданный вопрос перенаправляется самому спрашивающему).

“Know what’s wrong?”

“Do you?”

(J. Steinbeck, The Grapes of Wrath: 157)

- *Ты знаешь, что с ним?*

- *А ты?*

(Дж. Стейнбек, Гроздь гнева: 157)

5) Предварительно «ориентироваться», «прощупать почву». Цель данной функциональной разновидности встречного вопроса – запросить о такой информации, которая обусловит, определит последующее речевое действие – ответ спрашивающего на предшествующий вопрос собеседника –

“What this about Dartie?”

“What have you been hearing?”

(J. Galsworthy, *In Chancery*: 368)

- *Что такое с Дарту?*

- *А что ты слышал?*

(Дж. Голсуорси, *В петле*: 368)

В данном примере говорящий желает узнать, что именно известно собеседнику, и от этого зависят его дальнейшие действия.

б) Дать косвенный ответ.

“And who is to know how often I go out?”

“Sharon West, perhaps?”

(K. Thorpe, *The Dividing Line*: 144)

- *А кто знает, как часто я выхожу?*

- *Может, Шэрон Вест?*

(К. Тоуп, пер. автора)

Все вышеупомянутые функциональные разновидности встречного вопроса могут находить свое языковое выражение в формах общего (неместоименного) вопроса, специального (местоименного) вопроса, альтернативного и дизъюнктивного вопросов и вопроса с прямым порядком слов.

Позицию подлежащего во встречном вопросе занимает, в основном местоимение второго лица – you, а также остальные личные местоимения, существительные, вопросительные местоимения, формальное слово there, указательные, неопределенные и отрицательные местоимения, числительные и инфинитив.

Рассмотрение видовременных характеристик сказуемого показало, что в репликах встречного вопроса преимущественно употребляется Present Simple активного залога.

В русских переводах очень редко встречается изменение позиционного расположения ГРС по отношению к реплике встречного вопроса, что можно объяснить тем, что в русском и английском языке однотипны указанные выше условия расположения ГРС в препозиции, интерпозиции и постпозиции в русских.

Абсолютную позицию центра поля занимают глаголы произношения. В ГРС встречного вопроса информацию о состоянии, сопровождающем или обуславливающем речь, несут глаголы физического или физиологического состояния, глаголы перемещения и глаголы эмоциональной семантики. Особенно ярко это проявляется при описании автором состояния говорящего.

“And may I add that I have a great admiration for you?”

She gave him a lingering look of her splendid eyes.

“You’ve seen me act?”

(W.S. Maugham, Theatre: 110)

- И разрешите добавить, что я очень восхищаюсь вами.

Джулия одарила его долгим взглядом своих чудесных глаз.

- Вы видели мою игру?

(С. Моэм, Театр: 283 – 284)

Замечено, что, кроме конструктивно и семантически организующих ГРС элементов: глаголов, глагольных наречий и пр., особое место занимают слова, организующие ГРС встречного вопроса преимущественно семантически: наречия образа действия и неглагольные слова «неотъемлемой принадлежности», граничащие с глаголами, входящими в ЛСГ жестов и мимики. Семантическая специфика ГРС соотнесена с ее пропозитивной структурой: одной монопредикативной структурой выявляется одна, две и более пропозиций.

Специальные наблюдения показывают, что переводчик далеко не всегда стремится точно передать структурно-семантические особенности ГРС, в целом

ряде случаев объем этой группы в переводном тексте значительно меньше, чем в оригинале.

References

1. Беркаш Г. В. Структурные типы предложений-ответов и особенности состава многокомпонентных ответных реплик в английской диалогической речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. -Горький: ГГПИИЯ, 1968. С. 34-43.
2. Голубева-Монаткина Н. И. К проблеме иллокутивной логики вопросительного предложения (вопросительное предложение в речевом акте) // Прагматика и проблемы интенциональности: Сб. науч. тр. М.: МГУ, 2000.-С. 144- 153.
3. Кобозева И. М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности. М., 1990. - С. 39 - 46.

SECTION 4. CIVIC AND POLITICAL STUDIES

UDC341

Baltabaev A.I. Sulaimanova B.K. Attraction of criminal liability of foreign citizens in the Kyrgyz Republic and problems of criminal prosecution

Привлечение уголовной ответственности иностранных граждан в Кыргызской Республике и проблемы уголовного преследования

Baltabaev Almaz Imamidinovich

applicant Osh State Law Institute

bolotbek1970@mail.

Sulaimanova Baktygul Kubanychbekovna.

Candidate of legal sciences. Osh State Institute of Law

Балтабаев Алмаз Имамидинович.

Соискатель. Ошский Государственный юридический институт

Сулайманова Бактыгуль Кубанычбековна,

кандидат юридических наук. Ошский государственный юридический институт

Abstract; In the article, based on a comparative systemic structural analysis, the criminal legal nature of criminal liability of foreign citizens who committed crimes on the territory of the Kyrgyz Republic, the main concepts of the theory of criminal responsibility of foreign citizens, was investigated. The main problems of investigative practice in cases of foreign citizens are indicated.

Keywords; Criminal responsibility, foreign citizens, criminally-legal regulation, classification, territorial principle, universal principle, criminal code.

Аннотация; В статье на основе сравнительного системно структурного анализа исследовано уголовно-правовая природа привлечения уголовной ответственности иностранных граждан совершивших преступления на территории Кыргызской Республики, основные концепции теории уголовной ответственности иностранных граждан. Обозначены основные проблемы следственной практики по делам иностранных граждан.

Ключевые слова; уголовная ответственность, иностранные граждане, уголовно-правовое регулирование, классификация, территориальный принцип, универсальный принцип, уголовный кодекс.

В соответствии со статьей 1 Конституцией Кыргызской Республики статья «Кыргызская Республика обладает полнотой государственной власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику»[1].

Территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве выражен в части 1 статьи 5 УК Кыргызской Республики»[2]: «Все лица, совершившие преступление на территории Кыргызской Республики, подлежат ответственности по настоящему Кодексу».

В понятие лица законодатель в этом смысле вкладывает не только и не столько содержание субъекта преступления, способного нести уголовную ответственность за совершенное им деяние, то есть как вменяемого физического лица, достигшего возраста установленного Уголовным кодексом (ст. 18 УК), сколько специфическое содержание, связанное с гражданством субъекта. Это означает, что лицо, совершившее преступление на территории Кыргызской Республики, подлежит уголовной ответственности по УК КР независимо от своей принадлежности к гражданству определенного государства, то есть независимо от того, является ли оно гражданином Кыргызской Республики, лицом без гражданства или иностранным гражданином. Однако, эта общая норма не означает, что иностранные граждане, совершившие преступление на территории Кыргызской Республики, всегда подлежат уголовной ответственности по УК КР»[2].

Все сказанное имеет непосредственное отношение к проблеме уголовной ответственности иностранных граждан, в особенности в рамках территориального принципа действия уголовного закона в пространстве, то есть за преступления, совершенные ими на территории Кыргызской Республики. И, как и в случае с гражданами Кыргызской Республики, речь не идет, допустим, о насильственных либо корыстных преступлениях (убийствах, причинении вреда здоровью, изнасилованиях, кражах, грабежах, разбоях и т.д.), а преимущественно о преступлениях, сформулированных в уголовном законодательстве с помощью бланкетных диспозиций. Таких норм очень много в Уголовном кодексе КР о преступлениях в сфере экономической деятельности, преступлениях против общественной безопасности, преступлениях против

здоровья населения и общественной нравственности, об экологических преступлениях.

Многие нормы уголовного кодекса Кыргызской Республики;

во-первых, отражают реалии нашей жизни, связанной с переходом экономики на рыночные рельсы и с реальной в связи с этим возможностью, что иностранные граждане могут оказаться на самом деле непосредственными участниками новых рыночных отношений, а следовательно, и субъектами соответствующих преступлений.

Во-вторых, уголовная противоправность названных преступлений в УК формулируется с помощью законов и других нормативных актов иных отраслей права (административного, гражданского, экологического и др.).

В-третьих, для иностранного гражданина разобраться в «хитросплетениях» обширнейшего, например гражданского, законодательства трудность гораздо большая, чем для гражданина Кыргызской Республики.

Проиллюстрируем это хотя бы такими нормами о таких преступлениях в сфере экономической деятельности, как незаконное предпринимательство (ст. 180), незаконная банковская деятельность (ст. 181), монополистические действия и ограничение конкуренции (ст. 188)[2], в соответствии с которыми представление о наказуемости деяний, предусмотренных этими нормами, требует хорошей ориентации в гражданском, финансовом, банковском и ином законодательстве, что для иностранного гражданина представляет значительные трудности.

Несмотря на отсутствие в УК нормы об ошибке в уголовно-правовом запрете, суды и правоохранительные органы, рассматривая соответствующие преступления иностранных граждан, должны обсудить вопрос о возможности допущения с их стороны указанной юридической ошибки. Этого требуют статьи УК Кыргызской Республики о принципах и содержании форм вины (ст.ст.3,22-25) и оснований уголовной ответственности (ст.4) [2].

Во-первых, на этот счет существует изъятие из общей нормы, выраженной в части 1 ст. 5[2] УК КР и сформулированной в специальной норме части 3 этой же статьи УК: «Вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые согласно действующим законам и международным договорам неподсудны судам Кыргызской Республики, в случае совершения этими лицами преступления на территории Кыргызской Республики, разрешается дипломатическим путем на основе норм международного права». Это исключение связывается, как это будет проанализировано, не с характером совершенного иностранным гражданином преступления, а с его определенными правами и привилегиями.

Во-вторых, хотя уголовный закон не формулирует какой-либо зависимости уголовной ответственности иностранного гражданина, не обладающего соответствующим иммунитетом, от характера совершенного им деяния, такая зависимость все же существует. Это обусловлено возможной ошибкой иностранного гражданина в уголовно-правовой противоправности совершенного им деяния, исключающего признание его виновным в совершении преступления.

Исключение сделанное законодателем относительно уголовной ответственности иностранных граждан, обладающих иммунитетом от юрисдикции по уголовным делам, несмотря на общепринятый, основанный на нормах международного права, характер, является довольно таки специфическим и требует детального анализа и рассмотрения.

Освобождение от уголовной ответственности иностранных граждан, обладающих дипломатическим иммунитетом, обычно происходит не на основе уголовно-правовых норм, а на основе соответствующих международных договоров США. Кроме того, в уголовно-правовой доктрине ряда стран системы общего права (например, в английской) иммунитет дипломатических представителей характеризуется скорее как требование дружественных

отношений между государствами, чем международного права в строгом смысле»[3.С.62-71].

Наибольшее значение имеют Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года»[4.с.210-211]. Эти правовые акты лежат на основе определения как круга лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом, так и его уголовно-правового содержания.

Как отмечалось, специфические проблемы уголовной ответственности иностранных граждан возникают и в связи с проблемой специального субъекта. В первую очередь это касается вопросов квалификации шпионажа (ст. 293 УК) [2]. Определенную трудность для привлечения иностранных граждан к уголовной ответственности за шпионаж представляет доказательство осознания ими того, что сведения, являющиеся предметом этого преступления, составляют государственную тайну. Кроме того, важное уголовно-правовое значение приобретает и норма о деятельном раскаянии субъекта шпионажа как условия его освобождения от уголовной ответственности, выраженная в примечании к ст. 292 УК КР. Другие аспекты уголовной ответственности за шпионаж, совершенный иностранным гражданином, в том числе и условие его освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, лишены какой-либо специфики по сравнению с ответственностью гражданина Кыргызской Республики за шпионаж в форме государственной измены (ст. 293) [2].

Следует также отметить, что практические работники правоохранительных органов встречают значительные трудности при расследовании уголовных дел, совершаемых иностранными гражданами лицами без гражданства. Об этом свидетельствуют и результаты проведенного нами анкетного опроса практических работников органов внутренних дел республики. В целом на это указали 68% опрошенных, при этом они выделили трудности, связанные:

а) с проблемами сотрудничества с иностранными представительствами;

б) с проблемами перевода и переводчиков;

в) с поиском соответствующих международно-правовых актов об ответственности за конвенционные преступления и их толкования.

References

1. Конституция Кыргызской Республики (В редакции Закона Кыргызской Республики от 20.12.2016 г. №218). Принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года

2. Уголовный кодекс КР (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.02.2014 г.) О введении в действие настоящего Кодекса см. Закон КР от 1 октября 1997 года № 69.

3. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англин. США. Франции, Германии. Японии). Сборник законодательных материалов. М., 1998, с. 62-71.

4. Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. М., ИМО, 1960. с. 210-211.

Baltabaev A. I. Zhusupov B.A. Criminally-legal value of crimes committed by foreign citizens in the criminal law of the Kyrgyz Republic

Уголовно-правовое значение преступлений совершаемых иностранными гражданами по уголовному праву Кыргызской Республики

Baltabaev Almaz Imamidinovich
applicant Osh State Law Institute.

Zhusupov Bolotbek Asanovich
Candidate of Law. Osh State Law Institut
bolotbek1970@mail

Балтабаев Алмаз Имамидинович.
Соискатель. Ошский Государственный юридический институт
Жусупов Болотбек Асанович,
кандидат юридических наук доцент. Ошский государственный юридический институт.

Abstract; The purpose of the work is to carry out a scientific and theoretical analysis of the criminal responsibility of foreign citizens on the basis of existing criminal law theories and criminality tendencies, to identify topical sides and to substantiate the theoretical questions of the need for research. The research was carried out on the basis of general scientific and especially scientific methods of cognition.

Keywords: crime, criminal responsibility, foreign citizens, territory, constitution, criminal law.

Аннотация; Цель работы- на основе существующей уголовно-правовых теорий, и тенденций преступности совершаемый иностранными гражданами проведение научно-теоретического анализа уголовной ответственности иностранных граждан, определить актуальные стороны и обосновать теоретические вопросы необходимости исследования. Исследования проведено на основе общенаучных и частно научных методов познания.

Ключевые слова; преступность, уголовная ответственность, иностранные граждане, территория, конституция, уголовный закон.

Исследование особенностей содержания уголовно-правовых последствий и уголовно-правового значения установления факта совершения преступления иностранным гражданином по кыргызскому уголовному праву, их уголовно-правовой анализ является наиболее значимым для уголовной науки в теоретическом аспекте. Принято считать, что ответственность иностранных

граждан - это проблема либо действия уголовного закона в пространстве, либо специального субъекта преступления.

Проблема уголовной ответственности иностранных граждан, связанная с действием уголовного закона в пространстве, характеризуется тем, что её решение связано не только с действием уголовно-правовых норм, но и норм конституционного права (для определения понятия территории Кыргызской Республики как государственной территории в связи с решением вопроса о месте совершения преступления), норм и принципов международного права (действия соответствующих международных конвенций о борьбе с международными преступлениями, общепризнанных международно-правовых актов о правах, свободах и обязанностях человека и гражданина, о выдаче преступника), многосторонних и двусторонних международных договоров Кыргызской Республики, в соответствии с ч. 3 ст. 6 Конституции Кыргызской Республики являющихся составной частью её правовой системы (например, в связи с выдачей преступников)[1].

Рассмотрению теоретических аспектов данной проблемы, анализу указанной законодательной и иной нормативной базы, возникающих в связи с этим проблем правоприменительной практики специального изучения и осмысления применительно к проблеме уголовной ответственности иностранных граждан требует вопрос об особенностях установления в этих случаях вины субъекта, так как общие на этот счет уголовно-правовые принципы и уголовно-правовые нормы, выраженные в ст. 3 УК о принципе презумпции невиновности и справедливости)[2] «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, пока его виновность не будет признана вступившим в законную силу приговором суда. Никто не может дважды нести уголовную ответственность за одно и то же преступление»).

В ст. 4 УК предусмотрено что, «Основанием уголовной ответственности является совершение общественно опасного деяния, содержащего признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом» [2].

А в ст.ст. 22 УК КР (о формах вины), 23 (о содержании умысла), 24 (о содержании неосторожности), 25 (о невиновном причинении вреда) применительно к рассматриваемой проблеме могут приобретать определенную специфику[2]. В основном специфика заключается в определении содержания юридической ошибки субъекта относительно осознания, им инкриминируемого ему деяния соответствующего уголовно-правового запрета.

Как известно, что под ошибкой в уголовном праве понимается заблуждение лица относительно фактических обстоятельств, определяющих характер и степень общественной опасности совершаемого деяния, или относительно его юридической характеристики, а её видами признаются фактическая и юридическая ошибки. При этом основной разновидностью юридической ошибки считается ошибка в уголовно-правовом запрете. С позиции традиционных подходов её оценка в науке уголовного права и судебной практике исходит из правила : «незнание закона не может служить оправданием». Следовательно, исходя из этого правила, ошибка в уголовно-правовом запрете, когда субъект совершает преступление, не осознавая его уголовной противоправности (запрещенности), не исключает уголовной ответственности, и даже по мнению профессора А.И.Рарог, и умышленной вины. Обычно такая оценка этого вида юридической ошибки мотивируется тем, что в содержание умысла входит сознание только общественной опасности, но не противоправности[3.с.157-158].

Нам же эта проблема, в особенности в плоскости интересующей нас проблемы уголовной ответственности иностранных граждан, кажется не столь простой. Конечно, в отношении многих преступлений вопрос о возможности ошибки в уголовно-правовом запрете практически не возникает (например,

относительно уголовной наказуемости кражи, грабежа, разбоя, убийства, причинения вреда здоровью, изнасилования). Однако правы те авторы, считающие, что презумпция «незнание закона не освобождает от ответственности» как и любое общее правило, может быть опровергнуто по конкретному делу.

Так, при совершении ряда преступлений, в особенности предусматриваемых бланкетными диспозициями уголовного закона, преступное деяние связывается с нарушением отдельных специальных правил и, следовательно, привлечение лица к уголовной ответственности в этих случаях существует целый ряд норм Особенной части, в которых формулирование состава преступления связано с нарушением субъектом правил безопасности тех или иных работ (ст. 236 - нарушение правил безопасности горных, строительных, взрывоопасных или иных работ, ст. 237- нарушение правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий, ст. 238 - нарушение правил пожарной безопасности и др.) [2]. При этом криминализация или декриминализация соответствующих деяний, изменение уголовно-правового запрета могут происходить и без непосредственного изменения самого уголовного закона, но в связи с изменением нормативных актов в других отраслях права, и сам субъект не был ознакомлен с новыми правилами или инструкциями, изменяющими содержание уголовно-правового запрета, он не может быть привлечен к уголовной ответственности, так как в его действиях в этом случае отсутствует как умышленная так и неосторожная вина[4.с.234].

В судебной практике известны случаи, когда именно в такой плоскости решались дела, связанные с ситуацией принятия нового уголовного закона, криминализирующего деяние, которое до этого находившееся вне сферы уголовно-правового регулирования. И если при этом доказывалось, что лицо не

знало и не могло знать о новом уголовно-правовом запрете, то оно освобождалось от уголовной ответственности.

Правильность возможно лишь тогда, когда субъект знает указанные правила нормы, инструкции, нормативы). Например, в УК КР 1997 года. такой позиции по данному вопросу разделяется и многими теоретиками уголовного права. Так, М.И.Блум и А.А.Тилле считали, что «объективная невозможность для ознакомления с законом, дает основания для освобождения лица от уголовной ответственности» [5.с.16-17].

Однако анализ проблемы приводит нас к выводу, что круг уголовно-правовых последствий совершения преступления иностранным гражданином на самом деле является более широким.

В этой связи, требуется и несколько иной подход к классификации разновидностей уголовно-правового значения факта установления совершения преступления иностранным гражданином;

Во-первых, ввиду её очевидной неполноты;

во-вторых, в связи с тем, что эта проблема в связи с действием уголовного закона в пространстве не является самостоятельной её разновидностью, выходит за её рамки и превращается в часть проблемы общих оснований уголовной ответственности.

Учитывая изложенных обстоятельств, можно выделить следующие уголовно-правовые аспекты исследуемой проблемы, связанные с основаниями уголовной ответственности, в случае совершения преступления иностранным гражданином:

- В ракурсе действия уголовного закона в пространстве (территориального, реального, универсального принципов и выдачи преступников)

-Особенностей установления вины, а в частности уголовно-правовой оценки юридической ошибки субъекта.

-Связанные с проблемой наказания и его видов (то есть тех, которые применимы к указанным субъектам).

-Проблема квалификации соответствующих преступлений (в т.ч. и связанные с проблемой специального субъекта).

References

1. Конституция Кыргызской Республики (В редакции Закона Кыргызской Республики от 20.12.2016 г. №218). Принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года

2. Уголовный кодекс КР *(с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.02.2014 г.) О введении в действие настоящего Кодекса см. Закон КР от 1 октября 1997 года № 69.*

3. Рарог А.И. Субъективная сторона преступления // Российское уголовное право. Общая часть. Учебник. Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М.: СПАРК. 1997. С. 157-158.

4. Наумов Л.В. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: БЕК. 1996. С. 234-235.

5. Блум М.И., Тиле А.А. Обратная сила закона. М. 1969. С. 16-17.

Murzaibraimov N.B. Historical and legal issues of administrative and legal regulation of relations in customary law of Kyrgyz people

Историко-правовые вопросы административно-правового регулирования отношений в обычном праве кыргызов

Murzaibraimov Nurbek Bektemirovich

Doctor of Law, Associate Professor. Chair of "Constitutional and Municipal Law" Osh State Law Institute.

Мурзаibraimов Нурбек Бектемирович

доктор юридических наук, доцент. Кафедра «Конституционного и муниципального права» Ошский государственный юридический институт.

Abstract; On the basis of archival documents and research studied the legal nature of administrative legal regulation of social relations in the customary law of the Kyrgyz. Identify the most characteristic features of the administrative and legal regulation of social relations.

Keywords; Customary law, adat, blood feuds, crime, offense, private ownership, the judicial verdict.

Аннотация. В статье на основе архивных и научных документов исследована правовая природа административно правового регулирования общественных отношений в обычном праве кыргызов. Обозначены наиболее характерные особенности административно-правового регулирования общественных отношений.

Ключевые слова; Обычное право, адат, кровная месть, преступление, правонарушение, частная собственность, судебный приговор.

В становлении административного законодательства в отечественной юридической науке вплоть до начала XX века как основной источник кыргызского права сыграло обычное право (адат) [1, с. 93]. Адат более всего соответствовал особенностям экономического и культурного развития кыргызского общества, в течение многих веков ведущего кочевой образ жизни.. Обычное право отличалось консерватизмом, поэтому на протяжении нескольких веков существенных изменений в отдельных правовых институтах, в том числе административно-деликтном законодательстве не наблюдалось [2, с. 24]. Характерным для обычного права было следующее:

- 1) консерватизм, выражавшийся в закреплении многих патриархальных, родовых обычаев (обязательства о взаимопомощи сородичей);
- 2) наличие множества пережиточных институтов (кровная месть, самосуд, узаконение барымты);
- 3) слабое разграничение уголовного преступления от гражданского и административного правонарушения;
- 4) отсутствие института политических преступлений (измена, дезертирство с поля боя, неподчинение военачальникам);
- 5) отсутствие юридического права частной собственности на землю (пастбища), фактически же правом распоряжения пастбищами обладали бии;
- 6) противоречивость, что позволяло феодальной верхушке находить в его нормах такие, которые соответствовали ее интересам;
- 7) сравнительная гуманность мер наказания за нарушения прав и преступления против органов управления.

Нормы обычного права постоянно применялись, пополнялись и совершенствовались в процессе административно-распорядительной и судебной деятельности биев различного ранга.

В кыргызском обычном праве понятие «преступления» (кылмыш), «грех и вина» (күнө) ничем не отличалось от понятия «проступок» (жазык), «обида» (ыза) [3.С.526]. Общественно опасные деяния (преступление, грех, проступок) и общественно неопасные деяния (нарушение брачных, наследственных и других гражданских прав) разграничивались нечетко, не говоря об административном проступке (жаман кылык).

В обычном праве не существовало четкого разграничения правонарушений уголовного преступления от гражданского правонарушения, поэтому проступки, которые можно было назвать в современном понимании, административным правонарушением переплетались с уголовными и гражданскими правонарушениями.

Большинство деликтных обязательств были тесно связаны с обязанностями членов родовой или аульной общины, таких как: обязательство принятия гостей с ночлегом и угощение во время тоя, поминок или предоставление ночлега случайному путнику – конок алуу; сбор с населения материальной помощи – жардам; различные подношения для оказания помощи при проведении тоев, похорон, поминок, уплаты калыма – кошумча [4, с. 204].

В административную функцию родоправителей-биев и совета старейшин, решавших дела по адату, любой проступок члена родовой общины заканчивался такими мерами административного принуждения, как карательно-наказательная, правовосстановительная и, более всего, нравственно-воспитательная («акыл-насаат»). К таким мерам в общественном быту кыргызов относится «тартуу» – приношение лицом или группой лиц виновной стороны потерпевшей стороне даров, родоначальнику или другому влиятельному лицу или тем лицам, от которых зависел исход дела, чтобы те совершили или не совершали какие-либо действия или бездействия в пользу дарителей «тартуу». По обычаю кыргызов нередко случалось так, что должностное или почетное лицо, для того чтобы получить гораздо более ценный подарок, дарили бедняку пустяковый «тартуу» (подарок), что объяснялось также имущественным положением сторон. Кроме того, такой вид наказания, как изгнание неисправимого сородича из общины решением всего рода во главе с бием, имел признаки административной высылки. В царский период Российской империи широко использовалась административная высылка в виде каторжных работ, ссылки в Сибирь.

Родоправителями-биями административная ответственность в виде меры принуждения устанавливались различные виды наказаний: айып (штраф), отбирание (конфискация) всего или части имущества обидчика и его родственников; выговор и внушение с профилактической и правовосстановительной целью.

Судебные приговоры решения (бийдин билиги) наиболее авторитетных и знаменитых биев приобретали значение обязательного для решения аналогичных дел – судебного прецедента и включались в состав действующих норм обычного права.

Судебные приговоры и решения (бийдин билиги) наиболее авторитетных и знаменитых биев приобретали значение обязательного для решения аналогичных дел – судебного прецедента и включались в состав действующих норм обычного права. Через посредство судебных прецедентов и эреже кыргызские бии вносили в обычное право некоторые нормы шариата, жестоко карающие за отступление от требований ислама.

В соответствии с нормами шариата на юге Кыргызстана датхи и беки в административно-распорядительном порядке облагали своих сородичей различными поборами и податями; взыскивали пошлину с караванов и со всего поголовья скота, прогоняемого через территорию данного рода – «туякат». Употребление вина наказывалось ударами плетью; мелкая кража – отсечением правой руки, повторная кража – левой руки; несоблюдение поста, нанесение легких телесных повреждений – предупреждением или наложением штрафа; оскорбление, отклонение от уплаты зякета также наказывалось штрафом. Данные проступки не входили в конкретную категорию дел.

Относительно сравнительно легких наказаний казий по своему усмотрению выносил решение – наказания точно не устанавливались.

Кроме того, существовало около 11 разновидностей таазиров: устное порицание за лжесвидетельство; бритье головы; вождение лица в полубоушенном виде по улицам города с оглашением совершенного им преступления или проступка; распятие на три дня с запретом принятия пищи; наложение штрафа; уничтожение имущества; изгнание; телесное наказание; денежные штрафы и др. По преданию Мухамед не допускал более 10 ударов за

проступки, которые не являются преступлениями, направленными против Аллаха и основ государства.

Формой правотворческой деятельности биев на севере Кыргызстана являлись так называемые *эреже* – *положения*, принимаемые съездами биев о том, какими именно нормами обычного права они будут руководствоваться при рассмотрении определенных судебных дел. Эти руководящие постановления-эреже сами затем становились источником права [5, с. 94].

Согласно Эреже Токмакского чрезвычайного съезда биев 1893 года [453], за такой административный проступок, как неявка в суд, неявившиеся (напр., по кунам) подвергались штрафу в размере до 50 руб. или арестом до одного месяца.

По Степному положению 1891 года Российской империи, по проступкам, совершенным должностными лицами не только по службе, но и в частной жизни (кража, мелкие драки, мелкое хулиганство), данные категории дел переходили в ведение мировых судей и областного уездного суда Российской империи [6, с. 54].

Административно-финансовая реформа в Кыргызстане во второй половине XIX – начале XX вв. проводилась с целью совершенствования государственного регулирования экономикой. Среди множества финансовых рычагов, при помощи которых государство воздействовало на экономику, важное место занимало обложение налоговых повинностей.

Различные повинности, установленные российской администрацией, регулировались нормативно-правовыми актами империи и нормами обычного права кыргызов. Кочевники не освобождались от уплаты налогов и поборов, закрепленных нормами обычного права независимо от оплаты государственного налога. Это были поземельные сборы: «туяк-акы», «туяк-пул» – дань за выпасы и прогон скота через территорию какого-либо рода и племени, которой облагались владельцы скота. Но данные поборы собирались не со своих сородичей, а только с представителей чужих родов и племен. «Туяк-акы» в

некоторых случаях понимается как «чоп-ооз», или «отмай». Например, если члены одной общины или рода пользовались пастбищными угодиями других родов и племен, собирался «чоп-ооз». Также в местах, где было развито земледелие, на условиях «орток» (половина) безземельные сородичи брали земли у бай-манапов. Феодалы получали половину урожая за то, что обеспечивали дехкан земель, инвентарем, рабочим скотом, семенами.

Представители местной администрации – аульные старшины и волостные управители – осуществляли контроль за материальным благосостоянием кибитковладельцев. Собранные денежные средства передавались волостному управителю вместе с так называемой «шнуровой» книгой, в которой отмечалось, где, когда и кем была выплачена та или иная сумма.

По проекту «Временного Положения об управлении Туркестанским краем» 1867 года на хозяйственные управления по назначенному военным губернатором сроку каждый торговец ежегодно обязан был объявить надлежащему хозяйственному управлению размер своего капитала, на который он торгует или собирается торговать в течение года. В свою очередь сумму, подлежащую уплате в казну, определяло хозяйственное управление.

В случаях, когда члены хозяйственного управления уклонялись от уплаты хараджа, зяката, танапной подати либо платили их в меньших размерах, в административном порядке подвергались штрафу в двойном размере от сокрытой суммы.

Кроме того, Положением 1867 года были введены земские сборы и повинности на оседлое и кочевое население Семиреченской и Сырдарьинской областей: возлагалось содержание лиц местного самоуправления по приговорам обществ, дорожная повинность – исправление арычных мостов, гатей, спусков и подъемных на почтовых трактах; поставка юрт и скота для проходящих воинских частей, предоставление перевозочных средств и топлива во время военных походов; постепенное устройство тюрем и поддержание их, постройка и

поддержание зданий для хозяйственных общественных управлений [7, с. 515].

Раскладка повинностей между плательщиками производилась первоначально выборными, назначенными всем обществом, а затем рассматривалась сельским сходом. Сход, выслушав предъявленные ему заявления плательщиков, делал в первоначальной раскладке исправления и утверждал. Постановление об утверждении раскладки обжалованию не подлежало [7, с. 496].

Также в кыргызском обществе существовали «повинности», которые не поддавались никакому учету. Размер этих обязательных поборов зависел от решения волостного управителя и бия.

Особой инструкцией, утверждаемой министром финансов, по соглашению с туркестанским генерал-губернатором, определялись порядок и способы участия податных инспекторов в распоряжениях и действиях местных административных властей по взиманию казенных податей и земских повинностей.

Местные фискальные органы постоянно реорганизовывались. Административный аппарат служил интересам должностных и почетных лиц.

Положением были расширены права уездных начальников, во многих городах учреждены полицейские управления, созданы переселенческие управления.

После проведения административно-налоговых реформ в Кыргызстане стала проводиться политика ограничения прав местной феодальной аристократии путем ликвидации всевозможных повинностей и сборов по обычному праву.

Административно-финансовая политика Российского правительства способствовала переходу от одной формы ренты к другой при значительной роли государственного денежного налога, что сыграло определенную роль в развитии рыночных отношений в крае.

Положением 1867 года были введены государственные подати с кочевого кыргызского населения. Объектом податного обложения кочевников являлась

кибитка, имеющая три признака: хозяйство, жилье и семью. Волостной правитель подтверждал верность показаний путем заверения ведомостей своей печатью. Царскую администрацию больше всего интересовал сбор с местного населения налогов и податей, установленных имперскими законами. Основным доход каждого аула и волости слагался из собираемого поземельно-податного налога, земских повинностей, которые носили натуральный характер, денежных земских и общественных сборов.

Сбором налогов и поборов занимались представители местной власти – аульные старшины и волостные управители.

Анализ историко-правовых документов и источников дает автору полагать что;

- административно-правовые отношения носили консервативный характер, выразившийся в закреплении многих патриархальных, родовых обычаев (обязательства о взаимопомощи сородичей);

- содержал в себе наличие множества пережиточных институтов;

- отсутствие системности административных отношений;

- примитивная форма организационно-правовых основ административно управленческих отношений;

- отсутствие четких разграничений административных отношений от финансовых, гражданских, уголовных и иных отношений;

- патриархально-феодальный уклад административно-управленческих отношений.

References

1.Борубашов, Б.И. Государственно-правовое регулирование общественных отношений кыргызов в составе российского государства (1855-1917 гг.): историко-правовое исследование. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2008. – 136 с.

2.Сооронкулова, К.С. Обычное право и современная правовая система Кыргызской Республики .Автореф. дис. ...канд. юрид.наук. – Бишкек, 2009. – 24 с.

3.Гродеков, Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области: В 2 т. Т.1: Юридический быт. – Ташкент: Типолитография С.И.Лахтина, 1889. – 526 с.

4..Терентьев, М. Туркестан и Туркестанцы. Туркестанский сборник. Санкт-Петербург. – Т. 87. –1873. –205 с.

5..Борубашов, Б.И., Галиева, З.И. История государства и права Кыргызской Республики . – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2003г.94с.

6.Ахметова, Н.С., Кожакметов, Г.З. Ереже (положения съезда биев): Сб правовых памятников и документов по истории обычного права казахов второй пол. XIX – нач. XX вв. С.54.

7.Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской от 25 марта 1891 г. // Древний мир права казахов: материалы, документы и исследования. – Алматы. Т. 5, 2005. – 515 с.

Murzaibraimov N.B., Karashev Z. Formation and development of the administrative legislation of Kyrgyzstan in the Soviet period

Становление и развитие административного законодательства Кыргызстана в советский период

Murzaibraimov Nurbek Bektemirovich

Doctor of Law, Associate Professor. Chair of "Constitutional and Municipal Law" Osh State Law Institute.

Karashev Zamir applicant Osh State University

Мурзаибраимов Нурбек Бектемирович

доктор юридических наук, доцент. Кафедра «Конституционного и муниципального права»
Ошский государственный юридический институт.

Карашев Замир соискатель Ошский государственный университет

Abstract. Studies of the historical and evolutionary aspects of the development of administrative law are the most urgent tasks of administrative law. Since the historical and political processes are directly connected with the legal policy of the state, which in turn is reflected in the development of basic principles and ideological foundations.

Keywords; Legislation, administrative law, administrative responsibility, legal policy, stages, codification, administrative responsibility.

Аннотация. исследования историко-эволюционных аспектов развития административного права является наиболее актуальными задачами административного права. Поскольку исторически-политические процессы непосредственно связано правовой политикой государства, которое свою очередь отражаются при разработке основных принципов и идеологических устоев.

Ключевые слова; законодательство, административное право, административная ответственность, правовая политика, этапы, кодификация, административная ответственность

Становление и развитие законодательства об административной ответственности в советский период протекало неоднозначно и во многом зависело от проводимой административно-принудительной политики государства и переделов в общественной жизни, а также состояния института основных прав и свобод человека.

Автор полагает, что становление и развитие административного законодательства в советский период хронологически можно разделить на несколько этапов.

Первый период (1917–1927 гг.) связан с зарождением и формированием нового типа советского права и отсутствием опыта в области нормотворчества, законодательство об административной ответственности, как и нормы других отраслей права, еще кодифицировано не было. Одним из первых нормативных актов в сфере административной ответственности стало Постановление наркома юстиции от 18 декабря 1917 года, в соответствии которым была введена административная ответственность за проступки, связанные с использованием печатной продукции в контрреволюционных целях. При задержании производилась реквизиция и конфискация этой продукции, а само виновное лицо подвергалось административной высылке.

Законодателем впервые в 1921 году, несмотря на отсутствие четких границ между административной и уголовной ответственностью, был регламентирован порядок наложения административных взысканий [1, с. 310]. В этот период широкими полномочиями в области административного принуждения наделяются и местные органы власти.

С целью создания и реализации механизма привлечения к административной ответственности был принят декрет ВЦИК от 23 июня 1921 года «О порядке наложения административных взысканий», который устанавливал административную ответственность граждан за нарушения постановлений органов местной власти. В этой связи предусматривались такие меры наказания, как: лишение свободы сроком до двух недель, принудительные работы сроком до одного месяца и денежный штраф в размере до 50 тыс. рублей [1, с. 310].

Данным декретом впервые был установлен срок привлечения к административной ответственности с утверждением коллегиальных органов,

полномочных налагать административные взыскания. Но с принятием 26 мая 1922 года на 3-й сессии IX съезда Советов Уголовного кодекса и для целей формального разграничения уголовной ответственности от административной ответственности коллегиальный орган был заменен введением нового единоличного органа, рассматривающего в административном порядке дела об административных нарушениях. Также законодательно были возложены полномочия по применению меры административной ответственности на руководителей областных и уездных отделов государственного управления.

С 1922 года в связи с накоплением большого количества нормативных актов начинается работа по кодификации всей советской системы административного законодательства. На первом этапе была детально разработана примерная схема Кодекса административного права СССР.

В 1925 году в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 30 июня 1925 года в советское законодательство впервые вводится понятие «административная ответственность» [2, с. 336]. Теоретические основы представления ученых об институте административной ответственности основывались на достижениях дореволюционных правоведов. К примеру, советское законодательство не содержало норм, которые бы четко регулировали порядок и сроки полицейского ареста. Милиция была обязана путем личного задержания прекратить нарушение общественного порядка [3, с. 813]. Поэтому квалификация правонарушений по видам в каждом конкретном случае зависела от усмотрения соответствующего органа юрисдикции.

Можно предположить, что правоприменительная практика в эти годы к проступкам относилась незначительные, менее опасные по сравнению с преступлениями, правонарушения. Отдельные нормативные акты содержали в себе указания на возможность применения некоторых мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях как меры административной ответственности. Такими мерами были задержание и

запрещение эксплуатации транспортного средства. Причиной данного обстоятельства послужила невозможность центральных органов власти охватить своим регулированием одновременно все существующие и вновь возникающие общественные отношения. Данное обстоятельство сказалось и на развитии института административной ответственности.

Второй период (1927-1940 гг.) характеризуется признанием советским государством недостаточной эффективности практики рассмотрения дел об административных проступках. Поэтому начало законодательного регулирования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в данный период связано с принятием Постановления СНК СССР от 30 марта 1931 года, утвердившего «Положение об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» [4, ст. 186], который вплоть до 1961 года стал нормативным актом и юридическим механизмом административной ответственности за административные проступки. Кроме денежных штрафов, принудительных работ была введена мера административного взыскания – предупреждение. Впервые в отдельных случаях правом налагать административные наказания были наделены должностные лица органов внутренних дел – милиция. В этой связи, 25 мая 1931 года разрабатывается «Положение о Рабоче-крестьянской милиции» [5, ст. 247], в соответствии с которым милиция могла производить задержание в административном порядке. В данном Положении также впервые обозначены субъекты правонарушений, подлежащие административным наказаниям, к которым были одновременно отнесены и физические и юридические лица.

Хотя Конституция СССР 1936 года [6] признала наличие и необходимость защиты личных прав гражданина, все органы власти и управления должны были осуществлять свою деятельность, в том числе и применение мер принуждения, в

строгом соответствии с требованиями социалистической законности (ст. 127-133).

В 30-е годы советское государство продолжало взятый ранее курс на репрессивную политику. В качестве административных наказаний широко применялись: арест, высылка, конфискация имущества. Подобная государственная политика нашла отражение в законодательстве СССР этого периода. Например, в Постановлении ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 27 мая 1939 года [7] за административные проступки была установлена (исключая хищение) уголовная ответственность (ч. 3). Подобное усиление и смешение размеров санкций за административные правонарушения и включение их в пределы уголовной ответственности с постоянным усилением к 1940-м годам, порождала широкую государственную репрессию, преследовавшей идеолого-политические цели. Юридическая техника этих постановлений была далека от совершенства, нарушенными оказались важнейшие принципы, в том числе принцип юридической ответственности — соответствие наказания и иных мер государственного принуждения тяжести совершенного правонарушения.

Несмотря на то, что в данный период по отдельным проблемам административной ответственности принимались разрозненные нормативно-правовые акты и отсутствие единой концепции законодательства об административных правонарушениях, все же исследователи не оставляли попыток внести понимание административной ответственности как особого правового института и подотрасли административного законодательства.

Новеллой советского законодательства данного периода, в отличие от дореволюционного понимания административной ответственности как полицейского права, является разграничение ее от иных видов юридической ответственности.

В третий период (с 1940 по 1979 гг.) начинается становление административного права как новой отрасли советского права и юридической науки. Появились учебники советского административного права (С.С. Алексеева, В.А.Власова, Г.И. Петрова, С.С. Студеникина, А.Е. Лунева, М.И. Еропкина, Л.Л. Попова и др.), рассматривающие вопросы административной ответственности, административного правонарушения и его дифференциации с уголовным преступлением и дисциплинарным проступком.

В годы «хрущевской оттепели» в конце 50-х годов активизируется нормотворчество в сфере административной ответственности, направленные на усиление отдельных видов административных правонарушений. Наряду с такими распространенными наказаниями, как административное взыскание, предупреждение, общественный выговор, штраф, лишение свободы, административный арест, конфискация имущества, законодательством за административное правонарушение был установлен новый вид наказания – выселение лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни, как за административные правонарушения. В ходе реформ законодательства Союза ССР 1958 года по гражданскому, уголовному и процессуальному праву усилилась административная ответственность в государственной сфере в целом.

В декабре 1956 года издается указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за мелкое хулиганство», в соответствии с которым административные проступки после составления соответствующего протокола сотрудника милиции передавались на рассмотрение в суд. Подобные дела рассматривались судьями единолично с вынесением постановления, не подлежащего обжалованию. Несмотря на то, что данный нормативный акт содержал примерный перечень форм проявления мелкого хулиганства, в выражении «оскорбительное неуважение к гражданам» не были определены конкретные действия, расцениваемые как мелкое хулиганство. Органам

милиции и судьям, осуществляющим квалификацию, трудно было отграничить административно наказуемый состав оскорбительного неуважения к гражданам от уголовно наказуемого состава оскорбления, как умышленного унижения чести и достоинства лица, выраженного в неприличной форме [8, с. 335-336].

В 60-е годы и позднее издаются нормативно-правовые акты по борьбе с тунеядством и принудительном лечении алкоголиков, наркоманов. В соответствии с данным актом лица, длительное время не работавшие и ведущие антиобщественный образ жизни, подлежали высылке с места жительства в отдаленные северные регионы для принудительных работ сроком до трех лет. Соответствующее постановление принималось судьями.

В лечебно-трудовые профилактории на принудительное лечение направляли алкоголиков и наркоманов сроком до двух лет. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1961 года «О дальнейшем ограничении штрафов, налагаемых в административном порядке» было отменено наложение штрафов в административном порядке на предприятия, учреждения и организации и установлено их наложение на должностных лиц. Таким образом, усиливалась личная ответственность должностных лиц за укрепление правопорядка на порученных им участках работы и устранялось ее обезличенное возложение на предприятия, учреждения и организации в целом. Практика была такова, что ответственностью последних покрывалась безответственность других конкретных виновников, штрафы не затрагивали материального положения ни их, ни членов трудовых коллективов [9, с. 329].

Данный нормативный акт в сфере административной ответственности, определил процессуальный статус органов и должностных лиц по рассмотрению дел об административных правонарушениях, что явилось этапом первичного упорядочения административного законодательства советского периода.

Все же нормы о механизмах и мерах административной ответственности продолжали действовать и в принятых в разные годы значительных количествах

разрозненных законодательных актов, содержащих материальные и процессуальные нормы. Для физических лиц – нарушителей запрещалась практика замены административного штрафа исправительными работами, в случае его неуплаты [10, с. 121].

Результаты многолетних исследований проблем административной ответственности в СССР, принятие Конституции СССР 1977 года и последующего развития правовой теории и практики ее применения способствовали разработке и появлению этого кодекса. В союзном и республиканском законодательстве была осуществлена давно необходимая кодификация обособленной группы мер, регулирующих вопросы административной ответственности, были детально регламентированы полномочия субъектов административной юрисдикции и производства по делам об административных правонарушениях.

Вместе с тем, совокупность названных норм традиционно, как и до сих пор в Кыргызстане, продолжает рассматриваться как основная часть административного права.

На четвертом этапе (1980-1990 гг.) был необходим, системная совершенная правовая база, с помощью которого можно было бы развернуть в стране более эффективную борьбу с административными проступками.

Автор полагает, что в эволюции развития административного законодательства в советский период присущи следующие признаки;

- впервые в советском законодательстве об административных правонарушениях было дано законодательное определение понятия административного правонарушения (проступка);
- в союзных республиках к 1984-1985 г.г. подготовили и приняли первые Кодексы об административных правонарушениях, тем самым был завершен 1-й этап кодификации административно-деликтного законодательства.
- в Киргизской ССР с 1984 г. начал действовать Кодекс Киргизской ССР об

административных правонарушениях.

References

1. Декрет СНК РСФСР от 23 июня 1921 года «О порядке наложения административных взысканий». Собрание узаконений РСФСР. – 1921. – № 52. – Ст. 310.
2. Постановление СНК РСФСР от 30 июня 1925 года «Об ответственности за нарушение законов о социальном страховании» Собрание законов СССР. – 1925. – № 45. – Ст. 336.
3. Постановление НКВД РСФСР, Наркомюста РСФСР от 12 октября 1918 года «Об организации Советской рабоче-крестьянской милиции (Инструкция)». Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 75. – Ст. 813.
4. Постановление СНК СССР от 30 марта 1931 года «Положение об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» Собрание узаконений РСФСР. – 1931. – № 17. – Ст. 186.
5. Постановление СНК СССР «Положение о Рабоче-крестьянской милиции» от 25 мая 1931 года. Свод законов СССР. – 1931. – № 33. – Ст. 247.
6. Конституция СССР 1936 года. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года (с послед. измен. и доп.) Законодательство СССР: В 5 т. Т. 3. – М.: Госюриздат, 1968. – 286 с.
7. СССР. Режим доступа.– <http://www.libussr.ru/infdoc6.htm> Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 года «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Утвержден майским (1939 г.) Пленумом ЦК ВКП (б) [Электронный ресурс] Библиотека законов.
8. Козлова Ю.М.Административное право : учебник / Под ред. Ю.М. Козлова и Л.Л. Попова. – М.: Юрист, 1999. – 728 с.

9. Лозбяков, В.П., Эриашвили, Н.Д. Криминология и административная юрисдикция милиции : учеб. пособие для вузов / В.П. Лозбяков, Н.Д. Эриашвили; Под ред. В.П. Лозбякова. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. – 134 с.

10. Бахрах, Д.Н. Этапы становления административного судопроизводства в России . Российский юридический журнал. – 2008. – № 1. – С.12

Orozov G.G., Toktorov E.S. Ensuring the rights of witnesses and victims in the process of investigation of crimes and in legal proceedings

Обеспечение прав свидетелей и потерпевших в процессе расследования преступлений и в судопроизводстве

Orozov Zharkyn Zhunusovich

candidate of legal sciences . Department of Criminal Law and Process, Osh State Law Institute, Osh, Kyrgyz Republic

Toktorov Egemberdi Samidinovich

candidate of Law, Associate Professor. Department of Criminal Law and Process, Osh State Law Institute, Osh, Kyrgyz Republic

Орозов Жаркын Жунусович

кандидат юридических наук. Кафедра «Уголовного права и процесса», Ошский государственный юридический институт, г.Ош Кыргызская Республика

Токторов Эгемберди Самидинович,

кандидат юридических наук. Кафедра «Уголовного права и процесса», Ошский государственный юридический институт, г.Ош Кыргызская Республика

Abstract. In the article on the basis of general scientific methods of cognition, the features of regulation of the rights and duties of witnesses and victims in the criminal and procedural legislation of the Kyrgyz Republic are analyzed. The basic approaches of regulation of witnesses, victims are indicated.

Keywords: human rights and freedoms, rights, duty, witness, victim, Kyrgyz Republic, customary law.

Аннотация. В статье на основе общенаучных методов познания проанализированы особенности регулирования прав и обязанностей свидетелей и потерпевших в уголовно – процессуальном законодательстве Кыргызской Республики. Обозначены основные подходы регулирования свидетелей, потерпевших.

Ключевые слова: права и свободы человека, права, обязанность, свидетель, потерпевший, Кыргызская Республика, обычное право.

Происходящая в настоящее время судебная реформа в Кыргызской Республике требует урегулирования законом прав с гарантией обеспечения интересов граждан, участников уголовного судопроизводства. Для улучшения уголовного процесса необходимо усилить гарантии, направленные на защиту интересов и прав личности.

Поскольку в соответствии со статьей 16 Конституцией Кыргызской Республики «Права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

Права и свободы человека относятся к высшим ценностям Кыргызской Республики. Они действуют непосредственно, определяют смысл и содержание деятельности всех государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц»[1].

Действующий в настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс не полностью обеспечивает защиту интересов граждан, участвующие в судебном процессе свидетели и потерпевшие в большинстве случаев не всегда знают своих прав и не могут исполнить свои обязанности в полной мере, правонарушения в обществе воспринимаются как закономерное явление.

В соответствии со статьей 61 [2] Уголовно - процессуального кодекса Кыргызской Республики свидетель имеет право:

- 1) давать показания на родном языке или ином языке, которым владеет, пользоваться услугами переводчика;
- 2) заявлять отвод переводчику, участвующему в его допросе;
- 3) собственноручно излагать свои показания;
- 4) знакомиться с протоколом допроса, вносить в него дополнения и изменения;
- 5) при даче показаний пользоваться письменными заметками и документами;
- 6) приносить жалобы на действия работника органа дознания, следователя, прокурора, суда;
- 7) на возмещение расходов, понесенных при производстве по уголовному делу, и ущерба, незаконно причиненного действиями органа, ведущего уголовный процесс;

8) на получение имущества, изъятого у него ведущим уголовный процесс органом в качестве вещественных доказательств или по другим основаниям, принадлежащих ему подлинников официальных документов;

9) иметь защитника при допросе.

(2) Свидетель обязан:

1) явиться по вызову следователя, прокурора, суда;

2) правдиво сообщить все известное по делу и ответить на поставленные вопросы;

3) не разглашать без разрешения допрашивающего сведения об обстоятельствах, известных ему по делу.

(3) При неявке свидетеля без уважительных причин он может быть подвергнут приводу.

(4) За дачу заведомо ложного показания, отказ или уклонение от дачи показаний свидетель несет ответственность по статьям 330, 331 Уголовного кодекса Кыргызской Республики [3].

В настоящее время встречаются случаи причинение свидетелю и потерпевшему телесного повреждения или оказание психического давления на них со стороны преступных лиц и их окружения, даже сотрудниками правоохранительных органов.

Поэтому разработка научно-теоретических обоснований и практических рекомендаций по вопросам защиты потерпевших, свидетелей и их близких является одним из важных задач, стоящих, сегодня перед процессуальной юридической наукой.

Для полноправной реализации своих обязанностей свидетели и потерпевшие должны быть обеспечены достаточным уровнем их безопасности, необходимой законодательной защитой безопасности их близких в сфере уголовно-процессуальных отношений.

Даже в обычном праве кыргызов свидетель, являлся значимой фигурой были даны особые права. По мнению исследователя Г.С. Загряжского «в важных делах бий, по своему усмотрению представляет истцу или ответчику выбрать лицо, которое своим свидетельством под присягою подтвердило бы претензию истца или оправдало бы ответчика»[4.С.199].

Свидетели, которые скрывали на суде совершенную кражу в зависимости от значимости преступного деяния, приговаривались к айыпу»[5.С.51].

Практика показывает что, свидетели часто избегают исполнения своих обязанностей, игнорируя своих возможностей дать показания. Это связано с рядом причин:

во-первых, свидетели не хотят возникновения опасности для жизни родственников, для своей жизни и здоровья;

во-вторых, результат подобных действий свидетелей приводит к росту числа преступлений в обществе и обуславливает тому, что многие преступления остаются нераскрытыми.

Для решения таких проблем государство обязано принять законы, гарантирующие исполнение гражданами своих обязанностей.

Начиная, с 2007 года бытуют, мнения и имеются предложения о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики, заключающихся в улучшении правового состояния потерпевших и свидетелей.

Разработка мер по улучшению состояния потерпевших и свидетелей в судебном процессе на основе Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, комплексное исследование проблемы обеспечения защиты потерпевших и свидетелей, а также, рассмотрение защиты потерпевших и свидетелей с современной уголовно-процессуальной точки зрения является актуальной задачей правового исследования.

Психологическое состояние потерпевших и свидетелей на уголовном судопроизводстве (шок, боязнь, забывчивость, ненависть к самому себе, позор

перед людьми), а также отсутствие или редкость предупредительных правовых мероприятий; запретить распространение среди общественности первые сведения по результатам следствия, разъяснить права и обязанности, предусмотренные процессуальными законами, широкое отражение в средствах массовой информации материалов по проблемам обеспечения прав и гарантии потерпевших и свидетелей приводит существенному ограничению реализации прав потерпевших и свидетелей.

Следует отметить, что принимаемые меры по обеспечению безопасности свидетелей и потерпевших, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством Кыргызской Республики, не полнокровны. Так как эти меры подлежат применению лишь в рамках уголовного судопроизводства. Давление со стороны криминального мира может осуществляться и вне уголовного процесса.

Закон Кыргызской Республики «О защите прав свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства» принят с целью усиления борьбы против таких преступлений.

В настоящее время бытуют мнения о том, что при рассмотрении вопросов защиты прав свидетелей и потерпевших, необходимо рассмотреть, не только права в уголовном процессе, но и регулировать законом и другие их права.

Были высказаны различные мнения по принятию данного закона, а говорить о его практическом значении пока рано, так как необходимо практиковать его применения во всех регионах страны. Но следует отметить, что уже закон нуждается в внесении дополнений.

Закон воспринимает свидетеля и потерпевшего как лиц, защищаемых государством. Кроме того, Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики отмечает, что вполне возможны посягательства для воздействия на близких защищаемых государством свидетелей и потерпевших, а также гарантирует защиту близких свидетелей и потерпевших.

Поскольку применение мер принуждения к лицу для обеспечения его возможной выдачи связано со значительным ограничением прав и свобод человека и гражданина, возникает вопрос об объеме прав и обязанностей, предоставленных данному лицу в рамках уголовно-процессуального законодательства Кыргызской Республики, и следовательно, о его правовом статусе»[6.С.332]. В этом случае возникает вопрос о передаче лица несколькими законами, так как возникает вероятность угрозы причинения вреда их родным и близким.

Таким образом, на основе вышеизложенных обстоятельств, защита прав свидетелей и потерпевших по Уголовно-процессуальным законам Кыргызской Республики нуждается в улучшении и дополнении мер, применяемых для защиты свидетелей и потерпевших.

Свидетель, как субъект уголовного процесса с момента разъяснения его прав и обязанностей, становится участником судопроизводства, и наделяется процессуально обеспеченными правами и обязанностями несет определенную тягбу. С момента вручения извещения он признаётся участником уголовно-процессуального судопроизводства.

И поэтому авторы полагают что, необходимо расширение дополнительных гарантий личной безопасности, а также их близких родственников свидетелей и потерпевших

Назревает необходимость конституционного регулирования статуса свидетелей и потерпевших.

References

1. Конституция Кыргызской Республики (В редакции Закона Кыргызской Республики от 20.12.2016 г. №218). Принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года

2. Уголовно – процессуальный кодекс Кыргызской Республики Введен в действие . Законом КР от 30 июня 1999 года № 6.

3. Уголовный кодекс Кыргызской Республики . Введен в действие. Законом КР от 1 октября 1997 года № 69

4. Загряжский Г.С. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края, по обычному праву. Спб. 1876 г. ст. 199

5. Ереже токмакского чрезвычайного съезда биев. Верный 1893 г. 51 стр.

6. Табалдиева В. Ш. Уголовно-процессуальный статус субъектов международной правовой помощи по уголовным делам. – М.: РИПО ИГУМО, 2003. – 332 С.].

Reutov S.I. Baby-boxes. socio-legal issues necessary for their development

Бэби-боксы. социально-правовые вопросы необходимости их развития

Reutov Stanislav Ivanovich

Perm state national research University,
professor Department of social work and conflict resolution of the law faculty

Реутов Станислав Иванович

Пермский государственный национальный исследовательский университет, профессор
кафедры социальной работы и конфликтологии юридического факультета

Abstract: Using the method of comparative analysis examines the current issues associated with the use of safe for life and health of the child, the specialized places for the anonymous abandonment of children after their birth in baby boxes. It is proved that the question of the existence of baby boxes is not contrary to the norms of international and Russian legislation must be resolved only from the standpoint of the rights and interests of the child, first of all, the child's right to life. Proposals for to improve the existing legislation and its practical application.

Keywords: Baby box, the murder of a newborn baby, the right to life.

Аннотация: С использованием метода сравнительного анализа исследуются актуальные вопросы, связанные с применением безопасных для жизни и здоровья ребенка, специализированных мест для анонимного оставления детей после их рождения в бэби-боксах. Доказывается, что вопрос о существовании бэби-боксов не противоречит нормам международного и российского законодательства и его необходимо решать только с позиции прав и интересов ребенка, прежде всего, права ребенка на жизнь. Формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: Бэби-бокс, убийство новорожденного ребенка, право на жизнь.

Авторитет любого государства определяется тем, как обеспечена социальная безопасность человека и его семьи. Ст. 38 Конституции РФ закрепляет «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства». В настоящее время российский институт семьи переживает кризис, свидетельством тому ухудшение демографической ситуации, огромное количество разводов, низкая рождаемость и высокая смертность, рост числа внебрачных детей, неполных семей, распространенность семейного неблагополучия, жестокого обращения с детьми и всех форм насилия в

отношении детей, низкая эффективность профилактической работы с неблагополучными семьями и детьми.

Одним из важных индикаторов усиления угрозы безопасному детству является насилие над ребенком [1, с. 47]. Так, за 2015 год в России были убиты 2062 ребенка, от насильственных преступлений пострадали почти 12 тысяч детей, из них 1 900 — стали жертвами семейного круга. За этот год расследовано 484 убийства детей, 1 645 изнасилований и более 5300 насильственных действий сексуального характера, в суды направлено почти десять с половиной тысяч уголовных дел.

Эти данные были озвучены председателем Следственного комитета Александром Бастрыкиным и по его мнению эта ужасающая статистика «не меняется в лучшую сторону, только ухудшается» [2].

Правовой основой обеспечения безопасности детства являются важнейшие законодательные документы: Конституция РФ, Конвенция о правах ребенка, Всемирная декларация «Об обеспечении выживания, защиты и развития детей», Федеральный закон от 24.07.1998 г. "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации". Приняты и такие важные документы, как: Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 года N 1618-р), Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 года N 1351), Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 года N 761), Концепция социально-экономического развития на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года N 1662-р).

Особое внимание заслуживает защита прав ребенка во время беременности и после его рождения. В преамбуле Декларации прав ребенка 1959 г.

закрепляется, что "ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения". Статья 1 Конвенции о правах ребенка 1989 г. определила, что ребенком является каждое человеческое существо до достижения им 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее. Следуя ст. 6 Конвенции, можно признать, что каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь, а государство должно обеспечить в максимально возможной степени выживание и здоровое развитие ребенка [3].

Несмотря на обширную законодательную базу в отношении детей, их безопасность в современной России не гарантируется на должном уровне [4, с. 127-129]. Общество не может не беспокоить такое явление, как убийство новорожденного ребенка. Ежегодно судами рассматривается большое количество уголовных дел по ст. 106 УК РФ. Пик инфантицида (инфантицид – это умышленное лишение жизни младенца, совершенное самой матерью в течение первых суток после родов) приходится на 1999 год и составляет 251 убитого новорожденного. С 2005 года количество убийств новорожденных уверенно снижается и в 2010 г. количество зарегистрированных преступлений составило 103, в 2011 г. - 108, в 2012 г. - 106, в 2013 г. - 97, в 2014 г. - 86, в 2015 г. - 72.

Преступления по ст. 106 УК относятся к латентному составу преступлений, то есть предполагается, что часть преступлений не были зафиксированы. Общеизвестно, что Россия занимает одно из первых мест в мире по количеству производимых аборт. Значительная часть убийств новорожденных представляется как совершение аборта, и они остаются не выявленными правоохранительными органами. Кроме того, большое количество подобных преступлений не подпадает в официальную статистику по причине их сокрытия от учета, что также распространено в российской действительности. Весьма

часто даже возбужденные по ст. 106 УК РФ уголовные дела прекращаются по различным основаниям как не имеющие судебной перспективы. По мнению специалистов, изложенное позволяет утверждать, что количество реально совершенных преступлений, предусматривающих ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, превышает в 5–10 раз количество официально зарегистрированных преступлений [5, с. 6]. По неофициальным данным только в Москве и Московской области еженедельно находят 2-3 мертвых младенцев и еще 2-3 живых подкидышей.

Отношение к детям – это тот показатель, по которому можно судить о зрелости общества в целом, об уровне его развития. Одним из способов предотвращения преступлений в отношении новорожденных детей и обеспечения спасения жизни ребёнка (хотя бы некоторых детей), является организация и размещение в крупных населенных пунктах бэби-боксов (в других странах другое название: «окно жизни», «двери надежды»).

Бэби-боксы или «колеса подкидышей», как их тогда называли, впервые были изобретены в Италии в 1198 году, когда папа Иннокентий III, пораженный количеством детей, выбрасываемых в Тибр, распорядился о создании "колеса подкидышей" (*ruota dei trovatelli*), с помощью которого мать могла оставить ребенка в церкви, а сама остаться неузнанной. «Колесо подкидышей» представляло собой вращающееся цилиндрическое устройство, вмонтированное в наружную стену здания. Мать клала ребенка в цилиндр, вращала его, чтобы он оказался внутри церкви, и звонила в колокольчик, оповещая зрителей. В Германии первый бэби-бокс был установлен в 1709 году в детском приюте Гамбурга. Но его вскоре убрали, так как количество подброшенных детей оказалось столь велико, что приют не мог их содержать. Во Франции «вертушки для подкидышей» были созданы Св. Викентием де Полем, который в XVIII веке организовал в Париже первый детский приют. В XIX веке во Франции их насчитывалось уже 251.

В Бразилии и Португалии «вертушки для брошенных на произвол судьбы» стали широко использоваться после того, как королева Мария I в 1783 году повелела основать в каждом городе госпиталь для беспризорников. В Британии и Ирландии с 1730 года «вращающееся колесо» было установлено вблизи ворот каждого работного дома, «для того, чтобы в любое время дня и ночи младенец мог бы быть положен в данное устройство и найден смотрителем учреждения».

В Царской России «Колыбель жизни» (аналоги современных бэби-боксов) создавались еще при Петре I. Петр I в 1712 году повелел "устанавливать" в городах у церковных оград "гошпитали" (места для подкидышей), а в 1715 г. издал указ об их строительстве и содержании за счет губернских доходов. Также Петр I приказал: "Объявить указ, чтоб таких младенцев жены и девки, рождающие беззаконно, в непристойные места не отметывали, но приносили бы к вышеозначенным гошпиталиям и клали тайно в окно чрез какое закрытие, дабы приносивших лиц было не видно; а ежели такие незаконнорождающие явятся виновными в умерщвлении тех младенцев, и оныя за такие злодейственные дела сами казнены будут смертию".

Зарубежный опыт показывает, что «окна жизни», «двери надежды» успешно зарекомендовали себя в Германии, Италии, Австрии, Венгрии, Польше, Швейцарии, Чехии, Украине, Индии и других странах. Самое большое количество бэби-боксов в Индии, там их больше тысячи. В США проблему брошенных младенцев пытаются решать именно при помощи бэби-боксов. С 2008 года на территории всех штатов США законные родители могут оставить младенцев в возрасте до 45 дней в приемных больниц и пожарных станций, не опасаясь преследования. В Индиане первый бэби-бокс был установлен в апреле 2016 года на пожарной станции. Общественная реакция в этой стране была исключительно позитивной. Но, несмотря на это, порядка 150 новорожденных каждый год оказываются выброшенными просто на улицу. Эксперты считают, что с установкой бэби-боксов их число может снизиться [6].

Государство, как гарант защиты прав детей, обязано не только обеспечивать гарантии прав ребенка на рождение, но и максимально защищать его жизнь в период новорожденности, поскольку дети, особенно новорожденные, являются наиболее уязвимой и максимально незащищенной в социально и правовом смысле категорией населения [4, с.127-129]. С учетом положительного опыта бэби-боксы стали реальностью в нашей стране.

Первые бэби-боксы появились в нашей стране в 2011 году. По данным на 22 марта 2016 года открыто 20 бэби-боксов в 12 регионах РФ. Инициатором организации и развития бэби-боксов в нашей стране стала организация – «Благотворительный фонд социальной поддержки и защиты прав ребенка на жизнь и воспитание в семье «Колыбель надежды» (г. Пермь) и его президент Елена Котова. На территории Пермского края размещено 3 пункта анонимного приема (бэби-бокс): г. Пермь, г. Добрянка, г. Березники. Эти пункты созданы в целях предупреждения инфантицида и размещены непосредственно в медицинских организациях, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности.

Несмотря на то, что бэби-боксы на протяжении веков доказали свою эффективность по предотвращению убийств новорожденных, у них и по сей день множество противников. Бэби-боксы неоднократно пытались закрыть. Так в 2012 году представители Комитета ООН по правам детей выступили с резкой критикой бэби-боксов и призвали власти европейских стран как можно скорее ликвидировать «окна жизни». Они мотивировали свое заявление тем, что бэби-боксы нарушают права ребенка, который впоследствии захочет узнать, кто его биологические родители.

С подобной инициативой в России в марте 2015 года выступил бывший уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов. П. Астахов считает, что создание "ящичков для ребенка" противоречит не только Конституции РФ, Конвенции ООН, но и моральным принципам. По мнению П.

Астахова помещение детей в бэби-боксы нарушает их право знать своих родителей. Кроме того, он считает, что по законодательству РФ деятельность по выявлению и устройству детей, оставшихся без попечения родителей, должна осуществляться исключительно органами опеки и попечительства. Иные юридические и физические лица не вправе заниматься такой деятельностью [7]. С просьбой разобраться во всей этой ситуации он обратился в Генпрокуратуру.

Проблема установки бэби-боксов стала весьма обсуждаемой. Так, в начале июня 2015 г. сенатор Елена Мизулина внесла в Госдуму законопроект, запрещающий установку бэби-боксов. Проект закона предусматривает необходимость запрета бэби-боксов ввиду того, что: государство не должно поощрять отказы от новорожденных. Кроме того, по ее мнению, нарушается право ребенка на идентичность, то есть право ребенка знать, кто его биологические родители [8].

В поддержку установки бэби-боксов выступает большое число общественных лидеров, а также общественные организации регионального и федерального уровня, такие как: Всероссийское общественное движение "Матери России", Ассоциация волонтерских организаций "Поиск пропавших детей", Общественная организация "Многодетные семьи Республики Татарстан", АНО "Институт социального развития", Благотворительный фонд "Справедливая помощь", Фонд "Защита детства", Региональная общественная организация "Объединение многодетных семей города Москвы", Пермская региональная общественная организация по защите прав пациентов "Право на здоровье", Детский центр раннего развития "Катенок" (г. Москва) [9].

Важно и то, что установка бэби-боксов поддерживается представителями органов федеральной, региональной власти и органов местного самоуправления (Следственный Комитет РФ, порядка 30 регионов России), а также представителями всех официальных религиозных конфессий. Так, Митрополит Пермский и Соликамский Мефодий (Пермская епархия РПЦ) сказал: « Мы

поддерживаем инициативу создания в России сети центров для оставления нежеланных новорожденных детей их матерями, которые при этом желают сохранить анонимность. Есть надежда, что данная мера позволит сократить число аборт и убийств новорожденных детей. Социальный проект «Колыбель надежды» – это реальная возможность для нежеланных малышей выжить и обрести семью, а для их матерей – избежать страшный грех детоубийства».

По инициативе Дарьи Чибисовой была создана петиция в защиту бэби-боксов, которая была направлена новому Уполномоченному при Президенте РФ по правам ребенка Анне Кузнецовой. Петицию подписали более 270 тысяч человек [10].

Мы полагаем, что бэби-бокс - это способ реализации права ребенка на жизнь! Еще раз подчеркнем, что в соответствии со ст. 6 Конвенции о правах ребенка каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь, а ст. 20 Конституции Российской Федерации гарантирует право каждого на жизнь. Невозможно обеспечить другие права ребенка, не обеспечив его право на жизнь. Практика работы бэби-боксов показывает, что женщины, оставившие ребенка в бэби-боксе, не смогли получить необходимую помощь в рамках работающей в регионе системы профилактики социального сиротства. К сожалению, общественное порицание, материальные трудности и отсутствие поддержки близких приводят к тому, что женщина решается на страшное преступление - избавиться от ребёнка криминальным способом. Так, в августе 2014 года в одном из поселков Завьяловского района Алтайского края 36-летняя женщина, мать троих детей, родила четвертого младенца и бросила его в выгребную яму уличного туалета. Мальчик задохнулся.

19 мая 2013 года 36-летняя жительница Орла дома, без медицинской помощи родила девочку и утопила ее в унитазе. 19 декабря 2014 года суд приговорил мать-убийцу к двум годам колонии-поселения. 26-летняя жительница поселка Троицкий Свердловской области в апреле 2014 года

задушила своего новорожденного сына и отвезла его тело на свалку. Как позже выяснили следователи, у нее уже есть двое детей: двухлетний сын и четырехлетняя дочь. Женщина живет с родителями, мужа нет, а отец пригрозил выгнать ее и детей из дома, если она родит третьего ребенка [11].

Выступая против введения законодательного запрета на использование бэби-боксов, помощник премьер-министра РФ Геннадий Онищенко отметил: "Это не просто неправильная идея, она по-настоящему бесчеловечная. Мы все ужасаемся трагическим новостям, когда в мусорке в очередной раз находят умершего младенца. Запрет на бэби-боксы приведет только к одному: возрастет количество новорожденных, выброшенных на помойку или оставленных где-то в лесополосе без единого шанса выжить"[12].

Известный российский юрист Владимир Маркин считает, что оставление ребенка в бэби-боксе – реальный шанс сохранить жизнь ребенку, а для родителей, желающих избавиться от ребенка – это возможность избежать уголовной ответственности. К тому же не исключается возможность для родителей вернуть ребенка, доказав путем ДНК-анализа свои права на него" [13].

Среди оппонентов Павла Астахова немало его коллег. Так, детский омбудсмен Пермского края Павел Миков утверждает, что противники бэби-боксов не представили рациональных доводов, связанных с запретом бэби-боксов и за все прошедшее время, к счастью, все дети, которые за шесть лет существования проекта в России были оставлены в колыбели жизни, живы и живут в семьях. Он также отметил, что данный проект - это лишь одно звено в цепочке оказания помощи женщине, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, стоящей перед выбором сохранить ли ребенка, между жизнью и смертью уже рожденного ребенка и, наконец, собственной судьбой. В этом отношении существование окон жизни помогло в Пермском крае выстроить целую систему оказания помощи женщинам. Благодаря этому проекту

появились кризисные центры, скорая социальная помощь, возможность женщинам анонимно рожать» [14].

Практика работы бэби-боксов показывает, что работа по профилактике подобного рода явлений должна включать меры по выявлению проблемных ситуаций и оказанию конкретной помощи конкретному человеку. В городах, где установлены бэби-боксы, появляются горячие линии для женщин, экстренные службы помощи, кризисные центры. Так, в течение 2011-2014 годов открылись кризисные центры для женщин в Туле, Новосибирске, Пензе, Иркутске, Ессентуках, Астрахани, Петропавловске-Камчатском, Челябинске, Абакане, Чебоксарах, Ставрополе, Воронеже, Орле, Старом Осколе, Томске, Черногорске, Улан-Удэ. И список этот можно продолжить. Чуть позже открылся крупнейший кризисный центр для женщин в Москве. То есть работа в этом направлении идет, и люди на всех уровнях осознают, что это необходимо. Наряду с работой специализированных кризисных центров целесообразно внедрять практику анонимных родов, как это имеет место в Пермском крае. Одновременно с открытием бэби-боксов в Перми появился проект «Анонимные роды». Сотрудники фонда работают над тем, чтобы женщины узнали о такой возможности, а врачи относились с пониманием. Все это позволяет выявить женщин, скрывающих свою беременность, и вовремя оказать им необходимую помощь. Практика анонимных родов способствует сохранению здоровья женщины и жизни ребенка и позволяет провести работу по сохранению ребенка в родной семье.

Оставление ребенка в бэби-боксе не представляет опасности для его жизни, как это утверждают авторы законопроекта о запрещении установки бэби-боксов. Конструкция "бэби-бокс" является безопасной. Ребенок, попавший в бэби-бокс, получает всю необходимую медицинскую помощь. Жизни и здоровью ребенка в бэби-боксе ничего не угрожает. В случае, если ребенок, оставленный в бэби-боксе, получил серьезные травмы, он имеет возможность получить экстренную

медицинскую помощь, в отличие от ситуаций, когда ребенка оставляют на улице, в подъезде, на вокзале. Бокс представляет собой инкубатор-кровать, вмонтированный в стену медучреждения — больницы или роддома. Рядом нет ни будки охранника, ни видеокамер, чтобы отказывающаяся от ребенка мать была уверена в анонимности своего действия. В боксе младенец проводит в среднем полторы минуты: после того, как дверца закрылась снаружи, на пульте дежурной медсестры загорается лампочка и включается сирена, которую можно отключить только забрав ребенка и нажав кнопку, расположенную внутри бокса. Сотрудники больницы сообщают о поступившем младенце в органы опеки и полицию. Если мать передумает, то сможет вернуть себе ребенка в течение полугода, сделав ДНК-тест. После шести месяцев ребенок попадает в базу на усыновление.

Обычно чтобы подойти к окошку, надо подняться по небольшой лестнице. Считается, что эти финальные шаги, которые молодая мать делает, прежде чем оставить своего ребенка, могут помочь ей передумать. Здесь же есть весьма полезная информация для матери. Так, на информационном стенде возле двери бэби-бокса по улице Баумана, 25-в г. Перми для женщин, решившихся на этот шаг, есть такие полезные телефоны, как: круглосуточный телефон доверия, телефон доверия для абонентов сотовой связи, телефон доверия (круглосуточная помощь населению Пермского края), мобильный телефон Котовой Елены Юрьевны, руководителя проекта «Колыбель надежды», телефон отдела по церковной благотворительности и социальному служению Пермской епархии РПЦ, телефон иудейского религиозного общества, телефон Евангелическо-Лютеранской церкви Святой Марии в Перми, телефон Прихода Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии Римско-католической церкви Перми.

На дверце, за которой находится бэби-бокс, есть сообщение, что информация о том, кто оставил в больнице малыша, останется анонимной. Стоя перед дверцей, мать прочтет обращение, специально сделанное к ней:

Дай своему ребенку шанс на жизнь!

Открывая эту дверцу и оставляя ребенка здесь, ты отказываешься от него.

Для малыша будет найдена новая семья.

Если ты передумаешь и все же захочешь заботиться о ребенке, ты будешь должна обратиться в полицию или органы социальной защиты, которые оценят, соответствует ли это интересам ребенка.

Пожалуйста, еще раз продумай свое решение!

Ни медицинский персонал, ни какие-либо общественные организации не принимают участие в дальнейшей судьбе ребенка. При обнаружении ребенка незамедлительно оповещается полиция и органы опеки. Полиция составляет акт о подкидывании и проверяет, не находится ли ребенок в розыске, чтобы исключить криминальный характер использования бэби-бокса. После проведения всех необходимых медицинских процедур ребенок передается в ведение органов опеки и попечительства. За 5 лет работы бэби-боксов не было ни одного случая подкидывания младенца, находящегося в розыске.

Важно то, что бэби-бокс помогает сохранить для общества женщину (не преследуется по закону), ее новорожденного ребенка (ребенок остается жив). Имеющиеся на тот момент дети остаются в семье с матерью, а не попадают в детский дом.

Относительно права ребенка знать своих родителей и права на их заботу. Ранее было сказано, что ст.6 Конвенции о правах ребенка закрепляет правило «каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь», а ст. 7 той же Конвенции уточняет, что это право у ребенка может быть не всегда и не во всех случаях, а лишь тогда, с учетом особых обстоятельств: «насколько это возможно». Аналогичным образом данный вопрос регулируется семейным законодательством РФ. В частности, в ст. 54 Семейного кодекса РФ закреплено: «каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это

возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит их интересам».

Таким образом, смысл указанных статей Конвенции и Семейного кодекса РФ заключается в том, право ребенка на жизнь является приоритетным по отношению к этому праву. Иными словами, право знать своих родителей вторично по отношению к праву на жизнь. Если для ребенка есть риск оказаться в мусорном баке, то правом узнать своих биологических родителей он может не успеть воспользоваться.

Приводит ли установление бэби-боксов к нарушению установленного порядка по выявлению и устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей? Происходит ли в таких случаях, как утверждал П. Астахов, подмена полномочий органов опеки и попечительства по выявлению и устройству детей, оставшихся без попечения родителей?

На территории Пермского края разработана и проверена на практике четкая процедура анонимного приема детей (бэби-боксы). Во-первых, все 3 пункта анонимного приема детей размещены в медицинских организациях, которые четко выполняют требования семейного законодательства (статьи 121-123 СК РФ). Во-вторых, действия медицинского персонала четко прописаны, начиная от извлечения ребенка из «бэби-бокса» и помещения его в палату интенсивной терапии до незамедлительного сообщения о факте оставления ребенка в органы опеки и попечительства. В-третьих, незамедлительное сообщение о факте оставления ребенка производится также в Дежурную часть отдела полиции. В-четвертых, в последующем в обязательном порядке происходит передача ребенка органам опеки и попечительства. Это позволяет сделать вывод об отсутствии каких-либо нарушений установленного порядка по выявлению и устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Это нашло подтверждение в Акте о результатах расследования прокуратуры

Пермского края о законности размещения бэби-боксов, которое было проведено в связи с официальным обращением П. Астахова. В ходе проверки прокуратурой были изучены документы фонда «Колыбель жизни», сведения и отчеты Министерства социального развития Пермского края, документация медицинских организаций. В результате проведенных проверок Прокуратура Пермского края пришла к выводу, что Фонд «Колыбель Надежды» не принимает какого - либо участия ни в процессе передачи ребенка органам опеки и попечительства, ни в процессе усыновления детей. Не происходит и подмены полномочий органов опеки и попечительства по выявлению и устройству детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 121-123 СК РФ). В Акте о результатах проверки указано, что оснований для принятия мер прокурорского реагирования на момент проверки не имеется [15].

Считаем, что создание и функционирование безопасных для жизни и здоровья ребенка, специализированных мест для анонимного оставления детей после их рождения в бэби-боксах не противоречит нормам международного и российского законодательства. За все прошедшее время бэби-боксы, установленные в России, спасли 47 детских жизней. Семеро детей, оставленных в бэби-боксе, были возвращены в биологические семьи, остальные - усыновлены.

О том, что установка «окон жизни» является крайне важной, не нарушает действующее законодательство свидетельствует и тот факт, что Следственный комитет РФ вручил Е. Котовой медаль за содействие. В пресс-службе краевого СУ СКР отметили, что в 2010-2013 годах сократилось количество убийств матерями своих новорожденных детей благодаря эффективности реализации проекта Е. Котовой по организации бэби-боксов. Фонд Е. Котовой помогает и семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Помощь и поддержку получили семьи, проживающих не только на территории Пермского края, но и в других регионах России. Кроме того, была организована работа двух кризисных центров.

Благодарственное письмо Е. Котовой вручено от Митрополита Пермского и Соликамского Мефодия (РПЦ). Недавно Елена Котова была номинирована на премию РБК 2016 в категории «Благотворитель года» за деятельность по социальной поддержке и помощи семьям в трудных жизненных обстоятельствах, а также профилактике отказа от детей и убийств новорожденных.

Таким образом, проблема смертности новорожденных детей, насильственных действий их матерей, действительно существует и является весьма актуальной для нашей страны. В силу ст. 2 Конституции России «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». С позиции Конституции РФ важнее спасти жизнь брошенного ребенка, нежели выполнить задачу найти и наказать мать ребенка. Для государства и общества вне всякого сомнения высшим приоритетом является сохранение жизни беспомощного малыша. Иначе говоря, вопрос о существовании бэби-боксов необходимо решать только с позиции прав и интересов ребенка, прежде всего, права ребенка на жизнь, ибо для ребенка, которого выбросили сегодня, завтрашнего дня не наступит. Из этого следует, что в современный период для государства и общества важными являются такие задачи, как:

- Создание безопасных для жизни и здоровья ребенка, специализированных мест для анонимного оставления детей после их рождения в бэби-боксах.
- Формирование нормативно-правовой базы и социально-экономических условий, необходимых для их функционирования.
- Обобщение имеющегося опыта применения подобного рода центров в России и зарубежных странах.
- Внесение соответствующих изменений в действующее законодательство.
- Формирование общественного мнения [4, с. 127-129].

Считаем, что государство обязано максимально поддерживать и обеспечивать выживание и здоровое развитие каждого ребенка. Государство обязано поддерживать социальные инициативы, и проекты, подобные социальному проекту «Колыбель Надежды», которые направлены на сохранение жизни и здоровья ребёнка и могут реально гарантировать право на жизнь. Поддержка со стороны государства создания бэби-боксов в перспективе будет способствовать сокращению инфантицида и числа абортов.

References

1. Реутов С.И. Вопросы социально-правовой безопасности семьи и детей в современной России //Социальная безопасность и защита в условиях новой общественной реальности: системные междисциплинарные исследования: сб. материалов Всерос. науч.- практ. конф. с междунар. участием (г. Пермь, Перм. гос. ун-т, 29-30 сентября 2009 г.). Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. – 460 с.
2. СК: в 2015 году в России убиты 2062 ребенка. URL: <http://theins.ru/news/20595> (Дата обращения: 15.11.2016).
3. Толстая Е.В. О правовых гарантиях защиты жизни ребенка до рождения в российском законодательстве. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=18&art=1969> (Дата обращения: 03.11.2016).
4. Реутов С.И., Шершень Т.В. К вопросу о законности бэби-боксов //Шестой Пермский конгресс ученых-юристов: материалы междунар. науч.- практ.конф. (г. Пермь, ПГНИУ, 16-17 окт. 2015 г.) Перм. гос.нац.исслед.ун-т.- Пермь, 2015.- 304 с.
5. ПОПОВ А.Н. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). СПб., 2001. - 68 с.
6. Эрика СЕЛЕСТЕ. Бэби-боксы: как это делают в США. URL: <http://www.currenttime.tv/a/27777252.html> (Дата обращения: 14.10.2016).

7. Официальный сайт «РИА Новости» Пресс-служба Астахова: установка "бэби-боксов" противоречит законам РФ URL: <https://ria.ru/society/20150317/1053063831> (дата обращения 10.09.2016).
8. Е. Мизулина предложила запретить бэби-боксы. URL: <https://lenta.ru/news/2016/06/03/mizulina/> (Дата обращения: 26.12.2016).
9. Что такое бэби-боксы и нужны ли они в России: за и против. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2749033> (Дата обращения: 28.12.2016).
10. Сайт Change.org URL: <https://www.change.org/p/не-отменяйте-бэби-боксы> (дата обращения 12.10.2016).
11. Елена Шмараева. Я тебя породила. URL: <http://zona.media/practice/codex-106/> (Дата обращения 27.10.2016).
12. Официальный сайт информационного агентства «Интерфакс» URL: <http://www.interfax.ru/russia/511278> (дата обращения 21.12.2016).
13. Официальный сайт информационного агентства «ТАСС» URL: <http://tass.ru/obschestvo/1994057> (дата обращения 17.01.2016).
14. Официальный сайт «ВКурсе» URL: http://v-kurse.ru/news/politics/detskiy_ombudsmen_prikamya_vyskazalsya_v_zashchitu_beb_i_boksov_3068956/ (дата обращения: 11.01.2017).
15. Прокуратура Пермского края не нашла нарушений в установке бэби-боксов, на которые жаловался Астахов. URL: http://v1.zona.media/news/baby_astakhov/ (Дата обращения: 22.1.2016).

Tursunbaeva Ch.M. Orozbaeva B.A. Reproductive rights of women in the system of human rights

Репродуктивные права женщин в системе прав человека

Tursunbaeva Cholpon Manasovna

senior teacher,

Orozbaeva Baktykan Atantaevna

senior teacher.

Osh State Law Institute. Republic of Kyrgyzstan

bolotbek1970@mail.ru

Турсунбаева Чолпон Манасовна

старший преподаватель,

Орозбаева Бактыкан Атантаевна

старший преподаватель.

Ошский государственный юридический институт.

Кыргызская Республика.

Abstract. The article analyzes the rights of women in the system of human rights and in the national legislation of the Kyrgyz Republic on the basis of the historian of the legal, comparative legal method of research.

The most characteristic features of the reproductive rights of women in the system of human rights are summarized.

Keywords: Customary law, human rights, women's rights, the Covenant, the Declaration, the Constitution, reproductive rights.

Аннотация. В статье на основе историка правового, сравнительно- правового метода исследования проанализированы права женщин в система прав человека и в национальном законодательстве Кыргызской Республики.

Обобщены наиболее характерные особенности репродуктивных прав женщин в системе прав человека.

Ключевые слова: обычное право, права человека, права женщин, Пакт, Декларация, Конституция, репродуктивные права.

После распада Советского Союза республики, входивший в состав союзного государства приобрели суверенитет и независимость и начали формировать свое национальное законодательство. Необходимо отметить что, перед учеными теоретиками встал вопрос формирование национального законодательства, прежде всего основной закон страны и на основе основного закона создать собственную систему национального законодательства.

Приобретением Кыргызстана в 1990 году суверенитета»[1]. обусловило коренные изменение во всех сферах общественной жизни. Декларация о государственном суверенитете олицетворял воля народов Кыргызстана и открыл путь к существованию как самостоятельного государства.

Взяв путь на построение правового демократического общества, наше молодое государство, определяя форму правления, политического режима, объявил себя как демократическое государство.

Без обеспечения прав и свобод человека невозможно построить демократическое общество. В построении правового государства нельзя ограничиваться передовой мировой практикой, необходимо обратить внимание и нормам международного права.

Данный взгляд поддерживают многие исследователи. По мнению отечественного исследователя К.А. Дехкановой «построение демократического общества преследует объективную необходимость учесть общепризнанных принципов норм международного права»[2.с.4].

Зерном для формирования прав и свобод человека стало великая Французская революция в конце XVIII века начало XIX. Поскольку одним из первых понятие «прав человека» было нормативно закреплено в Декларации прав и свобод человека 1789 году.

С появлением прав и свобод человека и объявлением равенства всех людей породил раскол существования длительное время доминантное положение мужчин, олицетворяя равенство женщин и мужчин.

Дискриминация прав женщин появился еще в древние времена и о существовании можно проследивать в исторических источниках.

Античный демократичный полис, а затем Римская республика стали опытным полем отработки иных правил человеческого общежития, основанных на равенстве и свободе его полноправных членов, к числу которых, однако не принадлежали не только рабы, иноземцы, но и женщины»[3.с.57].

В течении многих лет права женщин находился в умирительном положении, а в некоторых патриархальных строях женщина признавалась как вещь, ее можно было продать, дарить. Такие обстоятельства подтверждают многие исторические документы к этому можно отнести обычное право кыргызов.

До вхождения Киргизии в состав России власть принадлежала феодальной верхушке «манапам», «биям», а в южной части Кыргызстана «датки» и «беки». Они распределяли пастбища, собирали налог, проводили суд и расправу, а также играли влиятельную роль в формировании обычного права кыргызов, в том числе прав женщин.

Патриархальный уклад общественных отношений умаляло прав женщин. Допускались убийства непослушных дочерей, оно считалось правомерным. В качестве исполнения наказаний осуществлялись «барымта», «кун» часто объектом «барымты» и «куна» становились женщины, дети»[4.с.75-80].

Имелись особенности ответственности за убийства лиц мужского и женского пола. За убийство женщины кун составлял 150 голов скота, в то время за убийство мужчины выплачивались 300 голов скота.

Иногда женщины становились объектом дарений. Враждующие стороны за примирение дарили друг другу дорогие вещи, лошадей, и девушек дочерей своих бедных сородичей.

Особое внимание заслуживает охрана прав беременных женщин. Они более дифференцированы обычным правом.

К примеру «при взыскании куна за убийство беременной женщины айып или кун взыскивался особо;

- за ребенка когда он только в зачатке налагался айып 9 верблюда;

- за ребенка на 5 месяце-25 верблюда;

- за ребенка до времени родов после пяти месяцев- половина женского куна(75 голов скота);

Кроме этого обычным правом предусматривалась ответственность если женщина докажет вину за выкидыш ребенка»[5.С.82].

После добровольного вхождения Киргизии в состав Российской империи 1867 года и с принятием Временного положения об управлении Семиреченской и Сыр-Даринской областей»[6.С.74]. в некоторой части обычное право начало приобретать более систематизированную форму.

Систематизация осуществлялась через проведение чрезвычайных съездов, в котором содержались перечень преступлений и наказаний.

В соответствии со статьей 141 Положения об управлении Степными областями»[7.С.381] предусматривалась ответственность за изнасилования.

К примеру, Ереже токмакского чрезвычайного съезда биев состоявшего в мае 1893 года у Биркулакского моста, содержал, определенные нормы охраняющих прав женщин глава V содержал нормы – о джесирах (преступлениях в отношении женщин).

По мнению С.К. Кожоналиева «до Октябрьской революции женщина в Киргизии считалась принадлежностью мужчины, вещью владельца». Ее можно купить, продать, обменять»[8.С.48].

Нормативному закреплению прав и свобод человека проложил путь «Всеобщая декларация прав человека» принятый 1948 году 10 декабря.

В соответствии данной декларацией каждый человек с момента рождения независимо, расы, пола, цвета кожи, языка, религии, социальные и иные исповедования, рода иное положение имеет права и свободу»[9].

Еще одним значимым актом прав и свобод человека является Международный пакт о гражданских и политических правах: принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г.

Принятие данного международного акта послужило стандартом обеспечения прав и свобод человека в национальном законодательстве многих стран.

Необходимо отметить, что Кыргызская Республика как правовое демократическое государство как член Организации Объединенных Наций вступил во многие международные организации как субъект международного права.

Кыргызская Республика ратифицировал данный Пакт в 1996 году 12 января»[10].

В соответствии со статьей 6 Конституции Кыргызской Республики «вступившие в установленном законом порядке в силу международные договоры, участницей которых является Кыргызская Республика, а также общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Кыргызской Республики».

Порядок и условия применения международных договоров и общепризнанных принципов и норм международного права определяются законами.

А в соответствии со статьей 16 Конституции «В Кыргызской Республике мужчины и женщины имеют равные права и свободы, равные возможности для их реализации» »[1].

Организация Объединенных Наций уделяет особое внимание правам и свободам женщин и признает его обеспечение наиболее актуальными задачами современности.

В системе прав и свобод человека, особое место занимает репродуктивные права женщин . Рассмотрение репродуктивных прав женщин в системе прав человека с методологической стороны более приемлемо. Поскольку права и свободы женщин, в том числе репродуктивные права можно рассматривать как один из элементов прав и свобод человека.

Необходимо отметить в контексте прав и свобод человека репродуктивные права обозначены в общей форме.

В соответствии со статьей 25 «Декларации прав и свобод человека», «материнство и младенчество дают право на особое попечение и поощрение.

Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой».

Международном Пакте «об экономических, социальных и культурных правах» принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г в статье 12 предусматривает что « Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья. Меры, которые должны быть приняты участвующими в настоящем Пакте государствами для полного осуществления этого права, включают мероприятия необходимые для обеспечения сокращения мертворождаемости и детской смертности и здорового развития ребенка» »[10].

В современных условиях защита прав и свобод женщин, обеспечение, содействие их реализации являются наиболее актуальной задачей институтов государства и общества.

Нормативно-правовое регулирование прав и свобод женщин обусловлено следующими обстоятельствами, к числу которых можно отнести:

-в национальных законодательных актах многих стран современности влиятельным фактором в нормативном регулировании социально-экономических, политических прав и свобод женщин являются оценка социальной роли полов, патриархальные обычаи;

- в нормативном регулировании прав и свобод женщин существенным влиятельным фактором являются национальный менталитет народа, религия особенно ислам;

-в большинстве случаев дискриминационное положение прав и свобод женщин проявляется в видении природы женщины как хранительницы очага, воспитателя детей;

- уровень правосознания и правовой культуры относительно взглядам положении женщин в обществе.

References

1. Конституция **Кыргызской Республики** (В редакции Закона Кыргызской Республики от 20.12.2016 г. №218). Принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года.

2. Дехканова К. А Охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в Кыргызской Республике» (теоретико-правовой аспект). Диссертация на соискания ученой степени кандидата юридических наук. Ош 2013г.с.4

3. Нерсесянц В.С. Политические учения Древней Греции. [Текст] - М., 1979. - С. 57.

4. Турсунбаева Ч.М. Жусупов Б.А. Положение женщин в обычном праве кыргызов. Вопросы современной юриспруденции. Материалы международной научной конференции. Новосибирск. №8-9(59).с.75-80.

5. ЦГИАЛ СССР. ф.1396. оп.1. д.400.82стр.

6. Временное положение об управлении Семиреченской и Сыр-Даринской областей 1867г. СПб. стр74

7. Материалы по истории политического строя Казахстана. том1. Алма –Аты 1960 стр 381.

8. С.К. Кожоналиев Суд и обычное право киргизов до Октябрьской революции. Ф.1963.48стр.

9. Всеобщая декларация прав человека: принята 10 декабря 1948 г. на 3 сессии Генеральной Ассамблеи ООН . Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. – М., Юрид. лит. 1990.

10. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. // Ратифицирован Законом Кыргызской Республики 12 января 1994 г. Постановление Жогорку Кенеша Кыргызской Республики № 1406. Бишкек: Информационный правовой центр «ТОКТОМ», 2007г.

SECTION 5. CULTURAL & GLOBAL STUDIES

UDC 316.7

Malashchuk N.V. "Traditional" and "non-traditional" in the formation of the calendar of festive events of the territory as an indispensable condition for the effectiveness of festive culture

«Традиционное» и «нетрадиционное» в формировании календаря праздничных событий территории как обязательное условие эффективности праздничной культуры

Malashchuk N.V.

Head of the Main Department of Culture
Administration of the city of Krasnoyarsk
Krasnoyarsk

Малащук Н.В.

Руководитель Главного управления культуры
администрации города Красноярска, Россия, г. Красноярск

Abstract. The article shows signs of dual nature of the holiday, which combines elements of stability ("traditional") and renewal ("new"); The lexical meanings of the concepts "tradition" and "new" are given, which additionally confirmed the naturalness and self-organization of the processes of unification of the "traditional" and the new "in the festive culture and designated by the author as an obligatory condition for the effectiveness of the holiday; The classification of mechanisms for the preservation and transformation of festive traditions is presented, which, in the author's opinion, can become the basis for regulating the festive culture and constructing a calendar system of holidays for each individual territory.

Keywords: festive culture, dual nature of the holiday, "traditional" and "new" in the festive culture, mechanisms for preserving and transforming the traditional elements of the holiday, the effects of socio-cultural regulation

Аннотация. В статье приведены признаки двойственности природы праздника, соединяющей в себе элементы стабильности («традиционное») и обновления («новое»); приведены лексические значения понятий «традиция», «новое», что дополнительно подтвердило естественность и самоорганизацию процессов объединения «традиционного» и нового» в праздничной культуре и обозначено автором как обязательное условие эффективности праздника; представлена классификация механизмов сохранения и преобразования праздничных традиций, что, по мнению автора, может стать основой для регулирования праздничной культуры и построения календарной системы праздников каждой отдельной территории.

Ключевые слова: праздничная культура, двойственная природа праздника, «традиционное» и «новое» в праздничной культуре, механизмы сохранения и преобразования традиционных элементов праздника, эффекты социокультурного регулирования

В ряде статей и публикаций о культурных тенденциях России начала XXI века отмечается, что в системе общественных праздников постперестроечной России произошли изменения, которые привели к утрате государственной монополии в идеологии праздников, а это, в свою очередь, привело к расслоению инфраструктуры праздничной индустрии, ранее инициированной и качественно реализуемой только государственными и муниципальными учреждениями культуры.

В настоящий период развития культуры праздников характеризуется наличием многочисленных event-агентств, предлагающих свои услуги на проведение мероприятий по любому праздничному поводу. С одной стороны - данные коммерческие структуры создали конкурентный рынок профильных услуг, с другой - повлияли на снижение качества праздников и сам календарь праздников, повлекли за собой стремительный и нерегулируемый рост праздничных «событий», содержание и качество которых вызывает постоянную критику со стороны общественности и органов власти. Культура праздника, инфраструктура праздника неожиданно, «вдруг», стала понятной и доступной всем желающим.

«Праздник в силу своей многогранности имеет выход практически во все социальные институты, вызывает интерес у специалистов различных областей знаний, его особенностью является особая организация массовых форм социального культуuroтворчества», - обозначает М.В. Литвинова. [4;18] .

Т.Н. Пинчук отмечает, что «...в последнее время, особенно среди молодежи, заметно активизировалось, расширилось стремление к многообразию форм и жанров зрелищно-досуговой деятельности. Это существенно важно, так как увеличилось количество разного рода локальных «привнесённых» праздников» [8;78] .

Бибикова Т.В. дополняет: «...утрата государством монополии, определяющей роли во всех сферах к общему развалу государственных структур.

Их «недофинансирование» вызвало культурную депрессию внутри страны. Ставка на активность и инициативу всех «художественных сил» бывшего Советского Союза не оправдалась. Повсеместная децентрализация, вызванная навязываемой сверху концепцией «самоокупаемости», привела к необратимым изменениям» [1; 78] .

«Без внимания на сегодняшний день остается система гражданских праздников и обрядов Советского периода, имеющих государственный статус. В решении такой проблемы, как «утрата ценности труда как способа самореализации и социального призвания», большую роль играли трудовые и профессиональные праздники. Изучение эффекта их воздействия в прошлом и фактическое включение их в современный праздничный календарь сегодня (современные корпоративные праздники имеют несколько иной содержательный аспект) могло бы дать интересные результаты», - считает Т.Н. Паренчук [7; 10] .

Современный праздничный календарь весьма хаотичен. В нем трудно заметить стройную систему, а главное, не просматриваются тенденции, ведущие к упорядочиванию общественного досуга в различных системах праздников, вносящие ритм в социальное пространство значимых событий. Разрушение системы праздничных традиций ведет к состоянию бесперспективности, разрыву преемственности и ослаблению культурной связи поколений, разрушению единства социально-культурного пространства, неясности статуса религиозно-праздничной культуры, нескоординированности новых государственных праздников.

Определение приоритетов в праздничной культуре, направленное на исследование потребности общества в праздничных традициях, сталкивается с проблемой активизации возрождения традиционной культуры «снизу» - внутри общества. В связи с этим, возникает вопрос: сдерживать или создавать условия для естественно возникающих «новообразований» в формировании современной

праздничной культуры? Предпочесть ли апробированные временем традиционные праздники и сделать их «образцовыми» или искать, создавать новые формы деятельности, новые форматы праздничной культуры с учетом имеющегося технологически и эмоционально апробированного веками опыта?

Конкуренция «традиционного» и «нетрадиционного» праздника (или хотя бы отдельных характеристик) вновь обращает нас к размышлению о природе феномена праздника.

В работе А.И. Мазаева читаем: «Часто не учитывается двойственная природа праздника и, акцентируя внимание на эстетико-культурных, человеческих моментах его содержания, отодвигают на второй план, а нередко и вовсе игнорируют его функционально-социологическую предназначенность в обществе». [6, 31]

«Подобная односторонность, - по мнению. А.И. Мазаева, - приводит к известной идеализации праздника, что, в частности, проявляется в отождествлении общего смысла этого феномена, с идеей смены и вечного обновления. Последняя, действительно, во многом определяет философию и эстетику праздника как такового, но лишь с одной стороны. Рассматривая праздник с другой стороны, нельзя не увидеть в его содержании и того, что можно назвать идеей неподвижности и вечного возврата к тому, что уже было.

Праздник обладает способностью максимально содействовать сохранению стабильности, неизменности общественной жизни в пределах однажды заданных норм и установлений. Исторические границы, в которых эта способность проявляется, должны быть решительно расширены. [6, 31]

Если история есть непрерывное движение, то праздник в этом именно его выражении как бы противостоит истории, во всяком случае, вносит в нее элемент повторяемости, что само по себе уже есть признак стабильности. В силу этого праздник и особый мир, им порождаемый, полнее могут противостоять движению – как неподвижность, историческому времени – как вневременность

и т.п. Подобное проявляется наиболее резко тогда, когда празднику сознательно вменяется быть таким, только таким. [6, 32]

Отметим, что в таком случае наступает так называемая «статичность времени», что не может заявлять новые подходы к организации праздника, новые форматы мероприятий, и в целом – не может заявлять новые социокультурные явления, новые, естественным образом формирующиеся субкультуры. Без этого не будет интереса у молодежных, подростковых возрастных групп, а значит, не будет и возможности передать им в доступной форме знание основ традиционной культуры праздника.

Не менее односторонним будет и взгляд на сущность праздника, если идея возврата и неподвижности, обусловленная ею способность этого социально-художественного феномена вносить в общественную жизнь стабилизирующие или даже консервативные тенденции предстанут в качестве единственных и основополагающих моментов.

«Для того чтобы конкретно определить сущность праздника и его всеобъемлющую роль в общественной жизни, необходимо учитывать все его социально-художественные свойства, а так же принимать во внимание то, на какие именно социальные порядки, нормы, культурные традиции и установления направлены стабилизирующие и обновляющие праздничные усилия. Решение того вопроса предполагает так же учет формы или типа самого праздника и тех исторических условий эпохи и данного общественного строя, в которых он существует». [6, 33]

«Праздник двойственен по своей природе и внутренне противоречив – считает А.И. Мазаев [6, 32]. – Факты свидетельствуют, что праздник, будучи одним из факторов равновесия социальной жизни, при всем том, играл в реальной жизни прямо противоположную роль, реализуя свою собственную идею вечного обновления жизни и внося в тот или иной общественный строй деструктивные усилия. Ни сущность праздника, ни его функции не могут быть

поняты и объяснены однозначно только со стороны естественных или искусственно инспирируемых нужд в закреплении наличного социального и культурного состояния». [6, 32].

Как и идея обновления («новое»), так и идея возврата («традиционное») является условием, определяющим содержание праздника. Оно олицетворяет традиционные начала праздничной культуры, и инструментальное отношение к этой культуре со стороны социально-политической системы, как показывает опыт и история праздничной культуры, предпочитающей принципы использования традиций.

Насколько же «пугающей», разрушающей может быть традиция для современного праздника? Обратимся в «Толковый словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю.Шведовой: «Традиция – 1. То, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений (например, идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычаи). 2. Обычай, установившийся порядок в поведении, в быту» [7, 807].

«Новое – 1). новый, впервые появившийся...3). противоположный древнему, следующий за ним [7, 419].»

Как видим по лексическому значению данных понятий, процессы обновления и перехода от «древнего» к «новому» являются естественными и саморегулирующимися. Наверное, этот принцип - «сочетание несочетаемого»: присутствие «нового в традиционном», «традиционного в новом» - можно обозначить как главное условие эффективности праздничной культуры.

Наверное, здесь вновь следует сказать о феномене праздника и привести мнение И.Н. Лавриковой, считающей, что «...сложность прогнозирования процессов в развивающихся праздничных отношениях можно объяснить двумя причинами: 1). Праздник относится к разряду явлений, отчасти саморегулирующихся и самовоспроизводящихся; 2). Праздник следует рассматривать в качестве сложной системы, структура которой содержит

настолько значительное количество элементов, а, стало быть, степеней свободы, что на современном уровне познания формализовать состояние системы с допустимым минимумом искажений или неточностей не представляется возможным». [3, 282].

Смысл функционального развития праздничного календаря заключается в том, что при повышении эффективности праздничных действий усиливается личностная значимость проводимых культурных акций. Комплексный характер реализации целей участников зрелищных ситуаций в модели развития соотносимы с формами зрительской активности, выходят на совокупность значимых и действующих способов социокультурного регулирования. Здесь действуют механизмы сохранения традиционных элементов праздничного календаря: идентификация, консервация, приурочивание, сочетание с современными формами, чередование, перенос, актуализация и слияние действуют там, где появляется соответствующая стратегия.

В другом случае наступает время действия механизмов, преобразующих различные элементы праздничной культуры: освоение (создание предпосылок для преобразования), воссоздание, реконструкция, адаптация, символизация, наложение, использование мотивов (режиссерская инструментовка).

Классификация механизмов сохранения праздничных традиций, по мнению Т.Н. Паренчук, предполагает три группы:

- первая группа не имеет связи с современными формами и предусматривает идентификацию, то есть сличение традиций с современными их проявлениями и консервацию (то есть фиксирование, предоставление возможности сохраняться и передаваться из поколения в поколение);

- вторая группа механизмов направлена на установление некоторой связи, то есть соединения с современными формами. Это актуализация праздников старины, то есть создание вокруг них ореола современности, сочетание традиционных праздников с современными или их чередование;

- третья группа механизмов предусматривает слияние одних форм с другими при полной сохранности первоосновы. В нее входят: с одной стороны, приурочивание одних современных праздников к идентичным традиционным или перенос элементов традиционных форм в современную, а в ряде случаев – перенос праздника целиком.

Механизмы преобразования праздничных традиций имеют более усложненную иерархию из четырех групп. Они направлены на освоение традиций, то есть не только их изучение. Но и практическое использование. Воспроизведение, что создает предпосылки для дальнейших преобразований. По сравнению с механизмами сохранения, это радикальные механизмы преобразования: воссоздание праздников заново («новоделов») или их историко-культурная реконструкция. В-третьих, здесь может иметь место коренное преобразование, предусматривающее выделение сюжетно-образной основы, то есть использование так называемых мотивов праздника при соответствующей режиссерской инструментовке или так называемая символизация праздника, то есть внесение в него лишь символических элементов от традиционной основы. [9;248]

Самыми доступными и неразрушительными по отношению к традиционной основе праздников являются: адаптация традиций к современным формам и их «наложение».

Обозначенная связь функций праздничной культуры с формами сохранения и преобразования праздничных традиций позволяют увидеть системные отношения во всей праздничной культуре в целом.

Следует иметь в виду, что функции являются центральным системообразующим компонентом, определяющим характер действия механизмов сохранения и преобразования праздничных традиций с учетом потребностей и этнокультурных форм конкретной территории.

На наш взгляд, такое внимание к истории предыдущих поколений и адаптация положительного, устоявшегося опыта в стремительно меняющихся социально-экономических и политических условиях является необходимым и эффективным. Это сочетание «старого» и «нового» - социокультурное регулирование «традиционного» и «уникального» позволяет:

1. формировать новые социокультурные технологии по регулированию праздничных процессов – поиску механизмов сохранения и преобразования праздничного календаря конкретной территории;
2. снимать естественным путем эмоциональное, нравственно-эстетическое «напряжение», критику представителей старшего поколения, кто не всегда способен принимать кардинально новые действия, новые ценности и общественные мероприятия, в том числе – и новые праздники, инициируемые представителями молодежи;
3. создавать естественным путем условия для проявления молодежных инициатив и внегласного контроля за качеством подготовки и проведения ими заявленных праздничных мероприятий;
4. обогащать социокультурную среду территории естественным, гармоничным соотношением «традиционного» – понятного большинству участников праздника, и «нового» – вызывающего интерес и новые эмоции, новые умения, навыки по восприятию этого «нетрадиционного» у тех, кто готов к этим социокультурным изменениям;
5. формировать согласованный празднично-событийный календарь конкретной территории естественным путем отбора интересных праздничных явлений, что позволит объединить «традиционное» и «нетрадиционное», обрести уникальность и самобытность социокультурной среды, по сравнению с другими территориями;
6. повышать личностную значимость и общественную активность организаторов, участников, зрителей, что позволит формировать

социальную распределенную ответственность за результат и качество праздника;

7. Другое.

Как видим, сочетание «традиционного» и «нового» в праздничной культуре является естественным и самоорганизующимся процессом. Данную характеристику можно отнести к обязательным условиям успешного праздника. Названные в статье механизмы сохранения и преобразования праздничных традиций могут стать основой для регулирования праздничной культуры и построения календарной системы праздников каждой отдельной территории.

References

1. Бибикова Т.В. Последнее десятилетие ушедшего века в художественной жизни Омска// Четвертые омские искусствоведческие (культурологические) чтения: Сборник материалов. Омск, 2001/02.
2. Лаврикова И.Н. Политический праздник: культурфилософский анализ: автореферат на соискание ученой степени доктора культурологии, М., 2015, с.40
3. Лаврикова И.Н. Политический праздник: культурфилософский анализ, М., 2015, с.309
4. Литвинова М.В. Культурологическая феноменология массовых праздников и зрелищ, Вестник МГУКИ, 2006, № 3- 2, с. 16-20
5. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление, Наука, М., 1978, с.392
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное, М.: Азбуковник, 1999. – стр.944.

7. Паренчук Т.Н. Автореферат на соискание кандидата культурологи «Праздничная культура современной России в контексте урбанизации», Кемерово, 2008, с.18
8. Паренчук Т.Н. Эволюция праздничной культуры в трансформирующейся России// Вестник МГУКИ. 2-2007, с.78-82
9. Паренчук Т.Н. Система функционального развития современного праздничного календаря в городском социуме// Омский научный вестник №5 (72). УДК 14, с.248-251

SECTION 6. ENVIRONMENTAL STUDIES

UDC 001

Kobylyanska I. The Autonomy Approach: new Demands and Challenges for FL Teachers

Kobylyanska Irina

Ph.D. in Pedagogical Sciences, Senior Lecture of English Language of
Department in foreign languages,
Kiev NPU Dragomanov

Abstract: This article comprises interesting insights both for learners and for teachers. The article describes the Autonomy Approach, it's main principles and metacognitive strategies that learners employ to structure their self-directed language learning. These strategies are broken down into Planning, Implementing, Monitoring and Evaluating (PIME).

The article guides teachers in how to encourage learners to take a more active role in their own process of language learning. First of all, it raises teachers' awareness on the importance of their contribution to the effectiveness achieved.

Keywords: The Autonomy Approach, language teaching, metacognitive strategies, strategy knowledge.

If, according to the way in which things are considered today, success at language learning depends more on what the learner does plus how she/he does things in relation to his/her own process of learning than on the teacher performance in itself, is it that teachers play a minor role on the eventual degree of success that individuals may attain? Does the students' engagement with their own learning jeopardize the importance that traditionally had the language teacher?

Teachers are and they will always be one of the most influential variables in the kind of learning that can be brought about in class. So for the effectiveness of FL learning, a good FL teaching professional is required and without him/her there is no way that language can be acquired. Supporting, responsible, confident, professional, engaging, good teaching practitioners are and will always be valued as an asset in FLT.

The *aim of the article* – to describe the Autonomy Approach in language teaching as self-directed language learning for professional development for those

professional language educators who are looking for new and innovative ways to guide and support their students as they direct their own learning.

Autonomy in language learning has been notoriously difficult to define and, while academics continue to disagree about the concept and refine the various definitions, teachers have interpreted it in different ways. As a result, it seems that, although there are some amazing practitioners doing inspirational work by handing control over to students, there are also many teachers who are still not quite sure what autonomy in language learning is all about. In fact, regardless of the definition used, no causal link has yet been established between learner autonomy and language development.

Nevertheless, by taking what is considered important in the field of autonomous language learning and using this as a way of approaching effective self-directed language learning, rather than a way of developing autonomy, there can be a focus on self-directed language learning, target-language development and the empowerment of learners to make informed decisions about their own learning. The outcomes, for learners, revolve around language skills, language learning skills and their understanding of available resources and ways of using these to meet their language learning goals.

Our four principles of the Autonomy Approach are:

- It is **student-led**: Students make the decisions about their own learning. If students make decisions about their own learning, they take ownership. Some decisions may be taken by the group of participants when it affects the whole group, but most will be for individual students to make. After all, they are deciding about what they will do outside the classroom. Personal decisions are much more likely to be followed through than those imposed by others, and even the act of making these decisions known to others reinforces the likelihood that the actions will be carried through.

- It is **guided**: Through activities and discussions, students are guided through a systematic cycle of planning, implementation, monitoring and evaluation (PIME), where linguistic progress is genuinely relevant to each learner's wants, interests and needs (WIN) - rather than a teacher's perception of these. When learners are short of ideas, choices can be 'introduced' - but they remain genuine choices, and the teacher can ask more about their selections so that informed choice becomes integral. It is important to encourage students at all times to make principled decisions about their own learning and to think through the consequences of these.
- It is **focused**: Through WIN analysis, diagnostic and other focus activities, it becomes much easier for students to consider their own strengths and weaknesses, prioritise from these and clearly identify relevant language and resources. As a result, students can choose what to learn and, perhaps more importantly, what not to learn. This is a more efficient way of language learning than allotting time to learning language which may not be relevant to an individual's goals. The use of targets can also focus learning further and lead to motivation derived from achievement and perceptions of competence – as targets are met and goals become closer.
- It is **collaborative**: Where possible, students are encouraged to work with each other *inside* the classroom, and to learn with classmates or others outside, too. Establishing a dynamic whereby individuals cooperate to exchange information and succeed through interaction moves the onus away from teachers and advisors to provide the answers, and guides learners to look to the wider community and the resources at their own disposal to develop their language and their language learning. This reinforcement of community for the sharing of ideas and experience related to language learning also provides a social context for learning and critical thinking, highlighting and balancing the social aspect of learning with the individualised aspect of personal learning goals[1].

How far each teacher chooses to implement the Autonomy Approach will

depend on various factors. Some of these factors will be *external* (institution; culture) and some *internal* (experience; teaching beliefs). For example, teachers will need to consider any institutional constraints surrounding their classroom practice:

- Are the teachers expected to adhere to a set syllabus?
- What kind of flexibility does this syllabus allow for?
- What is the perception - from management; from learners - toward more learner control within the institution?

Also, teachers adopting these kinds of learner-led activities for the first time may want to ease into the process and perhaps try a few out first, to see how they work in their context - before adopting a wider range. The Autonomy Approach is not an approach which is absolute, nor is it to replace existing methodologies or approaches. Rather, it can be adopted gradually over time in a way which can maintain the comfort of all stakeholders, and work in conjunction with other methods and approaches.

As teachers become more comfortable with the activities - including the rationales and aims, as well as their implementation - there will be greater opportunity for personalisation and modification. This increased familiarity and comfort should also lead to greater success - success which will be reflected in the learning, the teaching, and the institutional image.

Although concepts like *personalisation* and *flexibility* are stressed in the philosophy behind the Autonomy Approach, there are certain elements which are integral to successful practice. One of these is the concept of ‘*metacognition*’, and the need to recognise the significant role it plays in learning (and to large extent, teaching).

Metacognitive knowledge, ie Learner Beliefs, has been classified according to whether it focuses on the learner (Person), the learning task (Task) or the process of learning (Strategy) [4].

Investigating and describing metacognitive knowledge - the beliefs or knowledge that learners and teachers hold about language learning - is an important

component of the Autonomy Approach. Studies on beliefs about language learning, spanning over three decades, have been instrumental in centralising the role of this construct in the field of second language acquisition.

By gaining a clearer understanding of the beliefs learners hold about language learning, we are offered a window into the varied experiences of our learners and the critical determinants which influence and motivate their behaviour. In other words, if we raise awareness of what learners (and teachers) believe about language learning, then we can develop a more nuanced appreciation of individuals' learning performances - and work towards providing more personalised and effective guidance.

Metacognitive knowledge is a central component of self-directed language learning, affording us not only the knowledge base (theory) for effective individualised learning but also the day-to-day skills needed (practice). Because the influence of this knowledge (beliefs) plays such an integral role, it is important to clarify what exactly it is we are talking about. Traditionally, metacognitive knowledge breaks down into three main types: Person knowledge, Task knowledge and Strategy knowledge.

Person knowledge is made up of: beliefs about both human and cognitive factors that influence either the promotion or prevention of learning (factors such as aptitude, anxiety, cognitive style and motivation); beliefs about proficiency levels in specific skills areas, such as reading, speaking or pronunciation (often based on a history of formal assessments); beliefs about effectiveness as learners (an intuitive understanding of particular strengths and weaknesses); and beliefs about one's capacity to reach specific language learning goals:

- A statement that may be used to determine a language learning belief about language aptitude may say: *“believe that some people are born with a special ability to learn languages”*.

- A statement that may be used to determine a language learning belief about proficiency may say: “ *need to improve my speaking and listening more than my reading and writing*”.
- A statement that may be used to determine a language learning belief about self-efficacy may say: “*am confident in selecting materials useful for my learning*”.

Task knowledge includes information about a task's demands, ie how to learn in general, how to go about doing a particular task, and the knowledge and skills needed to do so [5].

Task knowledge is made up of: beliefs about the nature of specific learning tasks; beliefs about how different tasks fit in with learning needs; and beliefs about how to accomplish specific learning tasks (basically, the ‘what’, ‘why’ and ‘how’ of learning tasks):

- A statement that may be used to determine a language learning belief about the nature of a specific learning task may say: “*To improve my reading fluency, I need to read difficult texts*”.
- A statement that may be used to determine a language learning belief about how to accomplish a specific learning task may say: “*You cannot speak English fluently unless you first memorise a lot of vocabulary*”.

Beliefs about learning strategies are beliefs about when and how to use learning strategies. Although **strategy knowledge** is very similar to task knowledge (and actually considered by some people to be a subset of task knowledge), it is differentiated by the specific role it plays in the implementation and processing of a learning plan or objective:

- A statement that may be used to determine a language learning belief about what a learning strategy is may say: “*I think that writing about my learning activities (reflecting) is a useful way to improve my language learning*”.

- A statement that may be used to determine language learning beliefs about how to use a learning strategy may say: “*To become a good listener, I need to be able to guess the meaning of words sometimes*”.

Here are some examples of metacognitive knowledge in action during the learning process:

- During the *planning* process, **task knowledge** (facilitating the analysis of particular tasks) will assist learners in organising what information they are supposed to learn from a task (and judge if this information is congruent with what they want to learn). It also helps break down the task into smaller parts, highlighting what learners have to do and what potential problems the task presents. **Person knowledge** can play a role in helping learners identify what kinds of things they are interested in (activities they enjoy or don't enjoy) or what they know and what they don't know about a topic or language skill [3].
- During the *implementing* process, **strategy knowledge** is evident in the actual execution or use of strategies that deal directly with the challenges of a learning plan or a specific task. Also, strategy knowledge can help learners assess the appropriateness of adopting particular learning strategies for particular tasks[2].
- The *monitoring* process is perhaps the most complex of them all. During this stage in the learning, all three aspects of metacognitive knowledge should be coming into play. For example, if an activity involving academic reading is proving to be too difficult, the learner may recall that they have never been ‘good at reading academic articles’. Here, referring back to a belief about one's ability (**person knowledge**) may be a way of making sense of why they are experiencing a problem. **Task knowledge** will play a role when the learner is (internally) assessing how successful they have been in completing the task. Finally, **strategy knowledge**, like task knowledge, also plays a role during the internal assessment of a task; however, the difference is that strategy

knowledge is assessing the task as it is happening (in full swing, so to speak) rather than a retrospective assessment of the outcome.

- During the *evaluating* process, **task knowledge** will also be useful in helping learners to develop a diagnostic activity relevant to their goal and their current situation. As teachers, we can help students at this stage and encourage them to use it, as appropriate: for example, at the onset of the self-directed learning cycle, and at the end of the cycle, to ensure that learners have concrete *evidence* of progress and issues that may have *constrained* progress. Equally significant will be the role task knowledge plays in the *analysis* of the diagnostic activity. The deeper and more specific the analysis, the richer and more specific the understanding will be of one's ability and development [4].

Finally, when talking about self-directed language learning, the differences between metacognitive knowledge and metacognitive strategies need to be made clear. Anita Wenden provides clarity when she states: “Metacognitive knowledge refers to information learners acquire about their learning, while metacognitive strategies, ie planning, monitoring and evaluating, are general skills through which learners manage, direct, regulate, and guide their learning” [5].

To sum up, the Autonomy Approach in language teaching is seen as being most effective when it is subordinated to learning. Since students' assuming responsibility for their own learning is currently viewed as paramount for the health of their learning process, teachers not only find themselves far from being regarded as irrelevant but now they are twice as necessary as before given that they have widened the scope of their professional task to encompass additionally that of optimizing students' learning by teaching learners to learn successfully. In fact, there is a wealth of pedagogical techniques and teaching tools at the disposal of those teachers who are determined to facilitate their students' self-learning.

References:

1. Benson, P 'Autonomy in language teaching and learning' Language Teaching.– 2007. – N (1).– P. 8-10.
2. Mezirow, J. 'How Critical Reflection triggers transformative learning' Fostering Critical Reflection in Adulthood: A guide to transformative and emancipatory learning Jossey-Bass.– 1990.– P.14-17.
3. Mezirow, J. 'A critical theory of adult learning and education' Adult Education Quarterly.– 1981.– N31.– P. 18-19.
4. Wenden, A. L 'Metacognitive knowledge and language learning' 1' Applied Linguistics.– 1998.– N4.– P.207
5. Wenden, A. L 'An introduction to metacognitive knowledge and beliefs in language learning: Beyond the basics' System.– 1999.– N 27(4).– P. 50- 54.

Savina S. The system for assessing the motivation of customs personnel

Система оценки мотивации персонала таможенных органов

Savina Svetlana

Student Department of Social Institute of Management Technology,
Belgorod National Research University

Scientific adviser

Nadutkina I., PhD in Sociology Professor of the Department of Social Technologies Institute of
Management, Belgorod National Research University

Савина Светлана

Студент кафедры социальных технологий института управления,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Научный руководитель

Надуткина И.Э., кандидат социологических наук профессор кафедры социальных
технологий Института управления,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Abstract: In the article the main questions of an estimation of motivation of the personnel in customs bodies are considered: specificity of activity of customs bodies, concept of motivation, system of an estimation of motivation, its methods and necessity for development of customs bodies.

Keywords: customs personnel, specificity of the activities of customs authorities, motivation, the system for assessing the motivation, methods of development motivation.

Аннотация: В статье рассмотрены основные вопросы оценки мотивации персонала в таможенных органах: специфика деятельности таможенных органов, понятие мотивации, системы оценки мотивации, ее методы и необходимость для развития таможенных органов.

Ключевые слова: таможенные органы, специфика деятельности таможенных органов, мотивация, система оценки мотивации, методы развития мотивации.

Важнейшей задачей государства в области кадровой политики является ориентация работников государственных служб на достижение поставленных целей и получение от них максимальной отдачи. Ключевым элементом при этом выступает мотивация персонала как способ повышения производительности труда.

Под мотивацией следует понимать внешнее или внутреннее побуждение человека к деятельности для достижения определенных целей, наличие интересов к ней, а также способы инициирования побуждения. В то же время

мотивация персонала рассматривается и как система мер морального, материального, идеологического и психологического воздействия на кадры, которая достаточно адекватно отражает их ценности, установки и поведение в работе и коллективе и направлена на достижение общих для организации целей [3, с. 128].

Под системой мотивации персонала понимается совокупность мероприятий, включающих стимулирование труда, развитие персонала, стабилизацию коллектива, социальные программы и прочее и направленных на достижение высоких результатов в работе организации и на рост эффективности ее деятельности в целом, а также на обеспечение удовлетворенности работников. Систему мотивации персонала так же можно рассматривать как комплекс элементов в рамках социально-трудовых отношений в организации, который обеспечивает высокий уровень эффективности труда и удовлетворенности трудом [2, с. 235].

В настоящее время в связи с реформированием таможенной системы в РФ наряду с проблемой повышения мотивации стоит и проблема отсутствия встроенной системы оценки мотивации персонала таможенных органов. Обращаясь к данной проблеме сперва следует отметить специфику таможенной деятельности, оказывающей влияние на персонал.

Во-первых, таможенные органы в России выступают как органы государственного контроля, координирующие перемещение товаров, услуг и пассажиров через таможенную границу, а также совмещающие в своей деятельности как исполнительные, так и распорядительные функции государства. Во-вторых, таможенные органы являются также и правоохранительными органами с определенной компетенцией [5]. В-третьих, сотрудники таможенных органов являются государственными гражданскими служащими, поэтому их профессиональная деятельность направлена, прежде всего, на реализацию общенациональных интересов. И в-четвертых, работа

персонала таможенных органов отличается высокой ответственностью должностных лиц за принимаемые решения, их реализацию, итоги и последствия, жесткой нормативной регламентацией трудовой деятельности, а также необходимостью проявления интеллектуального и творческого потенциала для решения различных задач [7, с. 55].

Таким образом, особенности таможенной службы как государственной структуры накладывают некоторую специфичность на разработку системы оценки мотивации персонала таможенных органов. Данный процесс предполагает, прежде всего, определение и анализ особенностей корпоративной культуры, стиля управления, эмоциональной атмосферы в коллективе и ряда других параметров [3, с. 127].

Система оценки мотивации персонала таможенных органов представляет собой комплекс мероприятий в составе общей оценки персонала, направленных на выявление степени заинтересованности сотрудников таможенных органов в достижении определенных результатов деятельности, а также факторов на нее влияющих. Данное понятие можно подразделить на две части: первичная и вторичная оценка мотивации персонала [4].

Первичная оценка мотивации персонала проводится перед приемом на работу и направлена на выявление заинтересованности человека в данной профессиональной деятельности, в данном рабочем месте, его готовности к продуктивной работе, к дальнейшему обучению и развитию. Если оценка мотивации проводится не формально, с ее помощью уже на этом этапе можно будет выявить перспективных сотрудников, готовых полностью использовать свой потенциал, развивать имеющиеся и приобретать новые профессиональные и личностные компетенции. Это позволит решить вопрос о целесообразности инвестиций в обучение сотрудника.

Вторичная оценка мотивации персонала проводится с регулярной периодичностью уже среди работающих в организации. Ее целью является не

только оценка эффективности мотивации персонала, необходимая для оптимизации управления кадрами, но и выявление имеющейся у конкретных работников, проявивших свои способности, заинтересованности в дальнейшем карьерном росте, развитии и обучении. Вторичная оценка позволяет мониторить изменение мотивирующих факторов, а также выявлять среди сотрудников тех, кто стремится работать над собой, приобретать новые качества и навыки, необходимые как для повышения эффективности работы, так и для дальнейшего карьерного роста.

Поскольку мотивация явление управляемое, оценка системы мотивации персонала таможенных органов должна проводиться регулярно. При этом можно использовать следующие методы оценки мотивации персонала:

1. метод опроса - используется для оценивания степени удовлетворенности персонала. Основными формами опроса являются анкетирование и интервьюирование. К достоинствам метода можно отнести простоту и доступность, к недостаткам - ответы могут даваться не совсем искренне, с учетом фактора «социальных ожиданий» - с оглядкой на мнение коллег и руководства.

2. метод психологического тестирования - позволяет с высокой степенью объективности получить представление о характерологических чертах (свойствах) конкретной личности, в том числе, например, нацеленность сотрудника на достижение успеха. К недостаткам данного метода следует отнести влияние испытуемых на результат, если им становится известно содержание теста или те критерии, по которым производится оценка.

3. метод проектного тестирования - акцент ставится на диагностику скрытой мотивации персонала, причем скрытой, в том числе, и для самого подчиненного. К недостаткам можно отнести необходимость высокой профессиональной квалификации интервьюера, наличие у него достаточного опыта, чтобы грамотно интерпретировать полученные ответы.

4. нестандартные методы и методики, например, видеонаблюдение [4].

Важно отметить, что оценка мотивации персонала в таможенных органах должна проводиться достаточно корректно, т. е. соизмерять произведенные затраты и полученные результаты. Для этого необходимо определять критерии, по которым она будет проводиться. Можно использовать один из трех предложенных подходов или же их комбинацию:

1) эффективность применяемой системы мотивации может быть оценена по тому, как быстро удалось достичь определенных результатов в деятельности таможенных органов;

2) критерием могут стать минимальные затраты, позволившие добиться этих результатов;

3) оценить можно и по тому, насколько оптимальной была комбинация мотивирующих факторов, с помощью которых удалось обеспечить достижение результата [4].

При этом основным критерием в любом случае будет минимизация затрат, направленных на достижение поставленной цели, в то же время ключевая задача - получение не только экономического, но и социального эффекта - выявление перспективных сотрудников и повышение качества кадрового состава [5].

Система мотивации персонала в таможенных органах в большей степени ориентирована на материальный фактор, хотя доказано, что использование только материального мотивирования ведет к снижению заинтересованности в профессиональной деятельности. Конечно, нельзя отрицать, что мотивация на основе материальных ценностей, является базовой. Однако материальная мотивация таможенных органов должна быть максимально дополнена и другими видами мотивации. При этом необходимо разграничение понятий стимулирования и мотивации [6].

Стимул - это внешнее побуждение к деятельности, эффект которого опосредован психикой человека, его взглядами, чувствами, интересами, стремлениями. Стимулы - это блага, которые могут удовлетворить потребности сотрудника при выполнении им определенных действий [8, с. 55]. Мотив - это преимущественно осознанное внутреннее побуждение человека к активной, плодотворной работе, основанное на удовлетворении важных для человека потребностей [3, с. 128]. Стимулы характеризуют определенные блага, а мотивы - стремление человека получить их. Отсюда, стимул не тождественен мотиву, хотя в ряде случаев может превращаться в мотив.

Поэтому система мотивации в таможенных органах должна в меньшей мере основываться на материальном вознаграждении и в большей мере - на мотивации и стимулах не денежного характера, например: престижность, выполнение важной работы, стабильность, возможность дальнейшей карьеры [7, с. 55], а так же реструктуризация работы, расширение должностных обязанностей, ротация сотрудников на регулярной основе, решение проблем в рабочих группах, саморазвивающихся группах, обучение, развитие и дополнительная подготовка [7, с. 415-416], общественные и культурные мероприятия для сотрудников и членов их семей [1, с. 233]. Так же необходимо учитывать мотивы социально-психологического характера и содействовать проявлению инновационно-творческой самостоятельности работников [7, с. 417].

Таким образом, следует признать, что в современной работе кадровых служб таможенных органов, на сегодняшний день отсутствует встроенная система оценки мотивации персонала таможенных органов, не ведется тестирование мотивационной сферы сотрудников [6]. Это в свою очередь может внести дисбаланс в работу таможенных органов. С другой стороны, правильно разработанная и налаженная система оценки мотивации персонала - это залог успешной и продуктивной деятельности кадров таможенных органов, а также их

эффективного развития. Поэтому необходимо создать в каждом органе власти "корпоративный университет", функционирующего путем взаимодействия образовательных учреждений и кадровых служб таможни. Его деятельность в обязательном порядке должна основываться на следующих принципах:

- диагностика служащих на соответствие профессиональной модели компетенций с целью выявления потребности знаний и навыков;
- разработка и адаптация обучающих программ, отражающих специфику деятельности министерств и ведомств;
- изучение конкретных примеров деятельности из экономико-управленческой практики организации;
- создание в структуре органа власти отдела обучения, курирующего образовательный процесс;
- накопление и обновление информационной обучающей базы внутри организации;
- системный подход к обучению: согласованность отдельных дисциплин, целостность подачи информации. Такой подход позволит решить задачи повышения мотивации труда, заинтересованности в содержании работы, формирования кадрового резерва и внутриорганизационной культуры.

Внедрить зарубежный опыт, который позволит сформировать стратегическое системное мышление и развитие лидерских качеств руководителей; стажировки в частных компаниях; привлечение индивидуальных наставников. Также информировать государственных служащих относительно их дальнейшего должностного продвижения, наличие индивидуальных планов развития. Соответственно, и административная реформа неотделима от реформы взаимодействия государственного аппарата со структурами гражданского общества [9, с.19-22].

Создать диверсификацию социального пакета служащих, то есть предоставить выбор в допустимых пределах дополнительных вознаграждений, в

наибольшей мере отвечающих их потребностям: предоставить основные и дополнительные гарантии, когда основное, или защитное обеспечение распространяется на всех сотрудников (медицинское страхование, страхование жизни и пенсионные выплаты), а дополнительными льготами (беспроцентная ссуда на приобретение жилья, оплата спортивных занятий, бесплатные обеды и др.) могут воспользоваться госслужащие с определенным стажем работы.

Учитывать также мотивы социально-психологической направленности (укреплять чувство причастности к организации, подтверждать значимость каждого государственного служащего, формировать межличностные коммуникативные связи), содействовать проявлению инновационно-творческой самостоятельности специалистов [10].

References

1. Воробьева, А.А. Система мотивации сотрудников таможенных органов РФ [Текст] / А.А. Воробьева, Б.В. Заливанский // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки - 2016. - № 3. - С. 229-233.
2. Гуликова, М.С. Развитие системы мотивации персонала в таможенных органах [Текст] / М.С. Гуликова, Крайнева Р.К., Лёшина И.С. // NovaInfo.Ru. - 2016. - № 57 (3). - С. 235-239.
3. Мамонтова, Ю.А. Мотивация труда как фактор повышения эффективности процесса управления в таможне [Текст] / Ю.А. Мамонтова, А.Г. Федоров // Вестник Калужского филиала РАНХиГС. - Калуга: «Эйдос», 2015. - С. 127-133.
4. Оценка мотивации персонала: выявляем перспективных сотрудников [Электронный ресурс]: Электронный практический журнал по управлению человеческими ресурсами «Директор по персоналу» [сайт]. - Режим доступа: <http://www.hr-director.ru/article/66571-qqq-17-m3-otsenka-motivatsii-personala-vyyavlyaem-perspektivnyh-sotrudnikov?ustp=W>

5. Надуткина И.Э., Трапезников С.В., Шовгеня С.А. Региональная специфика корпоративной культуры инновационно-ориентированной организации / Надуткина И.Э., Трапезников С.В., Шовгеня С.А. // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 7 (31). С. 126-135.
6. Палицына, Е.А. Мотивация персонала в таможенных органах [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. - 2014. - № 10. - Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2014/10/39589>.
7. Рогачева, К. Б. Проектные предложения по совершенствованию мотивации трудовой деятельности в таможенных органах [Текст] /К.Б. Рогачева // Молодой ученый. — 2015. — №4. — С. 415-417.
8. Семенова, Н.К. Особенности мотивации труда в таможенных органах [Текст] / Н.К. Семенова // академический вестник - 2015. - № 2 (10). - С. 55-59.
9. Мельникова Р.И., Надуткина И.Э. Кадровый резерв на муниципальной службе: проектный подход к формированию // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – № 22(193). – С. 19-22.
10. Мотивация сотрудников таможенной службы. – Режим доступа: <http://www.bestreferat.ru/referat-257461.html>

SECTION 7. EDUCATIONAL AND COMMUNICATION STUDIES

UDC 371.2

Agalyyeva G., Payzyyeva A. Comparative analysis of educational systems of Russia and Turkmenistan (in primary school)

Сравнительный анализ образовательных систем России и Туркменистана
(на уровне начальной школы)

Agalyyeva Guncha

Student 2 courses of a direction "Pedagogical education"
provisioning profile "Primary education"
Kalmyk state University. BB Gorodovikov

Payzyyeva Ayshat

Student 2 courses of a direction "Pedagogical education"
provisioning profile "Primary education"
Kalmyk state University. BB Gorodovikov

Scientific adviser:

Krasnokutskaya O. A., candidate of pedagogic Sciences,
docent of Department of pedagogy
Kalmyk state University. BB Gorodovikov

Агалыева Гунча

Студентка 2 курса направления «Педагогическое образование»
профиль подготовки «Начальное образование»
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова

Пайзыева Айшат

Студентка 2 курса направления «Педагогическое образование»
профиль подготовки «Начальное образование»
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова

Научный руководитель

Краснокутская О.А., к.п.н., доцент кафедры педагогики
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова

Abstract: Understanding primary education as the Foundation of all education of the individual requires an analysis of its structural, content and temporal organization. The article compares the initial education of the Russian Federation and Turkmenistan.

Keywords: primary education, standard terms, contents.

Аннотация: Понимание начального образования как фундамента всего образования личности, требует анализа его структурной, содержательной и временной организации. В статье сравнивается начальное образование Российской Федерации и Туркменистана.

Ключевые слова: начальное образование, нормативные сроки, содержание.

Современный уровень развития человеческой цивилизации диктует необходимость в пересмотре содержания образования подрастающего поколения, совершенствовании образовательного процесса, разработки и внедрения новых технологий обучения. Все более востребована в обществе конкурентоспособная личность, соответствующая новому уровню развития науки, производства, культуры. Закономерно, что проблемы образования всегда занимали важнейшее место в деятельности любого государства: именно образование является одним из основополагающих средств воспроизводства и развития культуры общества и человека, духовного, интеллектуального и профессионального потенциалов социума. В этой связи становится актуальной проблема обновления образования, развитие образовательных систем с учетом наилучших мировых достижений.

Хорошее образование у всех народов является одной из важных жизненных ценностей, и в то же время, образование в разных странах имеет свои национальные традиции. Изучение и сравнение образовательных систем в разных странах позволяет определить предпосылки и тенденции формирования единого мирового пространства.

Образование в России, в соответствии с Законом Российской Федерации «Об образовании» (№273 от 29.12.12 г.) представляет собой непрерывную систему последовательных уровней, на каждом из которых образовательную деятельность осуществляют государственные и негосударственные образовательные учреждения разных типов и видов. К ним относятся дошкольные и общеобразовательные учреждения, учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; профессиональные образовательные учреждения разных уровней, учреждения дополнительного образования и другие подобные учреждения.

Регулирует деятельность государственных и негосударственных образовательных учреждений Типовое положение, утвержденное Правительством РФ. На основе Типового положения разрабатываются Уставы образовательных учреждений.

Одним из главных элементов современного образования является школьное образование, формирующее у ребенка базовые знания и навыки.

Стандартный курс общего образования ребенок получает в «средней школе». Наряду со «средними школами» в России существуют школы, дающие углубленные знания по отдельным предметам (например, школа с углубленным изучением математики, иностранных языков и т.п.), или школы, в которых помимо обязательного курса вводятся собственные дисциплины – это лицеи и гимназии.

Согласно Конституции РФ, начальное и основное общее образование в школе является обязательным для всех. Обучение в государственных средних школах является бесплатным, а полный курс обучения занимает 11 лет.

Нормативные сроки освоения общеобразовательных программ всех ступеней общего образования следующие:

I ступень (начальное общее образование) - 4 года;

II ступень (основное общее образование) – 5 лет;

III ступень (среднее (полное) общее образование) - 2 года.

Получение образования имеет ограничение учебного времени учащегося, согласно Федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС).

В начальной школе учащиеся обучаются 4 года – с 1-го по 4-ый класс. Основной задачей начальной школы является создание «фундамента» всего последующего обучения. В соответствии с ФГОС начального общего образования (1-4 классы) в младших классах формируются УУД (универсальные учебные действия), познавательная мотивация, способность к сотрудничеству,

закладывается основа учебной деятельности учащихся и нравственного поведения. Учащиеся приобретают базовый набор знаний и умений в филологии (русский язык, родной язык, иностранный язык, литературное чтение), в математике и информатике, обществе и естествознании, основах духовно-нравственной культуры народов России, искусстве (изобразительное искусство и музыка), в технологии и физической культуре.

Преподавание в начальных классах, как правило, ведет один учитель – классный руководитель, исключение составляют такие предметы как музыка, физическая культура и иностранные языки.

Русский язык является государственным языком, в соответствии с этим положением, все предметы, изучаемые в школе, проводятся на родном языке – русском, кроме тех предметов, где обучают иностранным языкам.

В Туркменистане образованию уделяется огромное внимание со стороны правительства и руководства страны. Лозунг страны, определяющий место образования в Туркменистане определяют слова: «Oka! Owren! Doret!» что в переводе означает “Учись! Читай! Твори!” и делается многое для образования молодёжи и детей.

Образование в Туркменистане осуществляется в соответствии с Законом об Образовании (принятый Меджлисом от 3.05.13 г. № 391-IV). Право на образование является одним из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан Туркменистана. Образование является непрерывным. Так же, как и в Российской Федерации, в Туркменистане существует сеть учебных заведений таких как: дошкольные, общеобразовательные, дом-сироты, школы для детей с ограниченными возможностями, школы-интернаты, а также высшие учебные заведения. Наряду с государственными, в Туркменистане существуют и частные образовательные учреждения, такие как «Пайхас», «Центр языков», утверждённые Министерством образования Туркменистана. В соответствии с

Законом об Образовании, названным министерством утверждаются учебные программы в этих учебных заведениях.

Общеобразовательную программу ребёнок получает в школе. Помимо общеобразовательных школ есть и специализированные школы, где классы разделены на гуманитарные и естественнонаучные направления.

Согласно закону Туркменистана, начальное и основное общее образование в школе является обязательным для всех. Обучение в государственных средних школах является бесплатным, дети идут в школу в 6 лет, а полное обучение длится 11 лет.

Система образования в общеобразовательных школах имеет следующий вид:

Начальное образование – 1- 4 классы

Основное среднее и общее среднее образование - с 5 по 11 классы.

Образовательная программа составляется и утверждается Кабинетом Министров Туркменистана.

Туркменский язык, как государственный, является основным языком (исключение составляют иностранные языки) обучения и воспитания в образовательных учреждениях всех типов, независимо от их форм собственности. В Туркменистане имеются и так называемые смешанные школы, в которых есть русские классы: в них уроки проходят на русском языке, а туркменский язык и туркменская литература являются обязательными предметами.

Нормативный срок освоения образовательных программ начального образования составляет не менее четырёх лет.

В младших классах у детей формируют личностные качества учащегося, развивают его индивидуальные способности и умения в учебной деятельности, в том числе овладение чтением, письмом, счётом, элементами теоретического

мышления, простейшими навыками самоконтроля, культурой поведения и речи, основами личной гигиены и здорового образа жизни.

Начальное образование завершается переходом к обучению по образовательным программам основного среднего образования. Уроки длятся в первом классе по 35 мин, а в старших классах по 45 мин.

Учащиеся овладевают базовым набором знаний и умений в филологии (туркменский язык, иностранные языки, литературное чтение), в математике и информатике, обществе и естествознании, основах духовно-нравственной культуры, искусстве (изобразительное искусство и музыка), в технологии и физической культуре.

Проанализировав современные тенденции развития систем образования России и Туркменистана, можно сделать вывод, что каждая из этих стран обладает определенными сложившимися традициями в области образования, которые связаны с особенностями их социально-экономического развития, историческими и национальными условиями. Но в то же время они обладают и определенным сходством проблем реформирования школы, связанных с модернизацией содержания образования, что приводит к объединению усилий всего мирового сообщества для разрешения данных проблем. Следовательно, можно сказать, что сравнительный анализ различных систем образования и выявление конкретных подходов к содержанию образования дают возможность выделить предпосылки и тенденции формирования единого образовательного пространства.

В целом, проведенный анализ дает нам представление о большой схожести образовательных систем двух государств, и вместе с тем, становится очевидной необходимость осмысления реальных проблем образования в современных условиях. Это обуславливает необходимость пересмотра специфических особенностей уже сложившихся систем образования, выявления

основных тенденций их реформирования, возможности оценки современной образовательной ситуации в мире.

References

1. <http://минобрнауки.рф>
2. <http://www.turkmenistan.gov.tm>

Aleokhina A.R., Tatarnikova I.V. On some aspects of building business communication competence in English

О некоторых аспектах формирования компетенции делового общения на английском языке

Aleokhina Anastasia

Crimean Federal University, Simferopol
nastya.un@mail.ru

Tatarnikova Irina

Crimean Federal University, Simferopol
tatarnikova.i@ukr.net

Алёхина Анастасия Руслановна

Крымский федеральный университет, г. Симферополь

Татарникова Ирина Викторовна

Крымский федеральный университет, г. Симферополь

Abstract. The article presents the results of research focused on studying possibilities of the application of some methodic options aimed at the formation of communicative competence in the sphere of business communication through the English language. The content analysis of manuals published by a number of foreign publishing houses and methodical recommendations for teaching which are incorporated in them has resulted in the delineation of topics for the structural units of the course to be implemented through lectures and practical classes in the framework of which the further optimization of teaching Business English in higher educational institutions with a linguistic bias is deemed to be possible.

Keywords: business communication competence, Business English, speech etiquette formulae

Аннотация. В статье представлены результаты изучения возможностей использования некоторых методических приемов для формирования коммуникативной компетенции в сфере делового общения на английском языке. На основе анализа содержания учебников ряда зарубежных издательств и методических рекомендаций к ним была определена тематика разделов лекционно-практического курса, в рамках которого предполагается оптимизировать процесс обучения деловому английскому в языковом вузе.

Ключевые слова: компетенция делового общения, деловой английский язык, формулы речевого этикета

Being conditioned by the globalization of modern social processes, studying Business English in all the versatility of its verbal and non-verbal aspects has obtained particular topicality. This fact testifies to the necessity of optimizing the acquisition of communicative strategies of the main foreign language through Business English being

included into the academic course as its integral part at a more advanced level of learning.

The article suggests a feasible layout of thematically-focused units for the development of relevant types of competencies which are required for business communication and presents some recommendations for the organization of learning activities for students in their mastering oral and written forms of speech communication in simulation games based on the most typical business-related settings.

The assessment of the academic curriculum at higher educational institutions with a linguistic bias shows that it is expedient to start the building of Business English communication competence which appears to have an interdisciplinary character in the fourth year of studies when students have already acquired all the core skills and competencies which are necessary for proficient foreign-language communication in different registers (formal/ informal) and are able to consciously modify their utterances in different extralinguistic settings.

The information basis for mastering Business English is build up due to academic lectures in economics and mass-media articles in the native tongue.

It is possible to conduct teaching Business English to philology students through the usage of the relevant sections and video supplements, which are available in manuals of English publishing houses [1; 3; 4; 6; 7] and which promote the enhancement of informative and situational authenticity. The materials can be presented in the form of a series of lectures and practical classes covering the following topics which first of all encompass peculiarities of forms of oral and written communication in business situations with the appropriate teaching recommendations. These topics cover (a) effective face-to-face speaking; (b) making phone calls and taking messages; (c) writing letters, telegrams, e-mail messages and memos; (d) writing reports, an agenda and minutes.

In order to introduce students to the most important realia of contemporary world economy, relevant economic issues of the home market and ways of their rendering from English into Russian and otherwise it is expedient to include into the Business English course curriculum the following topics: (a) company organisation; (b) applying for a job; (c) marketing strategy, prices, profits, taxes; (d) export/ import operations; (e) terms of delivery; documentation; agents; after-sales service; (f) methods of payment; (g) banking systems; bank operations; (h) stock exchanges, commodity exchanges, financial exchanges; (i) dealings in securities, commodities and currencies; (j) going through the customs.

The organization of study work of philology students for developing Business English skills presupposes the usage of different kinds of assignments. As for practical classes they may be focused on problem-solving communicative exercises and tasks in the framework of role-playing. The subject-matter of such classes can deal with speech etiquette formulae with students' expressing their opinion about (a) impromptu and extensive writing approaches to preparing a speech and (b) the impact of body language and voice variables on business interaction. The utterances may vary in duration. Such a discussion may be proceeded by pair and group work in the process of which students practice lexical clichés, grammar structures and terminology characteristic for business simulation situations.

The overview of research dedicated to the peculiarities of male and female speech, their stereotypes and social expectations usually arouses keen students' interest. The lecture material can be further developed by giving students problematic assignments on the basis of which they prepare their own reports which reveal national specific features of communication in single-sex and mixed-sex dyads with interlocutors having different social status.

Role plays which differ in their communicative purpose depending on the level of students' linguistic proficiency appear to be an effective means of mastering terminology and linguistic competencies in foreign-language business interaction. The

contents of role plays may vary in accordance with the thematic component of each lesson. Business games may include telephone negotiations, press conferences, sittings of members of board meetings, job interviews and the like. Such role plays are a kind of a prelude to students' interpreting practice.

The thematic stricture of the course presupposes the development of skills of practising commercial correspondence within the whole period of studies.

The basis of such technical writing is represented by the assimilation of structures and lexico-grammatical patterns of samples of documents and doing appropriate exercises which are suggested by F. W. King, D. A. Cree in their manual «English Business Letters: Commercial Correspondence for Foreign Students» [5]. Practical recommendations of other authors [2; 8] the works of which have been highly estimated by direct users are also to be taken into account.

In the process of building business communication competence, it is necessary to pay attention to the fact that business interaction is densely saturated with economic terms. Because of this it is expedient to elucidate the meaning of economic terms in the process of lecturing. One of the options is giving students printouts with Russian economic terms before each lecture. These terms are printed in random order and students are set with the task of finding English equivalents for them in the text of the lecture.

Moreover, philology students can perform some other assignments which incorporate answering their teacher's questions, Russian-English translating sentences which contain additional information on the topic studied, commenting on an article with an economic bias taken from English or Russian mass media with the usage of key words and expressions, getting acquainted with additional economic literature in order to prepare for participation in role plays.

The above-mentioned exercises alongside with different kinds of tests performed by students in the practical part of the course can consolidate knowledge

obtained by students in the course of lectures and can contribute to the formation and development of skills and competencies of Business English interaction.

References

1. Appleby R., Watkins F. International Express: Upper Intermediate. – Oxford : OUP, 2013. – 167 p.
2. Garner B. A. HBR Guide to Better Business Writing. Boston (Mass.) : Harvard Business Review Press, 2013. - 240 p.
3. Handford M., Lisboa M., Koester A., Pitt A. Business Advantage. - Cambridge: CUP, 2011. - 192 p.
4. Jones L., Alexander R. New International Business English. Student's Book: Communication Skills in English for Business Purposes. - Cambridge : CUP, 2011. - 178 p.
5. King F. W., Cree D. A. English Business Letters: Commercial Correspondence for Foreign Students. - Harlow : Longman, 1979. - 168 p.
6. Mackenzie I. English for Business Studies. - Cambridge : CUP, 2010. - 191 p.
7. Rogers L. Skills for Business Studies : Upper-intermediate. - Oxford : OUP, 2012. – 80 p.
8. Roman K., Raphaelson J. Writing that Works: How to Communicate Effectively in Business. - N.Y. : HarperCollins Publishers, Inc., 2000. - 193 p.

Bezuglaya T.I. Scientific aspects of ensuring psychological health

Научные аспекты обеспечения психологического здоровья

Bezuglaya Tatiana

Ph.D., Associate Professor, Institute of Human Sciences,
Baltic federal university of a name of Immanuel Kant

Безуглая Татьяна

кандидат педагогических наук,
доцент Института гуманитарных наук
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта,

Abstract: Mental health problem attracted and attracts the attention of many researchers from various fields of science and practice: doctors, psychologists, teachers, philosophers, sociologists and so on. There are many approaches to understanding and solving this problem.

We have identified factors that provide mental health. The development of each of the psychological qualities depends on all these factors. Among these factors are heredity, the environment, education and training, work, activity of the person. All the factors act in an organic unity.

The article is devoted to defining the essence of psychological health; presentation of the views of various scientific schools on the interpretation of this concept; allocation of factors that have a beneficial and adverse effects on psychological health. Definition of the essence of the scientific concept of «mental health». Defined the essential characteristics of the concept of «mental health», listed factors ensure psychological health. In article the theoretical analysis and synthesis of scientific information.

The resulting study data could form the basis of training programs psychological and pedagogical direction of higher pedagogical school.

Keywords: psychological health, mental health, age periodization, sensitive periods, psychic development, personal development, personality development.

Аннотация. Проблема психологического здоровья привлекала и привлекает внимание многих исследователей из самых разных областей науки и практики: медиков, психологов, педагогов, философов, социологов и других. Существует много подходов к пониманию и решению этой проблемы.

Нами определены факторы, обеспечивающие психологическое здоровье человека. Развитие каждого из психологических качеств зависит от всех этих факторов. Таковыми факторами являются наследственность, среда, обучение и воспитание, деятельность, активность самого человека. Все факторы выступают в органическом единстве.

Статья посвящена определению сущности психологического здоровья; представлению взглядов различных научных школ на трактовку этого понятия; выделению факторов, оказывающих благоприятное и неблагоприятное влияние на психологическое здоровье. Определены сущностные характеристики понятия «психологическое здоровье», указаны

факторы обеспечения психологического здоровья. В статье использовались теоретический анализ и синтез научной информации.

Полученные в результате исследования данные могут служить основанием учебных программ психолого-педагогического направления высшей педагогической школы.

Ключевые слова: психологическое здоровье, психическое здоровье, возрастная периодизация, сензитивные периоды, психическое развитие, личностное развитие, развитие индивидуальности.

Выдвижение проблемы обеспечения здоровья в число приоритетных задач общественного развития обуславливает актуальность теоретической ее разработки, поиска путей оптимизации и сохранения здоровья. В «Энциклопедическом словаре медицинских терминов» понятие «здоровье» определяется как «...состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических недостатков» [14, с. 391]. В основу данного определения положена категория состояния здоровья, которая оценивается по трем основным уровням: *физическому* (совершенствование саморегуляции в организме, гармония физиологических процессов, максимальная адаптация к окружающей среде); *психическому* (основная стратегия жизни человека, степень господства человека над обстоятельствами); *социальному* (мера трудоспособности, социальной активности человека; его активное, деятельное отношение к миру) [7].

Уточняя сущность понятия «психологическое здоровье» мы определили его соотношение с понятием «психическое здоровье». Термин «психическое здоровье» был впервые введен Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). В докладе Комитета экспертов ВОЗ «Психическое здоровье и психосоциальное развитие детей» (1979) сказано о том, что нарушения психического здоровья связаны как с соматическими заболеваниями или дефектами физического развития, так и с различными неблагоприятными факторами и стрессами, воздействующими на психику и связанными с социальными условиями [11]. При этом в определении подчеркивается состояние нездоровья.

Термин «психическое здоровье» неоднозначен, он как бы связывает собою две науки и две области практики - медицинскую и психологическую. В последние десятилетия на пересечении медицины и психологии возникла особая научная отрасль - *психосоматическая медицина*, в основе которой лежит понимание того, что любое соматическое нарушение всегда так или иначе связано с изменениями в психическом состоянии. В свою очередь, психические состояния становятся главной причиной соматического заболевания или являются как бы толчком, ведущим к болезни. Иногда особенности психики воздействуют на протекание болезни, иногда физические недуги вызывают психические переживания и *психологический дискомфорт*. [10, с. 29].

Анализ литературы показал, что *проблема психического здоровья привлекала и привлекает внимание многих исследователей из самых разных областей науки и практики: медиков, психологов, педагогов, философов, социологов и других. Существует много подходов к пониманию и решению этой проблемы.* Так, А. Маслоу рассматривал проблему психического здоровья с точки зрения полноты, богатства развития личности. В его концепции - две составляющие психического здоровья: *первая составляющая* - это стремление людей быть «всеми, чем они могут», развивать весь свой потенциал через *самоактуализацию и самосовершенствование*. *Вторая составляющая* психического здоровья - *стремление к гуманистическим ценностям*. Маслоу считал, что самоактуализирующейся личности присущи такие качества, как: принятие других, автономия, спонтанность, чувствительность к прекрасному, чувство юмора, альтруизм, желание улучшить человечество, склонность к творчеству [9].

Проблему психического здоровья в контексте развития зрелой личности рассматривали и другие крупные ученые, но несколько иначе. В. Франкл в толковании идеи стремления к смыслу солидаризируется с Ш. Бюллер, согласно теории которой, полнота, степень самоисполненности зависит от способности

индивида ставить такие цели, которые наиболее адекватны его внутренней сути. Такая способность называется у Бюллер *самоопределением* и *самоосуществлением*. Именно обладание такими жизненными целями является условием сохранения психического здоровья. Причем под самоосуществлением Ш. Бюллер имеет в виду осуществление смысла, а не осуществление себя и самоактуализацию. Самоактуализация - это не конечное предназначение человека, утверждает В. Франкл. [14, с. 56].

Почти во всех психологических словарях термин «психическое здоровье» отсутствует. Лишь в словаре под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского (1990) «психическое здоровье» рассматривается как «состояние душевного благополучия, характеризующееся отсутствием болезненных психических явлений и обеспечивающих адекватную условиям окружающей действительности регуляцию поведения и деятельности». [13, с. 390]

Почему понадобилось введение еще одного понятия - «психологическое здоровье» и в какой связи оно находится со здоровьем психическим? В последнее время рассмотрению и изучению проблемы психологического здоровья уделяется очень большое внимание. Этот вопрос глубоко изучался И.В. Дубровиной, Н.И. Гуткиной, Д.В. Лубовским и другими учеными. По их мнению, понятие «психологическое здоровье», более глубокое по своей сути, чем понятие «психическое здоровье». Следуя утверждению И.В. Дубровиной (1999), *основу психического здоровья* составляет полноценное развитие высших психических функций, психических процессов и механизмов. *Основу психологического здоровья* - развитие личности и индивидуальности. Психологическое здоровье относится к личности в целом, находится в тесной связи с высшим проявлением человеческого духа. Психологическое здоровье неразрывно связано со здоровьем психическим. По мнению И.В. Дубровиной, если забота проявляется только о психическом здоровье и не проявляется о

психологическом, духовном, тогда происходит нарушение взаимоотношений человека с миром. [11]

Понятие «психологическое здоровье» позволяет выделить и психологический аспект проблемы психического здоровья, в отличие от медицинского, социологического, философского и других. Психологическое здоровье предполагает: интерес человека к жизни, свободу мысли и инициативу, веру в себя и уважение другого, творчество в самых разных сферах жизни и деятельности.

«Психологическое здоровье делает личность самодостаточной... Человек сам способен, в соответствии с возрастом овладевать средствами самопонимания, самопринятия и саморазвития в контексте взаимодействия с окружающими его людьми и в условиях культурных, социальных, экономических и экологических реальностей окружающего мира» [11, с. 8].

Таким образом, понятие «психическое здоровье» входит в понятие «психологическое здоровье». Основу психологического здоровья составляет психологическое развитие. По мнению И.В. Дубровиной, М.Р. Битяновой и других ученых, *психологическое развитие* можно определить как: *психическое развитие, личностное развитие, развитие индивидуальности*. Понятие «психологическое развитие» включает в себя понятие «психическое развитие» и является наиболее обобщенным.

Нарушения психического здоровья (основу которого составляет психическое развитие) возникает тогда, когда своевременно не реализуются возрастные и индивидуальные возможности человека, игнорируются условия формирования возрастных психологических новообразований на том или ином этапе онтогенеза. Это происходит потому, что в каждом возрастном периоде жизни у человека возникают определенные потребности в деятельности, общении, познании. Нарушения в развитии его психических способностей мешают удовлетворению этих потребностей, так как тормозят поступательное

взаимодействие человека с окружающим миром, людьми, культурой, природой, чем провоцируется депривационная ситуация («депривация», от англ. *deprivation* - лишение утрата; в медицине: недостаточность удовлетворения каких-либо потребностей организма [2, с. 187]. Эти нарушения влекут за собой и нарушения психологического развития. Поэтому психическое здоровье требует постоянного анализа и, в случае необходимости, корректировки среды, имеющей специфические особенности для каждого возрастного периода и для каждого конкретного человека, вступившего в данный период [9, с. 31]. Изучению этого вопроса, относительно дошкольного возраста была посвящена диссертация Т.И. Безуглой [1].

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что *основу психологического здоровья составляет полноценное психологическое развитие. Основу полноценного психологического развития составляют развитие психическое, то есть развитие высших психических функций, психических процессов и механизмов в соответствии с возрастными нормами на каждом этапе онтогенеза, развитие личности и развитие индивидуальности.*

В соответствии с возрастной периодизацией Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, являющаяся одним из научных взглядов на предмет периодизации возрастного развития, развитие человека проходит ряд последовательно сменяющих друг друга периодов. Каждый из периодов характеризуется своими психофизиологическими особенностями и определенной продолжительностью. [3]

Отечественная наука исходит из положения Л.С. Выготского о том, что возрастная периодизация должна основываться на сущности самого процесса развития. Говоря о развитии ребенка, он указывал на то, что суть процесса развития заключается в присвоении человеком социально-исторического опыта в ходе организованной деятельности и общения [3, с. 338]. В отечественной науке выделяются два принципа в подходе к развитию человека (ребенка):

принцип историзма (Л.С. Выготский) и принцип развития в деятельности (А.Н. Леонтьев). [8]

Возрастная периодизация определяет разрешение проблемы сензитивности отдельных периодов детского развития. *Сензитивные* - это такие периоды онтогенетического развития, в которых развивающийся организм бывает особенно чувствителен к, определенного рода, влияниям окружающей действительности, это наиболее благоприятные, оптимальные сроки для развития определенных психических процессов и свойств [4, с. 203]

Развитие организма в целом и психики, в частности, у разных людей протекает неодинаково и зависит от следующих *общих факторов*: наследственность, среда, обучение и воспитание, деятельность, активность самого человека. [5]

Все факторы психологического развития действуют в комплексе. Нет ни одного психического качества, развитие которого зависело бы только от одного из факторов. Факторы выступают в органическом единстве [11, с. 48].

Необходимо также рассмотреть факторы, оказывающие неблагоприятное влияние на психологическое здоровье. Эти факторы были выделены А.И. Захаровым и распределены им по трем группам. [6]

1. *Социально-культурные факторы*, оказывающих неблагоприятное влияние на психологическое здоровье, обусловлены ускорением темпа современной жизни, дефицитом времени, недостаточными условиями для снятия эмоционального напряжения и расслабления. Следствием этого являются чрезмерная загруженность родителей, их невротизация, появление множества личностных проблем в сочетании с недостаточной осведомленностью о путях решения внутриличностных конфликтов и о возможностях психологической и психотерапевтической помощи. Подобная личностная дисгармония родителей находит свое отражение в развитии детей и оказывает негативное влияние на их психику. [6]

2. *Социально-экономические* факторы, среди которых А.И. Захаров выделяет такие, как неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, занятость родителей, ранний выход матери на работу и помещение ребенка в образовательные организации в раннем возрасте. Эти факторы отрицательно влияют на эмоциональную атмосферу в семье и на психическое состояние ее членов. [6]

3. *К социально-психологическим* факторам, влияющим на психологическое здоровье детей, относятся прежде всего такие, как дисгармония семейных отношений и дисгармония семейного воспитания, а также нарушения в сфере детско-родительских отношений [6, с.20-21].

Необходимо отметить тот факт, что в ряде научных исследований (И.В. Дубровина, Н.И. Гуткина, Т.В. Вохмянина, А.Б. Николаева, А.А. Воронова) психологическое здоровье соотносится с переживанием *психологического комфорта* и *психологического дискомфорта* [11]. Психологический дискомфорт возникает в результате *фрустрации* одной или нескольких потребностей, приводящей к *депривации*, а стало быть, и к психологическому нездоровью. «Фрустрация (от лат. *frustratio* - обман, тщетное ожидание) - психическое состояние, вызванное неуспехом в удовлетворении потребности, желания» [12, с. 406]. Состояние фрустрации сопровождается различными отрицательными переживаниями: разочарованием, раздражением, тревогой, отчаянием и др. Фрустрации возникают в ситуациях конфликта, когда, например, удовлетворение потребности наталкивается на непреодолимые или труднопреодолимые преграды. Высокий уровень фрустрации приводит к дезорганизации деятельности и снижению ее эффективности. Возникновение фрустрации не только обусловлено объективной ситуацией, но и зависит от особенностей личности [12].

Таким образом, мы определили сущностные характеристики понятия «психологического здоровья», указали факторы, способствующие его обеспечению, а также выявили и перечислили факторы, оказывающие неблагоприятное влияние на психологическое здоровье

References

1. Безуглая Т.И. Педагогические условия обеспечения психологического здоровья детей при подготовке к обучению в школе. Дисс. на соиск. степ. канд. пед.наук. Калининград, 2000.
2. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: Модек, 1995. - 640 с.
3. Выготский Л.С. Лекции по психологии. СПб: Союз, 2006. – 144 с.
4. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: АСТ Астрель Хранитель, 2008. – 671с.
5. Выготский Л.С. Проблемы возраста. Собр. соч. Т. 4. М., 1984. - 250 с.
6. Захаров А.И. Неврозы у детей и психотерапия. СПб., 2004 - 336 с.
7. Здоровье детей: биологические и социальные аспекты. Метод. пособие / Под ред. М.Г. Романцова. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 1999. – 48 с.
8. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.: Изд-во МГУ, 1994. -285 с.
9. Маслоу А. Самоактуализация. Психология личности. /Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырей. М., 1983. – 456 с.
10. Практическая психология образования; Учебное пособие 4-е изд. / Под редакцией И. В. Дубровиной. СПб.: Питер, 2004. - 592 с.
11. Психическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы. Руководство практического психолога / Под ред. И.В. Дубровиной. 4-е изд. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. — 176 с.

12. Психологический словарь /Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М.: АСТ, АСТ Москва, Прайм-Еврознак, 2009. - 440 с.
13. Психология: Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. - М.: Политиздат, 1990. - 494 с.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. - 380 с.
15. Энциклопедический словарь медицинских терминов. М.: Медицина, 2005. - 600 с.

Dubakov A.V., Olar Yu.V., Khilchenko T.V. Syllabus design and its use in students' independent work organization

Dubakov A.V.

Candidate of pedagogical sciences, Department of the English Language,
Shadrinsk State Pedagogical University.

Olar Yu.V.

Candidate of pedagogical sciences, Department of the English Language,
Shadrinsk State Pedagogical University.

Khilchenko T.V.

Candidate of pedagogical sciences, Department of the English Language,
Shadrinsk State Pedagogical University.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the syllabus use in students' independent work organization. The authors consider the existing definitions of the term "syllabus", define its functions in the frame of students' independent work organization, possible structural components, give the example of their own syllabus.

Keywords: students' independent work, syllabus.

The contemporary system of higher education in the Russian Federation attaches special significance to independent work of students as a major component of educational process. The Federal State Educational Standards highlight the urgency and importance of the independent work of students (IWS) as an element of the specialist training. The requirement to such specialists include competitiveness, initiative, social communicativeness, mobility, an urge to continuous professional development and confidence in decision-making. The second area to consider is the introduction of the credit system in higher educational institutions which results in the increasing volume of students' independent work in the educational process. At the reduction of classroom hours the main loading at knowledge acquisition is assigned to the independent work of students and independent assimilation of the material. According to the Federal State Educational Standards, students' independent work takes up to 60 per cent of the course labour input. In this respect, the teachers and tutors

are largely responsible for stimulating students' motivation to carry out independent work and for the development of students' independent work skills.

The research of students' independent work was done by many outstanding psychologists and educators: G.M. Burdenyuk, B.P. Esipov, I.A. Giniatullin, T.A. Ilyina, G.M. Kodzhaspirova, N.F. Koryakovtseva, M.I. Mahmutov, P.I. Pidkasisty, E. Polat, L.V. Zharova, etc. The existing definitions of the term "independent work" reveal different approaches of researchers to its nature. G.M. Kodzhaspirova defines students' independent work as "a kind of learning that suggests a definite level of student's autonomy – from goal setting to self-control and correction, from the easiest to more complex exploratory tasks" [5:374].

According to A.A. Mirolubov, independent work is a variety of students' individual or group activity during in-class and extra-curricular classes and at home without the direct involvement of a teacher but under his supervision. Students' independent work is based on the principles of independence, didactic and creative orientation, goal-oriented planning, student-centered and activity approach [7]. The aim of carrying out independent work is to develop students' independent learning skills and qualities of an autonomous learner. Student independence and autonomy is seen by P. Hughes (2001) as "a clear indicator of academic quality".

It goes without saying that to develop students' independent work skills a teacher should introduce the following independence strategies in the course of studies: learning contracts, problem-based learning, group work, development of student judgment, self-assessment, peer feedback and peer assessment, development of students' research skills, student-led seminars, team assignments, negotiated goals [2]. The abovementioned strategies should be taken into account while designing a plan of a course.

To help the students in their independent work a teacher designs a course plan that outlines the objectives, home assignments and deadlines. This plan is called

syllabus and is supposed to guide a student in the learning process. After analyzing researches devoted to the problem we have come to the conclusion that there exist several definitions of *syllabus* which have both similarities and peculiarities in notion.

In general, the syllabus is typically students' first real introduction to the course, greeting them with the pertinent details regarding what to expect from the course, and what the course might expect from them [2].

The syllabus is a plan of a course, "plan of actions" for students in the course. The syllabus is designed namely for students to help in their independent educational activity organization. This document informs the students what knowledge they should acquire while learning the course and also what they should do for that. The document gives students the possibility to manage time and intensity of their independent work. Such document use will also allow students to take the first steps to the model of equal partnership with a teacher.

The syllabus is a document which contains major characteristics of the course learned and includes its summary, the order of a course topic acquisition, alongside with effective learning circumstances [2].

The syllabus is a "contract between faculty members and their students, designed to answer students' questions about a course, as well as inform them about what will happen should they fail to meet course expectations." [3].

The syllabus must always contain a descriptive "route" which allows students to evaluate their work independently and objectively, make a conclusion where they are on the way to the achievement of the educational results. Working out a perspective study plan for students and handing it out to them as syllabus, a teacher aims not only to evaluate students, but, primarily acts as a tutor. In the case of the syllabus use, the stress is laid on students' needs, the styles of learning and individual abilities [4].

The syllabus can be defined as a communication device. The use of the syllabus initializes constructive and controlled communication between a teacher and students inside an academic group, it activates self-reflection of students from the point of view

of learning goals understanding and the current level of academic achievements. The syllabus should contain a series of “motivation messages”, inside which the impulses for students to reach high but really attainable goals connected with future professional efficiency are put [4].

To sum it up, we may define the syllabus as a document whose aims are to organize students’ independent work more effectively. The syllabus is a tool which helps students get all necessary information about the course goals and structure. The syllabus acquaints students with the course. The syllabus as a plan of steps contains assignment descriptions, informs students which competencies will be formed, within what time it will be done and how all the tasks should be performed. The syllabus as a document allows the contact between a teacher and students to be established.

The syllabus use, by all means, has several advantages which are presented in the table below.

Table 1

Advantages of syllabus use

Advantages of syllabus use for students	Advantages of syllabus use for teachers
The possibility to choose a module or a free elective based on its brief summary	An exact teaching path of a subject
The possibility to have an exact plan in the process of a module or academic subject learning	Unified and objective requirements for students
The possibility to plan independent work while learning the subject (to divide intensity, time etc.)	The possibility of effective students’ independent work organization
Cooperation with an instructor from the beginning of a course	Minimum additional work because curriculum is a basis for syllabus designing
A clear language and simple forms of informing	Students accept conditions of learning given in a syllabus
Predicted results which should be reached at the end of a course	Dynamic control and the possibility of educational results correction

The syllabus is given to students at the beginning of a course. It may be provided in a paper or electronic format. There are no unified rules of a course syllabus design. Nevertheless, some general recommendations should be taken into account:

1. A course syllabus should be of an optimum size, it should not be overloaded with information which is of secondary importance.
2. A course syllabus language should be clear and understandable for students.
3. Syllabus should include a basic course information (course title, credit hours, information about the instructor) [4].

Thus, independent work of the student is an important component of the educational process aimed at improving the quality, depth and strength of the resulting knowledge in the study of specific subjects of the curriculum. It leads to the formation of students' needs to educate themselves in the subsequent professional activity. Syllabus serves as a tool of students' independent work organization.

The following pages present the course syllabus "Introduction to British Studies" which is developed for the first-year students and covers the Spring semester. It provides a student with all the necessary information about the instructor, the course description, the objectives, the course structure, the learning outcomes, the portfolio requirements, the list of sources, the assessment procedures and the course requirements.

The course description states that it is designed for the students of the English language in teacher training study program. It helps the future teachers of English to develop new skills through analyzing and arranging country study information into meaningful patterns. The objectives include:

- 1) to introduce students to the topic of the linguistic country study,
- 2) to present a general overview of the UK geographical features, history, national symbols, money and measures, constituent parts, folklore and lifestyle,
- 3) to develop the four language skills with the emphasis on British culture-related vocabulary.

The course structure is explained in the table of five columns: the week number, the topic studied, the given home assignments and the activities in class, the compilation of academic work for the portfolio.

Students' independent work is required during the preparation for the lectures and seminars as well as while attending them. Out-of-class tasks include, for instance:

- 1) compiling a list of examples of the British culture-related vocabulary;
- 2) preparing a presentation of the United Kingdom in one of the forms;
- 3) compiling a mind-map "The UK Geographical Features";
- 4) watching the documentary "Countryside is Great" (British Council) and preparing a speech on a route across the UK;
- 5) making an Internet research on a topic;
- 6) learning some folklore examples;
- 7) preparing a report with an interactive presentation.

Class tasks include:

- 1) making notes of a lecture;
- 2) filling in a worksheet;
- 3) filling in a table;
- 4) studying the information as a part of a "Jigsaw activity";
- 5) compiling a mind-map of the topic;
- 6) getting ready for a class discussion;
- 7) doing a quiz.

Students' independent class and out-of-class work during the course is crucial in promoting more effective mastering of the material, stimulating informative and professional interests, developing creative and initiative activities, as well as the growth of motivation.

Another effective way of a student's activation in the educational process is compiling an individual portfolio. It is a compilation of academic work and other forms of educational evidence assembled for the purpose of 1) evaluating coursework quality,

learning progress, and academic achievement; 2) determining whether students have met learning standards or other academic requirements for the courses, grade level promotion and graduation; 3) helping students reflect on their academic goals and progress as learners; 4) creating a lasting archive of academic products, accomplishments and other documentation [6].

The syllabus of the subject “Introduction to British Studies” includes the portfolio requirements:

1) the portfolio pages must be all typed;

2) the portfolio information must have a clear division into sections named according to the topics studied;

3) the papers must be prepared individually and 100% original.

The examples of academic work for the portfolio are as follows:

1) a presentation of the UK;

2) the UK geographical map;

3) a written speech on a route across the UK;

4) a table on the UK symbols;

5) a list of symbols from London Olympics 2012 Opening Ceremony with a comment;

6) a report on a prominent person of the epoch;

7) mind maps on historic epochs;

8) a project on one of the UK countries;

9) an outline of a party on British Folklore;

10) a report on the British Lifestyle.

Advocates of student portfolios argue that compiling, reviewing, and evaluating student work over time can provide a richer, deeper, and more accurate picture of what students have learned and are able to do than more traditional measures. Moreover, portfolio encourages students to take more ownership and responsibility over the learning process.

The course learning outcomes state that upon completion of the course, the students will be able to:

- 1) have general knowledge of the British geography, history, national symbols, money and measures, constituent parts and culture with focus on the culture-related vocabulary;
- 2) build up their own panorama of the British lifestyle that may serve as a fundamental step into their future studies of the English-speaking countries;
- 3) enrich their vocabulary, sharpen their grammatical knowledge as well as develop their research skills in order to meet the demand of their current study and their future careers.

Required sources include two printed manuals and eight additional electronic books.

With the focus on continual assessment students collect points for their overall assessment throughout the whole semester. For a student to be assessed, he/she will have to do the following work:

- 1) work at the lectures and seminars (30% of the overall course assessment). This means attendance, doing home assignments and active participation in all the procedures in class, including oral presentations of the reports, surveys and projects;
- 2) compile a portfolio (50% of the overall course assessment). The individual portfolio mirrors a student's language skills development during the course;
- 3) complete written quizzes (20% of the overall course assessment). The quizzes are based on the topics and issues covered in lectures, seminars and the additional materials for seminar preparation. The final test will be the points-total of the whole work during the semester. To get the necessary credits a student must gain 85%.

Course requirements of the syllabus demand that students are expected to attend the entire course. Those students who miss classes must present a doctor's note or valid reasons. Students are responsible for active participation in the course through the following academic activities: making notes of the lectures, reading required sources

and preparing home assignment before coming to seminars, responding to the teacher's inquiries, compiling a portfolio, doing oral presentations and taking quizzes.

In conclusion it is necessary to state that the rational planning combined with the students' independent work provide its efficiency. The quality of the students' independent work is connected with the level of the educational process and the educational environment. The students' independent work presents a system of specific conditions developed by a teacher. Therefore, a syllabus is a necessary means aimed to keep the integrity of the educational process together with high-quality collaboration between students and teachers.

References

1. Boye, A. How Do I Create an Effective Syllabus? [Electronic resource]. URL: <http://www.depts.ttu.edu/tlpdc/Resources/NewFacultyResources/> (date of access: 5.03.2017).
2. Gibbs, G. Teaching More Students : Problems and Course Design Strategies. – Oxford : Oxford Centre for Staff Development. Oxford Brookes University. 1992.
3. Habanek, D.V. An examination of the integrity of the syllabus. College Teaching. 2005 - 53 (2): 62–64.
4. Kashtanova, S.N., Kudryavcev, V.A. Sillabus kak instrument regulirovaniya uchebnoj deyatel'nosti studentov [Syllabus as a tool of students' educational activity regulation] // Vestnik Minskogo universiteta [Herald of the Minsk State University]. – 2016. – No.2.
5. Kodzhaspirova, G.M. Pedagogika: uchebnik [Pedagogy: textbook]. – M.: knorus, 2013.
6. Portfolio definition [Electronic resource]. URL: <http://edglossary.org/portfolio/> (date of access: 1.03.2017).

7. Tkachenko, G.A. Independent work at higher education institutions // mezhdunarodnyj zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya [International journal of experimental education]. – No. 3. – 2015. – P.15 – 16.

8. Vaganova, O.I., Khizhnaya, A.V., Trutanova, A.V., Gladkova, M.N., Luneva, Yu.B. Syllabus kak sredstvo organizatsii samostoyatel'noi raboty studentov [Syllabus as a tool of students' independent work organization] // Mezhdunarodnyj Zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy [International Journal of applied and fundamental researches]. – No.11. – 2016. – P.968 – 970.

Harisova E.Z. Cardiovascular system in athletes with high qualifications

Сердечно-сосудистая система у спортсменов с высокой квалификацией

Harisova Engie Zinnurovna

Volga State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism

Харисова Эндже Зиннуровна

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма

Abstract: The article reveals the urgency of studying the cardiovascular system in athletes engaged in different sports and having different sports qualifications. Correlation relations between cardiovascular parameters are shown.

Keywords: cardiovascular system, athletes, 17-20 years old, correlation.

Аннотация: В статье раскрыта актуальность изучения сердечно-сосудистой системы у спортсменов, занимающихся разными видами спорта и имеющие разную спортивную квалификацию. Показаны корреляционные связи между сердечно-сосудистыми показателями.

Ключевые слова: сердечно-сосудистая система, спортсмены, 17-20 лет, корреляция.

Тренировочная деятельность считается основой совершенствования спортсмена. В базе достижения высокого спортивного результата и его увеличения лежат адаптационные процессы, происходящие в организме. Одной с наиболее значимых функциональных систем организма, которая во многом определяет и лимитирует физическую работоспособность организма, считается система кровообращения, так как она является индикатором адаптационно-приспособительных реакций в ответ на физическую нагрузку.

Экономизмами сердца в условиях покоя и при умеренных физических нагрузках, а также максимальная производительность сердца при выполнении нагрузок высокой мощности являются теми отличительными особенностями, которые характеризуют физиологическое спортивное сердце.

Морфологические изменения, характерные для спортивного сердца, не имеют патологической природы и зависят от характера мышечной нагрузки.

В целом занятия спортом оказывают, несомненно, положительное влияние на состояние здоровья человека. Однако сердце является именно тем органом, который чаще других подвергается перегрузкам и перенапряжениям.

Цель – провести корреляционный анализ между показателями сердце у спортсменов любителей и спортсменов высокой квалификации.

Методы и организация исследования. Исследование проводилось в городе Казань с 2015 по 2016 гг. среди студентов 17-20 лет. В эксперименте приняли участия не спортсмены (25 человека), теннисисты от 1 до 3 разряда (10 человек), теннисисты (10 человек) и бадминтонисты (10 человек) имеющие категорию мастера спорта и кандидата в мастера спорта. Исследуемые были однородны по возрасту ($p > 0,05$). Для изучения композиционного состава тела мы использовали прибор Esteck System Complex Multiskan PRO.

Результаты исследования и их обсуждения. В изучаемых группах в ходе проведения корреляционного анализа были выявлены достоверно значимые прямые и обратные взаимосвязи.

В группе теннисистов в отличие от бадминтонистов, достигшие уровня мастера спорта и кандидата в мастера спорта, прямые корреляционные связи выявлены между: индексом стресса и низкой частотой вариабельности сердца, индексом жесткости и средним АД, систолическим АД и низкой частотой вариабельности сердца, диастолическим АД и средним АД.

Обратные корреляционные связи выявлены между: предсократительным периодом (ПСП) и диастолическим АД, систолическим АД и высокой частотой вариабельности сердца.

В группе бадминтонистов в отличие от теннисистов, достигшие уровня мастера спорта и кандидата в мастера спорта, прямые корреляция выявлены между: индексом жесткости и систолическим АД. А также между: индексом жесткости и пульсовым давлением, индексом жесткости и периферическим сосудистым сопротивлением, диастолическим АД и пульсовым давлением,

пульсовым давлением и периферическим сосудистым сопротивлением (ПСС), объемом крови и низкой частотой вариабельности сердца.

Обратная связь выявлена между: индексом стресса и ПСП, индексом жесткости и Временем сокращения левого желудочка (ВСЛЖ), ВСЛЖ и систолическим АД, ВСЛЖ и ПСС.

В группе теннисистов, достигшие уровня мастера спорта и кандидата в мастера спорта, в отличие от теннисистов, выполнившие спортивный разряд, прямые корреляции выявлены между ЧСС и индексом стресса, индексом стресса и низкой частотой вариабельности сердца, ПСП и ВСЛЖ, доставкой кислорода и УОС, систолическим АД и низкой частотой вариабельности сердца.

Обратные связи были выявлены между: доставкой кислорода и ПСС, систолическим АД и высокой частотой вариабельности сердца, сердечным выбросом и ПСС, ПСС и УОС, низкой частотой вариабельности сердца и высокой частотой вариабельности сердца.

В группе теннисистов, выполнившие спортивный разряд, в отличие от теннисистов достигшие уровня кандидата в мастера спорта и мастера спорта, прямые корреляционные связи выявлены между УОС и объемом крови, сердечным выбросом и объемом крови, пульсовым давлением и сердечным выбросом, средним АД и ПСС. А также между систолическим АД и ПСС, систолическим АД и сердечным выбросом, систолическим АД и диастолическим АД. А также между: доставкой кислорода и пульсовым давлением, индексом жесткости и ПСС, индексом жесткости и сердечным выбросом, индексом жесткости и систолическим АД.

Обратные связи были выявлены между: индексом жесткости и ВСЛЖ, ВСЛЖ и систолическим АД, ВСЛЖ и диастолическим АД, ВСЛЖ и средним АД, ВСЛЖ и пульсовым давлением, ВСЛЖ и сердечным выбросом, ВСЛЖ и ПСС.

Таблица 1

Корреляционные связи между сердечно-сосудистыми показателями у юношей
17-20 лет

Взаимосвязи	Теннисисты уровня КМС	Бадмин- тонисты	Теннисисты- разрядники	Не спортсмены
ЧСС/ индекс стресса	0,70*	0,64*	0,51	0,62**
Индекс стресса/ПСП	0,20	-0,64*	0,18	0,02
Индекс стресса/низкая частота вариабельности сердца	0,81**	0,62	-0,26	0,37
Индекс жесткости/ВСЛЖ	-0,39	-0,85**	-0,84**	-0,46*
Индекс жесткости/АДс	0,58	0,93**	0,90**	0,81**
Индекс жесткости/ среднее АД	0,88**	0,41	0,98**	0,31
Индекс жесткости/ пульсовое давление	0	0,93**	0,40	0,44
Индекс жесткости/ сердечный выброс	-0,31	-0,51	0,66**	-0,09
Индекс жесткости/ПСС	0,52	0,71*	0,86**	0,63**
ПСП/ВСЛЖ	0,76*	0,66*	-0,10	-0,05
ПСП/АДд	-0,64*	-0,50	0,33	-0,16
ВСЛЖ/АДс	-0,10	-0,88**	-0,96**	-0,66**
ВСЛЖ/АДд	-0,41	-0,49	-0,76*	-0,15
ВСЛЖ/среднее АД	-0,36	-0,57	-0,88*	-0,60**
ВСЛЖ/пульсовое давление	0,18	-0,73-	-0,76*	-0,08
ВСЛЖ/сердечный выброс	-0,10	0,52	-0,82**	-0,01
ВСЛЖ/ПСС	-0,01	-0,65*	-0,64*	-0,42*
Доставка кислорода/ пульсовое давление	0,47	-0,50	0,66*	0,08
Доставка кислорода/ПСС	-0,91**	-0,87**	0,08	-0,72**
Доставка кислорода/УОС	0,91**	0,96**	0,50	0,58**
АДс/АДд	0,23	0,53	0,84**	0,53**
АДс/сердечный выброс	0,13	-0,27	0,73**	0,09

АДс/ПСС	0,02	0,47	0,78**	0,39
АДс/низкая частота вариабельности сердца	0,69*	-0,09	0,27	0,04
АДс/высокая частота вариабельности сердца	-0,78**	-0,11	0	-0,14
АДд/среднее АД	0,86**	-0,27	0,97**	-0,11
АДд/пульсовое давление	-0,44	0,92**	0,24	0,40
Среднее АД/ ПСС	0,52	-0,15	0,90**	-0,04
Пульсовое давление/ сердечный выброс	0,47	-0,52	0,67**	0,23
Пульсовое давление/ПСС	-0,44	0,75*	0,22	-0,04
Сердечный выброс/ПСС	-0,97*	-0,93**	0,22	-0,54**
Сердечный выброс/ объем крови	0,17	0,54	0,68*	0,4
ПСС/УОС	-0,95**	-0,81**	0,06	-0,76**
УОС/объем крови	0,06	0,29	0,71*	0,40*
Объем крови/ низкая частота вариабельности сердца	-0,23	0,72*	-0,08	0,15
Низкая частота вариабельности сердца/ высокая частота вариабельности сердца	-0,81**	-0,78**	0,47	-0,31
Примечание: *- корреляция значима на уровне 0,05; **- корреляция значима на уровне 0,01				

Таким образом, у теннисистов, достигших уровня мастера спорта и кандидата в мастера спорта, выявлено 36% корреляционных взаимосвязей между сердечно-сосудистыми показателями; у бадминтонистов, достигших уровня мастера спорта и кандидата в мастера спорта – 47%; у теннисистов, выполнившие спортивный разряд – 56%.

References

1. Вахитов И.Х. Насосная функция сердца в зависимости от возраста приобщения к мышечным тренировкам: дис. ... д-ра биол. наук / Вахитов И.Х. – Казань, 2005. – 431 с.
2. Коломиец О.И., Орехов Е.Ф., Быков Е.В. Механизмы регуляции сократительной функции сердца у спортсменов различных видов спорта /О.И. Коломицев, О.Е. Федорович, Е.В. Быков // Ученые записки университета Лесгафта. 2014. №12 (118) С.103-109.
3. Кудря О.Н., Белова Л.Е, Капилевич Л.В. Адаптация сердечно-сосудистой системы спортсменов к нагрузкам разной направленности / О.Н. Кудря, Л.Е. Белова, Л.В. Капилевич // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. №356 С.162-166.
4. Комар Е.Б. Влияние физических нагрузок различной направленности на показатели морфометрии сердца спортсменов-легкоатлетов / Е.Б. Комар // Вестник БГУ. 2012. №13 С.102-106.
5. Солодков А. С., Талибов А. Х. Морфофункциональные особенности ремоделирования сердца у спортсменов /А.С. Солодков, А.Х. Талибов // Ученые записки университета Лесгафта. 2007. №10 С.80-86.
6. Харисова Э.З. Влияние двигательной активности на показатели гемодинамики и состава тела у девушек 17-20 летнего возраста // V Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы физической культуры и спорта» Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 1 декабря 2015.- С. 480-482.

Ivaschenko A., Shapoval G. To the matter of a person's self-actualization within the framework of educational process

К вопросу о самоактуализации личности в рамках педпроцесса вуза

Ivashchenko Anna Petrovna

Rostov-on-Don State Medical University, Rostov-on-Don

Shapoval Galina Nikolayevna

Rostov-on-Don State Medical University, Rostov-on-Don

Ивашченко Анна Петровна

Ростовский государственный медицинский университет,
г. Ростов-на-Дону

Шаповал Галина Николаевна

Ростовский государственный медицинский университет,
г. Ростов-на-Дону

Abstract. The aim of the research is to consider the matter of self-actualization within the framework of educational processes of a higher educational establishment. Using the methods of a content-analysis, the author studies the role of extracurricular activity in the pedagogical process. The author concludes that participation of medical students in different kinds of social activity in the process of interpersonal communication of a student and a teacher greatly enlarges the sphere of social communication, possibilities of social values assimilation and a person's moral qualities formation.

Keywords: identity, personality, self-actualization, volunteering, self-respect, self-identity.

Аннотация. Целью работы является рассмотрение вопроса о самоактуализации личности в рамках педпроцесса вуза. Используя метод контент-анализа, автор изучает роль внеаудиторной деятельности при обучении студентов. Автор приходит к выводу о том, что включение студентов в различные виды общественно значимой деятельности в процессе межличностного общения студента и преподавателя существенно расширяет сферу социального общения, возможности усвоения социальных ценностей и формирования нравственных качеств личности.

Ключевые слова: идентичность, личность, самоактуализация, волонтерство, самоуважение, самоидентичность.

В своем Послании Федеральному Собранию 03 декабря 2016 года Президент РФ В.В. Путин отметил, что принципы справедливости, уважения и доверия универсальны и мы твёрдо отстаиваем их – и, как видим, не без результата – на международной арене. Но в такой же степени обязаны

гарантировать их реализацию внутри страны, в отношении каждого человека и всего общества. Любая несправедливость и неправда воспринимаются очень остро. Это вообще особенность нашей культуры. Общество решительно отторгает спесь, хамство, высокомерие и эгоизм, от кого бы всё это ни исходило, и всё больше ценит такие качества, как ответственность, высокая нравственность, забота об общественных интересах, готовность слышать других и уважать их мнение. Смысл всей нашей политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России. Поэтому наши усилия направлены на поддержку традиционных ценностей и семьи, на демографические программы, улучшение экологии, здоровья людей, развитие образования и культуры.

М.Мамардашвили, говоря о современном состоянии культуры, ввел понятие «антропологической катастрофы», отмечая, что «...нечто жизненно важное может необратимо сломаться в нём (человечестве) в связи с разрушением или просто отсутствием цивилизованных основ процесса жизни. То есть антропологическая катастрофа – это уничтожение человеческого в человеке, возвращение к первоначальным примитивным формам коллективной идентичности. И эта потеря человеком личностного сущностного является на наш взгляд, даже не следствием современного состояния, а его первоисточником, именно это столкновение человека с пустотой (Ясперс), усталость от свободы (Бердяев), утрата внутренне присущих народу образов (Юнг) порождают все несчастья и напасти нашего времени, современной культуры, это и разобщенность, и разного рода конфликты, войны, социальные кризисы, экологические проблемы.

В этой ситуации совершенно очевидно, что на данном этапе человеку как личности предъявляются особые требования. От того, насколько человечество сохранит свое «человеческое» лицо, без преувеличения, можно сказать, зависит наше будущее и, возможно, не только благополучие, но и выживание нашей

цивилизации. Необходимости уделять особенное значение проблеме личности, ее формированию трудно предать слишком большое значение [3; 4; 13; 14; 16; 17].

Феномен существования личности необычайно многогранен. Определения личности поражают не только своим количеством, но и широчайшим спектром характеристик, основных выделяемых черт, и зачастую противоречивым значением. Представление о личности меняется от течения и направления, в рамках которого оно сформулировано. С.Л. Рубинштейн отмечал, что свойства личности не сводимы только к ее индивидуальным особенностям. Личность включает в себя и общее, и особенное, и единичное. Но, главное, она определима тем, на сколько в индивидуальном преломлении представлено всеобщее.

Одним из наиболее серьезных философских подходов к определению личности можно считать философские направления, связывающие личность с понятием самости (субъективности). С этой точки зрения Самость - категория душевного, духовного бытия, а личность – это персонализированная, самоопределившаяся самость. Обретение «самости» как центра человеческой психики является результатом реализации потребности в самореализации (К. Хорни), индивидуации (К. Юнг), необходимости совершенствования (Олпорт), необходимости самоактуализации (А. Маслоу)

Согласно теории самоактуализации (Маслоу А., Роджерс К.), существование личности возможно только как самоактуализация развивающегося человека, получение уникального опыта. С точки зрения Маслоу, каждый из нас обладает неотъемлемой внутренней природой, природной данностью, устойчивой к любым изменениям, материалом, вросшим в личность и остающимся в ней даже после встречи с внешним миром. Эта внутренняя природа оказывает всепроникающее влияние на жизнедеятельность человека. В отличие от представлений о «модальной личности» Мид и ее коллег, Маслоу говорил, что необходимо исследовать не типичных представителей

культуры, а изучая ее лучшие образцы – самоактуализирующихся людей. Самоактуализация по Маслоу означает, что в каждом случае, даже если мы вынуждены выбирать между ростом и безопасностью, мы делаем выбор в пользу роста. Так и с точки зрения Бердяева, личность всегда находится в процессе самосозидания, обогащает и наполняет себя содержанием. Личность всегда активна и личность – это всегда сопротивление, усилие и борьба, то есть в этом смысле, личность – это стремление к росту и самоактуализации. С точки зрения рассматриваемой нами проблемы, особого внимания заслуживает и категория самоуважения. Самоуважение – это проприативная функция, тесно связанная с самоидентичностью. Именно самоуважение определяет основу для ощущения человеком собственной ценности и непосредственным образом задает жизненные ориентиры [1; 2; 9; 12; 24; 30; 32].

Другими словами, самоактуализация - это полное раскрытие человеком своих потенциальных возможностей, личностное самораскрытие, личностный рост. Самоактуализация предполагает не только развитие всех способностей, но процесс реализации и использования всех полученных знаний, умений. Профессионализм, увлеченность своим делом, высокая степень заинтересованности и компетентности в поставленной задаче, когда дело, в которое человек вовлечен, является его «призванием» - это и есть одно из центральных из качеств присущих самоактуализированной личности [27; 28; 29; 35; 36; 39; 40].

В современной педагогике понятие самоактуализации связано не только с профессиональным самораскрытием, по сути, в процессе самоактуализации человек становится тем, кем он может и должен быть в этой жизни, живет «полной» жизнью во всей ее многогранности. При этом личность развивает свои достоинства и устраняет недостатки, живет в гармонии со своими убеждениями, обладает самостоятельными суждениями и независима от социума, но находится в гармонии с окружающим миром, принимая себя и других. Подобная

полнота самоактуализации зависит от широты кругозора, развития самосознания, осознания культурных и духовных феноменов личности, без которого невозможна эмпатия человека, а также глубокий уровень мировоззренческой рефлексии.

Особую роль приобретают внеаудиторные виды деятельности, такие, как волонтерское движение и учебная экскурсия как способы формирования у молодежи активной гражданско-правовой позиции, поскольку включение студентов в различные виды общественно значимой деятельности существенно расширяет сферу их социального общения, возможности усвоения социальных ценностей и формирования нравственных качеств личности [8; 11; 26; 33; 34; 37; 38; 42]. Исследователь Шаповал Г.Н. придает большое значение формированию здорового образа жизни в процессе воспитания и обучения студентов-медиков [10; 19; 20; 21; 22; 23; 25; 31]. Эта работа особенно значима в свете принятия Госпрограммы по патриотическому воспитанию на 2016—2020 гг.

В условиях инновационного общества и мобильности образовательных процессов на повестку дня выходит проблема активизации познавательного интереса у иностранных студентов, проходящих обучение в России. Учебные экскурсии играют большую роль в организации личностно развивающего культурно-образовательного пространства иностранных студентов, а приобщение к российской культуре иностранных студентов через проведение экскурсий и различной тематики групповых поездок является действенным рычагом их адаптации [37; 38; 41].

Известный современный философ М. Фуко отмечает, что педагогикой мы можем назвать передачу такой истины, функцией которой является снабжение субъекта какими-либо отношениями, способностями, знаниями, которых он до этого не имел, которые должен будет получить к концу педагогических отношений. В этом случае, также имеются в виду не отдельные дисциплинарные знания, а именно многогранная истина.

А. Маслоу выделяет особые «бытийные» ценности, те, которым может быть посвящена жизнь. С его точки зрения, педагог призван помочь студенту в обращении к бытийным ценностям, в их обретении, тем самым способствуя их самоактуализации. Ведь именно в процессе обучения человек приобщается к таким ценностям, как красота, справедливость, добро древних, совершенство, простота, всесторонность. В результате студент имеет возможность понять ценность жизни как таковой, становить гражданином. Особенно хотелось бы отметить, что с точки зрения Г. Оллпорта, педагог должен навязывать студенту готовые ценности, но помогать раскрывать их личности учащегося. Задача, стоящая перед педагогом, содействующим формированию личности, ее росту, состоит не только в передаче знаний, как чаще всего принято считать, но в первую очередь, это трансляция социального и культурного опыта, которая осуществляется в процессе образования. Только в этом случае возможны такие аспекты самоактуализации, как способность к пониманию других людей и эмпатия, творческое восприятие действительности и новаторство, осознание своего опыта, подлинное понимание своих возможностей, повышение конгруэнтности, а главное различение цели и средств, зла и добра [5; 6; 7; 15; 18].

Таким образом, мы считаем очевидным, что создание педагогических условий для самоактуализации студентов в вузе сегодня необходимо считать основным направлением образовательно-воспитательного процесса вуза.

References

1. Агеева Н.А. Биоэтическое измерение проблем жизни и смерти человека в условиях инновационного общества // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 9-2 (41). – С. 5–10.
2. Агеева Н.А. Идеи русского космизма в контексте научно-технологического развития страны // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 4-4 (48). – С. 100–108.

3. Агеева Н.А. Проблема субъектности в контексте научно-технологического развития // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 4-4 (48). – С. 85–93.

4. Агеева Н.А. Профилактика алкоголизма и наркомании как неотъемлемая часть работы по формированию доминант здорового образа жизни у россиян // Современные научные исследования и инновации. - 2016. -№ 3 (59). - С. 711–720.

5. Агеева Н.А. Роль зеркальных нейронов в процессе социализации личности и консолидации общества // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 1-3 (45). – С. 5–11.

6. Агеева Н.А. Системный подход к этико-правовому регулированию медицинской деятельности // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 4-5 (48). – С. 97–102.

7. Агеева Н.А. Социокультурный аспект невежества // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2014. – № 35. – С. 69–74.

8. Агеева Н.А. Учение о доминанте А.А. Ухтомского в контексте гуманизации и гуманитаризации науки и образования // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 10-2 (42). – С. 117–122.

9. Агеева Н.А. Ценностные детерминанты ученого в контексте инновационной деятельности // Universum: Общественные науки. – 2014. № 7 (8). – С. 5.

10. Агеева Н.А., Толмачев В.Г. Учет социокультурных и психофизических особенностей пациента в процессе подготовки и переподготовки медицинских кадров // Приоритетные направления развития науки и образования. – 2016. – № 4-1 (11). – С. 53-55.

11. Ерохин С.А., Шаповал Г.Н. Врачебный менталитет в воспитательно-гуманистическом измерении медицинского вуза. В сборнике: НАУКА СЕГОДНЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА, материалы международной научно-практической конференции. - Научный центр «Диспут». - 2016. - С. 103-106.

12. Жолобова И.К., Шаповал Г.Н. Актуальные проблемы социальной и профессиональной ответственности ученого // Гуманитарные и социально-экономические науки. -2016. -№ 1 (86). – С. 17-21.

13. Иващенко А.П. Архетипы коллективного бессознательного и этническая идентичность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 6 (85). – С. 21-24.

14. Иващенко А.П. К вопросу о проблеме этноса в рамках концепции идентичности // Гуманитарные и социально-экономические науки. -2016. - № 5 (90). – С.50-54.
15. Иващенко А.П. Отечественная традиция в современных представлениях об этнической идентичности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2013. - № 3. – С. 17-20.
16. Иващенко А.П. Проблема идентичности в социокультурном кризисе // Наука и современность. – 2016.- № 47.- С.123-128.
17. Иващенко А.П. Этническая идентичность в структуре личности // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2015.- № 39. – С. 14-16.
18. Иващенко А.П., Шаповал Г.Н. Проблема этнической идентичности в свете гуманизации педпроцесса в медицинском вузе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. - 2014. - № 41-42 .- С. 101-106.
19. Карташова Е.А. Актуальные вопросы профилактики стрессов в студенческой среде медицинского вуза. // В сборнике: НАУКА СЕГОДНЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА материалы международной научно-практической конференции. - Научный центр «Диспут». - 2016. - С. 120-124.
20. Карташова Е.А. Сравнительная оценка молекулярных эффектов цитопротекторов в комплексной терапии ишемической болезни сердца // Российский кардиологический журнал. – 2009. – Т. 79. – № 5. – С. 62–67.
21. Карташова Е.А. Сравнительная оценка эффективности и безопасности триметазидина и милдроната в комплексной терапии ишемической болезни сердца. диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук // ГОУВПО «Ростовский государственный медицинский университет». Ростов-на-Дону,- 2009. – 158 с.
22. Карташова Е.А. Сравнительная оценка эффективности и безопасности применения триметазидина и милдроната в комплексной терапии ишемической болезни сердца // автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук / Ростовский государственный медицинский университет. Ростов-на-Дону, 2009
23. Карташова Е.А. Эффективность коммуникативной стратегии врача-кардиолога в лечении пациентов разного возраста. // В сборнике: Теория и практика приоритетных научных исследований, сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 4 частях. – 2016. – С. 57-61.

24. Карташова Е.А. Эффективность персонализированной терапии в рамках терапевтического сотрудничества при лечении пациентов разного возраста // В сборнике: Наука сегодня: проблемы и пути решения, материалы международной научно-практической конференции: в 2 частях. - 2016. – С. 78-80.

25. Карташова Е.А., Кастанаян А.А., Нажева М.И., Жулитов А.Ю., Железняк Е.И. Эффективность применения тиотриазолина в комплексной терапии ишемической болезни сердца // Кардиоваскулярная терапия и профилактика.- 2016. - Т. 15. - № 3.- С. 25-30.

26. Карташова Е.А., Шаповал Г.Н. Роль познавательно-развивающего туризма в процессе социализации студентов-медиков. // Современные научные исследования и инновации. - 2016. - № 2 (58). - С. 577-581.

27. Карташова Е.А., Шаповал Г.Н. Социализирующий потенциал внеаудиторной деятельности студента-медика. // Современные научные исследования и инновации. - 2016. - № 2 (58). - С. 689-692.

28. Карташова Е.А., Шаповал Г.Н. Средства и формы социальной активности студентов вуза. // Современные научные исследования и инновации. - 2016. - № 1 (57). - С. 698-704.

29. Спиридонов А.П., Шаповал Г.Н. Актуальные вопросы патриотического воспитания молодежи в контексте укрепления национальной безопасности России // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2016. – № 58. – С. 89–94.

30. Спиридонов А.П., Шаповал Г.Н. Социокультурная деятельность в контексте профессиональной социализации студентов российских вузов // Universum: общественные науки. - 2016. - № 6 (24). - С. 4.

31. Толмачев В.Г. Здоровый образ жизни в контексте осознанного выбора человека // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 9 (65). – С. 427-431.

32. Толмачев В.Г. Эффективность терапевтического сотрудничества врача и пациента в условиях инновационного общества // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 9 (65). – С. 423-426.

33. Цквитария Т.А. Воспитательный потенциал технологии обучения в сотрудничестве // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 4-3. – С. 420-423.

34. Чекрыгина Т.А. Концепция междисциплинарности в исследовании социокультурных детерминант идентификации личности. // Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 2. - С. 334-337.

35. Чекрыгина Т.А. Социокультурная динамика как фактор, опосредующий идентификацию личности // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Серия: Общественные науки. - 2014. - № 3 (181). - С. 101-105.

36. Чекрыгина Т.А., Иващенко А.П. Исследование влияния культуры на специфику идентификации личности в современных социокультурных условиях // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2010. - № 2. – С. 182-187.

37. Шаповал Г.Н. Компетентностный и биоэтический аспекты аудиторной и внеаудиторной деятельности студентов-медиков. В сборнике: НАУКА СЕГОДНЯ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ материалы международной научно-практической конференции. Научный центр «Диспут». Вологда, - 2016. - С. 163-166.

38. Шаповал Г.Н. Роль коммуникативной компетенции в ходе профессиональной подготовки иностранных студентов-медиков // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 3-12. – С. 144–147.

39. Шаповал Г.Н. Формирование нравственных качеств личности студентов вуза в контексте патриотического воспитания // В сборнике: НАУКА СЕГОДНЯ: вызовы и решения материалы международной научно-практической конференции. Научный центр «Диспут». Вологда, – 2016. – С. 168–171.

40. Шаповал Г.Н., Карташова ЕА. Формирование патриотического сознания через призму пропаганды здорового образа жизни среди студентов-медиков // В сборнике: Воспитание и обучение: теория, методика и практика. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. - 2016. - С. 381-385.

41. Shapoval G.N. Foreign medical students adaptation in the conditions of humanization and humanitarization of higher education // Научный альманах стран Причерноморья. -2016. - № 1 (5). – С. 41-43.

42. Shapoval G.N. Role of cognitive-developing tourism in the process of medical students' socialization // Гуманитарные и социальные науки. – 2016. - № 1.– С.108-113.

Krishtofik I. Criteria for assessing the teacher's communicative competence

Критерии оценки коммуникативной компетентности педагога

Krishtofik Irina

PhD in Pedagogy, Docent, Leading Scientific Associate,
Laboratory of Professional Development and Education,
Moscow City Pedagogical University

Криштофик И.

Кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
лаборатории профессионального развития в образовании,
Институт системных проектов ФГБОУ ВО
«Московский городской педагогический университет»

Abstract. The necessity of assessing the level of development of the teacher's communicative competence in practical situations is stated. The universal communicative abilities concerning various objects of pedagogical activity are specified. Four groups of teacher's communicative competences are designated. It is proposed to apply them as criteria for assessing the level of development of communicative competence.

Keywords: pedagogical communication, universal communicative skills, micro-teaching, assessment of competences.

Аннотация. Утверждается необходимость оценки уровня развития коммуникативной компетентности педагога в практических ситуациях. Конкретизируются универсальные коммуникативные умения относительно различных объектов педагогической деятельности. Обозначены четыре группы коммуникативных компетенций педагога. Предлагается применить их в качестве критериев оценки уровня развития коммуникативной компетентности.

Ключевые слова: педагогическая коммуникация, универсальные коммуникативные умения, микропреподавание, оценка компетенций.

Компетентностный подход, заложенный в новые федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) всех уровней образования, придает огромную значимость способности человека использовать полученные знания. В качестве основного пути развития такой способности рассматривается получение опыта самостоятельного решения задач и проблем. Человек только тогда начинает обладать компетентностью, когда он анализирует результаты своей деятельности и делает выводы, то есть оказывается в рефлексивной позиции [1].

Коммуникативная компетенция особо выделяется в множестве компетенций необходимых современному человеку. Она состоит в умении и готовности самостоятельно вступать в контакт с любым собеседником не зависимо от его возраста, статуса, степени близости и знакомства.

Коммуникативная компетентность педагога проявляется во всех видах его деятельности, в организации образовательного процесса. Она тесно связана с таким понятием как «педагогическая коммуникация», которое имеет целый ряд смысловых и функциональных аспектов: коммуникация как искусство взаимодействия педагога и воспитанника; коммуникация как основная дидактическая единица в учебном взаимодействии; коммуникация как проявление коммуникативной компетентности; коммуникация как показатель психологической безопасности образовательной среды; коммуникация как феномен образовательно-педагогического дискурса [2, С. 12].

Универсальными коммуникативными умениями, конституирующими педагогическую коммуникацию, являются:

- работа с информацией - поиск, отбор, структурирование, оформление, передача;
- создание текста – сообщение, вопрос, суждение, замечание;
- восприятие устного текста – слушание активное, пассивное, рефлексивное эмпатическое;
- понимание на различных уровнях – языковом, когнитивном, метакогнитивном.

Условия и механизмы формирования и развития коммуникативной компетентности будущего педагога различны, но базовый принцип состоит в том, что деловые качества человека, его умения и компетенции наиболее

эффективно формируются и развиваются в условиях выполнения соответствующей деятельности [3].

Оценка уровня развития коммуникативной компетентности базируется на том же принципе, что и ее формирование. Если деловые качества человека, его умения и компетенции наиболее эффективно формируются и развиваются в условиях выполнения соответствующей деятельности, то проявляются они наиболее явно и отчетливо тоже в деятельности. Именно поэтому важно в процесс обучения включать практико-ориентированные ситуации. Этой цели служит, такая форма работы студентов, как микропреподавание, позволяющее имитировать типичные ситуации взаимодействия педагога с учениками на самих себе. Наблюдение за коммуникативным поведением студента в роли педагога позволяет выявить, с одной стороны, сформированные коммуникативные умения, а с другой – дефициты его коммуникативной компетентности.

Предметом наблюдения в процессе оценки становятся универсальные коммуникативные умения будущего педагога, которые проявляются в конкретной форме. Они конкретизируются в зависимости от того, каков объект педагогической деятельности, в том числе имитируемой в микропреподавании. В качестве таких объектов можно выделить следующие:

- познавательная сфера обучающихся (интеллект, механизмы сознания);
- личностная сфера обучающихся (направленность, эмоции, ценности);
- структура деятельности, прежде всего, учебной (соотношение мотивов и целей, операциональная сторона деятельности);
- сфера общения (коммуникация, интеракция, восприятие других).

Понимание объекта педагогической деятельности в определенной ситуации позволяет выбрать критерии и признаки сформированности коммуникативной компетентности педагога. Если объектом деятельности

педагога является познавательная сфера ученика, то коммуникативные умения конкретизируются в соответствии с данным объектом и представляют собой следующие компетенции:

- постановка учебной задачи в диалоге с учеником;
- текстовое оформление своего отношения к способу и результату решения учебной задачи ребенком;
- понимание затруднений ученика в процессе решения учебной задачи;
- взаимодействие с учениками в режиме диалога в процессе решения учебной задачи.

Если объектом деятельности педагога становится личность ученика, то его коммуникативные умения конкретизируются следующим образом:

- высказывание своего личностного отношения (согласия/несогласия, понимания/непонимания) к действиям ребенка, его выбору, эмоциональным проявлениям в различных формах (суждения, замечания, вопросы);
- эмпатийное слушание;
- мотивирующие высказывания;
- высказывания, инициирующие процесс самопонимания ребенка.

Если педагог воздействует на структуру учебной деятельности, т.е. она становится его объектом, то его коммуникативные умения заключаются в следующем:

- структурирование своих педагогических текстов в логике, способствующей изменению соотношения между мотивами и целями ребенка;
- понимание действий ученика в различных учебных ситуациях.

В том случае, когда педагогическая деятельность фокусируется на сфере общения учеников, коммуникативные умения педагога конкретизируются в следующем:

- создание насыщенной информационной среды в школе;
- совместное с детьми определение норм коммуникации;
- предъявление своей позиции (оснований) в коммуникации;
- интерпретация смысла текста в контексте ситуации.

Выделенные четыре группы коммуникативных умений (компетенций) применяются в качестве критериев оценки сформированности коммуникативной компетентности будущего педагога.

Самооценка коммуникативной компетентности может осуществляться в процессе самонаблюдения по всем перечисленным выше критериям, либо редуцированно по отдельным группам, в зависимости от выбранного объекта педагогической деятельности.

Таким образом, конкретизация универсальных коммуникативных умений относительно различных объектов педагогической деятельности позволяет выявить, сформулировать и описать коммуникативные компетенции педагога как тот результат, на который направлен процесс профессиональной подготовки педагога и применить их в качестве критериев оценки уровня развития коммуникативной компетентности педагога.

References

1. Криштофик И. С. Профессиональная подготовка студентов в условиях введения новых стандартов /И.С. Криштофик, В.А. Попова // Научная дискуссия: вопросы педагогики и психологии. – 2015. – № 5. – С. 62–67.

2. Криштофик И. С. Организация процесса освоения основ педагогической коммуникации будущими педагогами / И. С. Криштофик // Современное образование. – 2017. – № 1. – С.10–18. DOI: 10.7256/2409-8736.2017.1.22420. URL: http://e-notabene.ru/pp/article_22420.html
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975. – 304 с.

Nikitina N.P., Istratov A.Y. Modern information space in architectural education

Современное информационное пространство в обучении архитектурному проектированию

Nikitina Nataliia Pavlovna,

candidat of Science, assistant professor of UFU
Russia, Yekaterinburg

Istratov Aleksandr Yurievich,

assistant professor of UFU, UrGAU
Russia, Yekaterinburg

Никитина Наталия Павловна

кандидат пед. наук, доцент СТИ, УрФУ
Россия, Екатеринбург
artnatash@gmail.com

Истратов Александр Юрьевич

доцент СТИ, УрФУ, УрГАХУ
Россия, Екатеринбург
architect4ever@gmail.com

Abstract: vocational education focuses on the development of socially and professionally active person possessing high competence, mobility, flexibility and activity. These requirements define the conditions of implementation of the undergraduate (so-called bachelor) program, based on modern standards and modern information space training.

Keywords: [information space](#), education, traditional and innovative methods of study process, architectural education, professional [practice](#).

Аннотация: профессиональное образование ориентируется на становление социально и профессионально активной личности, обладающей высокой компетентностью, мобильностью, гибкостью и активностью. Эти требования определяют условия реализации программы бакалавриата, основанные на современном стандарте и современное информационное пространство обучения.

Ключевые слова: информационное пространство, образование, традиционные и инновационные методы учебного процесса, архитектурное обучение, профессиональная деятельность.

Необходимость построения единого информационного пространства в образовании связана с предоставлением принципиально новых возможностей для познавательной творческой деятельности человека. Это может быть достигнуто благодаря современному информационному и техническому оснащению основных видов деятельности в образовании: учебной,

педагогической, научно- исследовательской, организационно-управленческой, экспертной и др. Построение единого информационного пространства в образовании позволит добиться: повышения эффективности и качества процесса обучения; интенсификации процесса научных исследований в образовательных учреждениях; сокращения времени и улучшения условий для дополнительного образования; повышения оперативности и эффективности управления отдельными образовательными учреждениями и системой образования в целом; интеграции национальных информационных образовательных систем в мировую сеть, что значительно облегчит доступ к международным информационным ресурсам в области образования, науки, культуры и в других сферах [1-5,7].

Специалисты так формулируют основные направления и проблемы создания и развития единого информационного образовательного пространства:

1.Техническое оснащение учебных заведений является одной из первоочередных задач, решение которой сдерживается в основном организационно-экономическими факторами, связанными с тем, что "малая" информатизация оказывается неэффективной, а "большая" — чрезмерно дорогостоящей, не дающей сиюминутной отдачи. Все более актуальной становится проблема реализации образовательных информационных технологий в инвариантных средах и стандартах.

2. Организация подготовки специалистов. Нехватка специалистов в области новых информационных технологий усугубляется процессами их "вымывания" из сферы образования в коммерческие и другие структуры, что особенно характерно для стран с переходной экономикой.

3.Организационные мероприятия. Создание единой системы информационных ресурсов невозможно без постоянного координирующего участия и контроля со стороны педагогической и научной общественности, выраженного в той или иной форме.

4. Перевод информационных ресурсов общества на электронные носители.

Только перевод большей части накопленной человечеством информации на воспринимаемые компьютерами носители позволит создать реальные возможности доступа к этой информации всех членов общества. Совершенствование существующих технологий такого перевода остается одной из актуальных проблем развития информационных технологий[6,8,9].

5. Интеграция национальных информационных ресурсов в мировую информационную среду.

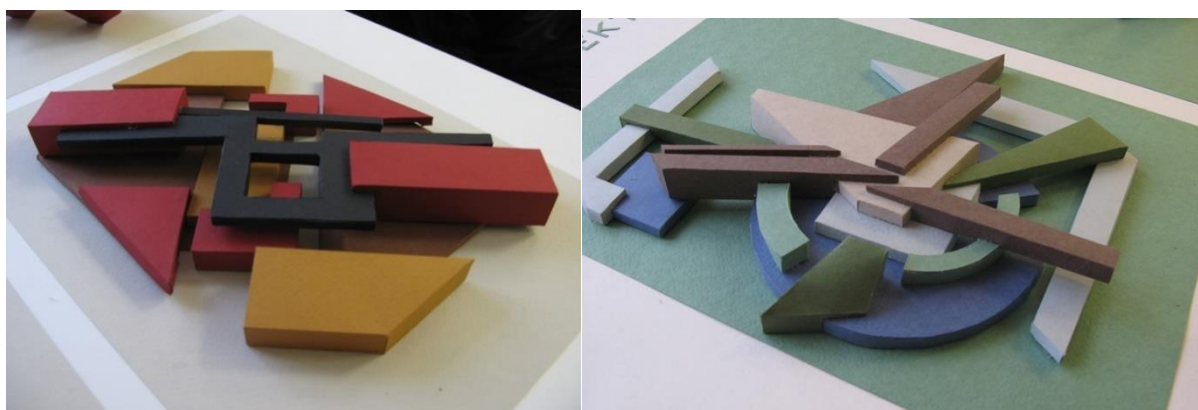

Рисунок 1. Частный метод архитектурного проектирования - рабочее макетирование

Внедрение новых информационных технологий в образование привело к появлению новых образовательных технологий и форм обучения, базирующихся на электронных средствах обработки и передачи информации. Появление мощных компьютерных мультимедиа систем и интерактивных компьютерных программ стало основой интенсивного развития дистанционного обучения.

Сегодня профессиональное образование ориентируется на становление социально и профессионально активной личности, обладающей высокой компетентностью, мобильностью, гибкостью и активностью. Принцип профессиональной мобильности предполагает выработку умений вариативно применять знания в производственном труде, самостоятельно ориентироваться в профессиональных задачах, выстраивать ориентиры деятельности. Чем выше и

качественней будет уровень образования, тем успешнее выпускники смогут осваивать на производстве новые специальности, и тем эффективнее принцип профессиональной мобильности будет отвечать требованиям производства и самого человека. Эти требования определяют условия реализации программы бакалавриата, основанные на требованиях, определяемых ФГОС ВПО по направлению подготовки 07.03.01 «Архитектура». Реализация компетентностного подхода предусматривает широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбор конкретных ситуаций, психологические тренинги) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. В рамках учебных курсов должны быть предусмотрены встречи с представителями российских и зарубежных компаний, государственных и общественных организаций, мастер-классы экспертов и специалистов. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах в учебном процессе должен составлять не менее 20% аудиторных занятий. сферы человеческой деятельности [4,6].

Методы, участвующие в процессе учебного архитектурного проектирования, в соответствии с логикой творческого процесса, остаются как традиционными, так и современными информационными [Рис.1,2]:

- частные методы архитектурного проектирования (графический, предметное и пространственное моделирование, рабочее макетирование, логико-математический метод, компьютерное моделирование),
- методы экспериментальной эвристики (упорядоченный поиск, переключение стратегии, системные испытания, мозговая «атака», метод «проектировщик – прозрачный ящик»),
- методы поиска новых идей (ассоциативный метод, методы преобразований, «вживания в роль», инверсий),

- метод моделирования художественно-творческого процесса,
- активные и интерактивные методы обучения,
- информационно-коммуникационные методы обучения.

Рисунок 2. Частный метод архитектурного проектирования - компьютерное моделирование

Объектами профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу бакалавриата по направлению подготовки Архитектура, являются: искусственная материально-пространственная среда жизнедеятельности человека и общества с ее компонентами (населенными местами, городской средой, зданиями, сооружениями и их комплексами с системами жизнеобеспечения, безопасности, ландшафтами) и процессы ее моделирования, создания и использования человеком и обществом[5,11].

Выпускник сможет выполнять профессиональную деятельность на предприятиях и в организациях [8,10]:

- в архитектурных, строительных и проектно-изыскательских организациях;
- в организациях, осуществляющих надзор за строительными работами и объектами;

- в организациях, выполняющих функции заказчика;
- в эксплуатационных службах гражданских и промышленных объектов;
- в органах администрации и строительной экспертизы
- на предприятиях по производству строительных материалов, изделий и конструкций;
- в проектных организациях, работающих в области проектирования и производства объектов, строительных материалов, изделий и конструкций.

Таблица 1

Перечень видов профессиональной деятельности и соответствующих им
профессиональных задач выпускника
направления «Архитектура»

№ пп	Вид (виды) профессиональной деятельности (ВПД)	Профессиональные задачи (ПЗ)
1	Проектная	- разработка творческих проектных решений, выполнение проектной и проектно-строительной документации, участие в авторском надзоре (сбор и систематизация информационных и исходных данных для проектирования зданий, сооружений, комплексов, транспортной инфраструктуры, инженерных систем и оборудования, планировки и застройки населенных мест; подготовка проектной и рабочей технической документации в строительной и жилищно-коммунальной сфере, оформление законченных архитектурных и проектно-конструкторских работ)
2	Научно-исследовательская	-участие в разработке заданий на проектирование, в проведении прикладных научных исследований (предпроектных, проектных, постпроектных)

		<i>(изучение и анализ научно-технической информации отечественного и зарубежного опыта по профилю деятельности; – использование стандартных пакетов автоматизации проектирования и исследований)</i>
3	Организационно-управленческая	-участие в координации деятельности специалистов и других участников проектного процесса; -участие в администрировании проектной деятельности <i>(участие в организации управленческой и предпринимательской деятельности в архитектуре, строительстве и жилищно-коммунальной сфере на базе знаний их организационно-правовых основ; – применение основ этики и культуры межличностного общения в производственной сфере и деловой коммуникации)</i>
4	Коммуникативная	-визуализация и презентация проектных решений, участие в защите проектных материалов перед общественностью, заказчиком и экспертными органами
5	Критическая и экспертная	-участие в проведении оценки и экспертиз проектных решений, строящихся и построенных объектов
6	Педагогическая	-участие в программах архитектурного образования, в популяризации архитектуры в обществе

Современные методы и средства образовательных технологий, вместе с изменениями в области производственных технологий, выявляют необходимость формирования у специалиста особых знаний, умений и навыков, свойств, качеств и способностей. Которые обеспечат его профессиональную мобильность, информационную и практическую компетентность в решении задач специализированной, в данном случае творчески-технической, деятельности (проектной, научно-исследовательской, организационно-управленческой, коммуникативной, экспертной и педагогической).

References

1. Барсукова, А. Д. Особенности формирования профессионального самосознания студенчества [Текст] / А. Д. Барсукова. – М.: Издательство АСВ, 2009. – 168 с.
2. Бархин, Б. Г. Методика архитектурного проектирования [Текст] / Б. Г. Бархин. – М.: Стройиздат: Книга, 1982. – 244 с.
3. Горбатова, М. К. Методики преподавания в высшей школе [Текст] / М. К. Горбатова. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. – 53 с.
4. Кринский, В. Ф. Элементы архитектурной композиции [Текст] / В. Ф. Кринский, И. В. Ламцов, М. А. Туркус. – М.: Стройиздат, 1978. – 328 с.
5. Маклакова, Т. Г. Функция, конструкция, композиция в архитектуре [Текст] / Т. Г. Маклакова. – М.: Ассоциация строительных вузов, 2002. – 255 с.
6. Мелодинский, Д. Л. Архитектурная пропедевтика [Текст] / Д. Л. Мелодинский. – М.: «Архитектура-С», 2000. – 312 с.
7. Никитина, Н. П. Основы архитектурно-конструктивного проектирования. Выполнение курсовых проектов [Текст] / Н. П. Никитина. – Екатеринбург: Издательство Ур.ун-та, 2013. – 56 с.
8. Рочегова Н. А. Компьютерное моделирование в процессе формирования основ архитектурной композиции. [Текст] / Дис. на соиск.кандидата архитектуры М.: МАрХИ, 2010г.
9. Степанов, А. В. Объемно-пространственная композиция [Текст] / А. В. Степанов, В. И. Малыгин. – М.: Архитектура-С, 2007. – 255 с.
10. Тимофеева, Т. А. Учебное макетирование в МАРХИ [Текст] / Т. А. Тимофеева. – М.: Лады, 1997. – 158 с.
11. Тосунова, М. И. Архитектурное проектирование [Текст] / М. И. Тосунова. – М.: Высшая школа, 2007. – 320 с.

Shinyavskaya T.Yu., Berseneva T.S. Language of Specialty as the new approach in teaching English for students of engineering

Shinyavskaya Tatiana Yuryevna,

Senior Lecturer, Ural Federal University, Ekaterinburg
soushko@mail.ru

Berseneva Tatiana Sergeevna,

Senior Lecturer, Ural Federal University, Ekaterinburg
tatber@mail.ru

Abstract. The article discusses the perspectives of English language teaching for students of technical specialties. It addresses the problem of English teaching methodology. The main impetus for the development of language education can be regarded as the practical needs of business. The needs of foreign language acquiring are rising continuously but the study of foreign languages often remains at the same level and can be determined as translation of specialized literature. In this article, the authors suggested to broaden the approach towards teaching foreign languages and view it as a complex interdisciplinary approach that can be described as the Language of speciality. The authors consider it to be the most promising direction in the development of the language training in the university.

Keywords: technical English, International language of professional communication, English for special purposes, teaching English in universities and colleges, language of speciality.

Modern world conditions need international economic ties. The necessity of highly qualified specialists who can communicate directly with their foreign partners becomes crucial as we all know the expression: "Time is money". Nowadays many companies are not willing to spend their resources on translators and interpreters. Management is constantly trying to find ways of solving communications problems either by means of technology or by employing personnel with the necessary language skills.

No doubt, that that the need in translators and interpreters will decrease and the implementation of advanced communication technology will rise, consequently. We can all follow the progress of Google in developing its Google-translator [1]. We were impressed by the results of Rekimoto's experiment when even native speakers had

some difficulties to detect the machine translation. Obviously, Google translator isn't always successful but it is a "quick learner" that constantly improves. Therefore, companies prefer to hire personnel that could not only translate but who could think on a foreign language. Those who can react immediately, who wouldn't spend their time on translation and processing the links with necessary information. All the links should be formed in their heads before graduation.

Therefore, we need to rethink our traditional approach in teaching English for Engineers and gradually reshape the programs to meet the demand of modern economy. Unfortunately, the most common skill our students are good at is the translation of technical tests related to their specialities. The actual task is to master their knowledge of the expressions of the speciality. They also have to acquire skills and abilities to use highly specialized vocabulary to be able to perform vocationally oriented tasks aimed at further communication. Although the knowledge of English itself is already a valuable skill, without knowledge of technical English terminology, suitable grammatical structures it is less efficient for professional development. Young specialists will not be able to respond promptly because the meaning of technical words and expressions differs significantly from general English vocabulary. Add here the fluency of the native speaker, professional slang, natural distracters and you'll have a completely lost person.

In modern methodology, the problem of teaching professionally oriented vocabulary is widely covered. This topic is very popular among Chinese specialists like Ying Zhang, Yonglong Zhang, Fang Yang and our native researchers such as R.P. Milruda, T.V. Popova, E.N. Solovova as well as Pearson and Oxford specialists who are writing numerous teachers books. However, the issues of forming professionally oriented lexical competence among future engineers are not fully resolved. Under these circumstances, the teaching community needs to make the next step and to improve further the methodology for the formation of professionally-oriented lexical competence among students in technical science.

While studying for his or her speciality and preparing for future professional activity, students master special vocabulary and terminology, skills and abilities to read special literature, speak and write on topics and problems of a chosen speciality. There is no doubt that English for Special purposes or vocational English can help with that. "As with most disciplines in human activity, ESP was a phenomenon grown out of a number of converging trends of which we will mention three most important: 1) the expansion of demand for English to suit specific needs of a profession, 2) developments in the field of linguistics (attention shifted from defining formal language features to discovering the ways in which language is used in real communication, causing the need for the development of English courses for specific group of learners), and 3) educational psychology (learner's needs and interests have an influence on their motivation and effectiveness of their learning)" [2 p.3].

However, traditional vocational course books can offer a good command of general and professional lexis but often omit the peculiarities that might be vital for the future specialists. Therefore, the blending approach towards teaching vocational English might have a crucial impact of the final result. Foreign language specialists cannot solemnly rely on their expertise and knowledge of foreign language. Every technical speciality is designed for solving particular tasks and tackle specific problems of the modern world. Therefore, general knowledge and skills are not enough. We need to collaborate with our colleagues from other departments who deliver lectures on their specialities. The key factor to success is our ability to adjust our course and workshops to a particular needs of our students. We need to form the Language of speciality. We need to form the vocabulary that will correspond with their professional terminology in their native language. We need to teach them similar expressions and deliver similar explanation to make a clear picture of their future profession in both languages.

The interest in the foreign language for profession has steadily increased since the XIX century. Now it is rapidly growing sector in linguistics that attracts many

researchers. Today, analysis of the language for special purpose is the part of the applied linguistics disciplines, where special attention is given to terminological rationing when translating special texts and ensuring their understanding. It is the basis for the formation the language of the speciality, which is the complex of all linguistic means that are used in a restricted area of communication to ensure mutual understanding of people employed in this field [3 p.326]. To be more precise in its definition, we can distinguish the particular features that shape the language of speciality. It is linked with mainstream specialities. The specialized vocabulary is used in oral and written practice that correlates with appropriate grammar patterns. Language of speciality is mainly characterized by interdisciplinary areas of communication. To make it useful in everyday practice we need to consider its official application. For instance, we need to adjust our "English for construction" vocational course by Pearson with SNIP (construction rules and regulations) terminology adopted in the Russian Federation as it is an essential and vital part of the future construction engineer in our country. We also need to collocate them with International practice to enable our students to communicate with foreign colleagues. To perform this task successfully we need to join the efforts with our colleagues and to adopt this interdisciplinary approach in all the acquired skills like speaking, reading, writing and listening.

References

1. The New York Times magazine. "The great A.I. Awakening" by Gideon Lewis-Kraus, Dec.14.2016
2. Teaching Foreign Language for Specific Purposes: Teacher Development. Milevica Bojović, MA, lecturer at Faculty of Agronomy Čačak, Serbia// 31 Annual ATEE Conference.
3. T.V. Kolomiets. The language of the specialty as a factor of the professional development of students-pharmacists in the study of English // Theory and practice of

education in the modern world: materials of the International Scientific Conf. (St. Petersburg, February 2012). - St. Petersburg: Renome, 2012. - P.325-328.

4. G.K. Borozenets. Professional training in foreign languages in a non-linguistic university on the basis of the native language // Materials of Tr. All-Russian Scientific Methodological conference. - Tolyatti: TolPI, WUIT, 1999. - P. 273-277.

Shlyakhtina M. Psychological barriers while teaching adults foreign language

Психологические барьеры при обучении взрослых иностранному языку

Shlyakhtina Marina

2-year post-graduate student, Department of General and Social Pedagogy
North-Eastern State University

Scientific adviser

Leonova O., Doctor of Pedagogy, Professor
North-Eastern State University

Шляхтина Марина Игоревна

Аспирантка 2 года обучения кафедры общей и социальной педагогики
Северо-Восточного государственного университета

Леонова О. А., д.п.н., профессор, проректор по научной работе
Северо-Восточного государственного университета

Abstract: in this article the author keeps under review different definitions of the term «barrier», highlights the barriers which can prevent foreign language learning by adults, also the author finds out the possible reasons of barriers occurring.

Keywords: psychological barriers, barriers in learning, verbalized and non-verbalized sense.

Аннотация: в данной статье автор рассматривает различные определения понятия «барьер», выделяет барьеры, препятствующие овладению взрослыми иностранным языком, а также их возможные источники.

Ключевые слова: психологические барьеры, барьеры в обучении, вербализуемые и невербализуемые смыслы

В процессе освоения новой языковой реальности, взрослый сталкивается с необходимостью обучения, наряду с тем погружаясь в новые отношения с учебным предметом, ситуацией обучения, партнерами, а также с самим собой. Определенные психологические барьеры могут возникнуть при противоречии принятия роли ученика и другими социальными ролями.

В психолого-педагогической науке существует несколько направлений понимания функций барьеров:

1) преодоление барьеров ведет к чувству удовлетворения, дает положительные эмоции;

2) при столкновении с барьерами человек на базе инстинктов использует защитные механизмы;

3) при возникновении противоречий получаемой информации в ходе формирования структуры знания, происходит либо пересмотр имеющихся знаний, либо исключение противоречий [3].

Шакуров Р. Х. определяет понятие «барьер» как нечто нежелательное, некая преграда, которая не может быть просто «удалена», данная преграда требует от субъекта стимула к проявлению активности.

Зимняя И. А. рассматривает проблему барьеров в более широком контексте, выделяя этно-социокультурные, статусно-позиционно-ролевые, индивидуально психологические, возрастные, деятельностные и межличностные препятствия [2].

Преподаватель часто воспринимает взрослого обучающегося, согласно его социальной роли, то есть ученика, но при этом могут быть оставлены без внимания его роль как профессионала, члена семьи, коллектива. Трудности могут возникнуть у взрослого обучающегося, если преподаватель и некоторые члены группы моложе его: возможно чувство неловкости, дискомфорта, но значимость самого образовательного процесса заставляет преодолевать подобные трудности с целью овладения необходимыми новыми знаниями и навыками [1].

Анализ исследований Гегечкори Л. Ш., Витлин Ж. Л., Кабардов М. К., Китайгородская Г. А., Леонтьев А. Н., Мильруд Р. П., Пассов Е. С., Цветкова Т. К. показал, что многие авторы придерживаются мнения, что барьеры в обучении возникают из-за несовершенства технологий преподавания, недостаточного учета психологических законов обучения.

Тем не менее, мы считаем, ход и результат изучения иностранного языка взрослыми детерминируется не только адекватностью техник, качеством технологии преподавания, но социальными установками, спецификой характеристик окружения, субъективными параметрами взрослого как субъекта учебной деятельности.

Иностранный язык – знаковая реальность, владение которой стало одним из основных критериев конкурентоспособной личности. Но, несмотря на стимулирование обществом обращения к иностранному языку, в самом же обществе возникает ряд противоречий, и, как следствие, происходит формирование отрицательных установок в отношении изучения иностранного языка. К таким противоречиям можно отнести противоречие о доступности образовательных услуг и их недоступности для населения; требованием знания иностранного языка и их формальностью; разнообразием образовательных программ и их неэффективностью; необходимостью владения иностранным языком и отсутствием возможности общения с иностранными партнерами.

В нашей повседневной жизни мы зачастую сталкиваемся с иноязычными реалиями, некоторые из которых в недостаточной степени могут быть ассимилированы человеком, и как результат могут вызывать либо положительное отношение, становясь определенным стимулом, либо наоборот: восприниматься как угроза состоятельности субъекта. Второй вариант чаще встречается среди взрослых, так как их мировоззрение, системы ценностей уже сформированы, а при овладении иностранным языком происходит ценностный диссонанс, взрослый начинает считать, что происходит насильное навязывание иностранного языка обществом, тем самым, происходит активизация психологической защиты, которая может выражаться в поиске мотивов, которые смогут оправдать отсутствие желания субъекта к учению, то есть, взрослый сталкивается с барьером искажения действительности.

Итак, взрослый сам ограничивает себя в саморазвитии и самореализации, занимая отчужденную позицию по отношению к новой языковой реальности.

Зачастую, взрослый, начавший изучение иностранного языка уже в зрелом возрасте, придерживается мнения, что окружающую действительность можно описать теми же средствами, что и на родном языке. «Перевод» на иностранный язык происходит без понятийного осознания содержания иностранных слов,

формирование и формулирование высказывания происходит через призму родного языка. В случае столкновения смыслов систем, субъект испытывает чувство отчужденности от иностранного языка из-за внутреннего конфликта [4].

Языковая картина мира каждого из народов имеет свою специфику. Она «встроена в когнитивную, однако в силу большей специфичности языковой картины мира одна и та же когнитивная категория может по-разному осмысливаться разными лингвокультурами» [4: С. 71].

Не всегда можно верно воспринять реплику собеседника с помощью знания значений. В любом языке существуют уровни вербализуемых и невербализуемых смыслов. Иногда интонация, мимика могут противоречить смыслу высказывания, поэтому некоторые ученые (Кабардов М. К., Зимняя И. А., Цветкова Т. К.) считают, что интонация может иметь более важную роль, нежели звуковое оформление речи. Пассов Е. И. обращает внимание на то, что вместо того, чтобы произнести предложение с идеальным произношением, куда предпочтительнее правильная расстановка логического ударения, которая облегчает понимание смысла высказывания. Важным моментом здесь является целостность построения модели преподавания, вербального и невербального плана.

Итак, в процессе преподавания и овладения иностранным языком могут возникнуть несовпадение значений и смыслов в контексте «общепринятое значение – значение, сформированное субъектом».

Барьеры, вызванные психологическими характеристиками процесса обучения иностранному языку, могут возникнуть ввиду недостаточного учета психологических особенностей взрослого как субъекта изучения иностранного языка, но и выборе приемов и способов преподавания.

Формирование у взрослых положительного отношения к процессу освоения иностранного языка возможно в случае осознания значимости, прагматичности и перспективности освоения иностранного языка.

Моделированию положительного отношения могут способствовать психологическая и социальная подготовка обучающихся, которая будет способствовать не только усвоению предмета, развитию ценностной мотивации, но к коррективке негативных эмоций, преодолению различных барьеров, благодаря личному позитивному отношению к процессу изучения иностранного языка.

References

1. Дьюн Дж. - Психология и педагогика мышления. - М., 1999. – 385 с.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология: Учебное пособие. - Ростов н/Д.: Изд-во "Феникс", 1997. - С. 400-473.
3. Осути С., Сазки Ю. Приобретение знаний. М: Мир. - 1990. – 276 с.
4. Цветкова Т. К. Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку. Вопросы психологии. – 2001. – №4. – С.68-81.

Sosipatrova N.E. Certain questions of the legal education quality in the Master's programme

Некоторые вопросы качества юридического образования в магистратуре

Sosipatrova Nadezhda Evgenievna

PhD in Law,
associate professor of the civil law and procedure chair,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

Сосипатрова Надежда Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Abstract: In this article certain questions influencing quality of the education in the Master's programme are revealed. The author comes to the following conclusions: firstly, currently existing ratio of lectures and seminars (20% and 80% of class hours correspondingly) results in destruction of fundamental education and shall be adjusted in the new Federal State Educational Standard of the Higher Education; secondly, giving the universities the right to admit to the Master's programme persons without the field-specific higher education shows the general tendency of commercialization of the higher and postgraduate education and seems to be unacceptable from the point of view of the quality of the knowledge receipt; thirdly, professors' works on guidance manuals for the Master's programme courses are copyright objects and shall be adequately paid for.

Keywords: importance of the lectures, balance between lectures and seminars, commercialization of education, guidance manuals for the Master's programme courses, payment for author's methodical works of professors.

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые вопросы, влияющие на качество получения юридического образования в магистратуре. Автор приходит к следующим выводам: во-первых, существующие ныне соотношение часов лекционных и семинарских занятий (соответственно 20% и 80% от аудиторных часов) влечет дефундаментализацию юридического образования и должно быть скорректировано в новом ФГОС ВО; во-вторых, предоставленное вузам право принимать в магистратуру лиц, не имеющих высшего профильного образования, свидетельствует об общей тенденции коммерциализации высшего и послевузовского образования и с точки зрения качества получаемых знаний представляется недопустимым; в-третьих, разработки преподавателей по учебно-методическому обеспечению дисциплин магистратуры являются объектами авторского права и должны адекватно оплачиваться.

Ключевые слова: значение лекционных занятий, баланс лекций и семинаров, коммерциализация образования, учебно-методическое обеспечение дисциплин магистратуры, оплата авторских методических разработок преподавателей.

Проблемы качества юридического образования, обсуждаемые на научных форумах, в юридической печати и в средствах массовой информации в течение ряда лет, встали с особой остротой в связи с присоединением Российской Федерации к Болонскому процессу и переходом на двухуровневую систему обучения студентов, что неоднозначно было воспринято юридическим сообществом.

Обеспокоенность преподавательского состава вузов вызвало прежде всего сокращение срока обучения и отказ от специализации при подготовке студентов-бакалавров, а также снижение часов лекционных занятий как в бакалавриате, так и в магистратуре. По ныне действующему федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС ВО) основная образовательная программа бакалавриата должна предусматривать лекции в объеме не более 30% от всех часов аудиторных занятий, а в магистратуре – не более 20%. Такое соотношение лекционных и практических занятий в пользу последних влечет снижение теоретической подготовки студентов в угоду приобретения ими навыков практической деятельности. Отрадно, что после шести с половиной лет применения для подготовки бакалавров названного норматива Министерством образования и науки РФ 1 декабря 2016 года был утвержден новый ФГОС ВО по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата), в котором предусмотрено, что количество часов, отведенных на занятия лекционного типа по дисциплинам базовой части образовательной программы, должно составлять не более 50% от общего числа аудиторных занятий (п.6.10) [8]. Таким образом, следует ожидать, что с 1 сентября 2017 года, когда вступит в силу названный ФГОС ВО, количество часов лекций для бакалавров в учебных планах юридических факультетов будет увеличен. Однако для магистратуры соотношение лекционных и семинарских занятий остается прежним – соответственно 20% и 80% от аудиторных занятий.

Отечественное образование (особенно получаемое в классических университетах) всегда отличалось фундаментальностью подготовки студентов. А для хорошей теоретической подготовки, что составляет фундамент образования, первостепенное значение имеет лекция. Конечно, можно возразить, что при сегодняшнем обилии источников информации и доступности ее получения лекция не играет значительной роли в процессе обучения. На первый план выдвигаются такие формы обучения, как практические занятия, самостоятельная работа студентов, консультации преподавателя. Не отрицая значения этих видов занятий, следует заметить: чтобы практическое занятие было плодотворным, к нему надо подготовить студента, снабдив его теоретическими знаниями. Если уповать на то, что студент получит эти знания в результате самостоятельной работы над учебником, нормативно-правовыми актами, монографической литературой, – значит, впадать в утопию. Это по плечу лишь немногим очень организованным студентам с хорошими аналитическими способностями и памятью. На наш взгляд, на каждом курсе дневного отделения таких не более 10-15%. Значит, абсолютное большинство студентов придут на практическое или семинарское занятие с таким уровнем знаний, что проводить занятие в активной форме будет неэффективно. В этой ситуации преподаватель, ведущий занятие, вынужден будет «закладывать» ту теоретическую базу, которая необходима для решения практических задач, проведения ролевой игры, анализа материалов правоприменительной практики и которая дается на лекциях. При этом надо иметь в виду, что уровень теоретической подготовки лектора и преподавателя, ведущего семинарские и практические занятия, может быть разным.

Общее направление ведущихся в России образовательных реформ характеризуется дефундаментализацией образования [2]. Увеличение часов практических и семинарских занятий за счет лекций свидетельствует о том, что в ущерб теоретической подготовке во главу угла ставится прагматическая

установка – формирование у студентов навыков практической деятельности. Сама по себе эта цель не нова (и не плоха!), но достигать ее можно разными способами. Можно нацеливать студента на знание текста закона, чему прежде всего посвящены практические занятия, а можно ориентировать на освоение основных научных положений, категорий, конструкций, которые излагаются студентам на лекциях. Если делать ставку в преподавании отраслевых юридических дисциплин на практические занятия, где будут рассматриваться конкретные правовые ситуации, возникает опасение, что знания выпускника будут устаревать в день принятия нового закона и, возможно, до окончания юридического вуза [3, 18]. Хочется надеяться, что при разработке нового ФГОС ВО по направлению подготовки «Юриспруденция» (уровень подготовки – магистратура) допущенный ныне «перекос» занятий в пользу семинарских будет устранен.

Другая проблема, связанная с подготовкой магистров (причем, не только по направлению подготовки «Юриспруденция»), видится в предоставленном вузам праве принимать в магистратуру студентов, имеющих высшее непрофильное образование. С учетом того, что дисциплины, преподаваемые в магистратуре, направлены на получение углубленных (а не общих!) знаний по юриспруденции, магистранты должны освоить первый уровень обучения – бакалавриат или специалитет. Без базовых знаний по отраслевым юридическим дисциплинам пытаться освоить (также как пытаться преподавать) проблемные вопросы курса (на освоение которых нацелена магистратура) невозможно.

Практика некоторых вузов готовить к поступлению в магистратуру лиц, не имеющих профильного образования, в течение 1-2 семестров читая им обзорные лекции по теории государства и права и основным отраслевым дисциплинам, «не делает погоды». За полгода-год невозможно сформировать правовое мышление. Если даже наиболее способные слушатели механически запомнят преподнесенный им объем информации, его нельзя будет признать системными

(и тем более глубокими) знаниями в той или иной области юриспруденции, на базе которых можно изучать проблемные вопросы правовой науки. Будущие магистранты не приобретают опыта ни системного толкования нормативных правовых актов, ни анализа и обобщения правоприменительной практики, ни осмысления вопросов правовой доктрины.

Решение вузов обучать в магистратуре студентов, не имеющих квалификации ни специалиста, ни бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция», принимается в русле общей тенденции коммерциализации высшего и послевузовского образования. Эта тенденция наметилась в 90-ые годы и проявилась, в частности, в том, что вузы стали готовить исключительно на платной основе за три года и три месяца специалистов на базе высшего непрофильного образования. Такая система подготовки юристов подвергалась критике, причем единодушное мнение о недостаточной квалификации таких юристов высказывало всё юридическое сообщество страны – судьи, прокуроры, адвокаты, нотариусы. Справедливости ради надо заметить, что наиболее одаренные и целеустремленные студенты, обучавшиеся по данной системе, сумели получить необходимые базовые знания, которые позволили им заниматься правоприменительной деятельностью. Однако в массовом порядке знания, полученные за три с небольшим года заочного обучения, нельзя было признать ни глубокими, ни прочными. Сегодняшняя система обучения юриспруденции в магистратуре (за два с половиной года) студентов, не имеющих базового юридического образования, представляется недопустимой и является шагом назад с точки зрения качества юридического образования.

Недаром эта тенденция, наметившаяся несколько лет назад, с самого начала вызывала тревогу преподавательского корпуса. Так, В.Б. Романовская отмечала: «...человек быстро и недорого получает диплом магистра юриспруденции, а вуз – денежные средства, позволяющие ему хоть как-то выживать в условиях скудного государственного финансирования... Тактически

это удобно обеим сторонам, а вот стратегически – это катастрофа. И для личности, и для государства. Причем масштабы такой катастрофы сейчас трудно представить» [5, 179].

Еще один аспект, в значительной степени влияющий на качество юридического образования, это надлежащее учебно-методическое обеспечение образовательного процесса. Традиционно оно состоит из рабочих программ учебных дисциплин, планов семинарских и практических занятий, тематики курсовых и контрольных работ, экзаменационных билетов. Однако с учетом того, что приоритетным направлением модернизации российского образования стал компетентностный подход, в основу которого положена подготовка квалифицированных юристов, способных творчески мыслить и успешно работать в условиях современной правовой действительности, в учебном процессе должны широко использоваться новые, интерактивные, методы обучения – проблемные лекции, практические занятия, проводимые в форме «круглого стола», дебатов, мозгового штурма, кейс-технологий, деловой игры [6, 196]. Такой подход требует обеспечения учебного процесса практикумами, сценариями деловых и ролевых игр, тестами, темами для коллоквиумов, материалами правоприменительной практики, разноуровневыми задачами и заданиями, тематикой эссе, проблемными вопросами для «круглых столов» и другими методическими материалами. Их подготовка – очень кропотливая и трудоемкая работа, которая значительно увеличивает нагрузку преподавателя, но никак не сказывается на его зарплате. Такая политика государства в сфере высшего образования, влекущая интенсификацию труда преподавателей без адекватного вознаграждения, не может не сказаться на качестве преподавания.

Между тем, если государство не изыскивает средств для увеличения заработной платы преподавателям, то не следует забывать о еще одном рычаге стимулирования преподавателей к обеспечению учебного процесса оригинальными учебно-методическими разработками [4], такими, как сценарий

проведения деловой игры, план ведения научной дискуссии, «круглого стола», задание для контрольной работы, тесты, материалы правоприменительной практики, адаптированные к учебному процессу, базы данных, информационно-поисковые и информационно-справочные системы, автоматизированные учебные курсы, компьютерные задачки и другие.

Такие разработки представляют собой объект авторского права, являющийся служебным произведением, на которое распространяется ст. 1295 Гражданского кодекса РФ [1]. Она предусматривает, что авторские права на произведение, созданное в пределах, установленных для работника (автора) трудовых обязанностей, принадлежат автору. Исключительное право на такое произведение принадлежит работодателю, если договором между ними не установлено иное. Если работодатель в течение трех лет со дня предоставления в его распоряжение служебного произведения начнет его использовать (или передаст исключительное право другому лицу, либо примет решение о сохранении такого произведения в тайне, что маловероятно для учебно-методического комплекса), то автор получает право на вознаграждение. Его размер, условия и порядок выплаты определяются договором между работодателем и автором, а в случае спора – судом.

Несмотря на то, что норма о выплате вознаграждения за служебное произведение не является новой для российского авторского права, а существует более 20 лет [7], почти всё это время работодатель в лице вуза игнорировал её действие. Лишь последние несколько лет наметились некоторые сдвиги и крупные вузы начали материально поощрять активность преподавателей в научной и научно-методической работе, проводя конкурсы на лучшую методическую разработку с выплатой вознаграждения победителям. Не принижая значения конкурсов, следует заметить, что оплате должна подлежать любая методическая разработка, прошедшая рецензирование, обсуждение на кафедре, где она подготовлена, и рекомендованная методической комиссией вуза

(факультета университета) для использования в учебном процессе. Оплата за ее использование вузом должна носить не характер разового поощрения, а стабильного вознаграждения, предусмотренного законом, за использование служебного произведения.

В статье затронуты некоторые аспекты, влияющие на качество подготовки юристов в магистратуре. Несомненно, в действительности их гораздо больше, поэтому данная статья не претендует ни на обзор всех проблем юридического образования в магистратуре, ни на незыблемость высказанного автором мнения, а, скорее, приглашает к дискуссии.

References

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496. (с изм. от 28.03.2017).
2. Кузьменко Н.Е. О модернизации образования в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1193321840&archive=1196814959&start_from=&ucat=&
3. Об опасности преподавания гражданского права в новых экономических условиях путем «натаскивания на закон» в рамках решения казусов предупреждал еще в середине девяностых годов заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова проф. Е.А.Суханов. // Е.А.Суханов. Преподавание гражданского права в современных условиях. // Сборник учебно-методических материалов по гражданскому праву. / Под ред. Е.А.Суханова. – 2-е изд. с доп. и изм. – М.: ДЕ-ЮРЕ, 1995. – С.18
4. По общему правилу, под учебно-методическими разработками для учебного процесса понимаются тексты (издания), содержащие материалы по

методике преподавания, изучения учебной дисциплины или ее части. // Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения. Международный стандарт ГОСТ 7.60-2003. Издание официальное.

5. Романовская В.Б. Переход на двухуровневую систему подготовки юристов – деформация или модернизация? // Проблемы качества юридического образования в современной России: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25 ноября 2011 г.). – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2011. – с.179.

6. Сосипатрова Н.Е. Case-метод как способ интерактивного обучения гражданскому праву // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 3. Часть 4. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. – с.196.

7. Ст. 14 Закона об авторском праве и смежных правах не просто предусматривала выплату вознаграждения автору служебного произведения, но и закрепляла презумпцию возмездности соответствующих отношений между автором и работодателем // Ведомости Верховного Совета РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1242.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата), утвержден приказом Министерства образования и науки РФ 1 декабря 2016 года

№ 1511. Зарегистрировано в Минюсте России 26 декабря 2016 года № 45038 // <http://fgosvo.ru/400301>

Tayurskaya M. Development of creative abilities in scene drawing of children sixth year of life.

Развитие творческих способностей в сюжетном рисовании детей шестого года жизни.

Tayurskaya Maria

Student of the Department of Pedagogy and Psychology of preschool education
Pedagogical Institute of the Irkutsk State University

Scientific adviser

Bagadaeva O.Y., Senior Lecturer, Department of Pedagogy and Psychology of preschool education
Pedagogical Institute of the Irkutsk State University

Таюрская Мария

Студентка кафедры педагогики и психологии дошкольного образования
Педагогический институт Иркутского государственного университета

Научный руководитель

Багадаева О.Ю., старший преподаватель кафедры педагогики и психологии дошкольного образования
Педагогический Институт Иркутского Государственного Университета

Abstract. This article deals with the problem of development of creative abilities of children of the sixth year of life. Studied the development of creative abilities in scene painting. The planned work to improve the level of development of creativity in the scene painting.

Keywords: creativity, drawing the plot, a senior preschool age, the criteria of creativity, the levels of development of the plot drawing.

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема развития творческих способностей у детей шестого года жизни. Изучено развитие творческих способностей в сюжетном рисовании. Представлена работа по развитию творчества в сюжетном рисовании.

Ключевые слова: творческие способности, сюжетное рисование, старший дошкольный возраст, критерии творчества, уровни развития сюжетного рисования.

В настоящее время, проблема развития детского творчества остается актуальной, несмотря на то, что изучена достаточно широко. Потребности практиков свидетельствуют о том, что детское творчество требует более точечного изучения, в частности возможностей сюжетного рисования в развитии творческих способностей детей.

В современной педагогической науке вопрос развития детского творчества раскрывается сейчас с новых позиций раскрытия субъектности и творчества дошкольника, поэтому эта проблема становится все более актуальной. В дошкольных организациях, в основном, занятия направлены на формирование изобразительных знаний, умений и навыков, и по-прежнему носят строгий дидактический характер, основывающийся на освоении техник и канонов, зачастую не интегрированы в образовательный процесс или имеют характер заполнения свободного времени детей.

В Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования, в целевых ориентирах, сказано, что ребенок на этапе завершения дошкольного образования обладает развитым воображением, проявляет инициативу и самостоятельность в разных видах деятельности, ребенок способен к принятию собственных решений, опираясь на свои знания и умения в различных видах деятельности.

Дошкольный возраст – это возраст наиболее активного рисования, поэтому сюжетное рисование как способ отражения и преобразования окружающей дошкольника действительности должен быть не только глубоко изучен, но и использован в максимальной мере.

Вследствие этого, становление детского творчества, как отмечают Т.С. Комарова, Е.А. Флерина, Г.Г. Григорьева, И.А. Лыкова, С.В. Погодина и др., по-прежнему, считается одной из ключевых задач дошкольного воспитания,

Цель работы: изучить особенности развития творческих способностей детей шестого года жизни в сюжетном рисовании.

Объект: процесс развития детского изобразительного творчества в сюжетном рисовании.

Предмет исследования: педагогические условия развития творческих способностей в сюжетном рисовании у дошкольников.

В основу исследования положена гипотеза о том, что развитие творческих способностей детей шестого года жизни в сюжетном рисовании будет более эффективным, при реализации следующих педагогических условий:

- определение содержания изобразительной деятельности, в которой учитываются особенности и реализуются возможности развития творческих способностей детей в сюжетном рисовании;
- обогащение образовательной среды разнообразными изобразительными материалами,
- создание условий для обогащения впечатлений об окружающей действительности.
- организация работы с родителями и педагогами, направленной на повышение их компетентности в вопросах развития творческих способностей детей в сюжетном рисовании.

Исходя из цели, для проверки выдвинутой гипотезы были сформулированы следующие задачи исследования:

- 1) Выявить сущность понятия «детское творчество», «творческие способности», «сюжетное рисование».
- 2) Определить критерии и уровни развития творческих способностей. Подобрать диагностический материал и выявить особенности сформированности творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста.
- 3) Разработать и апробировать педагогические условия использования сюжетного рисования для развития творчества детей.

Теоретико-методологической основой исследования выступили:

- положения о воображении и его развитии в детском возрасте (Л.С. Выготский, А.В. Петровский, Л.С. Рубинштейн и др.);
- подходы к развитию детского творчества (Э.П. Торренс, Г.Г. Григорьева и др.);

- идеи об использовании показателей творчества, по которым можно отнести ту или иную продукцию детей к творчеству (Н.А. Ветлугина и др.);
- обоснование об использовании критериев для оценки творческих способностей детей (Д. Лефбридж, А.М. Матюшкин и др.);

В нашей работе мы рассмотрели позиции таких авторов как: Е.А. Флерина, Л.С. Выготский, Т.С. Комарова, Г.Г. Григорьева, В.Г. Злотников, А. Лилов, Л.Г. Ковалев, Н.С. Лейтес, А.В. Петровский, А.М. Матюшкин, Н.А. Ветлугина, И.А. Лыкова, С.В. Погодина и др.

Впервые определение творчеству детей дошкольного возраста дала Е.А. Флерина и понимается оно как – «умение, приобретаемое в процессе воспитания и обучения, не только воссоздавать наблюдаемое, но и преобразовывать воспринятое, внося свою инициативу в замысел, содержание, форму изображаемого, то есть умение не только копировать, но и реконструировать» [12].

Творчество у ребенка проявляется не только тогда, когда он сам придумывает тему своего рисунка, но и тогда, когда создается изображение по заданию педагога, если предоставляется возможность определять композицию, выразительные средства изображения, внесение интересных дополнений. У ребенка творчество проявляется даже тогда, если он изменил размер предмета, дополнил его какой-либо деталью или изменил цветовую гамму изображения в своей композиции.

С. В. Погодина определяет детское изобразительное творчество как – «процесс сознательного создания ребенком нового, субъективно и объективно значимого духовно-материального продукта деятельности, в ходе которого ребенком реализуется художественный потенциал и ранее усвоенный изобразительный, личностный (познавательный, эмоциональный и т.д.) опыт» [8, 47].

Исходя из позиций авторов, мы можем сказать, что детское изобразительное творчество – это отражение окружающей действительности ребенком в своем продукте деятельности. Это работа воображения, обработка полученных впечатлений об окружающем ребенка мире.

Рассмотрим подробнее понятие «способности». Так, Б.М. Теплов полагал, «что способности – это индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого и имеющие отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей». И действительно, у каждого человека есть способность к выполнению какой-либо деятельности, которая отличает его от других людей, и это его индивидуально-психологическая особенность. По мнению Н.С. Лейтеса, «способности – это свойства личности, от которых зависит возможность осуществления и степень успешности деятельности». То есть, если человеку дано все, чтобы он был художником, то в любой другой деятельности он не будет настолько успешен, как в изобразительной.

Таким образом, обобщив разные точки зрения по определению способностей, мы пришли к выводу, что под способностями понимаются такие индивидуальные особенности личности, которые обеспечивают значительную легкость и высокое качество овладения определенным видом деятельности.

Творческие способности – это в первую очередь способность человека находить особый взгляд на привычные и повседневные вещи или задачи. Эта способность напрямую зависит от кругозора человека. Чем больше он знает, тем легче ему взглянуть на исследуемый вопрос с разных ракурсов.

По мнению Е.А. Флериной, «сюжетное рисование обеспечивает развитие детского творчества в целом, формирует самостоятельность и изобразительные способности ребенка». Е.А.Флериная подчеркивает, что «сюжетное рисование является важным и эффективным средством развития детского творчества. В сюжетном рисовании задействованы практически все психические процессы:

воля, воображение, память, мышление. У ребенка развивается самостоятельность и изобразительные способности, важные для развития его творчества» [12].

Сюжет – это предмет художественного изображения. Рисование – это искусство изображать на плоскости что-либо или кого-либо. Исходя из данных определений, мы можем сказать, что сюжетное рисование – это искусство изображать предметы с определенным сюжетом, связывая, каждый объект друг с другом, а не по отдельности.

Главная цель сюжетного рисования – научить малыша передавать свои впечатления о находящейся вокруг реальности. Известно, что все окружающие предметы находятся в определенной связи друг с другом. Отношение к какому-либо явлению или же предмету во многом зависит именно от понимания этой связи.

Исследование особенностей развития творческих способностей проводилось на базе МБДОУ «Детский сад № 70» г. Ангарска Иркутской области. В исследовании принимали участие 40 детей старшего дошкольного возраста, которые составили 2 группы – контрольную и экспериментальную. Количество человек в каждой группе – 20.

Целью констатирующего этапа исследования являлось изучение уровня развития творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста.

Задачами констатирующего эксперимента выступали:

- 1) Определить критерии диагностики творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста.
- 2) Подобрать методики диагностики творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста.
- 3) Выделить особенности в развитии творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста.

4) Провести количественный и качественный анализ полученных результатов.

5) Оценить состояние работы по развитию творческих способностей в группе.

С помощью методики «Незаконченный рисунок» Э.П.Торенсона мы изучили особенности развития творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста, а именно таких критериев как: продуктивность, гибкость, оригинальность, воображение.

Материал: 1) Лист бумаги с изображением 10 контуров, простой или черный карандаш.

Инструкция: На этих двух страницах нарисованы незаконченные фигурки. Если ты добавишь к ним дополнительные линии, у тебя получатся интересные предметы или сюжетные картинки.

На выполнение этого задания отводится 10 минут. Постарайся придумать такую картинку или историю, которую никто другой не сможет придумать. Сделай ее полной и интересной, добавляй к ней новые идеи. Придумай интересное название для каждой картинки.

Оценка результатов: при интерпретации полученных данных обращается внимание на беглость, гибкость и оригинальность полученных ответов. Беглость связывается с общим количеством ответов. Максимальное количество баллов – 5, минимальное – 0.

Гибкость оценивают по количеству используемых категорий в содержании рисунков. Отказ – 0, максимальное – 5 баллов.

Оригинальность разных категорий оценивается по баллам: дорисовывание с минимальным количеством линий, при котором обыгрывается традиционное использование контура (огурец, солнышко и т. д.) – 1 балл. Рисунок состоит из дополнительных элементов, соединенных с основным контуром (человек, кораблик, дорожка в саду) – 2 балла. Основной контур является частью в других

предметах или их деталью – 3 балла. Рисунок содержит определенный сюжет, выражает некоторые действия – 4 балла. Рисунок включает в себя несколько изображений или предметов, раскрывающих его тему, которая подчинена одному смысловому центру, связанному с основным контуром, - 5 баллов.

Результат оценивания: при большом количестве баллов (11 и выше) можно говорить о высоких творческих способностях ребенка, его одаренности. Дети, набравшие меньше 2 – 3 баллов практически не обладают творческими способностями, хотя могут иметь высокий интеллектуальный уровень.

У детей в процессе выполнения задания отмечались такие особенности развития творческих способностей: дети внимательно слушали инструкцию перед выполнением задания, наблюдался интерес к созданию изображений, но не у всех. Дети с высоким уровнем развития творческих способностей рисовали с удовольствием, их изображения были необычные, некоторые из дорисованных линий детьми содержали определенный сюжет, например, Ульяна К. рисовала горы, облако с солнцем, дерево в лесу, что свидетельствует о высоком уровне развития воображения и оригинальности. В то время, как рисунки детей с низким уровнем развития творческих способностей не имели привязки к сюжету, а ограничивались лишь дорисовыванием линий или продолжением узора, например, улыбка, солнце, дерево и т.д.

Полученные результаты мы представили в таблице 1.1.

Таблица 1.1.

Уровень развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста по методике «Незаконченный рисунок» Э.П.Торенсона

Группа	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Экспериментальная группа	10%	25%	65%
Контрольная группа	5%	20%	70%

Как видно из таблицы к высокому уровню мы отнесли 10% экспериментальной группы и 5% детей контрольной группы. Эти дети набрали больше 11 баллов по результатам диагностики. Уровень развития воображения у

них имеет высокий показатель, что свидетельствует о богатом опыте окружающей действительности, выступающем как одно из важных условий развития воображения.

К среднему уровню по результатам диагностики мы отнесли 25% детей экспериментальной группы и 20% детей контрольной группы. Особенности развития творческих способностей детей этого уровня характеризовались следующими особенностями: эти дети набрали от 3 до 9 баллов в результате. В ходе выполнения задания у детей наблюдались некоторые затруднения в дорисовывании фигур, что свидетельствует о недостаточно развитом уровне воображения. Большинство детей рисовали однообразные фигуры, такие как дерево, улыбка, губы, елка и т.д.

Карина К., Даша Д., и Артём Б. выполняли задания в темпе медленнее, чем остальные дети со средним уровнем, при этом они испытывали трудности с придумыванием названия своим изображениям.

По результатам диагностики к низкому уровню мы отнесли 65% детей экспериментальной группы и 70% детей контрольной группы. В ходе наблюдения мы отметили, что дети испытывали большие трудности с придумыванием фигуры и названия для нее. Так же интерес к выполнению задания у этих детей практически не отмечался.

У детей (Кати С., Саши Т., Лены Р., Вики Д.) задание было выполнено не до конца, то есть не все фигуры были завершены. Дети объяснили это тем, что не знают, как можно дорисовать их. Мы наблюдали, что дети (Света О., Никита П.) выполняя задание, не придумывали фигуры, а просто «украшали» имеющиеся линии, названий для них придумать не смогли.

Обобщая результаты по проведению данной методики, мы можем сделать вывод об уровне развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста. Он заключается в том, что у большинства детей, в процессе выполнения задания, возникали трудности с придумыванием фигур и

названий для нее, что свидетельствует о низком уровне развития воображения. И позволяет сделать вывод о том, что у детей недостаточен опыт эстетического восприятия окружающей действительности.

Далее с помощью методики Э.П.Торенсона «Дорисовывание» мы изучили особенности развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста на основе таких критериев как: образная креативность, творческое мышление и воображение.

Инструкция: ребенку предлагают лист бумаги с нарисованными двумя рядами одинаковых контурных изображений (2 ряда по 4 кружка) и просят придумать и изобразить как можно больше предметов и вещей. Время выполнения 15 минут.

Обработка результатов: каждая новая идея оценивается в 1балл (0 баллов – отказ от работы). При результате в 1-3 балла, ребенок обладает низким уровнем развития воображения, 4-6 баллов средний уровень, и соответственно, 7-8 баллов высокий уровень развития творческого мышления и воображения. Полученные нами результаты представлены в таблице 1.2.

Таблица 1.2.

Уровень развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста по методике «Дорисовывание» Э.П.Торенсона

Группа	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Экспериментальная группа	5%	35%	60%
Контрольная группа	0%	30%	70%

Как видно из таблицы 1.2., что к высокому уровню в экспериментальной группе мы отнесли 5% (одного ребенка). Дошкольник был отнесен к высокому уровню, так как набрал наибольшее количество баллов, то есть 8. В процессе работы ребенок четко следовал инструкции, наблюдалось заинтересованность и желание работать. Так же он единственный из всех детей решил объединить

несколько кругов, для создания общего изображения, что не запрещалось инструкцией, а наоборот оценивалось как высокий уровень творческого мышления и образной креативности. Миша Р. объединив несколько кругов, нарисовал гусеницу. Помимо гусеницы он рисовал торт, летающую тарелку, ромашку и др. Все созданные им изображения отличались как друг от друга, так и от работ других детей, что указывает на высокий уровень развития креативности, творческого мышления и воображение этого ребенка.

В контрольной группе высокий уровень развития творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста нами не выявлен.

К среднему уровню развития творческих способностей нами были отнесены 35% детей старшего дошкольного возраста в экспериментальной группе и 30% детей в контрольной группе. Дети этого уровня набрали от 4 до 6 баллов в сумме, так как некоторые изображения не несли новой идеи, например, солнце, мяч, смайлик. Отличительной особенностью дошкольников этой группы было то, что фигуры детей имели похожие друг на друга изображения.

Нами было замечено, что дети (Коля М., Даша А., Рита У.) в ходе выполнения работы заимствовали некоторые идеи у других детей. Кроме того, эти дети не сразу поняли суть задания.

К низкому уровню развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста мы отнесли 60% детей экспериментальной группы и 70% детей контрольной группы. Дети с данным уровнем развития творческих способностей набрали от 1 до 3 баллов. У этих детей были выявлены трудности с выполнением задания. Половина кругов были не дорисованы, и желания заканчивать работу тоже не было. Например, Таня С., Дима И., Юля В. нарисовав по 4 круга, отказались выполнять задание дальше, объясняя тем, что не нравится. Другие же дети этого уровня закончили работу до конца, но большинство их фигур имели схожее значение, что оценивается в 0 баллов.

Обобщая результаты проведенной методики «Дорисовывание» Э.П.Торенсовна, можно сделать вывод о том, что большинство детей старшего дошкольного возраста имеют низкий уровень развития творческих способностей, а именно таких критериев как: образная креативность, творческое мышление и воображение.

С помощью методики «Оценка сформированности творческих способностей в сюжетном рисовании» мы выявили уровни освоения сюжетного рисования детьми старшего дошкольного возраста. Мы изучили развитие творчества в сюжетном рисовании на основе предложенных нами критериев творчества в сюжетном рисовании:

- 1) Инициатива в создании сюжета принадлежит самому ребенку;
- 2) Основой сюжета могут быть как собственные реальные, так и фантазийные впечатления, продукты детского фантазирования;
- 3) В сюжет легко вносятся дополнительные детали, персонажи или объекты с привязкой к существующему сюжету;
- 4) В сюжете отражены широкие ассоциативные связи, неожиданное использование предметов, использование их не типичным образом;
- 5) В сюжете выделены главные и второстепенные объекты;
- 6) В сюжете и композиции прослеживаются связи между предметами.
- 7) Композиция отражает богатство и разнообразие способов изображения;
- 8) В изображении прослеживается четкая линия горизонта;
- 9) Один предмет при необходимости загораживается другим;
- 10) Изображение предметов на рисунке разнообразно по способу, ракурсу;
- 11) В рисунке присутствуют необычные, оригинальные решения, выразительность в образе каждого объекта;
- 12) В рисунке используются разнообразные оттенки, величина и форма для отражения их характера и отношения к персонажам, объектам и явлениям;
- 13) Мелкие детали четко прорисованы;

13) Сохранены пропорции объектов;

14) Используются неклассические техники рисования, их свободная компоновка и сочетание.

Инструкция: ребенку предлагают неограниченное количество листов и краски, карандаши, мелки. И предлагается придумать свою сказку и изобразить ее.

Обработка результатов: каждый критерий при наличии оценивается в 1 балл, а его отсутствие – 0 баллов. Критериев 14, на основе полученных результатов определяется уровень освоения сюжетным рисованием, так же предложенные нами выше. Где 14-10 баллов высокий уровень, 9-5 баллов средний уровень и 4 и менее баллов низкий уровень.

Полученные нами результаты представлены в таблице 1.3.

Таблица 1.3.

Уровень развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста по методике «Оценка сформированности творческих способностей в сюжетном рисовании»

Группа	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Экспериментальная группа	5%	25%	70%
Контрольная группа	5 %	35 %	60%

Как видно из таблицы 1.3. к высокому уровню мы отнесли 5 % (один ребенок) контрольной группы и 5 % экспериментальной. Дети данного уровня набрали 10 баллов, что соответствует начальной границе высокого уровня. Ульяна К., единственная девочка, из всех детей набрала балл по критерию «один предмет при необходимости загромождается другим». К тому же в создании сюжета она использовала два листа, которые объединила в один, что является инициативой самого ребенка. Она придумала свою сказку о том, как «девочка Катя гуляла с собачками, а из-за дерева за ними наблюдала девочка Ира, которая

хотела подружиться с ней, но стеснялась. Но потом она решила познакомиться и они стали друзьями, и вместе гуляли». (Рис. 1)

В рисунках детей высокого уровня прослеживается сформированность всех технических умений, таких как: пропорциональность объектов, цвет, форма, четкая линия горизонта. Инициатива создания сюжета принадлежит самим детям, основой сюжета являются продукты детского фантазирования.

Рисунок 1.

К среднему уровню мы отнесли 35 % контрольной группы и 25 % экспериментальной. Результат детей среднего уровня составляет от 5 до 9 баллов. Саша Р., Полина К., Катя П. не придумали свою сказку, но рисовали сказку «Колобок», которую немного изменили. Так, например, Полина нарисовала Колобка, который играет с другим Колобком. Но дети не соблюдают пропорции героев, и связи между объектами не прослеживаются. Изображение объектов однообразно и типично, мелкие детали не прорисованы.

Низкий уровень результатов мы отнесли к большей части детей. А именно 60 % контрольной группы и 70 % экспериментальной. Софья Т., Саша Р., Леонид О. не проявляли инициативу в создании сюжета, в сюжете не выделены главные и второстепенные объекты. У детей данного уровня связи между предметами не

прослеживаются, композиция не отражает богатство и разнообразие способов изображения. Более того, технические навыки детей сформированы не в полном объеме. Дети не сохраняют пропорциональность объектов, в сюжете не прослеживается четкая линия горизонта, форма и цвет объектов не соответствуют действительности.

Никита М. нарисовал Человека Паука. Сказку ребенок придумать отказался, но прокомментировал свой рисунок: «это Человек Паук и он идет спасать человека в доме». (Рис. 2)

Рисунок 2.

Таким образом, изучения уровня развития творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста показало, что у большинства детей творческие способности развиты на низком уровне. Мы выявили, что отсутствуют у всех детей контрольной и экспериментальной групп такие критерии как:

- отражение в сюжете широких ассоциативных связей, неожиданное использование предметов, использование их не типичным образом;
- композиция отражает богатство и разнообразие способов изображения;
- изображение предметов на рисунке разнообразно по способу, ракурсу;

- используются неклассические техники рисования, их свободная компоновка и сочетание.

Практически у всех детей присутствует инициатива в создании сюжета и его основа.

Полученные результаты указывают на то, что приоритетные направления в развитии творческих способностей детей старшего дошкольного возраста будут выступать развитие воображения и творческого мышления.

В связи с этим мы проанализировали, какие условия создаются в группе воспитателями для развития творческих способностей детей.

Для этого мы выделили ряд критериев. Важным показателем организации работы является наличие предметно-развивающей среды, соответствующей принципам ФГОС ДО, вариативность выбора предоставляемого материала для детей и организация взаимодействия с родителями, направленного на повышение их педагогической компетентности в этой области.

Мы провели количественную оценку по критериям (таблица 2.1.)

Таблица 2.1.

Организация работы воспитателя по развитию творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста

Критерий выражен – 2 балла

Выражен частично – 1 балл

Не выражен – 0 баллов

Критерий оценки	Оценка
Использование неклассических техник рисования	
разнообразие	0
соответствие возрасту	0
Использование игр для развития творческих способностей	1
Возможности развития творческих способностей в предметно-развивающей среде:	
наличие игр, достаточность количества	1
систематизированность	1

доступность	1
соответствие возрасту	2
эстетичность	2
Организация взаимодействия с родителями по развитию творческих способностей детей	0
Наличие методической литературы по развитию творческих способностей детей старшего дошкольного возраста	1
Всего баллов	9

Как видно из таблицы оценка организации педагогических условий составила 9 баллов из 18 возможных, что свидетельствует о выраженности менее половины критериев.

Нами было выявлено, что воспитателем в группе не ведется такая работа как знакомство детей с неклассическими техниками рисования, которые непосредственно влияют на развитие творческого мышления и воображения детей.

В предметно-развивающей среде игры на развитие творческих способностей присутствуют, но в недостаточном количестве, и не обновляются. Так же у детей нет свободного доступа к этим играм.

Взаимодействие с родителями по данной теме в этой группе не ведется. Нами не было обнаружено запланированных мероприятий по повышению педагогической компетенции родителей о развитии творческих способностей детей. В связи с этим можно предположить, что педагогом такая задача не ставится.

У педагога группы и имеется методическая литература, направленная на развитие творческих способностей детей, но ориентирована она преимущественно на средний возраст.

Таким образом, можно сделать вывод, что в группе не представлена в системе работа по развитию творческих способностей детей старшего дошкольного возраста.

Эффективность повышения уровня развития творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста зависит не только от высокого уровня креативности, но и от созданных условий в группе, насыщенной предметно-развивающей среды, а также от организации взаимодействия с родителями воспитанников, их заинтересованности и привлечения к непосредственному участию в образовательной работе с детьми.

Ключевыми направлениями по созданию условий для развития творческих способностей детей в группе могут выступать: обучение педагогов планированию работы по развитию творческих способностей, разработка и проведение занятий, в том числе с использованием неклассических техник рисования, планирование и проведение работы с родителями.

Обобщая результаты констатирующего этапа исследования, мы можем сделать вывод о том, что у детей старшего дошкольного возраста творческие способности развиты преимущественно на низком уровне. Вызвано это тем, что дети не владеют приемами передачи сюжета с разного ракурса, созданием изображения разными способами и в сюжете не отражены широкие ассоциативные связи, неожиданное использование предметов, использование их не типичным образом, что говорит о неразвитом воображении, недостаточном жизненном опыте, что составляет основу замысла. Целенаправленная работа по развитию творческих способностей у детей в группе не организована, а именно: отсутствуют разнообразные игры для развития творческих способностей, с детьми не ведется работа по освоению неклассических техник рисования, что положительно влияет на развитие творческого мышления и воображение. Так же не ведется работа с родителями, по проблеме развития творческих способностей детей. Все вышеизложенное выступает основанием для разработки программы формирующего этапа эксперимента.

На основании результатов констатирующего этапа исследования нами был разработан формирующий эксперимент.

Целью формирующего эксперимента является создание оптимальных условий для развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста в сюжетном рисовании.

В работе с детьми задачами формирующего этапа выступили:

- 1) Развитие способности проявления инициативы в создании сюжета, желания дополнять сюжет собственными деталями;
- 2) Развитие умения придавать оригинальность сюжету, не типичность образу, верно, передавать характер взаимосвязи между объектами;
- 3) Развитие умения правильно, передавать все пропорциональные соотношения между объектами и показывать их расположение в пространстве (линия горизонта, соединяющая небо и землю).

Содержание коррекционно-развивающих занятий разрабатывается с учетом использования разнообразных тем для рисования, предполагающих широкий ассортимент материалов и инструментов, используемых в процессе этих занятий, способствующих развитию творческого мышления и воображения детей.

При организации работы мы учитываем следующие педагогические условия, способствующие развитию творческих способностей в сюжетном рисовании у детей старшего дошкольного возраста: комплексное и системное использование методов и приемов, ведущее значение среди которых имеют предварительное наблюдение, создание проблемных ситуаций, учет индивидуальных особенностей ребенка, обучение, которое ориентировано на развитие творческих способностей детей.

Нами было составлено тематическое планирование занятий по развитию творческих способностей в сюжетном рисовании у детей старшего дошкольного возраста.

Комплекс коррекционно-развивающих занятий включал 12 занятий, продолжительностью 25 минут, которые проводились с частотой 2 раза в неделю во второй половине дня.

Построение работы по развитию творческих способностей в сюжетном рисовании у детей старшего дошкольного возраста включало в себя три этапа: подготовительный, основной и заключительный.

На подготовительном этапе осуществлялся подбор техник и приемов для развития воображения, их структурирование в рамках занятий программы, подготовка материалов для проведения занятий, разработка тематического планирования занятий.

На основном этапе помимо занятий с детьми по развитию творческих способностей, также осуществлялась работа с педагогами и родителями, носящая консультативно-просветительский характер. Для педагогов и родителей были разработаны мастер классы на тему: «Развитие творческих способностей детей в сюжетном рисовании».

На заключительном этапе планируется оценка эффективности проведенной работы путем повторной диагностики уровня развития творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста. Считаем, что после проведенной работы будет наблюдаться положительная динамика и повышение уровня развития творческих способностей в сюжетном рисовании у детей старшего дошкольного возраста.

Тематика занятий, которые мы планируем проводить с детьми должна быть разнообразной. Занятия разрабатываются с учетом использования разнообразных тем для рисования, предполагающих широкий ассортимент материалов и инструментов, используемых в процессе этих занятий, способствующих развитию творческого мышления и воображения детей. Например, в занятие на тему: «Моя сказка» мы ставим такие задачи, как: учить рисовать по мотивам сказки, передавая характер и настроение героев;

познакомить с приемами передачи сюжета (выделять главное, изображая более крупно на переднем плане); передавать смысловые и пропорциональные соотношения между объектами.

Так же разнообразны, должны быть способы и материалы для создания рисунка, так как это способствует развитию творческого мышления и воображения.

В работе с родителями, мы считаем, необходимо уделить внимание развитию творческих способностей детей путем неклассических техник рисования, которые позволяют ускорить процесс изображения и упростить его до уровня развития моторики дошкольников, при сохранении выразительности образов. Мы оформили стенд с рекомендациями для родителей на тему: «Развитие творческих способностей Вашего ребенка», в котором, будут отражены игры на развитие творческих способностей детей, полезные советы и условия, положительно влияющие на развитие творчества у детей.

В работе с педагогами мы провели консультацию по развитию творческих способностей детей дошкольного возраста, представили основные направления развития творческих способностей и необходимые условия, способствующие их совершенствованию и развитию.

Считаем, что выстроенная таким образом работа должна быть эффективной.

References

1. Белобрыкина, Н. А. Маленькие волшебники, или на пути к творчеству [Текст] / Н. А. Белобрыкина. – Новосибирск. : Гос. Пед. Институт, 2007. – 593 с.
2. Выготский, Л. С. Воображение и творчество [Текст] / Л. С. Выготский. – М. : Ардис, 2014. – 186 с.

3. Казакова, Т. Г. Теория и методика развития детского изобразительного творчества / Т. Г. Казакова. - М. : Владос, 2006. – 255 с.
4. Комарова, С. Т. Как научить ребенка рисовать [Текст] / Т. С. Комарова. – М. : Сфера, 2010. – 271 с.
5. Комарова, Т. С. Детское художественное творчество для работы с детьми 2-7 лет [Текст] / Т. С. Комарова. – М.: Мозаика-Синтез, 2008. – 76 с.
6. Матюшкин, А. М. Развитие творческого потенциала одаренных детей [Текст] / А. М. Матюшкин. – М. : МОДЭК, 2004. – 192 с.
7. Пантелеев, Г. Детский дизайн [Текст] / Г. Пантелеев // Дошкольное воспитание. – 2006. – № 5. – С. 26-30
8. Погодина, С. В. Развитие детского изобразительного творчества под влиянием художественных эталонов [Текст] / С. В. Погодина // Дошкольное воспитание. 2011. – № 9. – С. 52-63
9. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Изд-во Питер, 2000. – 712 с.
10. Сакулина, Н. В. Изобразительная деятельность в детском саду [Текст] / Н. П. Сакулина, С. Т. Комарова. – М.: Сфера, 2006. – 178 с.
11. Сакулина, Н. П. Методика обучения изобразительной деятельности и конструированию [Текст] / Н. П. – Сакулина. М. : Прогресс, 2007. – 297 с.
12. Флерина, Е.А. Эстетическое воспитание дошкольника [Текст] / Е. А. Флерина. – М. : Просвещение, 1945. - 239 с.
13. Хромова, И. В. Диагностика творческого развития личности [Текст] / И. В. Хромова. – Новосибирск: Вояж, 2005. – 44 с.

Vakhrusheva N. Specificity of the choice of methods, forms and means of teaching discipline for students of higher educational institutions

Специфика выбора методов, форм и средств обучения дисциплине для студентов высших учебных заведений

Vakhrusheva Nadezhda

Ph.D., Associate Professor, Department of Accounting and Analysis,
Krasnodar Branch Plekhanov Russian University of Economics

Вахрушева Н.В.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и анализа
Краснодарский филиал
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Abstract: the article presents the experience of choosing methods, forms and means of teaching when developing a work program on the discipline "Financial Mathematics" for bachelors. Their definitions and classifications are given. The author of the article pays special attention to the integrated use of methods, forms and means of teaching in the educational process.

Keywords: teaching methods, forms of training, means of training, bachelor, work program, independent work, interactive methods, occupation, consultation.

Аннотация: в статье представлен опыт выбора методов, форм и средств обучения при разработке рабочей программы по дисциплине «Финансовая математика» для бакалавров. Даны их определения и классификации. Автор статьи особое внимание уделяет комплексному использованию методов, форм и средств обучения в образовательном процессе.

Ключевые слова: методы обучения, формы обучения, средства обучения, бакалавр, рабочая программа, самостоятельная работа, интерактивные методы, занятие, консультация.

Поставленные перед учебной дисциплиной цели и практическая реализация ее содержания в образовательном процессе высшего образования обуславливают выбор действенной системы методов, средств и организационных форм с учётом рекомендаций, наработанных в педагогической теории и практике.

Проиллюстрируем вышесказанное на примере разработанной автором статьи рабочей программы по дисциплине «Финансовая математика», предназначенной для бакалавров, обучающихся по направлению 38.03.01 Экономика в Краснодарском филиале Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

В педагогической литературе существуют различные подходы к определению методов обучения, среди которых можно выделить их дефиниции, рассматриваемые как:

- средство, с помощью которого преподаватель решает стоящие перед ним задачи обучения учащихся;
- важнейший инструмент достижения не только образовательных, но и воспитательных целей;
- способы взаимодействия обучающего и обучаемого, направленные на достижение целей образования, воспитания и формирования определенных компетенций студентов.

Иначе говоря, методы обучения рассматриваются как связующие звенья между проектируемой целью и конечным результатом, достижение которых происходит в процессе совместной деятельности преподавателя и студентов. Следовательно, в общем планировании практической реализации, включенной в учебный план дисциплины, следует учитывать взаимосвязь методов обучения с ее целями, содержанием, средствами и формами обучения.

В педагогической теории и практике применяются и продолжают разрабатываться новые методы обучения, которые объединяют в группы на основе одного или нескольких общих признаков. При этом в современной дидактике существуют различные классификации методов обучения, в том числе:

- по типу познавательной деятельности – объяснительно-иллюстративные, репродуктивные, эвристические, исследовательские;
- по дидактическим целям – способствующие первичному усвоению учебного материала, закреплению и совершенствованию приобретенных знаний;
- по источникам передачи и восприятия знаний – словесные, наглядные, практические.

К числу же основных критериев оптимального выбора методов обучения следует относить, по Ю.К. Бабанскому, следующие критерии: «соответствия основным целям обучения на данном этапе процесса, особенностям содержания темы, возможностям учащихся и учителей, времени, которое отведено на обучение, а также внешним условиям обучения» [1, с. 53]. В этой связи отдать предпочтение какому-либо конкретному методу невозможно, поскольку один и тот же метод может дать как положительный, так и отрицательный результат в зависимости от того, какая образовательная задача решается в данный момент. Иначе говоря, эффективность применения методов обучения в образовательном процессе во многом зависит только от того, правильно ли они выбраны в конкретной учебной ситуации. В данном контексте это означает, что нет методов эффективных и неэффективных, но есть методы, неудачно подобранные.

Следовательно, необходим комплексный подход к оптимальному применению методов обучения для реализации определённой дисциплины, гибкость и динамичность их использования в учебном процессе. А если ещё учитывать и то, что каждый преподаватель предпочитает «свои» методы в обучении при решении образовательных задач, то дать единую стандартную установку по применению методов обучения для конкретной дисциплины просто невозможно. По этой причине разработчик рабочей программы учебной дисциплины должен определить возможные доминирующие методы обучения, способствующие наиболее эффективному достижению намеченных целей. Это и будет являться ориентиром для преподавателей, реализующих данную дисциплину на практике.

Сегодня доминирующими методами обучения в высшей школе являются интерактивные методы обучения (от англ. interaction – взаимодействие, воздействие друг на друга), основанные на взаимодействии обучающихся между собой [2, с. 31]. К ним, в частности, относятся методы проектов, проблемный, игровой, эвристический, модульный, критических ситуаций и т.д.

При выборе методов обучения необходимо также учитывать сравнительные оценки их эффективности, влияющие на формирование различных образовательных задач в учебном процессе, и теоретические оценки пригодности методов обучения по выполнению определённых образовательных функций. На данной основе и с учетом профильной направленности подготовки студентов при разработке дисциплины «Финансовая математика» были выделены методы обучения (см. таблицу 1), наиболее успешно применяющиеся в практике обучения и позитивно влияющие на усвоение учебного материала, развитие индивидуальных склонностей и интеллектуальных способностей обучающихся.

Таблица 1

Методы обучения финансовой математике

№	Методы обучения	Виды
1	Словесный	Беседа
		Лекция
		Дискуссия
		Активная лекция
		Конференция
2	Практический	Анализ ситуационных задач
		Технология развивающей кооперации
		Деловая игра
		Метод проектов
3	Эвристический	Кейс-стади
		Эвристические вопросы
4	В контроле	Письменный
		Устный
5	В самостоятельной работе	Коллективный
		Индивидуальный

Вместе с тем методы обучения неразрывно связаны с *организационными формами*, которые представляют собой внешнее выражение взаимодействия преподавателя и студента. При этом методы обучения наполняют формы конкретным содержанием, а формы обучения влияют на качество используемых методов. А для того чтобы можно было бы ориентироваться в многообразии

используемых в практике обучения организационных форм, в педагогической теории их классифицируют по различным признакам, а именно: по продолжительности, по количеству учащихся, по месту проведения.

Взаимодействие между преподавателем и студентами в процессе изучения дисциплины «Финансовая математика» осуществляется через организацию различных видов учебной деятельности. При групповом обучении основной формой обучения является аудиторное занятие, при индивидуальном обучении – самостоятельная работа, консультация.

Каждая из форм обучения входит в общую систему образовательного процесса как составная часть, неся в себе определенную дидактическую нагрузку, имея свои сильные и слабые стороны, специфические особенности и области наилучшего применения. Вместе с тем структурные элементы различных форм организации обучения всё чаще используются преподавателем при конструировании конкретного занятия.

Как и всякие сложные педагогические объекты, занятия могут быть разделены на типы по различным признакам: по основной дидактической цели, по основному способу их проведения, по основным этапам учебного процесса. Однако в практике разработки системы занятий по различным учебным темам преподаватель, как правило, не укладывается в рамки какой-то одной типологии. Так, например, С.Г. Манвеловым [3, с. 13] выделены девятнадцать типов уроков, включающих в себя наиболее характерные конструктивные элементы современных уроков математики и образующих базовую систему уроков. Владение этими элементами помогает наиболее эффективно проектировать занятия с учетом уровня подготовки студентов и поставленных перед дисциплиной задач обучения.

В нашей практике проектирование и разработка занятий для организации изучения дисциплины «Финансовая математика» осуществляется в три этапа. На *первом этапе* составляется расширенный календарно-тематический план, в

котором раскрываются перспективы деятельности преподавателя, создается представление о расстановке смысловых акцентов и распределении материала по занятиям. При этом в планировании прописывается тип каждого предстоящего занятия, предполагаемые методы обучения, оборудование, которое потребуется в учебном процессе, необходимые источники знаний, перечень формируемых на занятии понятий, домашнее задание.

Составленный тематический план – не догма, а ориентир продвижения преподавателя, реализующего в практике данную дисциплину, так как нельзя предугадать все ситуации, которые могут возникнуть в процессе организации обучения. Это может зависеть, например, от уровня активности обучающихся, их подготовленности к конкретному занятию, от численности студентов, находящихся на занятии, и т.п. Всё это по мере реализации дисциплины необходимо фиксировать в тематическом планировании для последующего анализа и корректировки деятельности преподавателя. В конечном итоге скорректированный календарно-тематический план может служить «маршрутной картой» для преподавателя в определении оптимальных путей реализации образовательных, развивающих, воспитательных целей, поставленных перед высшей школой.

На данной основе в течение нескольких лет реализации дисциплины «Финансовая математика» были разработаны календарно-тематические планы, способствовавшие достижению поставленных перед дисциплиной целей.

На *втором этапе* определялось и структурировалось содержание дидактических материалов, подходящих для проведения выбранных типов занятий с последующим составлением их планов или конспектов. При этом структура занятия могла варьироваться в зависимости от уровня обученности студентов.

На *третьем этапе* в процессе сопоставления выдвинутых целей с достигнутыми результатами осуществлялись анализ и самоанализ занятий,

проводившихся на основе компетентностного подхода. Их общая схема базируется на следующих вопросах, вскрывающих основные направления анализа и самоанализа проведённого занятия, а также позволяющих выявить резервы для его совершенствования.

- Какое место занимает данное занятие в рассматриваемой теме, в системе изучения всей дисциплины?

- Как оно связано с предыдущими занятиями?

- Почему выбран именно этот тип занятия?

- Верно ли выбраны методы, формы и средства для проведения данного занятия?

- Все ли намеченные учебные задачи решены на занятии?

- Правильно ли распределено время на каждый этап занятия?

- Как учитывались внутрипредметные и межпредметные связи на занятии?

- Была ли достаточной активность и заинтересованность студентов на занятии?

- Были ли сделаны изменения в намеченном плане занятия в процессе его реализации?

- Каковы причины недостатков и достоинств проведённого занятия?

Организация индивидуальной учебной деятельности в процессе реализации дисциплины «Финансовая математика», как уже ранее отмечалось нами, осуществлялась в форме самостоятельной работы и учебной консультации.

Под *самостоятельной* нами понимается работа, организуемая самим студентом в наиболее удобное, рациональное с его точки зрения время, контролируемая им самим на основе системного управления ею со стороны преподавателя. При этом выполняются задания, не только определенные

преподавателем, но и дополняющие, расширяющие и углубляющие знания, получаемые студентами на занятиях и во время подготовки к ним.

В связи с тем, что для каждой дисциплины выделяется конкретное число часов на самостоятельную работу согласно учебному плану по направлению обучения со стороны преподавателя необходим обязательный ее контроль. Для этого нами в табличном процессоре MS Excel была разработана электронная индивидуальная карточка студента по организации самостоятельной работы (см. рис. 1), состоящая из двух частей. Первая часть включает обязательную самостоятельную работу и домашнее задание, разрабатываемые в соответствии с изучаемыми темами дисциплины «Финансовая математика». Вторая часть является необязательной. Сюда студент самостоятельно заносит те виды работ, с помощью которых, на его взгляд, он сможет расширить и углубить знания, получаемые им при изучении данной дисциплины. Это могут быть: самостоятельное изучение вопросов, не включенных в содержание дисциплины, подготовка рефератов и докладов, написание курсовой работы; подготовка к интерактивной лекции, научно-исследовательская работа и т.д.

	A	B	C	D	E	F	G	H
1	Индивидуальная карта студента							
2	№ п/п	Вид работы	Этапы работы	Время выполнения (мин.)	Место проведения	Самооценка	Контроль преподавателя	Примечание
3	Обязательная часть самостоятельной работы							
4	1	Дом. задание № ____	1. Изучение теоретического материала					
5			2. Непосредственное выполнение задания					
6	2							
7	...							
8	n							
9	Необязательная часть самостоятельной работы							
10	1							
11	2							
12	...							
13	n							

Рисунок 1. Индивидуальная карта студента по организации самостоятельной работы

По данным заполнения индивидуальной карты формируется аналог «портфолио» студента по его самоорганизации, в котором он может самостоятельно или с помощью преподавателя провести анализ, например, затраченного времени, оценок, видов работ. Преподаватель периодически или по мере необходимости проверяет заполнение таких карточек с контролирующей целью, либо для определения степени сформированности опыта управления самостоятельной работой, или оказания помощи студентам в правильной её организации (на ячейки «Контроль преподавателя» устанавливается защита). Однако проверка индивидуальных карточек без непосредственного общения преподавателя со студентами не даст целостного представления об уровне сформированности компетенций, заявленных в рабочей программе дисциплины. В связи с этим в образовательном процессе обучения бакалавров выделено время на проведение учебных консультаций. Включение консультаций в образовательный процесс имеет немаловажное значение в создании благоприятных условий для подкрепления учебной мотивации студентов и развития их способностей. Преподаватель здесь выступает в роли наставника-консультанта, который должен помочь студентам определить верный путь в самостоятельном разрешении возникших у них вопросов, поддерживать положительную мотивацию к учебной деятельности, соотнести уровень сложности изучаемого материала с их индивидуальными способностями, своевременно выявить пробелы в знаниях и затруднения в их освоении и применении, осуществить корректировку их учебно-исследовательской деятельности и др.

Другим вариантом консультации может предусматриваться использование компьютерных средств телекоммуникации, в том числе возможностей образовательного сайта или электронной почты. В этих условиях у студента снимается страх перед непосредственным обращением к преподавателю. В благоприятной для него обстановке он сможет сформулировать любой

интересующий его вопрос и отправить его преподавателю, например, по электронной почте. Преподавателю же необходимо только ответить на него и в процессе переписки помочь студенту преодолеть страх непосредственного общения.

В качестве же основных *средств обучения* при изучении дисциплины «Финансовая математика» использовались разработанные автором «Методические указания по проведению практических занятий с интерактивными методами обучения и организации самостоятельной работы», размещенные на внутреннем сайте Краснодарского филиала и учебное пособие «Финансовая математика» [4]. Отметим, что средства обучения — это все материалы, которые использует педагог в процессе обучения. Средства обучения классифицируются на материальные (учебники, учебные пособия, наглядно-иллюстративный материал и т.п.) и идеальные (знания и умения учащихся, полученных ранее и требующиеся для освоения нового материала).

Применение рассмотренных средств, методов и организационных форм обучения показало, что студенты стали проявлять повышенный интерес как к учебной, так и к научно-исследовательской деятельности. Анализ промежуточной аттестации показал положительную динамику качества обучения по дисциплине.

В целом, это говорит о достаточном уровне сформированности компетенций, определенных в рабочей программе дисциплины, что полностью отвечает требованиям подготовки бакалавров.

References

1. Бабанский Ю.К. Методы обучения в современной общеобразовательной школе / Ю.К. Бабанский. – М.: Просвещение, 1985. – 208 с.
2. Гулакова М. В., Харченко Г. И. Интерактивные методы обучения в вузе как педагогическая инновация // Научно-методический электронный

журнал «Концепт». – 2013. – № 11 (ноябрь). – С. 31–35. – URL: <http://e-koncept.ru/2013/13219.htm>

3. Манвелов С.Г. Конструирование современного урока математики: книга для учителя / С.Г. Манвелов. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2005. – 175 с.

4. Вахрушева Н.В. Финансовая математика: учебное пособие / Н.В. Вахрушева. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 180 с.

SECTION 8. ECONOMICS, FINANCE & ACCOUNTING

UDC 01

Absurasulova Dj. Major trends in innovative industrial clusters development: evidence from the Republic of Korea

Abdurasulova Djakhona,
PhD, Post-doctorate research fellow,
National University of Uzbekistan

Abstract: Key adjustment trends of industrial production to the new environment created under the impact of global developmental challenges identified. Mechanisms employed for fostering innovative activities in industrial clusters were investigated. New performance arrangement schemes boosting competitiveness of industries and companies as well as the path of transition thereto were highlighted. Trends deriving from shifts in production capacities allocation caused by new schemes deployment were revealed.

Keywords: industrial park, clusterization, innovations, network and synergy effects, eco-efficiency, industrial symbiosis, resources circulation, eco-industrial park, environmental technologies.

For more than two decades Korea industry is challenged with exhaust of its major sectors later on joined by environment pollution, population aging and stiff competition from China.

Government's efforts to create a platform enabling to secure sustainable growth in the long run were not limited to hunt for new driving engines, but also eyed on enhancing performance of the existing industries.

Noteworthy, streamlined remedy actions did not center on the industries as the whole but appealed to innovating manufacturing processes and business models of each individual enterprise.

Therefore, special areas housing overwhelming majority of manufacturing companies (see table 1), so-called industrial complexes, obviously, drew attention as a turning point for revamping competitiveness of the basic industries and transforming mechanisms and schemes of performance thereof.

But, as it can be seen from the table 1, national complexes are the basis for ROK's industry. 41 national industrial complex account for 60,9 % of cumulative number of companies, 61,1 % – of production, 60,6 % – of export and 57,2 % – of workforce of all types of industrial complexes across the country. In accordance with our calculations, it is equal to 1,3 % of businesses, 20,8 % of production, 23,4 % of export and 4,6 % of employment countrywide [1, p. 39, 53].

Table 1

Key indicators of industrial complexes performance in the ROK, 2015

	Total number, unit	Companies, units	Production, thousand USD	Export, thousand USD	Employees, persons
National	41	45 618	265 134 521	123 259 290	1 200 000
%	3,7	60,9	61,1	60,6	57,2
Provincial	575	23 202	142 215 956	73 499 590	750 000
%	52,6	30,9	33,1	36,1	35,6
Urban	16	152	378 782	1 277 800	4 000
%	1,5	0,2	0,1	0,1	0,2
Agricultural	462	5 904	22 200 347	6 512 720	147 000
%	42,2	7,8	5,2	3,2	7,1
Total	1 094	74 876	430 226 521	203 435 380	2 099 934
%	100	100	100	100	100

Source: author's calculations based on [2, p. 5, 8, 12, 16].

Eventually, it were the national parks that were employed as a tool for structural shifts in industry sector are inevitable from macrolevel of domestic economy constituting an integral part of manufacturing capacities allocation system transformation to achieve compliance the requirements set by knowledge and intelligence, not by labour or capital driven growth.

The ROK launched innovative clusters project in 2005 targeting 7 major industrial complexes of the nation, namely Changwong (1975, machinery), Gumi (1975, electronics), Ulsan (1970, machinery), Banweol-Sihwa (1977, mechatronics),

Gwangju (1979, photonics), Wonju (1970, medical equipment), Gunsan (1988, auto parts).

Clusters were created by arranging academia and research institutions cooperation with businesses in the area of products innovation-related R&D, roadmapping required production technologies, commercialization, marketing research, personnel training, joint branding led by the project operating company.

For that matter, in accordance with our calculations based on , 114,2 mln USD were allocated to arrange interactions between industry, academia and research institutions out of total of 176,5 mln USD of Clusters Development Program funds [3, p. 59]. Noticeably, funding kept growing from 22,9 mln USD to 34,2 mln USD as Program's overall budget jumped from 25,8 mln USD to 69,4 mln by 2008. Sales skyrocketed 42 % (reaching 32,2 mln USD) whilst spending for R&D gained 18,4 % (60,9 mln USD), patents increased from 208 to 661 within that period respectively [3, p. 59].

Based on such impressing performance 5 more industrial complexes, namely Namjong (auto parts), Ochang (IT), Songju (mechatronics), Noksan (machinery), Daebul (shipbuilding) were included in the Program in 2009 to spur 54 mini-clusters.

Cumulative budget allocated for this Program in 2009–2015 totaled 371, 3 mln USD, 282,3 mln of which were channeled to foster cooperation between academia, research institutions and businesses. Furthermore, businesses are also got actively engaged in funding cluster-related activities, spending since 2011 20,8 mln USD.

By 2016, 78 mini-clusters were created across the country. Simultaneously, share of industrial complexes in country's manufacturing increased from 56,5 % in 2005 to 62,3 % in 2009 and to 69 % in 2015 comparing to 52,4 % in 2001 [3, p. 59]. Export share saw growth from 67,5 % to 79,1 % and 78,5 % (64,5 % initially) and that of employment – from 34,2 % to 42,1 % and 48,6 % (starting level 28,6 %) respectively [3, p. 59].

Efficiency of the Clusters Development Program is clearly seen from the complexes of first and second stage. For instance, within a decade of program implementation number of mini-cluster members in Banweol-Sihwa park increased 48 % from 877 in 2005 to 1 300 in 2015 whilst cluster activity engagement level rose from 63,5 % to 77,4 % with production growing from 14,2 to 8,08 bln USD and number of employees reaching 295 230 comparing to 162 093 at the start [3, p. 91].

Number of mini-cluster members in Namjeong climbed 773 (from 430) and the engagement level mounted to 73,8 % (from 63,4 %). Alongside with this, evidence from our calculations, manufacturing doubled from 10,4 to 21,7 bln USD, export jumped 47,7 % from 2,3 bln USD to 3,3 bln USD. Employees number also significantly gained, from 64 000 to 91 750 persons [3, p. 96-97].

Considering industrial clusters potential for generating network effects the government also addressed them as a key tools for boosting domestic industry's competitiveness and reducing emissions, from the one hand, and alongside with this to promote environmental technologies nationwide, from the other. The platform enabling to pursue both goals simultaneously is the industrial symbiosis schemes enforcement thereof causing transition of industrial complexes into eco-industrial ones.

Eco-industrial parks are the innovative tool both for the ROK and internationally as the first such complex was put into operation in 1988 (Kalundborg, Denmark). Main concept behind the performance mechanisms of these parks is resources circulation implying that waste of the one company is utilized as feedstock or semi-manufactured goods by the neighboring companies located within park area or recycled instead of disposal to the landfill. So, gas, steam, liquids and sewerage transportation infrastructure as well as waste collecting, treatment and recycling facilities turn out to be the backbone ensuring eco-industrial parks daily performance.

Noteworthy, such win-win resource circulation is arranged by project financing rather than by government funding. Korean Industrial Complexes Corporation covers 100 % of resource circulation network construction feasibility study and 75 % of the

relevant technologies development projects. Meanwhile, the investments from businesses entering into symbiotic relations ensure their long-term interest in development of industrial complexes they are based in.

Based on industrial symbiosis projects launched for the first time in 2005 in Onsan and Mipo parks the ROK designed its eco-industrial parks development strategy, progress thereof is reflected in table 2.

Stage 1 (2005–2010) targeted establishing platform for deploying industrial symbiosis mechanisms nationwide by launching pilot projects in 5 major national industrial parks: Banweol-Sihwa (Seoul), Onsan and Mipo (Ulsan), Yeosu, Jeongju and Pohang (in the similarly named cities) to motivate businesses to exchange the resources with each other.

For Ulsan city's Eco-business Center together with R&D Fund launched 48 projects, i.e. all the industrial symbiosis projects completed at the first stage [4, p. 5]. Hence, emissions were reduced for 40 thousand t and greenhouse gas emissions – for 270 thousand t. Production costs fall for 63,7 mln USD and 154 new jobs were created [5, p. 84]. Cumulatively 593 companies from all 5 designated eco-industrial parks got engaged in the symbiosis projects [6, p. 4].

Stage 2 (2010 – 2015) focused on creation of local environment-friendly manufacturing schemes. 46 industrial parks from each of the 9 provinces of the ROK were selected. These parks were supposed to act as hubs to attract in symbiotic relations businesses outside the park area to expand resource circulation network further. As the key driver for establishing symbiotic relations between park residents and outsider companies hubs appeal to eco-efficiency with no other benefits employed.

Eco-efficiency at the second stage rose, indeed, mirroring overall practical feasibility of resource recycling concept. Number of companies engaged grew for 96 reaching 689, terminated projects – for more than 100 units though funding amount merely changed. Emissions reduced 11 times (for 2 758 thousand t and 678,1 mln USD correspondingly) whilst the number of new jobs increased 2,3 times totaling 360.

Stage 3 (2015 - 2020) emphasized completion of Korean-type eco-industrial parks model design for further export of engineering solutions with no new eco-complexes envisaged for creation. Meanwhile, as per table 2, funding envisaged for the stage 3 is equal to the cumulative budget of the first two stages enabling to fund twice more projects (296 comparing to 134).

Table 2

Outcomes of industrial symbiosis promotion in industrial parks in the ROK

Stage	Measures undertaken					Effects			
	Funding from budget, mln USD	Designed projects, unit	Funded projects, unit	Completed projects, unit	Commercialized projects, unit	Participating companies, unit	Reduced production costs, mln USD	Reduced emissions, thousand t	New jobs created, unit
1st (2005–2010)	25,4	175	116	48	13	593	63,7	270	154
2nd (2010–2015)	26,4	277	18	157	105	689	741,8	3 028	360
3rd (2015–2020) Estimate	51,9	452	296	205	118	1 500	2 176	10 000	800

Source: author's calculations based on the data of [6, p. 4].

Furthermore, it is scheduled to implement and commercialize the same amount of projects as in the first two stages together (205 and 118) boosting both economic and environmental effects. Particularly, cost reduction is expected to jump from 805,5 mln USD to 2,1 bln USD with 300 more new jobs created under simultaneous 3-fold emissions cut.

Aside from the goals pursued for each particular stage, eco-industrial parks deployment program is based on below range of life-long key priorities emphasizing creating favorable environment for expanding symbiotic relationships between

businesses and daily activities in industrial complexes meeting new principles of industrial ecology:

- designing resource circulation scheme by creating data base for waste and by-products and facilitating commercial exchange thereof, housing recycling companies in industrial complexes, supporting R&D and venture businesses, funding pilot symbiotic projects based on resource-saving technologies;

- designing eco-industrial parks as clusters resident companies thereof are comprehensively employing environment-friendly technologies not limited to manufacturing processes itself but including transportation and logistics, sewerage treatment and re-use, energy-efficient buildings and utilities, green area and wetland ecosystems;

- engaging companies in symbiotic relationships by institutional schemes, namely eco-forums joining scientists, researchers, businessmen, government officials in charge of project development, review of the feasibility study, updating data bases and further improving business environment in eco-industrial parks;

- cooperation with local community by enhancing public consensus, linking area and region development plans with eco-industrial park master plans, engaging local universities and research institutions in symbiotic projects development.

In accordance with our calculations, environmental technologies' share in R&D surged nationwide lead by its growth in the cities where hubs for eco-industrial parks are located, proving efficiency of eco-complexes promotion concept and tools. Ulsan's share in countrywide R&D in environmental technologies climbed from 0,6 % in 2005 to 1,7 % in 2010 and 2,3 % in 2015. Within the same period Gyeongsangbuk-do (Pohang city) gained from 2,2% to 3,4 % and 3,3 % whilst Daegu and Busan in 2010–2015 saw increase from 2 % to 2,5 % and from 2,8 % to 5,9 % respectively. Simultaneously, environmental technologies R&D shares drastically changed in regional breakdown. Daejeon's share slipped from 30,5 % in 2001 to 27,9 % in 2015, that of Incheon – from 11,4 % to 5,8 %, of Gyeonggi-do – from 17,6 % to 15,6 %, of

Seoul – from 19,4 % to 17 % whilst the positions of Chuncheonbuk-do expanded from 2,7 % to 3,5 %, Jeollabuk-do – from 1,2 % to 1,8 %, Jeollanam-do – from 1,1 % to 2 %, Gyeonsangnam-do – from 4,4 % to 6,1 % [7, p. 32-35].

Noteworthy, the ROK is the only country in the world systemically pursuing both innovative clusters promotion and deployment of industrial symbiosis schemes nationwide to adjust performance of domestic industry sector to the burdens imposed by global developmental challenges. Thus, considering successful implementation, the concept of innovative clusters based on intelligent technologies, approaches towards boosting competitiveness by combating pollution and greening manufacturing processes as well as individual measures to foster cooperation between businesses, academia and research institutions the ROK is the perfect role model for the other nations seeking modernization of industrial sector.

References

1. Monthly Economic Trends. – Seoul: Korea Development Institute, 2017. – No. 1. –63 p.
2. Statistics on Industrial Complexes Nationwide 2015. – Daegu: Korea Industrial Complexes Corporation, 2016. – 99 p.
3. Industrial Complex Clusters in Korea: Achievements and Challenges. – Daegu: Korea Industrial Complexes Corporation, 2016. – 145 p.
4. Park H. Eco-efficient and Sustainable Urban Infrastructure Development in Asia and Latin America// UNESCAP/ECLAC Expert Group Meeting Proceedings. – Bangkok, 2011. – 21 p.
5. Regional Green Growth in Korea. National Research Council for Economics, Humanities and Social Sciences. – Seoul: Yeawon Creative House Inc., 2011. – 189 p.
6. Smart Eco-Industrial Parks. – Daegu: Korea Industrial Complexes Corporation, 2016. – 8 p.
7. Nanotechnology Statistical Yearbook. – Seoul: National Nanotechnology Policy Research Center, 2016.– 180 p.

Serdyukova J.A., Sukhorukova I.V. Methodological approaches and prospects of development of ecological insurance in the housing sector

Методические подходы и перспективы развития экологического страхования в жилищной сфере

Serdyukova Julia A.,

Ph.D., State Civil Service Advisor of the Russian Federation, 3 class
serdyukovajul@mail.ru

Sukhorukova Irina V.,

Doctor of Economics, Professor of the Mathematics Department of the Russian Plekhanov
University of Economics, 117997, Russian Federation, Moscow, Stremyanniy per., 36
sukhorukovaira@yandex.ru

Сердюкова Ю.А., к.э.н.,

советник государственной гражданской службы Российской Федерации
3 класса, Российская Федерация, г. Москва

Сухорукова И.В., д.э.н.,

профессор кафедры высшей математики, РЭУ им. Г.В. Плеханова, 117997 Российская
Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Abstract. Analyzing the prospects for the development of the insurance industry it is necessary to take into account the totality of the interests of the insured, the insurer and the state, which, in turn, will promote the comprehensive development of the insurance market in Russia, priority should be given to the interests of the insured. In this regard, the main task of the state in this direction is the creation of conditions and incentives for the harmonious development and functioning of the market.

The study contributes to the development of scientific knowledge in the field of home insurance from the natural-environmental and anthropogenic risks.

Keywords. insurance housing, environmental damage, natural-environmental and anthropogenic risks, mandatory and voluntary forms of insurance

Аннотация. Анализируя перспективы развития страховой отрасли необходимо принимать во внимание всю совокупность интересов страхователя, страховщика и государства, что, в свою очередь, будет способствовать всестороннему развитию рынка страховых услуг в России, при этом приоритетными должны стать интересы страхователя. В этой связи основной задачей государства в этом направлении является формирование условий и стимулов для гармоничного развития и функционирования рынка.

Исследование способствует выработке научных знаний в области жилищного страхования от природно-экологических и техногенных рисков.

Ключевые слова: страхование жилого фонда, экологический ущерб, природно-экологические и техногенные риски, обязательные и добровольные формы страхования

Проблема устойчивого развития для каждой страны состоит в том, чтобы построить экономику, которая удовлетворяла бы потребностям, законным желаниям и интересам населения, при этом ее рост соответствовал бы экологическим возможностям определенной территории [1].

Аксиомой в экономике природопользования является тезис, согласно которому экономический ущерб по своей природе считается случайной, стохастической величиной. Это означает, что показатели экологически обусловленных потерь не могут быть исчислены однозначно с конечной степенью точности, исходя из чего, любую оценку ущерба необходимо квалифицировать с точки зрения ее большей или меньшей степени вероятности. Анализ многочисленных определений понятия «экономический ущерб» позволяет выделить следующие основные формы проявления экологически обусловленного вреда:

- потери материальных благ или потребительских свойств, созданных прошлым трудом;
- потери материальных благ или потребительских свойств при понесенных затратах;
- недополучение ожидаемого результата при неосуществленных затратах (упущенная выгода, нереализованные возможности);
- дополнительные затраты на компенсацию либо предотвращение натуральных потерь;
- нерациональное использование наличных материальных и финансовых ресурсов.

Важнейшим условием корректности оценок и исключения повторного счета при определении ущерба является обеспечение сопоставимости критериев и форм его опосредования по однородности экономических элементов, входящих в состав потерь, иерархическому уровню расчетов и ценовым показателям. Учитывая разновременный характер и ценовую несопоставимость прямых и

косвенных потерь, действие инфляционных процессов, комплексную экономическую оценку ущерба можно выражать в валютном эквиваленте по курсу Банка России или с учетом поправочных коэффициентов [2,3]. При разработке и реализации экономического механизма необходима экономическая оценка ущерба в соответствующих измерителях национального дохода или валового внутреннего продукта. Последний показатель достаточно широко применяется в экономически развитых странах.

Оценки ущерба по своей экономической составляющей должны полностью соответствовать элементам национального дохода или валового внутреннего продукта [4]., причем все показатели (нормативы, удельные нормативы, удельные ущербы, нормативы платежей, страховые ставки, размеры судебных исков), применяемые в таком хозяйственном механизме, должны быть равны экономической оценке ущерба или быть меньше его.

Многолетняя практика покрытия убытков от чрезвычайных ситуаций за счет средств государственных и резервных фондов исчерпала свои возможности ввиду дефицита государственного бюджета. Поэтому практически для всех природопользователей представляют интерес проблемы страхования риска от разрушительных природных явлений (землетрясения, наводнения, паводки, затопление подземных сооружений, пожары и т.д.); от риска ответственности эксплуатирующих организаций; от аварий систем коммуникаций и т.д.

В этой связи основной задачей государства в этом направлении является формирование условий и стимулов для гармоничного развития и функционирования рынка страховых услуг. Таким образом, государственное участие носит стратегический характер и выражается, в первую очередь, в разработке и принятии стратегически важных документов, таких как Стратегия развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года [5], и контроле над их реализацией, где отдельное внимание уделено развитию

имущественного страхования на случай стихийных бедствий, природных катастроф, техногенных аварий и пожаров.

Предполагается, что оказание помощи гражданам Российской Федерации, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и террористических актов, должно сочетать как государственную помощь, так и страховые выплаты, осуществляемые страховщиками по заключенным договорам страхования. Несмотря на то, что Стратегией предполагается переход от экстенсивного (обязательное страхование является основным источником роста объемов страховой премии) к интенсивному (развитие отрасли за счет добровольных видов страхования) пути развития страховой отрасли в целом, система страхования в жилищной сфере от катастрофических рисков не может быть основана только на добровольных видах страхования.

В рамках страхования в жилищной сфере необходимо сочетание обязательных и добровольных форм страхования. При этом при определении рисков, которые должны быть застрахованы на обязательной основе, необходимо руководствоваться подверженностью разных регионов Российской Федерации конкретным наиболее вероятным и разрушительным рискам. То есть при разработке законодательного акта необходимо четко зафиксировать субъекты Российской Федерации и риски, от которых будет страховаться жилой фонд, расположенный на его территории на обязательной основе.

Развитие страхового рынка определяется темпами роста экономики в целом. Текущая экономическая конъюнктура, безусловно, оказывает негативное влияние на рынок страхования в жилищной сфере в связи с падением уровня реальных доходов населения. Что, в свою очередь, приводит к снижению спроса на страховые услуги.

В то же время рынок страхования в жилищной сфере достаточно перспективное направление развития бизнеса для страховой компании, поскольку имеет самую обширную потенциальную клиентскую базу, - все

население страны. Для дальнейшего развития данного направления страхования необходимо повышение прозрачности и открытости всех субъектов и процессов страхового дела, создание системы информированности населения о существовании и появлении новых страховых продуктов, правах потребителей страховых услуг и их защите, популяризации страхования в электронных и печатных изданиях.

В части повышения защиты прав страхователей важно отметить необходимость создания органа (организации) по урегулированию споров между субъектами страхования, которая могла бы стать методом защиты прав потребителей страховых услуг, альтернативным судебным разбирательствам. В том числе при помощи создания института страхового омбудсмана, детально механизм формирования и деятельности института уполномоченного по правам страхователей, необходимость его создания в России и положительные последствия его функционирования исследуются А.А. Цыгановым [6]. Опыт западных стран свидетельствует об эффективности деятельности таких организаций – упрощается и ускоряется процедура урегулирования споров.

В настоящее время Правительством Российской Федерации определены концептуальные подходы к созданию института внесудебного рассмотрения споров, уполномоченного по правам потребителей услуг финансовых организаций – физических лиц.

В целях улучшения качества услуг и повышения доверия населения к участникам страхового рынка (актуарии, брокеры, агенты) требует дообработки нормативная база. В частности, необходимо четко регламентировать их деятельность, уровень ответственности, требования к квалификации, а также проработать меры по усовершенствованию механизмов государственного контроля за их деятельностью.

В то же время современный страховой рынок характеризуется высоким уровнем концентрации капитала, что наряду с ограничением конкуренции, имеет

и положительный эффект, поскольку приводит к повышению финансовой устойчивости страховщиков. Кроме того, концентрируя значительные фонды денежных средств, страховые компании становятся крупными инвесторами в экономику страны, что является существенным фактором экономического роста.

Необходимо также упомянуть участие иностранного капитала на отечественном страховом рынке. На наш взгляд, с точки зрения формирования устойчивой страховой системы, как количество иностранных страховых компаний, так и уровень проникновения иностранного капитала должны оставаться ограниченными и фиксированными. Страхование в жилищной сфере является стратегической отраслью, имеющей исключительную социальную важность, следовательно, и деятельность в этой сфере интересов должна осуществляться национальными страховщиками. При формировании государственной политики особое внимание следует уделить созданию и упрочнению позиций региональных страховых компаний, способствующих достижению ими лидирующих позиций на местных рынках. Необходимо создание таких условий, при которых кругооборот капитала в максимально возможных объемах осуществлялся бы в рамках национальной экономики.

References

1. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 416 с.
2. Сердюкова Ю.А., Сухорукова И.В. Методологические основы страхования жилого фонда от природно-экологических и техногенных рисков. Финансы и кредит, 2015г. № 2 (626). С. 47-56.
3. Думнов А., Потравный И. Экологические затраты: проблемы сопоставления и анализа//Вопросы экономики, 1998, №6, с. 122-132.
4. Сухорукова И.В. Эколого-экономическая модель использования загрязненных земель -М.: Монография, ПКТИпромстрой, 2000 г. - 280 с .

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 июля 2013 г. № 1293-р «Об утверждении Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года».

6. Цыганов А.А., Павлова Н.А. Механизм формирования системы защиты прав и интересов страхователей // Страховое дело. - № 6. – 2010.

SECTION 9. BUSINESS AND MANAGEMENT STUDIES

UDC 658.5

Charuyskaya M.A. Aggregate planning as the central level of production planning

Тактическое планирование как центральный уровень планирования производства

Charuyskaya Marianna Alexandrovna,
MBA, Dip-Mgmt, Deputy General Director,
Moscow Higher School of Engineering

Чаруйская Марианна Александровна,
МВА, Дип-Мgmt, заместитель генерального директора,
ОЧУ ДПО «Московская высшая школа инжиниринга»

Abstract: This article deals with aggregate production planning, which allows efficient distribution of the company's resources in the medium-term period. The analysis gives the following outcomes: the tools for capacity management methods choice; the tool of decision-making on vertical integration.

Keywords: Aggregate planning, production program, methods of capacity management, vertical integration, outsourcing.

Аннотация: В настоящей статье рассматривается тактическое планирование производства, позволяющее эффективно распределить ресурсы предприятия в среднесрочном периоде. На основании анализа предложены инструменты выбора методов регулирования мощностей и принятия решения о вертикальной интеграции предприятия.

Ключевые слова: Тактическое планирование, производственная программа, методы регулирования мощностей, вертикальная интеграция, аутсорсинг.

Целью системы планирования и управления производством является своевременное выполнение заказов клиентов при достижении целевых производственных показателей. Планирование отвечает за правильное распределение загрузки оборудования, персонала и других ресурсов. Задачей производственного планирования является разработка достоверных и эффективных производственных программ и графиков производства [4].

Тактическое планирование находится на стыке стратегического планирования и оперативно-календарного планирования.

Тактическое планирование производство основано на целевых показателях операционной деятельности, операционной и технологической стратегиях предприятия. Конечной целью данного уровня является формирование производственной программы (рисунок 1).

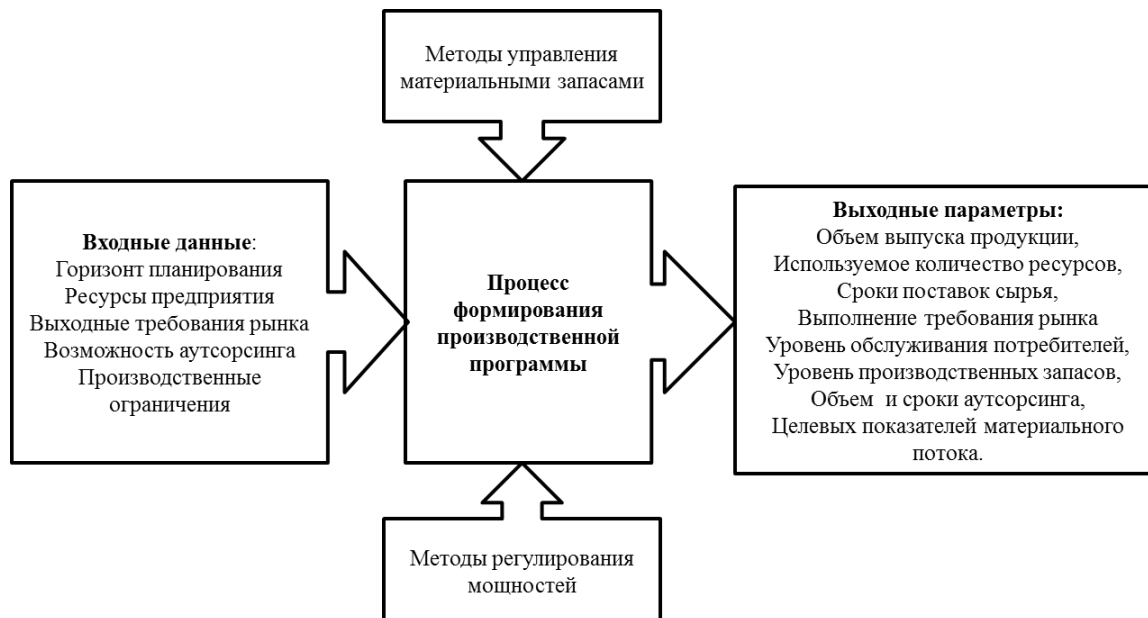

Рисунок 1. Схема формирования производственной программы

В соответствии с рисунком 1 входными данными для формирования производственной программы являются горизонт планирования (от 3 до 18 месяцев), ресурсы предприятия (оборудование, персонал, сырье, вспомогательные материалы), входные требования рынка (заказы клиентов, прогноз спроса), возможность аутсорсинга, производственные ограничения (производительность оборудования, площади складирования, минимальный и максимальный размер партий, сроки годности продукции, время переналадки оборудования, производственная мощность, возможность сверхурочной работы).

Выходными параметрами производственной программы являются объем выпуска продукции в каждом периоде горизонта планирования, используемое количество ресурсов в каждый период времени, сроки поставок сырья,

используемая мощность в каждый период времени для каждого ресурса, выполнение требований рынка, уровень обслуживания потребителей, уровень производственных запасов, объем аутсорсинга и сроки его выполнения, а также уровень целевых показателей материального потока.

Процесс тактического планирования осуществляется на основании выбранной стратегии тактического планирования (стратегия постоянной производственной мощности, стратегия отслеживания спроса, стратегия управления потребительским спросом, комбинированная стратегия) с использованием методов регулирования мощностей и методов управления материальными запасами.

Методы регулирования мощностей подразумевают применение одного или нескольких следующих походов:

Регулирование персонала

- Внутреннее перераспределение персонала;
- Сверхурочная работа;
- Гибкий график работы;
- Дополнительный отпуск персонала;
- Набор персонала;
- Сокращение персонала.

Регулирование ресурсов

- Изменение производительности оборудования;
- Простои оборудования;
- Модернизация производства;
- Инвестиции;
- Аутсорсинг.

Балансировка нагрузки:

- Регулирование объемов партий;

- Регулирование последовательности выполнения заказов;
- Использование дополнительного оборудования.

Выбор метода регулирования осуществляется в зависимости от изменений прогноза спроса на горизонте планирования. С этой целью используется матрица методов регулирования мощностей, приведенная на рисунке 2 [3].

Группы методов регулирования мощностей		Регулирование персонала	Регулирование ресурсов	Балансировка нагрузки
Горизонт регулирования мощностей	Кратко-срочный	Внутреннее перераспределение персонала Гибкий график работы	Изменение производительности оборудования Простои оборудования	Регулирование объемов партии Регулирование последовательности выполнения заказов; Использование дополнительного оборудования
	Средне-срочный	Сверхурочная работа Дополнительный отпуск персонала	Простои оборудования Аутсорсинг	
	Долго-срочный	Набор персонала Сокращение персонала	Модернизация производства Инвестиции	

Рисунок 2. Методы регулирования мощностей

Окончательный выбор метода регулирования мощностей осуществляется в соответствии с рассчитанной стоимостью плана.

Наибольшую проблему при выборе подхода регулирования мощностей представляет собой принятие решения об аутсорсинге той или иной операции.

Мотивами применения компанией аутсорсинга является снижение производственных затрат и опасение потери клиентов. Решение передачи основных операционных процессов является довольно сложным и называется «решение о вертикальной интеграции». Выбор степени и масштаба вертикальной интеграции принимается в соответствии с двумя основными критериями [1]: стратегической значимости операции и технического уровня производства.

Диаграмма 3 определяет соответствующую позицию компании и итоговые рекомендации относительно решения о вертикальной интеграции.

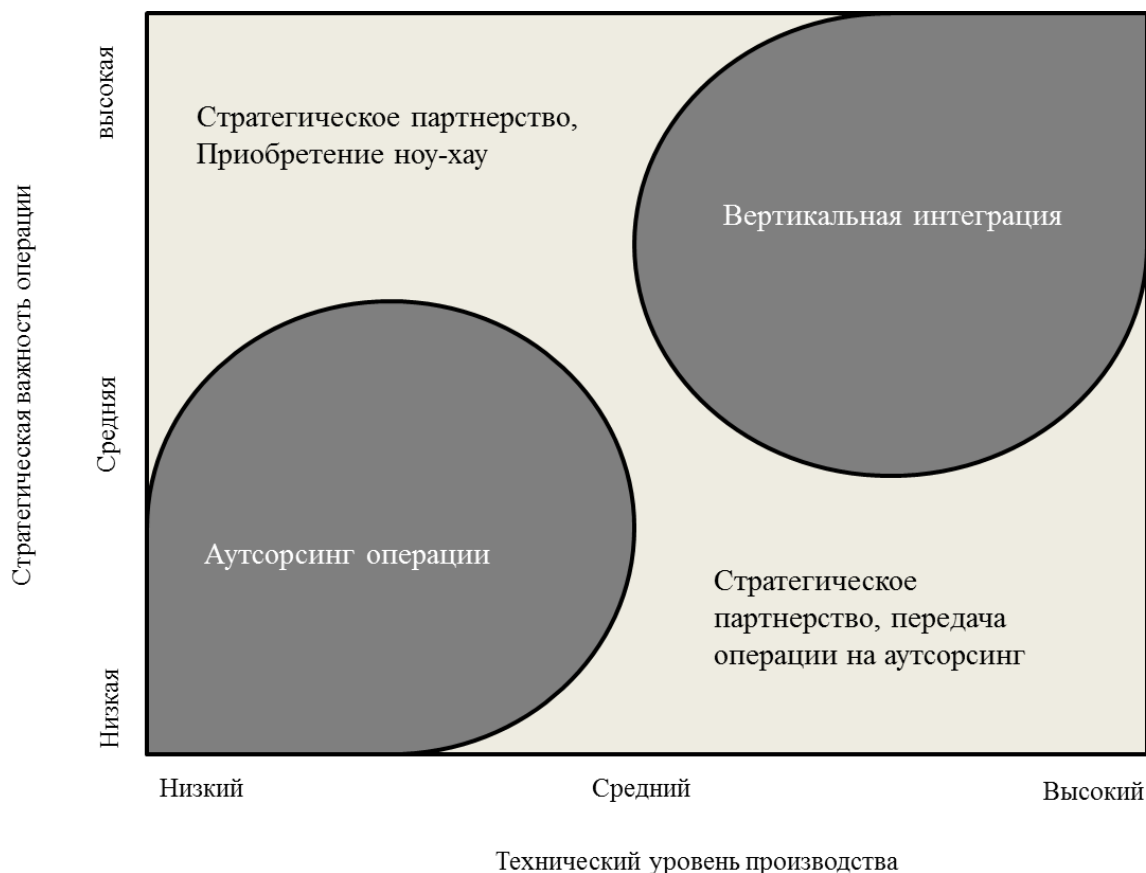

Рисунок 3. Зависимость принятия решения о вертикальной интеграции от технического уровня производства и стратегической важности операции

В соответствии с диаграммой 3 если операция является стратегически важной и компания в этой области обладает высоким техническим уровнем производства, то рекомендуется развитие вертикальной интеграции внутри компании. При низкой стратегической значимости продукта и низком техническом уровне производства желательна передача операции на аутсорсинг.

Критерии стратегической важности продукта приведены в таблице 1 [2].

Критерии оценки стратегической важности операции

п/п	Наименование критерия стратегической важности операции	Оценка
1.	Операция является критической для достижения ключевых факторов успеха в отрасли	2
2.	Высокое влияние операции для обеспечения важнейших характеристик продукта	1
3.	Высокое влияние операции на последующие стадии потока создания ценности	1
4.	Необходимость долгосрочного управления знаниями и сохранения компетенций для компании по рассматриваемой операции	2
5.	Необходимость защиты ноу-хау от конкурентов	3
6.	Неблагоприятная ситуация на рынке закупок для данной операции	2

Низкая важность – 0. Средняя важность -1-2. Высокая важность > 2

Таким образом, тактическое планирование производства является ключевой деятельностью при планировании производственных ресурсов и их распределении. На данном уровне целевые показатели операционной деятельности трансформируются в производственную программу, на основании которой формируются все остальные графики на более низком уровне планирования.

References

1. Gerybadze A. Technologie – und Innovationsmanagement. Vahlen, Stuttgart, Germany, 2004
2. Schuh G. Innovationsmanagement, Springer-Verlag, Berlin Heidelberg, Germany, 2012
3. Wiendahl H.-P Betriebsorganisation für Ingenieure, Carl Hanser Verlag München, Germany, 2010.

4. Чаруйская М.А. Развитие систем планирования и управления производством на основании конкурентной и технологической стратегий компании, журнал Управление экономическими системами, 12/2016

Kurametova M. Modern approaches to the quality management systems

Kurametova M., DBA student
Kazakh humanitarian - law university

Abstract: The modern enterprises and the organizations need to use more effectively economic, organizational and legal leverages on the formation process, ensuring and maintaining the quality at life cycle stages of goods. Various quality management systems are applied in modern conditions in the world, but for successful activity they have to provide a possibility of the key principles realization of the system quality management, mastered by the advanced international companies.

Keywords: management, enterprise, production, introduction, quality, standard, innovations.

The important place in innovative development is given to technical measures. They include a set of measures for the introduction of the quality management systems, that meet to the international standards ISO 9000, environmental management systems based on international standards ISO 14000, production certification, improved motivation of enterprises in the production of export-oriented products, the development of enterprises' metrological base, carrying out of the works on confirmation of production compliance with EU directives with the right of production marking.

Increase in technological level and production quality determines the rates of scientific and technical progress and production efficiency growth in general. The International Organization for Standardization (ISO) treats quality as set of features and characteristics of production or service which give them ability to satisfy the caused or estimated requirements[1].

As the final result, increase in production of high-quality products by the domestic enterprises has to lead to economy intensification, growth of population living standards, increase in competitiveness of the Kazakhstan goods in the internal and world markets. The modern enterprises need to learn, more effectively to use economic, organizational and legal leverages on the formation process, ensuring and maintaining of the required quality level at life cycle stages of goods.

Today various quality management systems are applied in modern conditions in the world but at present for successful activity they have to provide a possibility of the eight key principles realization of system quality management, mastered by the advanced international companies[2]

The first principle – is customer-orientation. The strategic customer orientation, accordingly providing the organization, is vitally, methodically and technically need to each organization and each enterprise, functioning in the conditions of the competitive market.

The second principle – is a role of the management. According to it the head has to create the conditions necessary for successful realization of all principles of quality management systems.

The third principle – is involvement of workers. It is one of TQM (Total Quality Management) key provisions, according to which, every worker must be involved in the quality management activities.

The fourth principle – is process approach.

The fifth principle – is system approach to the management. According to these principles production of goods, services and management is considered as set of the interconnected processes, and each process – as the system, having an entrance and an exit, own “suppliers” and “consumers” to management.

The sixth principle – is continuous improvement. Experience of the Japanese, and then American and European industry has shown that improvement must be an integral part of the management system.

The seventh principle – is decision-making, based on the facts. Realization of this principle is intended to exclude unreasonable decisions which usually call as strong-willed. It is necessary to collect and analyze actual data and to make decisions on their basis. Statistical control methods, the analysis and regulation are the most widespread now.

The eighth principle – is mutually beneficial relationship with suppliers. This principle, where its essence is obvious in the elementary cases, needs to be realized in relation to both external and internal suppliers.

Thus, modern quality management at the enterprise, irrespective of ownership form and production activity scale, should optimally combine actions, methods and means, providing on the one hand, production or rendering of service, satisfying the current demands and needs of the market, and with another - development of the new production or service capable to satisfy future demands and needs of the market.

As world experience shows, it allows achieving success not only in the sphere of production, but also at the state level. The innovation is the end result of innovative activity, which has received the embodiment in the new product or service, introduced in the market, new or improved technological process, used in practical activities, in new approach to management.

The dynamic competition, market saturation, global character of supply increase a role of scientific, innovative, technology factors which make the defining component of economic development.

Combination of technological and institutional changes was created the concept of innovative systems, according to which innovations are result not only scientific research, but also result of interaction of institutional, economic, technology and organizational factors; their optimal combination creates conditions for the effective suggestion and innovation use[3].

The concept of innovative systems is based on variety of innovation sources, considers innovative process as links of complex system, which activity is provided with a complex of institutional factors.

The first of innovation sources are scientific research and inventions which create streams of the technical ideas and provide a continuity of innovation process. The second of innovation sources – is progress of other sectors of business, for example, as a result of adaptation of achievements of science and technology. Thirdly, innovations are come up as a result of new approach to business.

These innovations create new market space, increase profitability in the existing markets. Fourthly, innovations arise by search of the new markets, and they can be formed under the influence of new technical solutions, and also be based on the improvement of existing products and services.

Innovations – are driving force of the competition. They contribute to the price competition, so they are reaction of the enterprise to market challenges. New firms have to meet the challenges of the rapidly changing market by means of innovative activity. Therefore creation of the new enterprises in branch of telecommunications and other modern business sectors is one of the most important characteristics of modern innovative process.

Besides technological innovation, mainly based on scientific research, an important role begin to play the organizational innovation, aimed at creating of the new forms of personnel and financial management, new business models, marketing. In this regard, it is appeared a new term “presentation innovations” which means innovations in the sphere of marketing and merchandising.

Today, innovative process has complicated, complex character, and the innovation is result of system of continuous person interactions, the organizations and the environment factors, where the scientific research acts as the major resource from many others. Innovative systems at the national, regional levels are become essentially new segment of modern economy.

New spheres of innovative policy – is activization of entrepreneurial activity of scientists, creation of the interaction networks of participants of innovative process, strengthening policy coordination mechanisms. Innovations are based on ability to expect market perspectives, to estimate the internal innovative capacity of the organization that assumes business management orientation.

Innovations must to be in close participant interaction of innovative process – the enterprises, the scientific institutions, public authorities, higher education institutions and so forth. Innovative process is developed in the highly competitive environment, and it demands well functioning capital market, including the venture capital, the state regulation, favoring to innovative activity (tax, customs legislations), and the mobile and qualified labor. These prerequisites form so-called frame conditions of innovative activity.

It is necessary to mark out the three main aspects of innovative policy.

The first aspect is political regulation: the innovative policy is carried out at various levels – local, regional, national and even global. Secondly, the innovative policy has branch regulation: many mechanisms of innovative policy have the general character for all industries, though their importance for separate branches can be differed[4]. The third aspect of modern innovative policy is connected with a problem of ensuring its interaction with other spheres of the state regulation: mechanisms of innovative policy are interconnected with regional, industrial, competitive and other types of policy, and they are determined by the various factors, influencing innovative activity of the enterprises.

It is possible to mark out the priorities, which have to be present in modern innovative policy of the state [5]:

- coordination of innovative policy at various levels – national, branch, regional;
- creating favorable conditions for innovative activity;
- stimulation of creation and growth of the innovative enterprises;
- improvement of interaction in innovative system;

– creation of the society, which will be opened for innovations.

For innovative activity essential value is determined by its interaction with other spheres of the state regulation. Competition policy of the state has a major impact on innovative process.

In modern conditions there is a rigid competitive fight, when it is impossible someone's principal advantage, therefore creation of the competitive environment acts as the most important stimulus of innovative activity. In these circumstances, the authorities are intended to stimulate cooperation between enterprises, academic structures, higher education institutions, which increases knowledge streams, promotes technological progress.

Strengthening of interaction of innovative policy with tax, competitive, regional, economic and other types of state policy will allow to provide qualitatively new approach, based on a priority of innovations in all spheres of the state regulation.

Thus, in order to ensure the competitiveness of national economy on the international arena it is necessary creation and providing the effective functioning of the national innovative system, including organizational structure; the infrastructure, which can be directly responsible for production and realization of the scientific and technical products; special institutional and legal space; the financial and resource block, including the organizations and legal mechanisms of financing and resource support for all stages of the innovation cycle; stimulation system, training and retraining of personnel for innovative activity; management system and regulation.

References:

1. Petrukhina E.V. Models and methods of strategic management of corporate innovative systems, “Fundamental research” Journal. 2015 - No. 2-7, page 1452 - 1459
2. Bystrov V.A., Borisova T.N., Grekova N.Yu., Tregubova O.G. Leading role of scientific and technical progress in human resource management. Herald of Siberian State Industrial University. 2016 No. 2 (16), page 67 – 71

3. Nagapetyants N.A., Nikonorova A.V. Investment of innovative activity as means of competitiveness strengthening of the organizations, “Academy Herald” of Moscow Academy of Business at the Government of Moscow, 2014 No. 1.

4. Utegenov E.K. Formation of the company management systems. Collection “Features and problems of business administration in Kazakhstan”, Almaty, 2011.

5. Hakimova K.R. Modern approaches to management of the innovative and investment activity of the enterprise. Actual problems of economy and management. 2015 No. 1 (05), page 74 – 78.

Ovanesyan S. Mathematical models of accumulating funds on personal bank accounts

Ovanesyan Sergey

Professor, Doctor habil. In Economics,

Honored Economist of the Russian Federation,

A.A. Ezhevsky Irkutsk State Agrarian University

Abstract: The article offers mathematical models of calculating the accrued amounts on deposits in a commercial bank. It considers the cases in which monthly payments on deposits are constant during the whole period of accumulation; when the amount of monthly contribution are annually increased by a constant value; when monthly deposits are of varying amounts, including zero ones. It is the first time this task has been accomplished in such an interpretation. Knowing the values of the monthly rate of the bank deposit and the value of monthly payments to the bank, the derived formulae makes it possible to calculate the amount of accumulated sum on the personal account for any pre-determined period (a year, a month).

Keywords: model of accumulation, personal bank accounts

It is assumed that working citizens have monthly incomes that enable them to invest some part of it into a commercial bank. It is required to build mathematical models that will determine the amount accrued for a particular month or a year. The need for such information arises whenever a decision made on acquisition of some expensive equipment, an apartment, and other items.

Let's denote through V the amount of the monthly contribution, through d – the monthly rate of the bank deposit. Then, the sum accumulated on the account in the first month is equal to V , i.e.

$$N_0 = V. \quad (1)$$

In the second month:

$$N_1 = 2V + dN_0 = 2V + dV = V(2 + d). \quad (2)$$

In the third month:

$$N_2 = 3V + dN_1 = 3V + dV(2 + d) = V[3 + 2d + d^2]. \quad (3)$$

In the fourth month:

$$N_3 = 4V + dN_2 = 4V + dV(3 + 2d + d^2) = V[4 + 3d + 2d^2 + d^3]. \quad (4)$$

Summarizing (1) ÷ (4), for the t-th month, we get the following formula:

$$N_{t-1} = V \sum_{i=0}^{t-1} (t-i)d^i, t = 1, 2, 3 \dots \quad (5)$$

$$N_{t-1} = VA_{t-1}, \quad (6)$$

We will convert the formula (5) by after rewriting it preliminary as follows:

$$\text{where } A_{t-1} = \sum_{i=0}^{t-1} (t-i)d^i. \quad (7)$$

$$\text{Further } A_{t-1} = t \sum_{i=0}^{t-1} d^i - \sum_{i=0}^{t-1} id^i, \quad (8)$$

The sum in the first summand of the formula (8) is the sum of exponentials ($d < 1$), equal to -

$$\sum_{i=0}^{t-1} d^i = \frac{1-d^t}{1-d}. \quad (9)$$

It is more complicated with the second summand, that's why we will take the following step. Let's consider the sum

$$B = \sum_{i=0}^{t-1} id^{i+1}, \quad (10)$$

and take its first derivative over d -

$$\frac{dB}{dd} = \sum_{i=0}^{t-1} (i+1)d^i. \quad (11)$$

Then

$$\sum_{i=0}^{t-1} (i+1)d^i = \sum_{i=0}^{t-1} id^i + \sum_{i=0}^{t-1} d^i, \quad (12)$$

From (12) it follows

$$\sum_{i=0}^{t-1} i d^i = \sum_{i=0}^{t-1} (i+1) d^i - \sum_{i=0}^{t-1} d^i.$$

Or

$$\sum_{i=0}^{t-1} i d^i = (\sum_{i=0}^{t-1} d^{i+1})' - \sum_{i=0}^{t-1} d^i. \quad (13)$$

Both summands on the right side of the formula (13) contain the sum of the members of the diminishing exponentially with the denominator d . And the first term is a derivative of sum by d .

Denote the first sum of progression through the members with C , and take its first derivative over d .

$$\sum_{i=0}^{t-1} d^{i+1} = \frac{d(1-d^t)}{1-d} = C \quad (14)$$

$$\begin{aligned} \frac{dC}{dd} &= \frac{[d(1-d^t)]^1(1-d)+d(1-d^t)}{(1-d)^2} = \frac{[(1-d)^t - t d t^{t-1}](1-d)+d-d^{t+1}}{(1-d)^2} = \\ &= \frac{(1-d^t - t d^t)(1-d)+d-d^{t+1}}{(1-d)^2} = \frac{1-d^t - t d^t - d + d^{t+1} + t d^{t+1} + d - d^{t+1}}{(1-d)^2} = \frac{1-d^t - t d^t + t d^{t+1}}{(1-d)^2} \end{aligned} \quad (15)$$

Substitute (15) (13), taking into account the formula number (9) -

$$\begin{aligned} \sum i d^i &= \frac{1-d^t - t d^t + t d^{t+1}}{(1-d)^2} - \frac{1-d^t}{1-d} = \frac{1-d^t - t d^t + t d^{t+1} - (1-d^t)(1-d)}{(1-d)^2} = \\ &= \frac{1-d^t - t d^t + t d^{t+1} - (1-d^t - d + d^{t+1})}{(1-d)^2} = \frac{1-d^t - t d^t + t d^{t+1} - 1 + d^t + d - d^{t+1}}{(1-d)^2} = \frac{t d^{t+1} - t d^t + d - d^{t+1}}{(1-d)^2} \end{aligned} \quad (16)$$

Substitute now (16) (8) and take into account the formula number (9) -

$$\begin{aligned} A_{t-1} &= \frac{t(1-d^t)(1-d) - t d^{t+1} + t d^t - d + d^{t+1}}{(1-d)^2} = \frac{(t - t d^t)(1-d) - t d^{t+1} + t d^t - d + d^{t+1}}{(1-d)^2} = \\ &= \frac{t - t d^t + d t + t d^{t+1} - t d^{t+1} + t d^t - d + d^{t+1}}{(1-d)^2} = \frac{t - d t - d + d^{t+1}}{(1-d)^2} = \frac{t - d t - d + d^t}{(1-d)^2} = \frac{t(1-d) - d(1-d^t)}{(1-d)^2} \end{aligned} \quad (17)$$

Let's substitute (17) into the formula (6) and finally get an expression that will allow to calculate the amount of the sum accumulated on the personal account for any month given in advance -

$$N_{t-1} = V \frac{t(1-d)-d(1-d^t)}{(1-d)^2}, t = 1, 2, 3, \dots \quad (18)$$

It is easy to notice that the formula (18) contains the part independent of the deposit amount which does determine value of the growth ratio dependent only on bank deposit rate and accumulation time. This part of the formula can be called an income-generating function and it can be denoted through D_t

$$D_t = \frac{t(1-d)-d(1-d^t)}{(1-d)^2}, t = 1, 2, 3, \dots$$

The latter formula allows to precisely calculate the value of D_t and, consequently, that of N_{t-1} . But given that the rate of bank deposit, in the month-to-month terms, there is a very small value, of the hundredth or tenth order of the unit, while the capital accumulation on the personal accounts is a rather big value, of the tenth or hundredth order of the unit, so the summand in the numerator of the formula d^t can be neglected without losing a sufficient degree of accuracy in practical calculations. And then the formula is simplified to

$$N_{t-1} = V \frac{t(1-d)-d}{(1-d)^2}, t = 1, 2, 3, \dots$$

and becomes convenient for use.

Let's us now consider the case where the deposit amount will grow annually by the specified amount.

Then the deposit amount on the personal account for the first year will be:

$$K_1 = V \frac{12(1-d)-d(1-d^{12})}{(1-d)^2}, t = 1, 2, 3, \dots \quad (19)$$

Let's denote through D_1 the income-generating function for one year

$$D_1 = \frac{12(1-d)-d(1-d^{12})}{(1-d)^2}, \quad (20)$$

then the formula (19) in view of (20) looks like

$$K_1 = VD_1 \quad (21)$$

The formula (21) makes it possible to calculate the accumulated amount after the i -th year since the moment of opening the account.

Let's denote through K_i the amount of the accumulated amount in the i -th year. Then we will (21) rewrite (21) as follows:

$$K_1 = V_1 D_1 \quad (22)$$

Let's assume that by the beginning of the second year the deposit increase amounts to pV_1 i.e. the monthly deposit is equal to V_2

$$V_2 = V_1 + pV_1 = (1 + p)V_1. \quad (23)$$

Then the accumulated amount only for the second year will be

$$K_2 = V_2 D_1 = d(1 + p)V_1 D_1 \quad (24)$$

$$\text{Next, } V_3 = V_2 + pV_2 = V_2(1 + p) = (1 + p)(1 + p)V_1 \quad (25)$$

$$\text{and } K_3 = d(1 + p)^2 V_1 D_1. \quad (26)$$

By generalizing (22), (24) and (26), we will obtain a common formula that can calculate the accumulated amount only for the i -th year.

$$K_i = d(1 + p)^{i-1} V_1 D_1, i = 1, 2, 3, \dots \quad (27)$$

In order to calculate the total accumulated amount during T years, It's necessary to sum up the accumulated values for each year starting with the first and up to T -th, i.e.

$$K_T = \sum_{i=1}^T K_i = \sum_{i=1}^T d(1+p)^{i-1} V_1 D_1 = dV_1 D_1 \sum_{i=1}^T (1+p)^{i-1}. \quad (28)$$

On the right part of the formula (28) the sum of growing exponentials, the magnitude of which being posted, converts a formula (28):

$$K_T = dV_1 D_1 \frac{(1+P)^T - 1}{P}. \quad (29)$$

Or, by substituting the expression for D_1 , in formula (29), we will finally obtain:

$$K_T = dV_1 \frac{(1+P)^T - 1}{P} * \frac{12(1-d) - d(1-d)^{12}}{(1-d)^2}, T = 1, 2, 3, \dots \quad (30)$$

Let's denote through V_i the monthly payments into the deposit, and through W_i the accumulated sum in the i -th month. Then, during the first month it will be

$$W_0 = V_0. \quad (31)$$

Thus, knowing the amounts of the of the bank deposit monthly rate, the initial value of the deposit and the size of its annual growth rate, the formula (30) makes it possible to calculate the size of the accumulated sum for any year given in advance.

Let's now consider the case where the monthly deposits will be spontaneous.

During the second month:

$$W_1 = V_1 + V_0(1 + d). \quad (32)$$

During the third month:

$$W_2 = V_2 + V_1(1 + d) + V_0(1 + d + d^2). \quad (33)$$

During the fourth month:

$$W_3 = V_3 + V_2(1 + d) + V_1(1 + d + d^2) + V_0(1 + d + d^2 + d^3). \quad (34)$$

By generalizing the expressions with the numbers (31) ÷ (34) for t -th month, we will obtain the following formula:

$$W_{t-1} = V_0 \sum_{i=0}^{t-1} d^i + V_1 \sum_{i=0}^{t-2} d^i + V_2 \sum_{i=0}^{t-3} d^i + \dots + V_{t-1}, t = 1, 2, 3 \dots \quad (35)$$

Or,

$$W_{t-1} = \sum_{j=0}^{t-1} V_j \sum_{i=0}^{t-1-j} d^i, t=1, 2, 3, \dots \quad (36)$$

Let's simplify the formula (36), replacing in it the second sum as the sum of exponentials with the denominator d , and we will obtain

$$W_{t-1} = \sum_{j=0}^{t-1} V_j \frac{1-d^{t-j}}{1-d}, t=1, 2, 3, \dots \quad (37)$$

Thus, if a citizen transfers a sum every month equal to V_j , $j = 0, 1, 2, \dots, t$, the amount of the accumulated funds on the personal account for t months can be calculated according to the equation (37). Let's remark that it is not necessary to transfer a particular sum to the bank on a monthly basis. If the money is not transferred during a month or another, then the variable V_j will take a zero value in the mathematical model for the respective months.

Zarutskaya E. Business Ethics & Research Business: Points of Contact

Деловая этика и исследовательский бизнес: точки соприкосновения

Zarutskaya Ekaterina

PhD in Economics, Assistant Professor, Department of Management,
Tver State University

Заруцкая Екатерина

Кандидат экономических наук, доцент кафедры Менеджмента,
Тверской государственный университет

Abstract: Research business in its operations must follow the standards of business ethics which often are not adhered to in practice. This brings forward the question of increasing the role and importance of business ethics and forming the ethical system of a research company.

Keywords: business ethics, research business, stakeholders, ethical dilemmas, ethical standards, operating ethics of organisation, interviewer ethics, respondent ethics, ethical level of organisation, ethical code.

Аннотация: Исследовательский бизнес в своей деятельности должен следовать нормам деловой этики, которые на практике часто не соблюдаются. В связи с этим встает вопрос о повышении роли и значимости деловой этики, а также формировании этической системы исследовательской компании.

Ключевые слова: деловая этика, исследовательский бизнес, стейкхолдеры, этические дилеммы, этические нормы, нормативные нормы, этика деятельности организации, этика деятельности интервьюера, этика деятельности респондента, этический уровень организации, этический кодекс.

В последнее время в бизнесе стало актуально обсуждение и рассмотрение вопросов этики в деловой практике, возможностей, особенностей и необходимости ее применения. Несмотря на то, что большинство участников бизнеса считают, что соблюдение важно и необходимо, практика показывает, что на деле это далеко не всегда так.

Деловая этика рассматривается как совокупность моральных принципов, норм и ценностей, которыми должна руководствоваться деятельность организаций и их сотрудников в сфере управления и бизнеса. Но, при этом важно понимать, что деловая этика – это не только простой набор определенных

моральных стандартов и норм. Она является инструментом анализа и решения проблем, которые встают перед человеком, занимающимся бизнесом.

Исследовательская сфера¹, как и любая другая сфера бизнеса, имеет свою специфику. Поэтому она базируется не только на общечеловеческой морали и деловой этики в целом, но и на нормах, предписаниях, правилах поведения и оценках морального облика представителя этой сферы деятельности – исследователя (профессиональная этика).

К настоящему времени сложились различные подходы к пониманию важности и необходимости использования норм деловой этики в бизнесе. Первый подход – позиция делового прагматизма – исходит из того, что в деловой жизни этика не нужна, т.к. ее роль исключительно экономическая, направленная «... на увеличение прибыли, при условии, что он [бизнес] придерживается правил игры... [и] участвует в открытой конкурентной борьбе, не прибегая к мошенничеству и обману». Суть данного подхода определяется тезисом: «Нравственно все, что экономически эффективно».

Второй подход – этический, с позиции заинтересованных лиц (стейкхолдеров), согласно которому организация несет обязательства этического характера, но только перед определенными группами лиц (заказчиками, деловыми партнерами, общественностью). Это определяется тем, что стейкхолдеры способны оказывать существенное влияние на достижение целей организации, поэтому руководству приходится уравнивать внутренние экономические цели с социальными, этическими и экономическими интересами стейкхолдеров.

Третий подход является более цивилизованным – позиция соблюдения этических норм (социально-этичный). Поскольку деловая организация является элементом общества, то она должна разделять этические нормы, принятые в нем.

¹ Исследовательская сфера включает компании, занимающиеся организацией и проведением маркетинговых и социологических исследований.

Сторонники подходов приводят различные доводы и доказательства своих точек зрения. Традиционно называют следующие преимущества, которые получают организации, придерживающиеся этической линии поведения:

- моральное обязательство каждого элемента общества вести себя правильно;
- благоприятные для бизнеса долгосрочные перспективы: возрастает доверие к организации, возможность получить более выгодные заказы и пр.;
- этичное поведение является средством создания и поддержания положительного имиджа;
- изменение потребностей и ожиданий широкой публики по отношению к субъектам бизнеса.

В тоже время традиционно называют и недостатки такой политики для организации:

- деловая этика ограничивается исключительно законным ведением бизнеса;
- управленческие решения, принятые с учетом моральных являются более «дорогими», т.к. к ним предъявляются более высокие требования (например, по срокам выполнения исследования, его стоимости, открытости методик проведения);
- несмотря на долгосрочные перспективы, компании зачастую проигрывают в краткосрочном периоде (конкурентной борьбе) и в первую очередь из-за «дороговизны» этических решений;
- следование этическим нормам не гарантирует аналогичной модели поведения со стороны других участников бизнеса.

Специалисты приводят основные причины неэтичной практики ведения дел в бизнесе. Во-первых, это конкурентная борьба, которая оттесняет этические соображения. Во-вторых, отсутствие системы вознаграждения руководителей различных уровней за этичное поведение. В-третьих, общее снижение значения этики в обществе, что оправдывает неэтичное поведение на рабочем месте. В-четвертых, идеальные (этические) нормы часто вступают в конфликт с

реальными нормами поведения людей. И если встает выбор перед руководителем между моральными и материальными ценностями, то он не всегда завершается соблюдением этических норм в организации. В-пятых, наличие этических дилемм, когда заведомо нет очевидного «правильного» решения, при котором выигрывают все. Они возникают в ситуации, когда все альтернативные решения или варианты поведения из-за своих потенциально негативных моральных последствий являются нежелательными, когда трудно отличить хорошее от плохого.

Тем не менее, современная практика показывает, что исследовательская компания должна нести обязательства этического характера по отношению к следующим субъектам внешней среды: заказчики, респонденты, общественность, деловые партнеры, конкуренты (рис. 1).

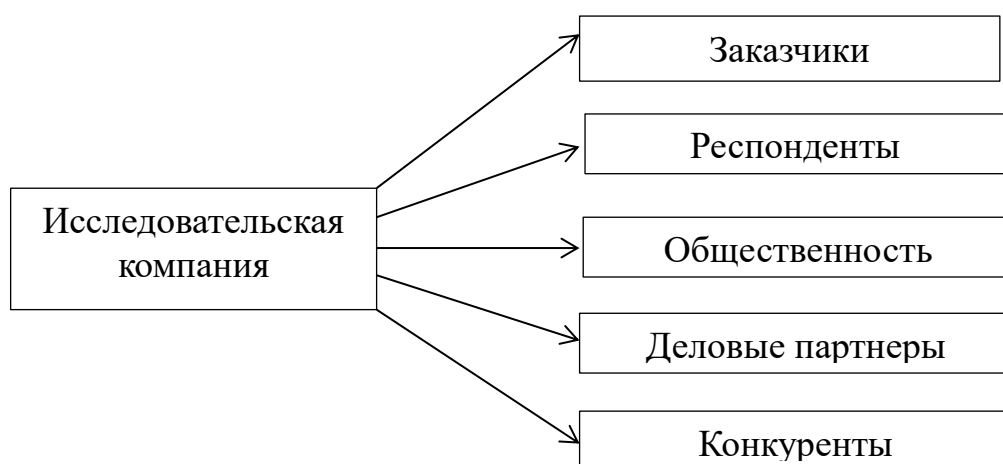

Рисунок 1. Субъекты внешней среды, по отношению к которым исследовательская компания несет обязательства этического характера

исследовательская компания несет обязательства этического характера

Из-за сложности во взаимодействии исследовательской компании с вышеуказанными субъектами, возможно нарушение этических норм в различных его аспектах. Рассмотрим их.

I. Исследовательская компания – заказчик:

1. Злоупотребление исследователем своим положением, которое объясняется асимметрией информации по поводу методологии проведения исследования.

Оно может проявляться:

- в проведении ненужного исследования;
- в использовании нерепрезентативной выборки, неподходящих методов;
- в несоответствующем использовании статистических процедур;
- некорректной разработке инструментария, проведении проверки полевых работ и пр.

2. Нарушения в организационных аспектах сотрудничества, которые проявляются:

- в завышении стоимости проекта;
- в разглашении личных сведений организации-заказчика;
- в нарушении конфиденциальности полученных данных (разглашение конкурентам, повторное использование в следующих исследовательских проектах).

II. Исследовательская компания – респонденты:

- невыполнение обещания об анонимности;
- дальнейшее использование контактов (продажи под видом исследования (sugging));
- искажение методологии исследования (продолжительность интервью, невыполнение обещания вознаграждений за участие в исследовании);
- наблюдение за человеком без согласия;
- излишне персонализированные вопросы и темы;
- работа с респондентами в неудобное для них время;

III. Исследовательская компания – общественность:

- неточность результатов исследования (например, вследствие нарушения методики проведения исследования);

- предвзятость в проведении исследования (необъективно выполненное исследование, приводящее к неверным данным);
- сокрытие негативной информации, которую может плохо воспринять широкая общественность;

IV. Исследовательская компания – деловые партнеры (поставщики, финансовые структуры и пр.):

- невыполнение данных обязательств;
- нечестное ведение переговоров;
- сокрытие фактов и неверная информация в отчетах и проведении проверок;
- прямой обман при проведении деловых переговоров и пр.

V. Исследовательская компания – конкуренты:

- искажение сведений о конкурентах;
- искажение сведений о качестве предоставляемых услуг конкурентами;
- снижение стоимости исследования за счет снижения качества исследования;
- шпионаж и пр.

Исследовательская компания в своем поведении во внутренней и внешней среде руководствуется широким спектром норм, которые определяют ее действия. В целом, система регулирования поведения руководства компании как субъекта управления и рядовых сотрудников включает две группы: нормативные и этические:

- нормативные нормы регламентируются писаными законами и правилами, и регулируют нормативное поведение руководителей (законы, постановления, указы, а также распоряжения и приказы, инструкции, трудовые договора и пр.);
- этические нормы, правила и ценности этики (религиозные ценности, традиции, убеждения сотрудников и пр.).

Нельзя утверждать, что все правовые нормы являются отражением этических взглядов. Даже если определенные действия разрешены законом,

далеко не всегда они будут относиться к разряду этических. С другой стороны, далеко не все этические нормы прописаны в нормативных документах. А это значительно снижает вероятность их соблюдения и усложняет процедуру контроля за их выполнением. Выделяют три варианта соотношения нормативных и этических норм:

- этические и нормативные нормы соответствуют друг другу, что облегчает их выполнение (например, соблюдение законов (законопослушание этично));
- этические нормы нарушаются, но действия не противоречат нормативной, законодательной системе;
- поведение субъекта бизнеса одновременно является и аморальным, и противоречащим закону.

Более того, не всегда есть четкие критерии, которые позволяют оценить ситуацию и отнести их к разряду этических/неэтических.

В связи с этим встает вопрос о необходимости разработки и внедрения в деятельность исследовательской организации системы приверженности нормам деловой этики. В этой связи важно понимать комплексность изучения данного вопроса, а именно в разрезе четырех уровней, представленных на рис. 2. При этом каждый последующий уровень испытывает влияние со стороны предыдущих.

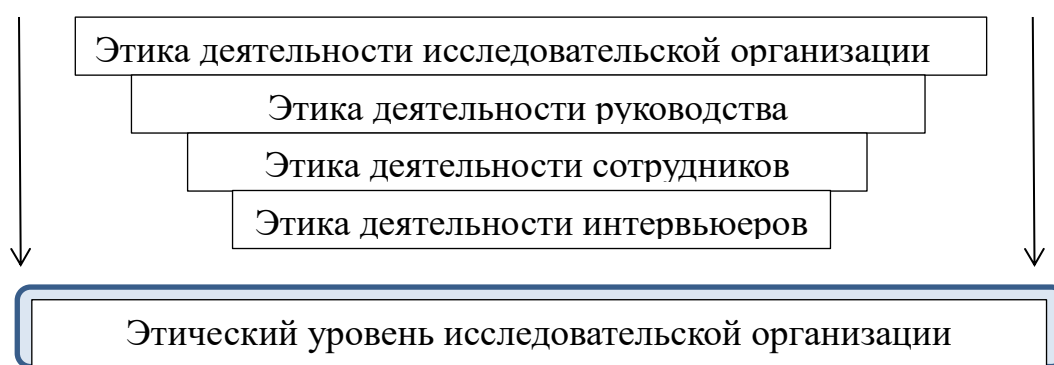

Рисунок 2. Этическая система исследовательской компании и ее уровни

Этика деятельности организации определяется в первую очередь теми моральными нормами и групповыми ценностями, традициями, убеждениями, религиозными ценностями, которые «прописаны» корпоративной культурой компании и которые разделяются сотрудниками организации. Причем важно понимать, что организационная культура, и соответственно весь набор этических элементов компании может складываться не только в результате целенаправленных усилий руководства и ответственных за это сотрудников, но и стихийно, в том случае, если никто этому вопросу не уделяет должного внимания. В последнем случае будет складываться не та система, которая нужна руководству, а та, которую «выберет» коллектив или его часть.

Три нижних уровня этической системы исследовательской организации (см. рис. 2), включающие этику деятельности руководства, сотрудников организации и интервьюеров, определяются набором этических норм, представленных в табл. 1.

Таблица 1

Структура профессиональной этики сотрудников исследовательской организации

№	Виды этических норм (виды этики)	Руководитель	Рядовые сотрудники	Интервьюеры
1.	Индивидуальная этика	+	+	+
2.	Этика руководителя	+		
3.	Этика профессии	+	+	+
4.	Корпоративная этика	+	+	+

Профессиональная этика – это вид трудовой морали общества, выступающий перед личностью в виде норм, предписаний, правил поведения, оценок морального облика представителей различных профессий. Исследовательское сообщество, как и многие другие профессиональные группы, выработали определенные этические нормы и принципы, а также правила их соблюдения. К ним относятся такие требования к моральной регламентации, как

коллективный характер труда, преемственность и сопоставимость результатов, конфиденциальность проблем исследования, социально-политическая и гражданская значимость результатов. Они также касаются принципов проведения опросов населения, использования результатов в социальной практике и принятии решений в общественном и частном секторе, а также направлены на улучшение понимания населением исследовательских методов и приемлемого использования результатов таких исследований.

Важнейшим фактором, влияющим на этичность решений организации, является поведение ее высшего руководства, которое должно демонстрировать преданность этическим ценностям и служить образцом для подражания. При этом формальные документы, регламентирующие этическое поведение сотрудников, не принесут никакой пользы, если лидеры организации сами не действуют по высоким стандартам этического поведения. Этика руководителя (управленческая этика) – это совокупность принципов, на основе которых они руководствуются в выборе управленческих решений, определяют их правильность с моральной точки зрения. Этика руководителя основывается на нравственности должностного лица, его ответственности, поддержании профессиональной чести, самоидентификации с профессиональной группой.

Управленческая этика регулирует:

- моральную сторону взаимодействия руководителя с субъектами внешней среды
- моральные и нравственные аспекты процесса управления руководителем как коллективом в целом, так и отдельным сотрудником;
- моральную сторону отношений между менеджерами организации, находящимися на одном или разных иерархических уровнях.

К нравственно-психологическим качествам руководителя относят:

- высокий профессионализм (управленческая компетентность), культура;
- ответственность и надежность;

- уверенность в себе, умение влиять на своих подчиненных;
- самостоятельность;
- эмоциональная уравновешенность и стрессоустойчивость;
- коммуникабельность, обязательность, близость с подчиненными;
- терпимость к слабостям работников;
- приоритет личного примера в работе с подчиненными;
- взаимное уважение;
- разумное отношение к критике;
- поддержка инициатив работников;
- адекватная оценка вклада работников в трудовой процесс.
- уважение права других быть самостоятельным;
- надежность и честность;
- справедливость;

Индивидуальная (персональная этика) определяется индивидуальными, прежде всего, моральными качествами, личным жизненным и профессиональным опытом, наличием перед его глазами образцов для подражания и, главное, стремлением человека к этическому поведению. Индивидуальную этику человека отражают следующие положения:

- уважение права других;
- надежность и честность;
- уважение к социальному порядку, добровольное подчинение закону;
- справедливость;
- отказ от несправедливого преимущества над другими;
- предупреждение вредных последствий.

Вышеперечисленные уровни этики в компании определяют в конечном итоге ее этический уровень, который характеризуется степенью ориентации руководителей и ее сотрудников в своем поведении и принятии решений на

нравственные нормы деловых отношений. Существуют различные пути повышения этического уровня в исследовательской компании. Важно, чтобы формирование этической системы и ее внедрение в практику организации представляло собой системный процесс, включающий постановку целей, прописание этических норм и ценностей, которые компания определила как значимые, и которые должны соблюдаться в организации, создание условий реализации норм, включая контроль за их соблюдением.

Для повышения уровня этичности сотрудников исследовательской компании в настоящее время в организациях проводятся следующие мероприятия.

Во-первых, разрабатываются этические кодексы, которые описывают систему общих ценностей и норм этики организации, которых должны придерживаться ее работники. Обычно их доводят до работников в виде печатных материалов. Чтобы сделать этические кодексы более действенными, в организациях обычно принимают и определенные дисциплинарные меры, направленные на наказание за нарушение кодекса и поощрение поступков, совершенных в соответствии с правилами этического кодекса.

Формирование этических норм должно основываться на уже существующих этических профессиональных кодексах. Основными «законодателями» норм являются такие уважаемые международные организации, как WAPOR – World Association for Public Opinion Research (Всемирная ассоциация исследователей общественного мнения), ESOMAR – European Society for Opinion and Marketing Research (Европейское общество по исследованию общественного мнения и маркетинговым исследованиям), AAPOR – American Association for Public Opinion Research (Американская ассоциация исследователей общественного мнения). В то же время в России практически отсутствует законодательство, которое более или менее прямо

регулирует взаимоотношение исследователя и общества. Некоторый свод этических правил принят Российским обществом социологов.

Во-вторых, личный пример руководства, его поступки и речи также являются очень действенным инструментом повышения этического уровня организации.

В-третьих, для конкретизации этических кодексов разрабатываются карты этики – набор этических правил и рекомендаций, конкретизирующих этический кодекс организации для каждой категории сотрудников.

В-четвертых, в кодексе невозможно предугадать все случаи возникновения этических проблем, поэтому необходимо проводить обучение персонала приемам этической оценки осуществляемых действий. В ходе обучения работники знакомятся с требованиями этики деловых отношений, что повышает их восприимчивость к этическим проблемам, которые могут перед ними возникнуть, осваивают набор готовых решений, укладывающихся в рамки этических требований. Все мероприятия по проведению семинаров или других программ по формированию навыков этического поведения должны проходить при ведущей роли менеджеров высшего звена.

Итак, этические нормы и ценности организации могут сообщаться ее сотрудникам разными способами – в опубликованных документах, заявлениях и речах руководителей, а также путем их личного примера.

В целом, любые мероприятия, проводимые для повышения этического уровня исследовательской компании, прежде всего, должны базироваться на понимании и желании руководства совершенствовать организацию в данном направлении. Можно разработать этический кодекс и этические карты, прописать этические нормативы, но они не будут работать, если на это нет «воли» руководства. Поэтому необходимо на всех уровнях управления подчеркивать значение этичного поведения и его влияния на получаемые результаты и поощрения.

References

1. Аблизова Т.Г. Этические аспекты работы маркетолога //Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 3, 2012.
2. Кибанов, А.Я. Этика дел. отношений: Уч. 2-е изд., исп. и доп. / А.Я. Кибанов, Д.К. Захаров, В.Г. Коновалова. – М.: Инфра-М, 2008. - 432 с
3. Малхорта, Нэреш К. Маркетинговые исследования. Практическое руководство, 3-е издание.: Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2002. – 960 с.
4. Социология. Основы общей теории: Учебник для вузов /Отв. ред. академик РАНГ. В. Осипов, действительный член РАЕНЛ. Н. Москвичев. – М.: Норма, 2003. – 912 с.
5. Основы эстетики и этики: курс лекций: [учебное пособие для студентов, обучающихся по программе бакалавриата по направлениям подготовки 02100 "Химия", 020400 "Биология", 022000 "Экология и природопользование", 032700 "Филология (русский язык и литература)", 032700 "Филология (романо-германская филология)", 030300 "Психология" и по специальности 030401 "Клиническая психология"] /под общ. ред. Л. А. Закса, Н. К. Эйнгорн. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. – 259 с.
6. Рогозин Д.М., Ипатова А.А. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов? М.: Радуга, 2015. — 124 с.

Scientific edition

International Education Social Sciences and Humanities Research Conference

Conference Proceedings

March 31th 2017

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Edited according to the author's original texts

Format 60x84/16. Conventional printed
sheets 8,5
Circulation 100 copies
The publisher Sole proprietorship N.A.
Krasnova
Adress: USA, Los Gatos (CA) 15951
Gatos Blvd., Suite 16 Los Gatos, CA
95032